

СУМЕРКИ

Стефани
Майер

Annotation

Девушка-подросток Белла Свон, чтобы не мешать новому семейному счастью своей матери, переезжает к отцу в Форкс — провинциальное городишко, затерявшийся в густых и влажных лесах штата Вашингтон. В местной школе Белла встречает невероятно красивого юношу, которому удастся не на шутку заинтриговать ее. Отношения с Эдвардом затягивают Беллу все глубже и постепенно становятся для нее осью, вокруг которой вертится мир. Но от счастья взаимной любви героев отделяет серьезная преграда: Эдвард — вампир, и его жестокая сущность властно требует крови девушки. Белла постоянно рискует жизнью, находясь рядом с ним...

«Сумерки» — первая книга знаменитой вампирской саги Стефани Майер. К сожалению, официальный русский перевод ее, выпущенный издательством АСТ, страдает множеством искажений и неточностей, кроме того, дает неверное представление о стиле оригинала. Новый перевод "Сумерек" намного точнее передает дух и букву книги.

С сайта
<http://twilighters.ru/forum/forum88/topic1347/messages/>

Обложка: M_a_r_i_n_A (Для обложки использован рисунок justalenor, спасибо ей).

-
- [Стефани Майер.](#)
  - [Вступление](#)
  - [Глава 1. Первый взгляд](#)
  - [Глава 2. Открытая книга](#)
  - [Глава 3. Человек-загадка](#)
  - [Глава 4. Приглашения](#)
  - [Глава 5. Группа крови](#)

- [Глава 6. Страшные сказки](#)
  - [Глава 7. Кошмар](#)
  - [Глава 8. Порт-Анджелес](#)
  - [Глава 9. Теория](#)
  - [Глава 10. Расспросы](#)
  - [Глава 11. Осложнения](#)
  - [Глава 12. Точка равновесия](#)
  - [Глава 13. Признания](#)
  - [Глава 14. Победа духа](#)
  - [Глава 15. Каллены](#)
  - [Глава 16. Карлайл](#)
  - [Глава 17. Игра](#)
  - [Глава 18. Охота](#)
  - [Глава 19. Прощания](#)
  - [Глава 20. Нетерпение](#)
  - [Глава 21. Телефонный звонок](#)
  - [Глава 23. Ангел](#)
  - [Глава 24. Тупик](#)
  - [Эпилог. Важный повод](#)
  - [Благодарности](#)
-

Стефани Майер. Сумерки

*А от дерева познания добра и зла
Не ешь от него,
Ибо в день, в который ты вкусишь
от него,
Смертью умрешь.*

Бытие 2:17

Посвящаю моей старшей сестре Эмили —
Без ее энтузиазма эта книга, наверное, так
и не была бы закончена.

Вступление

Я нечасто думала о том, какая мне выпадет смерть, хотя за последние месяцы поводов находилось достаточно. Но даже начни я размышлять об этом, вряд ли смогла бы вообразить для себя *такой* финал.

Не дыша, я вглядывалась в темные глаза охотника, стоявшего на том конце длинного зала. Он в ответ приветливо смотрел на меня.

Конечно, это неплохой способ закончить жизнь — умереть вместо другого человека, вместо того, кого любишь. Благородный, по крайней мере. Наверняка мне это зачтется.

Я знала, что если бы я не поехала в Форкс, мне не пришлось бы сейчас стоять лицом к лицу со смертью. Но даже страх не мог заставить меня раскаяться в принятом когда-то решении. Если жизнь предлагает тебе то, что превосходит самые смелые мечты, нет смысла сожалеть ни о чем, когда приходит час расплаты.

Охотник дружески улыбнулся и не спеша двинулся в мою сторону. Сейчас он меня убьет.

Глава 1. Первый взгляд

Мама везла меня в аэропорт. Мы открыли все окна в машине — в Финиксе было двадцать пять градусов тепла, над головой стояло безоблачное голубое небо. На мне была белая кружевная блузка без рукавов, моя любимая, — я надела ее в качестве прощального жеста. Теплую куртку предстояло взять в салон самолета.

На северо-западе штата Вашингтон, на полуострове Олимпия, есть маленький городок Форкс. Небо здесь почти всегда затянуто облаками, а дождь идет чаще, чем в любом другом месте Соединенных Штатов. Именно отсюда, из этого города с его вездесущим унылым полумраком мама сбежала вместе со мной, когда я была еще младенцем. Именно здесь меня каждый год заставляли проводить один из летних месяцев. Но когда мне исполнилось четырнадцать, я заявила о своих правах, и последние три года мой отец Чарли возил меня на пару каникулярных недель в Калифорнию.

И именно в Форкс, внутренне цепенея от ужаса, я отправлялась сейчас в добровольную ссылку. Форкс я ненавидела.

Я любила Финикс, любила солнце и изнуряющую жару. Любила этот просторный, жизнелюбивый город.

— Белла, — в тысячный раз сказала мама перед самой посадкой, — Ты вовсе не обязана это делать.

Мама очень похожа на меня, разве что у нее волосы коротко острижены и от смеха выступают лучистые морщинки. Я заглянула в ее широко открытые детские глаза и на мгновение испугалась. Как я покину ее — мою любящую, сумасбродную, ветреную маму? Сможет ли она позаботиться о себе? Конечно, теперь у нее есть Фил, и, наверное, счета будут вовремя

оплачены, в холодильнике будет еда, в машине — бензин, и будет кому позвонить, если она потеряется, но все же...

— Я *хочу* поехать, — солгала я. Мне всегда плохо давалась ложь, но последнее время я так часто повторяла эту фразу, что наловчилась выдавать ее за чистую правду.

— Передай привет Чарли.

— Хорошо.

— Скоро увидимся, — настаивала она. — Можешь приехать домой в любое время — и я тут же вернусь, как только буду нужна тебе здесь.

Но по ее глазам было видно, что выполнить обещание будет для нее жертвой.

— Не беспокойся обо мне, — с нажимом произнесла я. — У меня все будет хорошо. Я люблю тебя, мама.

Она крепко обняла меня, а потом я поднялась на борт самолета, и ее уже не было рядом.

Предстояло лететь четыре часа до Сиэтла, затем час на маленьком самолете до Порт-Анжелеса, а потом еще час ехать на машине до Форкса. Летать я не боюсь, но перспектива провести целый час в машине наедине с Чарли меня немного смущала.

Чарли, конечно, отлично все воспринял, он был искренне рад тому, что я впервые собиралась пожить с ним подольше. Он записал меня в школу и обещал помочь купить машину.

Но нам с Чарли определенно будет неуютно вместе. И он, и я — люди, мягко говоря, неразговорчивые. Я знала, что мое решение сбило его с толку — как и мама, я не делала секрета из того, что ненавижу Форкс. Когда мы приземлились в Порт-Анжелесе, шел дождь. Я не сочла это зловещим предзнаменованием — скорее, неизбежностью. С солнцем я уже простилась.

Чарли, как я и предвидела, встречал меня на патрульной машине. Для добрых обывателей Форкса Чарли — шеф полиции Свон. Поэтому, несмотря на скудость своего кошелька, я планировала купить себе автомобиль — совсем не хотелось, чтобы меня возили по городу с красно-синей мигалкой. Никто хуже полицейских не мешает дорожному движению.

Чарли неловко обнял меня одной рукой, когда я, споткнувшись, слетела с трапа и врезалась в него.

— Рад видеть тебя, Беллз, — с улыбкой сказал он, привычно подхватив меня и поставив на землю. — Ты совсем не изменилась. Как Рене?

— Мама? Все хорошо. Рада видеть тебя, пап. — Мне запрещено было называть его «Чарли» в глаза.

Вещей с собой у меня было немного. Большая часть того, что я носила в Аризоне, не годилась для здешнего климата. Мы с мамой слили вместе наши накопления, чтобы купить мне подходящую зимнюю одежду, но все, на что нас хватило, поместилось в пару сумок. Они легко влезли в папин багажник.

— Я нашел тебе неплохую машину, и притом задешево, — сообщил он, когда мы пристегнулись.

— Что за машина? — меня насторожила интонация Чарли — в его устах «неплохая» прозвучало чем-то отличным от просто «хорошей».

— Вообще-то, это пикап, «Шевроле».

— И где ты его нашел?

— Помнишь Билли Блэка из Ла Пуш? — Ла Пуш была крохотной индейской резервацией на берегу океана.

— Нет.

— Мы часто ходили с ним на рыбалку на побережье, — напомнил Чарли.

Вот почему я не помнила Билли Блэка — мне прекрасно удавалось изгонять из памяти избыток болезненных воспоминаний.

— Теперь он в инвалидном кресле, сам водить не может, — продолжил Чарли, когда я не ответила. — Вот и предложил мне купить недорого свой пикап.

— Какого он года выпуска? — судя по перемене в лице Чарли, отец надеялся, что этот вопрос не прозвучит.

— Ну, Билли основательно перебрал двигатель, так что ему, по сути, всего несколько лет.

Надеюсь, он не думал, что сможет так легко меня запутать.

— Когда он его купил?

— Году этак... в 1984.

— И он был новый?

— Нет. Кажется, его выпустили в начале 60-х — ну, самое большее, в конце 50-х — покорно признался он наконец.

— Чар... папа, я совсем не разбираюсь в машинах. Если что-нибудь сломается, я сама не починю. А гнать его в сервис будет слишком дорого...

— Да ладно, Белла, не бойся. Агрегат безотказный — просто зверь-машина. Таких давно уже не делают.

«Агрегат», — подумала я. Если уж не сам он, то хоть его прозвище на что-то сгодится.

— А насколько дешево твое «дешево»? — тут я не могла идти на уступки.

— Ну, детка, она, в общем, уже твоя. Подарок в честь приезда, — и Чарли с надеждой на лице покосился в мою сторону. Вот это да! Бесплатно...

— Ну что ты, папа, зачем? Я все равно сама собиралась покупать машину.

— Да мне не трудно. Я хочу, чтобы тебе здесь было хорошо, — ответил он, внимательно глядя на дорогу. Чарли был не мастер выражать вслух свои чувства,

и эту черту я получила от него по наследству. Поэтому я тоже ответила, не поворачиваясь к нему:

— Спасибо тебе, пап. Спасибо большое. Мне правда очень приятно.

Вряд ли стоило уточнять, что «хорошо» в Форксе мне не будет никогда. Зачем ему страдать вместе со мной? К тому же, я не рассчитывала получить даром не то что машину — дырявое колесо.

— Ну что ты, не за что, — пробормотал он, смущенный моими «спасибо».

Мы обменялись еще парой слов о сырой погоде, и можно было считать, что разговор состоялся. В молчании мы уставились каждый в свое окно. Разумеется, пейзаж был прекрасен — даже я не стала бы этого отрицать. Все вокруг было зеленым: деревья, их покрытые мхом стволы, их ветви, с которых свисали зеленые «бороды» лишайников, заросли папоротников на земле. Зеленым казался даже сочившийся сквозь листья воздух.

Было слишком зелено — словно на чужой планете.

Наконец, мы подъехали к жилищу Чарли. Он до сих пор обитал в маленьком домишке с двумя спальнями, который они с мамой купили в первые дни совместной жизни. Собственно, других дней совместной жизни у них и не было — только первые.

Перед этим неизменным домом был припаркован мой новый — ну ладно, новый для меня, — пикап. Он был покрыт выцветшей красной краской, с большими округлыми крыльями и просторной широкой кабиной. Поразительно, но он мне сразу понравился. Непонятно еще, как он будет бегать, но представить себя за рулем такой машины мне было приятно. Пикап был из породы неубиваемых монстров из толстого железа — таких нередко видишь на месте аварии без единой царапины, хотя вокруг валяются обломки разбитого ими в хлам иностранного «оппонента».

— Ух ты, пап! Здорово! Спасибо! — Теперь первый день в новой школе пугал меня чуть меньше. Завтра передо мной хотя бы не встанет тяжкий выбор: идти туда три километра пешком под дождем или поехать с Чарли на машине с мигалкой.

— Я рад, что тебе нравится, — проворчал Чарли, опять смутившись.

Все мои вещи мы перенесли в дом за один раз. Мне досталась «западная» спальня, выходящая окнами улицу. Комната была мне знакома — в этом доме она принадлежала мне с рождения. Деревянный пол, светло-голубые стены, островерхий потолок, пожелтевшие кружевные занавески — все это было частью моего детства. Чарли заменил колыбель большой кроватью и поставил стол, когда я подросла — вот и все перемены.

Теперь на столе красовался подержанный компьютер, а вдоль плинтуса тянулся телефонный провод для модема. Так Чарли выполнял условие мамы — она хотела, чтобы мы всегда были на связи. Кресло-качалка родом из моего младенчества по-прежнему стояло в углу.

В доме была всего одна маленькая ванная наверху, и мне придется делить ее с Чарли. Я постаралась не слишком придавать этому значение.

Чарли никогда не стоит над душой — это одна из его лучших черт. Он оставил меня распаковывать вещи и устраиваться на новом месте — для мамы это было бы немыслимо. Хорошо было остаться одной, не напрягая лицо для улыбок и выражения благодарности. Можно мрачно уставиться в окно на сплошную пелену дождя и позволить паре слезинок выкатиться наружу. У меня пока не было настроения рыдать на полную катушку — лучше было оставить это на вечер, когда перед сном придется поразмышлять о первом школьном дне.

Средняя школа города Форкс имела поистине циклопические размеры — триста пятьдесят семь, а со мной триста пятьдесят восемь человек. В Финиксе только на моей параллели училось больше семисот. И все местные дети выросли вместе — даже их бабушки-дедушки ходили в один детский сад.

Мне предстояло быть «новенькой» из большого города — фриком из кунсткамеры.

Наверное, если бы я выглядела как нормальная жительница Аризоны, то могла бы обратить это в свое преимущество, но я совсем не попадала в образ. Мне полагалось быть загорелой, спортивной, светловолосой, хорошо играть в волейбол или, скажем, танцевать в группе поддержки — эти качества привычно ассоциируются с обитателями «солнечной долины».

А я, несмотря на постоянную жизнь под жарким солнцем, оставалась белокожей, и этому не было оправдания в виде голубых глаз или рыжих волос. Я всегда была худенькой, но какой-то немускулистой, неатлетичной. С моей плохой координацией участие в спортивных играх вечно превращалось для меня в череду унижений, к тому же грозило травмами мне самой и тем, кто неосторожно оказывался рядом.

Закончив раскладывать одежду в старом сосновом комодке, я взяла сумочку с банными принадлежностями и отправилась в нашу «коммунальную» ванную, чтобы привести себя в порядок после долгой дороги. Расчесывая влажные спутанные волосы, я смотрела в зеркало на свое лицо. Может быть, дело было в освещении, но я увидела себя бледной и болезненной. Моя кожа порой очень красива — она чистая, почти прозрачная, — но все зависит от румянца. А здесь я стала совсем бесцветной.

Разглядывая свое серое отражение в зеркале, я вынуждена была признать, что не совсем честна с собой. Не только внешность мешала мне вписаться

в окружение. Если уж я не смогла найти свою нишу в школе, где было три тысячи учеников, то каковы мои шансы здесь?

Проблема была в том, что я плохо сходилась с людьми своего возраста. Возможно, я плохо сходилась с людьми вообще. Даже мама, самый близкий мне человек на свете, никогда не попадала точно в резонанс со мной. Иногда мне становилось интересно — видят ли мои глаза то же самое, что глаза всех остальных людей? Может, у меня в голове постоянно происходит какой-то системный сбой? Но важна не причина, а следствие. И завтра, увы, все начнется по-новой.

Я плохо спала ночью, несмотря на то, что всласть наплакалась. Постоянный шорох дождя и шум ветра никак не давали провалиться в сон. Я натянула на голову старое выцветшее лоскутное одеяло, потом добавила сверху подушку. Но уснуть удалось только после полуночи, когда дождь почти перестал.

Густой туман — вот все, что утром было видно из окна. На меня накатил приступ клаустрофобии: я почувствовала себя словно запертой в клетке из облаков.

Завтрак с Чарли прошел очень тихо. Он пожелал мне удачи в школе. Я поблагодарила, понимая, что его надежды напрасны — удача меня, как правило, избегала.

Чарли уехал первым — направился в участок, который заменил ему и жену, и семью. Когда он ушел, я заняла одно из трех разномастных кресел, стоявших вокруг квадратного дубового стола, и стала осматривать его маленькую кухню. Стены, покрытые темными панелями, ярко-желтые шкафчики, белый линолеум на полу. Ничего не изменилось. Шкафчики в желтый цвет покрасила мама восемнадцать лет

назад — ей хотелось заманить в дом хоть немного солнечного света.

В крохотной гостиной над камином висели в ряд семейные фотографии. На одной — свадьба мамы и папы в Лас-Вегасе, на другой (очевидно, сделанной рукой заботливой медсестры) — они вместе со мной в родильном отделении больницы. Затем шла целая серия моих школьных снимков вплоть до прошлого года. Смотреть на собственные фотографии было неловко — попробую как-нибудь убедить Чарли повесить их в другом месте, по крайней мере, пока я здесь.

Находясь в этом доме, невозможно было не догадаться о том, что в душе Чарли так и не смог расстаться с мамой. От этого мне становилось не по себе.

Я не хотела приезжать в школу слишком рано, но оставаться здесь была больше не в силах. Я надела куртку — судя по ощущениям, скорее скафандр, — и вышла наружу, в дождь.

Он едва моросил и не смог промочить меня насквозь, пока я запирала дверь и прятала ключ под крыльцо. Хлюпанье по лужам новых непромокаемых ботинок действовало мне на нервы. Вот бы услышать нормальный хруст гравия под ногой! Не получилось даже немного постоять и издали полюбоваться пикапом — до такой степени захотелось поскорее выбраться из туманной сырости, которая расползлась по лицу и липла к волосам под капюшоном.

В кабине было тепло и сухо. Билли или Чарли, несомненно, наводили здесь чистоту, но коричневая обивка сидений еще хранила запах табака, бензина и мяты. К моему облегчению, двигатель, оглушительно взревев, завелся сразу — очевидно, он умел работать только на пределе громкости. Что ж, старая машина

обязана иметь хоть какой-то недостаток. Древнее радио оказалось исправно, чего я уж совсем не ожидала.

Найти школу было несложно, хотя я никогда раньше ее не видела. Как большинство значимых зданий в этом городе, она располагалась рядом с шоссе. Если бы не дорожный указатель «Средняя школа г. Форкс», я там ни за что бы не остановилась — группа почти одинаковых зданий из красного кирпича не вызывала никаких ассоциаций с образованием. Вокруг было столько деревьев и кустарника, что я не сразу оценила истинный размер территории. Где же дух официального учреждения? Я ностальгически вздохнула: ни цепных ограждений, ни металлоискателей при входе.

Я припарковалась перед зданием, над дверью которого висела маленькая табличка с надписью «Администрация». Рядом не было ни одной машины, и я была уверена, что поступаю не по правилам. Но уж лучше я ознакомлюсь с этими правилами внутри, чем буду плутать тут под дождем, как идиотка. Нехотя я вылезла из уютной кабины и пошла прямо по мощеной камнем дорожке, окруженной темными кустами. Вдохнув поглубже, я открыла дверь.

Внутри было очень светло и, против ожиданий, тепло. Офис был невелик: маленькая зона для посетителей, складные стулья с пухлыми сиденьями, на полу — ковровое покрытие в оранжевую крапинку, стены сплошь уклеены объявлениями и грамотами. Громко тикали настенные часы. Повсюду стояли комнатные растения в пластиковых горшках (неужели снаружи мало зелени?). Комната была разделена пополам длинной стойкой, на которой стояли проволочные корзины с бумагами. Спереди были приклеены яркие разноцветные афишки. Позади стойки располагались три стола, и за одним из них восседала крупная рыжеволосая женщина в очках. На ней была

простая лиловая футболка с коротким рукавом, и я сразу почувствовала себя городской модницей.

Рыжеволосая взглянула на меня:

— Чем могу помочь?

— Я Изабелла Свон, — сказала я, и в ее глазах тут же отразилось понимание. Меня ждали, я была, без сомнения, темой для разговоров. Дочка шефа полиции и его сбежавшей жены наконец-то вернулась под отчий кров.

— Конечно, — ответила женщина. Порывшись в шаткой кипе документов на своем столе, она выудила оттуда нечто и принесла свой улов стойку. — Вот твое расписание, а вот карта школы.

Мы посмотрели расписание, и женщина показала, в каких зданиях будут проходить мои уроки. Цветным маркером она отметила наиболее удобный путь к каждому и дала мне подписной лист. Я должна была предъявить его всем преподавателям по очереди и вернуть ей в конце дня. Она улыбнулась и, совсем как Чарли, пожелала мне удачи в Форксе. Я насколько смогла убедительно ответила на ее улыбку.

Когда я вернулась к своему пикапу, ученики уже начали съезжаться на занятия. Влившись в поток, я объехала вокруг школы. Было отрадно видеть, что большинство машин на стоянке — «старички» вроде моего пикапа; народ тут обходился без понтов.

Дома, в Финиксе, я жила в одном из немногих небогатых районов, включенных в школьный округ Парадайз Вэлли. Для нас было обычным делом встретить на школьной стоянке роскошный «Мерседес» или «Порше». Здесь же самой красивой машиной был блестящий «Вольво», и он здорово выделялся на общем фоне. Но все равно я заглушила двигатель, как только заняла место на парковке, чтобы жуткий грохот не привлекал ко мне всеобщего внимания.

Сидя в кабине, я тщательно изучила карту. Может быть, мне удастся все запомнить, и тогда не придется целый день ходить по кампусу, уткнувшись в нее носом. Засунув все вещи в сумку, я закинула ремень на плечо и втянула в себя побольше воздуха. Я справлюсь, неуверенно сказала я самой себе. Никто меня здесь не укусит. Наконец, я выдохнула и вышла из машины.

Спрятав поглубже лицо в капюшон, я пошла к тротуару, на котором толпились школьники. К счастью, моя простая черная куртка была такой же, как у всех.

Как только я обошла столовую, сразу увидела третий корпус. Большая черная «тройка», намалеванная внутри белого квадрата, красовалась на правом углу здания. По мере приближения к двери мое дыхание становилось все чаще, так что вскоре мне уже грозил обморок от гипервентиляции легких. Я постаралась успокоиться и вслед за двумя спинами в бесполом плаще скользнула внутрь.

Классная комната оказалась маленькой. Шедшие передо мной остановились в дверях, возле длинного ряда крючков на стене, чтобы повесить плащи. Я последовала их примеру. Это оказались две девочки, одна блондинка с фарфорово-белой кожей, другая русоволосая и тоже бледноватая на вид. Что ж, по крайней мере, я не буду здесь выделяться отсутствием загара.

Я протянула «бегунок» учителю — это был высокий лысеющий мужчина, табличка на его столе гласила «Мистер Мейсон». Прочитав мое имя, он без стеснения стал меня разглядывать. Обескураживающее начало — я, разумеется, тут же покраснела, как помидор. Но зато он просто отправил меня на свободное место на последней парте и не заставил представляться классу.

Моим новым одноклассникам было трудно глазеть на меня, сидя спиной, но каким-то образом они все равно умудрялись это делать. Я не поднимала глаз от списка литературы, который выдал учитель. Он был незамысловатым: Бронте, Шекспир, Чосер, Фолкнер. Все, что я уже читала. Это успокаивало, но одновременно навевало скуку. Интересно, мама согласится прислать папку с моими старыми сочинениями или решит, что это жульничество? Пока учитель бубнил свое, я мысленно подыскивала аргументы для спора с ней.

Когда прозвенел — скорее, гнусаво прожужжал, — звонок, через проход к моему столу наклонился долговязый парень с проблемной кожей и лаково-черными блестящими волосами.

— Ты ведь Изабелла Свон, верно? — похож на благовоспитанного «ботаника», всегда готового кому-нибудь чем-нибудь помочь.

— Белла, — поправила я его. Все и каждый в радиусе трех парт тут же развернулись и стали смотреть на нас.

— Где у тебя следующий урок? — спросил он.

Я полезла в сумку.

— Обществознание у Джефферсона, в шестом корпусе.

От любопытных глаз некуда было деться.

— Я иду в четвертый, могу показать тебе дорогу... — Да-а, чрезмерно благовоспитанный. — Я Эрик, — добавил он.

Я нерешительно улыбнулась.

— Спасибо.

Мы взяли куртки и вышли на улицу — там снова шел дождь. Я могла бы поклясться, что несколько человек позади нас нарочно держались поближе, чтобы подслушивать. Надеюсь, это не было признаком надвигающейся паранойи.

— Здесь совсем не похоже на Финикс, правда? — спросил Эрик.

— Абсолютно.

— Там ведь не так сыро?

— Да, там дождь идет три-четыре раза в год.

— Ничего себе! И как же это? — поразился он.

— Солнечно, — ответила я.

— А ты не очень-то загорелая.

— У меня мама — наполовину альбинос.

Он долго с опаской изучал мое лицо, и я вздохнула. Наверное, от здешнего влажного сумрака плесневевает чувство юмора.

Через пару месяцев и я забуду о том, как пользуются сарказмом.

Мы обогнули столовую и направились в сторону спортзала. Эрик проводил меня до самых дверей, хотя цифра «шесть» на углу здания была видна издалека.

— Ну, удачи, — произнес он, и, когда я протянула руку к двери, с надеждой добавил: — Может быть, у нас еще какие-нибудь уроки совпадут.

Я туманно улыбнулась и зашла внутрь. Остаток утра прошел так же, как начался. Учитель тригонометрии мистер Варнер, которого я все равно возненавидела бы только за то, что он вел ненавистный мне предмет, единственный из всех преподавателей поставил меня перед классом и попросил представиться. Я что-то мямлила, краснела и запуталась в собственных ногах, возвращаясь на место.

После двух уроков кое-кого из ребят я уже узнавала в лицо — это были храбрецы, которые сами подходили знакомиться. Они неизменно спрашивали, как мне нравится Форкс. Я старалась быть вежливой, поэтому по большей части приходилось лгать. Зато мне ни разу не понадобилась карта.

Одна из девочек сидела рядом со мной и на тригонометрии, и на испанском. Мы вместе пошли

в столовую на обед. Она была совсем крошечной — на полголовы ниже меня, а во мне всего метр шестьдесят. Неукротенная копна ее темных вьющихся волос, впрочем, скрадывала разницу в росте. Мне никак не удавалось вспомнить ее имя. Пока она болтала об учителях и уроках, я просто улыбалась и кивала, не следя за темой разговора.

Мы уселись в конце длинного стола, занятого ее многочисленными друзьями. Девочка представила их всех, но имена тут же вылетели у меня из головы. Кажется, на них произвела впечатление ее отвага — она решилась заговорить со мной первой! Парень с английского, Эрик, помахал мне с противоположного конца зала.

Именно здесь, в школьной столовой, пытаюсь поддержать беседу с семью почти незнакомыми, сгорающими от любопытства людьми, я впервые увидела их.

Они сидели в самом углу, так далеко от меня, насколько это вообще было возможно в длинном зале. Их было пятеро. Они не разговаривали и не ели, хотя перед каждым стоял поднос с нетронутой едой. Они не тарасились на меня, как остальные, так что можно было беспрепятственно их рассматривать, не опасаясь встретить заинтересованный взгляд в ответ. Но не это привлекло к ним мое внимание.

Казалось бы, они ничем не походили друг на друга. Первый из трех парней, с темной курчавой головой, напоминал чемпиона-тяжеловеса — настоящая гора мышц. Второй, яркий блондин, был выше и стройнее, хотя тоже мускулист. Третий был тонким и легким, не таким крупным, как первые двое, с отливающими медью растрепанными волосами. Рядом с товарищами он выглядел подростком, тогда как те могли бы сойти за студентов или даже за здешних молодых преподавателей.

Девушки были полной противоположностью друг другу. Одна из них — высокая и статная — была великолепно сложена. Такие фигуры обычно украшают собой обложки изданий вроде «Спортс Иллюстрейтед — спецвыпуск Купальники». Любая из нас получит щелчок по женскому самолюбию, оказавшись с обладательницей подобного богатства в одной комнате. Ее золотистые, мягко выющиеся волосы спускались ниже лопаток. Вторая, маленького роста, худая до невозможности и с мелкими чертами лица, походила на эльфа. Ее черные, цвета воронова крыла волосы были коротко острижены и торчали в разные стороны.

Но в чем-то главном они были схожи. Все были бледны, как мел, бледнее любого в этом зале, бледнее меня — почти альбиноса. Несмотря на разный цвет волос, у всех были очень темные глаза, а под глазами — мрачно-багровые, как синяки, тени. Словно они не спали ночь или получили перелом носа. Однако их носы были совершенно ровными и прямыми — безупречными, как и все черты их лиц.

Но не потому я не могла отвести от них глаз.

Я смотрела на них, потому что их лица, такие разные и в то же время такие похожие, притягивали взгляд опустошающей, нечеловеческой красотой. Такой не встретить нигде, кроме отретушированных страниц модных журналов. Или картин старых мастеров с изображениями ангелов. Было трудно решить, кто красивее всех — великолепная блондинка или медноволосый юноша.

Все они смотрели куда-то в пространство, не видя, казалось, ни друг друга, ни остальных учеников — вообще ничего в этом зале. Пока я их разглядывала, невысокая девушка встала и, взяв поднос, — неоткрытая кола, ненадкусенное яблоко — направилась прочь быстрой и грациозной

походкой, словно шла по подиуму. Я провожала ее глазами, зачарованная этим легким шагом танцовщицы, пока она не опрокинула поднос в мусорный контейнер и не выскользнула в двери настолько быстро, что я едва успела заметить ее движение. Мои глаза поспешно метнулись назад — оставшиеся четверо даже не изменили позы.

— Кто *они*? — спросила я свою новую знакомую, чье имя позабыла. Она проследила мой взгляд (наверное, уже догадавшись по тону голоса, кого я имею в виду), и тут один из парней неожиданно посмотрел на нее — самый стройный и юный на вид, наверное, самый младший из всех. Это длилось какую-то долю секунды, а потом его темные глаза встретились с моими.

Он тут же отвел взгляд, опередив меня, хотя я в припадке смущения отвернулась сразу. Во время этого краткого, как вспышка, контакта его лицо не выразило ни капли интереса — словно его просто позвали по имени, и он невольно поднял голову, даже не думая отвечать. Моя соседка прыснула от смущения и вместе со мной устала в стол.

— Это Эдвард и Эмметт Каллены, а еще Хейлы — Розали и Джаспер. Та, что ушла — Элис Каллен. Они все живут с доктором Калленом и его женой. — Все это она сказала чуть слышным шепотом.

Я искоса глянула на красивого юношу. Теперь он смотрел вниз, на свой поднос, и длинными бледными пальцами крошил на кусочки бублик. Его безупречных очертаний губы быстро двигались, хотя он едва открывал рот. Остальные все так же сидели, уставившись в пространство, но я чувствовала, что он им что-то тихо говорит.

«Какие странные, редкие имена», — подумала я. Такие были в ходу у наших дедушек. Но, может быть, это здесь в моде — провинциальные причуды? Я,

наконец, вспомнила, что мою соседку зовут Джессика — вот уж воистину обычное имя. Дома в Финиксе у меня в классе были две Джессики.

— Они... симпатичные, — выдавила я с подозрительным лицемерием.

— О да, — Джессика снова приснула. — Но ходят они только друг с другом — Эмметт с Розали, а Джаспер с Элис. И *живут* тоже все вместе. — Ее голос, казалось, выплеснул все негодование и шок маленького городка по этому поводу, с неодобрением подумала я. Правда, будем справедливы: даже в Финиксе это дало бы повод для сплетен.

— Которые из них Каллены? Они что-то не похожи на родственников.

— А они и не родственники. Доктор Каллен совсем молодой, ему, самое большее, чуть за тридцать. Они — приемные дети. А вот блондины — Хейлы — действительно брат и сестра, двойняшки. Доктор взял их на воспитание.

— Староваты они для воспитанников.

— Ну, сейчас уже да, Розали и Джасперу исполнилось восемнадцать. Но с женой доктора Каллена они живут с восьми лет. Она — их тетя или что-то в этом роде.

— Вот здорово — они так заботятся о детях, хотя сами еще молодые и все такое...

— Пожалуй, — неохотно согласилась Джессика, и у меня создалось впечатление, что ей почему-то не нравятся доктор и его жена. Судя по взглядам, которые она бросала на их отпрысков, причиной могла быть ревность.

— Думаю, миссис Каллен просто не может иметь детей, — добавила Джессика с таким видом, словно это как-то могло обесценить доброту молодых супругов.

Во время разговора мои глаза снова и снова возвращались к столу, за которым сидело странное

семейство. Они по-прежнему изучали стены и ничего не ели.

— А они всегда жили в Форксе? — спросила я. Я бы непременно заметила их в какой-нибудь из прошлых приездов.

— Нет, — ответила Джессика таким голосом, словно это должно быть очевидно любому, даже такому новичку, как я. — Два года назад приехали откуда-то с Аляски.

Я почувствовала прилив жалости и облегчения. Жалости, потому что, невзирая на привлекательную внешность, их здесь не приняли, и это было ясно как день. Облегчения, потому что я оказалась не только не единственной, но даже, судя по всему, не самой интригующей приезжей здесь.

Пока я их разглядывала, младший Каллен поднял глаза и встретил мой взгляд, причем на этот раз с явным любопытством. Я быстро отвернулась, и мне показалось, что он слово ждал от меня чего-то, но обманулся в своих ожиданиях.

— А этот парень с рыжеватыми волосами — он кто? — спросила я. Я покосилась на него краем глаза. Он по-прежнему смотрел на меня, но не просто разглядывал, как все остальные — судя по лицу, он был чем-то слегка раздосадован. Я снова отвернулась.

— Эдвард. Он, конечно, шикарный, но не трать на него время. Он упорно ни с кем не встречается. Очевидно, девушки здесь недостаточно хороши для него. — Она фыркнула.

Ясно — зелен виноград, подумала я. Интересно, когда он успел ее отшить?

Я закусила губу, чтобы спрятать улыбку, и снова взглянула на парня. Он отвернулся, но, судя по тому, как округлилась его щека, он тоже улыбался.

Через пару минут все четверо поднялись и вышли из столовой. Они двигались очень изящно — даже накачанный здоровяк. Невозможно было наблюдать за этим без ощущения собственной ущербности. Тот, кого Джессика назвала Эдвардом, на меня больше не смотрел.

Я задержалась за столом с Джессикой и ее друзьями дольше, чем если бы была одна. Не хотелось в первый день опаздывать на занятия. У одной из моих новых знакомых — она деликатно напомнила мне, что ее зовут Анджела, — тоже была биология. Мы молча шли по коридору — она оказалась такой же застенчивой, как я.

В классе Анджела сразу направилась к своему месту за лабораторным столом, покрытым черным пластиком (в нашей школе были точно такие же). У нее уже был сосед. Вообще, в классе все места были заняты, кроме одного, возле центрального прохода. По необычному цвету волос я узнала Эдварда Каллена — это было место рядом с ним.

Я двинулась к учителю со своим подписным листом, тайком поглядывая на Каллена. Когда я проходила мимо него, он вдруг напрягся и словно застыл на своем месте, а затем вновь взглянул на меня, но в этот раз со страннейшим выражением на лице — откровенной, яростной враждебности, почти ненависти. Потрясенная, я быстро отвела глаза, покраснела и споткнулась о книгу, лежавшую в проходе. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за соседний стол. Девочка, сидевшая там, захихикала.

Я заметила, что его глаза были черными — черными, как уголь.

Мистер Беннер подписал мой листок и протянул мне учебник. Слава богу, на этот раз обошлось без глупостей вроде знакомства с классом. Наверняка мы с ним поладим. Конечно, у него не было иного

выбора, кроме как отправить меня на единственное свободное место. Глядя в пол, я шла по проходу к столу Каллена, совершенно сбита с толку внезапным злобным взглядом, которым он одарил меня.

Не поднимая глаз, я положила книги на парту и села. Боковым зрением я заметила, что его поза изменилась: он отодвинулся на самый дальний край стула и даже слегка наклонился в противоположную от меня сторону. И отвернулся, словно почуял дурной запах. Я незаметно понюхала свои волосы. Они пахли клубникой, как и мой любимый шампунь. Вроде бы, вполне невинный аромат. Я перекинула распущенные волосы через правое плечо, чтобы спрятаться за их темным занавесом, и постаралась сосредоточить внимание на учителе.

Увы, урок был посвящен строению клетки — эту тему я уже проходила. Тем не менее, я очень тщательно, не поднимая головы от тетради, писала конспект.

Не в силах сдерживаться, я время от времени поглядывала сквозь «защитный экран» на своего непонятого соседа. Он так и не расслабился и не поменял своей неудобной напряженной позы на краешке стула, которая позволяла ему держаться на максимальном расстоянии от меня. Его рука, лежавшая на левом колене, была стиснута в кулак так, что натянутые жилы виднелись сквозь бледную кожу. Кулак он так и продержал сжатым весь урок. Рукава белой рубашки были закатаны до локтей, и под светлой кожей предплечья проступали неожиданно мощные мышцы. Он даже отдаленно не был таким хрупким, каким казался рядом с массивным братом. Урок тянулся бесконечно. Может, потому, что просто подходил к концу длинный день, или потому, что я все ждала, когда же наконец он разожмет кулак? Но Каллен словно окаменел, казалось, он даже перестал дышать. Что

с ним не так? Может, он всегда так ведет себя? Я стала сомневаться в том, что правильно истолковала причину желчности Джессики за обедом: возможно, в ее суждениях было меньше обиды, чем мне показалось.

Это просто не могло иметь отношения ко мне. Ведь мы с ним даже не были знакомы. Я тайком взглянула ему в лицо еще раз и тут же пожалела об этом. Он пристально смотрел на меня, черные глаза источали отвращение. Вздрогнув, как от удара, я вжалась в сиденье стула, и в голове очень кстати мелькнуло выражение «убить взглядом».

Тут прозвенел звонок, и я чуть не подскочила от неожиданности. Гибким неуловимым движением Эдвард Каллен поднялся — оказалось, что он намного выше, чем я думала, — и исчез за дверью быстрее, чем кто-либо успел встать со своего места.

Я словно приросла к стулу, тупо глядя ему вслед. Он был так груб. Несправедливо, незаслуженно. Медленно я начала собирать вещи, стараясь подавить kloкотавший внутри гнев, чтобы не расплакаться. Каким-то загадочным образом струны моей души соединены напрямую со слезными каналами, и я нередко плачу от злости самым унижительным образом.

— Ты ведь Изабелла Свон? — спросил мальчишеский голос.

Я подняла голову — передо мной стоял парень с милым полудетским лицом, его светлые волосы были аккуратно уложены гелем в остроконечные прядки. Он дружески улыбался — было совершенно очевидно, что для него я пахла вполне нормально.

— Белла, — поправила я с улыбкой.

— Я Майк.

— Привет, Майк.

— Хочешь, провожу тебя на следующий урок?

— У меня сейчас физкультура. Думаю, я сама смогу найти спортзал.

— Надо же, у меня тоже! — он был приятно поражен, хотя в такой маленькой школе, как эта, совпадения расписания должны быть обычным делом.

Мы вместе дошли до зала. Он оказался общительным и болтал всю дорогу, так что мне не приходилось напрягаться, поддерживая разговор. Оказывается, до десяти лет он жил в Калифорнии, поэтому очень хорошо понимал, как мне, должно было не хватать здесь солнца. Мы с ним оказались в одной группе и по английскому. Из всех, кого я встретила сегодня, он показался мне самым милым. Но при входе в физкультурный зал он спросил:

— Ты что, ткнула Эдварда Каллена в бок острым карандашом? Я еще никогда его таким не видел.

Я сжалась. Значит, то, что произошло на биологии, заметила не только я. Стало понятно, что это *не было* обычной манерой поведения Каллена. Пришлось изобразить дурочку.

— Это тот парень, который сидел со мной за одним столом? — простодушно спросила я.

— Да, — ответил Майк. — Он выглядел так, словно у него что-то болело.

— Не знаю, — ответила я. — Мы с ним даже не разговаривали.

— Он просто ненормальный, — Майк продолжал стоять рядом со мной, вместо того чтобы идти переодеваться. — Если бы мне так повезло, я бы сразу с тобой познакомился.

Я улыбнулась ему перед тем, как скрыться в дверях женской раздевалки. Он выказал дружелюбие и даже восхищение, но этого оказалось мало, чтобы успокоить меня.

Физрук по фамилии Клапп выдал мне форму, но не стал настаивать, чтобы я переодевалась для

занятия. Дома физкультура была обязательным предметом только первые два года из четырех лет средней школы, а здесь нужно было ходить на нее даже в выпускном классе. Форкс в буквальном смысле грозил стать для меня личным адом на земле.

В разных углах зала четыре пары команд одновременно играли в волейбол. Вспомнив, сколько травм я получила — и причинила — во время этой игры, я почувствовала легкую тошноту.

Наконец, прозвенел звонок. Я отправилась в административный корпус сдавать подписной лист. Дождь кончился, но дул пронизывающий холодный ветер. Я шла, обняв себя руками за плечи.

Но стоило добраться наконец до теплого здания, как я едва не повернулась и не выбежала вон.

У стойки администратора был Эдвард Каллен. Я снова узнала его всклокоченные медно-каштановые волосы. Кажется, он не заметил, как я вошла. Я прижалась к стене, дожидаясь, когда освободится место.

Негромким приятным голосом он в чем-то убеждал администратора, и я сразу уловила суть разговора: он хотел поменять свое расписание так, чтобы шестым уроком была не биология, а другой предмет.

Не верилось, чтобы это было из-за меня. Наверняка у него что-то случилось еще до того, как я вошла в класс. Наверняка у него был какой-то другой повод для дурного настроения. Просто немыслимо, чтобы совсем незнакомый человек мог так внезапно и сильно меня возненавидеть.

Дверь снова открылась, и порыв холодного ветра ворвался внутрь, зашуршал бумагами на столе, подхватил мои волосы. Вошла девочка. Она положила какой-то листок в проволочную корзину на стойке администратора и вышла. Спина Эдварда Каллена вдруг застыла, и он медленно обернулся ко мне:

на нереально-красивом лице полыхнули пронзительные свирепые глаза. На мгновение меня охватил приступ настоящего животного страха, такого, что волосы на руках встали дыбом. Это длилось не более секунды, но за эту секунду я промерзла до костей — сильнее, чем от холодного ветра на улице. Он снова обратился к администратору.

— Ну хорошо, — торопливо сказал он бархатным голосом. — Вижу, что это невозможно. Спасибо за помощь. — Развернулся на каблуках и, не глядя на меня, исчез за дверью.

На ватных ногах я приблизилась к стойке (для разнообразия мне удалось не покраснеть, а побледнеть) и протянула «бегунок» администратору.

— Как первый день, солнышко? — заботливо спросила женщина.

— Отлично, — слабым голосом соврала я. Кажется, она мне не поверила.

Мой пикап остался практически последней машиной на стоянке. Он показался мне желанным убежищем, кусочком дома в этой сырой зеленой дыре. Пару минут я сидела неподвижно, уставившись в переднее стекло без единой мысли в голове. Но вскоре я почувствовала, что дрожу от холода. Чтобы включить печку, я завела двигатель, и он истошно взвыл. Всю дорогу к дому Чарли пришлось сдерживать слезы.

Глава 2. Открытая книга

Второй день оказался и лучше, и хуже первого.

Лучше, потому что дождь еще не начался, хотя все небо покрывали плотные глухие тучи. Было легче, потому что я уже знала, чего мне ждать от школы. Майк сел рядом со мной на английском и проводил на следующий урок, а благовоспитанный Эрик сверлил его сердитым взглядом — это было невыносимо. Меня уже не разглядывали со всех сторон, как вчера. Во время обеда я сидела с большой группой ребят, включавшей Майка, Эрика, Джессику и многих других, кого я теперь помнила в лицо и по имени. Я была уже не просто утопающим, а утопающим, схватившимся за соломинку.

Хуже было то, что я не отдохнула — ветер, гулявший по дому, снова не дал мне уснуть. А еще мистер Варнер вызвал меня на тригонометрии, хотя я не поднимала руку, и я дала неверный ответ. Ужасно было то, что пришлось играть в волейбол, и единственный раз, когда я не успела отскочить и отбила мяч, он полетел в голову товарищу по команде. А еще плохо было то, что Эдвард Каллен так и не появился в школе.

Все утро я тряслась в ожидании обеда, в ожидании его странных враждебных взглядов. Какая-то часть меня жаждала вступить в битву — подойти и прямо спросить, в чем дело. Ночью, лежа без сна в своей комнате, я представляла себе этот разговор. Но я слишком хорошо знала себя, чтобы думать об этом всерьез, — заранее было ясно, что мне не хватит духу. По сравнению со мной Трусливый Лев выглядел Терминатором.

Но когда я вошла в столовую вместе с Джессикой, изо всех сил стараясь не стрелять глазами по сторонам в поисках Каллена — увы, это так и осталось благим намерением, — то обнаружила на прежнем месте лишь его братьев и сестер. Его с ними не было.

Майк вклинился между нами и увлек за свой столик. Джессика казалась польщенной его вниманием, и вскоре к нам присоединились ее друзья. Но, пытаясь прислушиваться к их легкомысленной болтовне, я сидела, как на иголках, в ожидании появления Каллена. Возможно, он просто не заметит меня на этот раз, и все мои подозрения рассеются, как дым.

Время шло, мое напряжение росло с каждой минутой, а Каллена все не было.

Когда он не появился к концу обеда, я почувствовала себя чуть уверенней. Майк, который понемногу начинал напоминать мне голден-ретривера, преданно проводил меня до самых дверей класса. Я задержала дыхание и вошла, но Эдварда Каллена и здесь не оказалось. Я выдохнула с облегчением и пошла на свое место.

Майк увязался за мной, теперь он посвящал меня в свои планы устроить поездку на побережье. Он терся около моего стола, пока звонок не прозвенел. Тогда он улыбнулся с тоской и отправился к своей соседке — девочке с брекетами и жуткой «химией» на голове. Кажется, придется что-то делать с Майком, и это будет нелегко. В таком маленьком городе, где все живут друг у друга на голове, очень важно быть хорошим дипломатом. Я же никогда не отличалась изощренной деликатностью, кроме того, до сих пор мне не приходилось иметь дело с чересчур дружелюбными мальчиками.

С облегчением я осознала, что сегодня стол целиком мой, и что Эдвард не придет. Я повторяла себе это снова и снова. И все же мне никак не удавалось

избавиться от подспудного подозрения, что он пропустил школу из-за меня. Я никогда не страдала раздутым самомнением и умом понимала, что вряд ли мне дано произвести на кого-то столь сильное впечатление, но интуиция не желала слушать доводы рассудка.

Школьный день, наконец, закончился. Краска стыда после волейбольного инцидента сошла с моих щек, и я быстро переоделась в свои джинсы и темно-синий свитер. Я торопливо покинула раздевалку, с удовольствием обнаружив, что удалось ненадолго отвязаться от моего «верного пса». На парковке толпились спешащие по домам ученики. Я залезла в пикап и нырнула в свою сумку, чтобы удостовериться, что не забыла одну нужную вещь.

Вчера вечером обнаружилось, что Чарли умеет готовить только яичницу с беконом. Поэтому я настояла на том, что буду сама нести обязанности по кухне, и Чарли охотно передал мне «ключ от банкетного зала». Тут же оказалось, что в доме нет ни крошки съестного. И сегодня в моей сумке лежали список продуктов и содержимое жестяной банки с надписью «Деньги на еду». Нужно было заехать в супермаркет «Трифтуэй».

Я запустила двигатель, и он завелся с грохотом, оглушительным, как пушечный выстрел. Игнорируя головы, повернувшиеся в мою сторону, я аккуратно выехала задом со стоянки и заняла место в конце длинной вереницы машин, ожидавших выезда с парковки. Пока я коротала время в очереди, тщетно пытаюсь делать вид, что этот чудовищный шум не имеет к моему пикапу никакого отношения, двое Калленов и двое Хейлов сели в свой автомобиль. Это оказался тот самый новенький сверкающий «Вольво». Ну конечно. До сих пор я не обращала внимания на их одежду, загипнотизированная их лицами, но теперь заметила

очевидное: все они были очень дорого одеты — просто, но с прозрачным намеком на хороших дизайнеров. При такой потрясающей внешности и манере держаться можно завернуться хоть в рваную тряпку и все равно выглядеть на все сто. Иметь одновременно и деньги, и красоту, как у Калленов — явный перебор. Хотя, по моим наблюдениям, в жизни такой расклад — как раз не редкость. Жаль, что они не смогли обменять часть своих активов на малую толику популярности.

Впрочем, в это верилось с трудом: скорее, они сами предпочли отгородиться от других. Невозможно было представить себе дверь, которая не распахнулась бы перед подобным обаянием.

Они посмотрели на мой ревуший пикап тем же взглядом, что и остальные. Я уставилась вперед и испытала явное облегчение, покинув наконец школьную стоянку.

«Трифтвэй» находился недалеко от школы — всего в паре кварталов к югу, прямо рядом с шоссе. Было приятно зайти в супермаркет, это возвращало чувство реальности. Дома я всегда ходила за покупками сама, и теперь с охотой предалась привычному занятию. Магазин был достаточно большой, и внутри не было слышно шума дождя, который назойливо напоминал мне, где я нахожусь.

Дома я распахала покупки по всем шкафчикам, где нашлось свободное место. Надеюсь, Чарли не будет возражать. Я завернула в фольгу несколько картофелин и поставила их печься в духовку, потом замочила в маринаде стейк и пристроила его в холодильник поверх коробки с яйцами.

Покончив с этим, я отнесла наверх школьную сумку. Перед тем, как взяться за домашнюю работу, я переоделась в сухую одежду, стянула влажные волосы в хвост и проверила электронную почту. Там было три сообщения.

«Белла», — писала мама. — «Ответь мне сразу же, как только придешь домой. Как долетела? Дождь идет? Я уже скучаю. Почти собрала вещи во Флориду, но никак не могу найти розовую блузку. Не знаешь, куда я ее дела? Фил передает привет. Мама».

Я вздохнула и открыла второе письмо. Оно пришло через восемь часов после первого.

«Белла, почему ты мне все еще не ответила? Чего ты ждешь? Мама».

Последнее письмо пришло сегодня утром: «Изабелла, если я не получу от тебя письма до 17-30, я звоню Чарли».

Я взглянула на часы. У меня оставался еще час, но мама вечно срывается раньше времени.

«Мама, успокойся, я пишу тебе прямо сейчас. Не дергайся. Белла».

Я отправила это и начала новое письмо.

«Мама, все отлично. Конечно, дождь идет. Просто мне хотелось подождать, чтобы было о чем писать. Школа неплохая, но программа отстает. У меня появились симпатичные знакомые, мы вместе ходим на обед. Твоя блузка в химчистке — ее надо было забрать еще в пятницу. Не поверишь — Чарли подарил мне пикап! Просто отличный — старый, но совершенно неубиваемый, что для меня, как ты понимаешь, самое то. Я тоже скучаю. Напишу потом еще раз, но пойми, я не могу проверять свой e-мэйл каждые пять минут. Расслабься, дыши ровно. Я люблю тебя. Белла».

Я решила почитать «Грозовой перевал» — роман, который мы сейчас проходили по литературе, — но не для учебы, а просто ради удовольствия. Зачитавшись, я не заметила, как вернулся Чарли. Пришлось быстро бежать вниз, на кухню, чтобы достать картофель и положить в духовку стейк.

— Белла? — позвал папа, услышав мои шаги на лестнице.

«Ну кто ж еще?» — подумала я.

— Привет, пап, с возвращением домой.

— Спасибо.

Пока я металась по кухне, он снял свой пояс с оружием и стащил ботинки. Насколько я знала, ему еще никогда не приходилось применять оружие на работе. Но он все равно держал его наготове. Когда я приезжала сюда в детстве, он вынимал пули из пистолета, едва переступив порог дома. Кажется, сейчас он счел, что я достаточно разумна, чтобы не выстрелить в себя случайно, и не настолько угнетена обстоятельствами, чтобы сделать это нарочно.

— Что на ужин? — с опаской спросил он. Мама готовила с фантазией, и ее блюда не всегда можно было есть. С удивлением и печалью я отметила, что он все еще помнил об этом.

— Стейк и печеная картошка, — ответила я, и на его лице появилось явное выражение облегчения.

Ему было неловко торчать на кухне без дела, и он поплелся в гостиную смотреть телевизор. Нам обоим так было спокойнее. Пока жарился стейк, я сделала салат и накрыла на стол.

Когда все было готово, я позвала Чарли, и он с аппетитом втянул носом воздух.

— Пахнет здорово, Белл.

— Спасибо.

Несколько минут мы ели молча, но тишина нас не угнетала. Мы оба не любили пустые разговоры. В каком-то смысле, мы отлично подходили друг другу.

— Ну, как школа? Нашла друзей? — спросил он, беря добавки.

— Познакомилась с девочкой по имени Джессика, у нас с ней совпадают некоторые уроки, и мы обедаем вместе с ее компанией. И еще есть один мальчик,

Майк, — он очень приятный. Здесь вообще все очень приветливы.

За одним выдающимся исключением.

— Должно быть, ты говоришь о Майке Ньютоне. Он хороший парень, из хорошей семьи. У его отца магазин спортивных товаров за городом. Делает неплохие деньги на туристах.

— А ты знаешь Калленов? — спросила я после недолгого колебания.

— Семейю доктора Каллена? Конечно. Он отличный человек.

— Его дети... они так отличаются от остальных. Они кажутся немного чужими в школе.

К моему удивлению, это рассердило Чарли.

— Ну что за народ у нас... — пробормотал он себе под нос. — Доктор Каллен — блестящий хирург, он мог бы устроиться в любую клинику мира и зарабатывать в десять раз больше, чем здесь, — продолжал он уже громче. — Нам повезло, что он приехал сюда, повезло, что его жена захотела пожить в маленьком городке. Он — просто находка для местного общества, а все его дети вежливы и прекрасно воспитаны. Когда они только-только появились, у меня были сомнения — столько подростков в семье, и все приемные. Я думал, что с ними будут проблемы. Но они все на редкость разумные — ни один не задал мне работы. Жаль, не могу сказать того же о детях из некоторых семей, живущих здесь из поколения в поколение. Кроме того, Каллены держатся все вместе, как и положено хорошей семье — почти каждые выходные выезжают за город... Им без конца моют кости просто потому, что они приезжие.

Кажется, еще никогда на моей памяти Чарли не произносил такую длинную речь. Что бы там

ни говорили о Калленах, эти сплетни задевали его за живое.

Я решила не углубляться в расспросы.

— А мне они кажутся вполне симпатичными. Я просто обратила внимание на то, что они ни с кем не общаются. И еще они все очень красивые, — отметила я, стараясь быть добрее к Калленам.

— Видела бы ты самого доктора! — Чарли рассмеялся. — Хорошо еще, что он счастливо женат. Многим медсестрам в больнице нелегко сосредоточиться на работе в его присутствии.

Отужинав, мы снова погрузились в молчание. Чарли убрал со стола, а я принялась за посуду. Потом он вернулся к телевизору, а я, покончив с работой — посудомоечной машины в доме не было — неохотно побрела вверх делать математику. Кажется, такие вечера войдут у нас в традицию.

Эта ночь, наконец, прошла спокойно. Я просто провалилась в сон от усталости.

Неделя пролетела без происшествий. Понемногу я привыкала к новой школе. К пятнице уже знала всех учеников, если не по имени, то хотя бы в лицо. На физкультуре ребята из моей команды больше не давали мне пас и быстро заслоняли, если противник бил в мою сторону, надеясь воспользоваться «слабым звеном». Я, в свою очередь, благодарно старалась убраться с дороги.

Эдвард Каллен так и не появился.

Каждый день я с тревогой ждала появления Калленов в столовой, и лишь убедившись, что их четверо, могла расслабиться и присоединиться к общему разговору. По большей части за нашим столом обсуждали предстоящую поездку в прибрежный океанический парк-заповедник Ла Пуш, организацией

которой занимался Майк. Через две недели я должна была отправиться туда вместе со всеми — правда, скорее из вежливости, чем из интереса. Все-таки пляжи должны быть сухими и жаркими.

Всю неделю я спокойно ходила на биологию, уверенная, что Эдварда в классе не увижу. Насколько мне было известно, он совсем бросил школу. Я старалась не думать о нем, но меня никак не оставляло беспокойство по поводу того, что я была как-то причастна к его исчезновению — казалось бы, совершенно нелепое.

Мои первые выходные в Форксе также прошли без происшествий. Чарли, не любивший проводить время в пустом доме, по привычке ушел на работу. Я сделала уборку, приготовила уроки на несколько дней вперед и написала маме фальшиво бодрое письмо. В субботу я побывала в библиотеке, но в ней было так мало книг, что я не стала даже заводить карточку. Придется назначить день, съездить в Олимпию или Сиэтл и найти хороший книжный магазин. Я прикинула, сколько бензина сожрет мой пикап за эту поездку, и содрогнулась.

Дождь тоже особо не докучал, и я спала спокойно все выходные.

В понедельник утром на школьной парковке со мной уже здоровались. Я не помнила всех имен, но кивала и улыбалась в ответ. Стало холоднее, но, к счастью, не было дождя. На английском Майк привычно занял место рядом со мной. Нам неожиданно дали контрольную по «Грозовому перевалу» — вопросы были легче легкого.

В конце концов, мои дела шли лучше, чем я того ожидала. Я даже представить себе не могла, что буду чувствовать себя здесь настолько комфортно.

Когда мы вышли из здания, в воздухе кружили белые хлопья. Вокруг слышались возбужденные крики.

Ветер кусал мне нос и щеки.

— Вот здорово, — сказал Майк. — Снег идет!

Я смотрела на крошечные ватные шарики, которые беспорядочно вертелись вокруг моего лица и сбивались в кучки вдоль тротуара.

— Ага.

Снег. Вот и мой счастливый день.

Он удивился.

— Ты что, не любишь снег?

— Нет. В моем представлении это просто замерзший дождь. — Разве это не так? — Кроме того, мне казалось, что снег должен летать в воздухе в виде снежинок — ну, знаешь, каждая из них уникальна и все такое... А это прямо как ватные катышки с концов ушных палочек.

— Ты что, никогда раньше не видела снега? — недоверчиво спросил он.

— Конечно, видела, — я выдержала паузу. — По телевизору.

Майк засмеялся. И тут же большой ком снежной каши ударил его по затылку. Мы оба обернулись. От нас подозрительно быстро удалялся Эрик, причем совершенно не в том направлении, куда ему было нужно по расписанию. Майк, очевидно, пришел к тому же выводу. Он наклонился и принялся сгребать в кучу мокрое белое месиво.

— Увидимся в столовой, ладно? — сказала я, продолжив свой путь. — Раз уж вы тут начали кидаться всякой мокрой дрянью, я лучше пойду в помещение.

Он лишь кивнул, не отрывая взгляда от спины отступающего противника.

Все разговоры в то утро вертелись исключительно вокруг снега — это был первый снегопад в наступившем году. Я помалкивала. Конечно, снег посуше, чем дождь, но только до тех пор, пока не растает у тебя в носках.

Направляясь в столовую после испанского, я настороженно следила за мокрыми снежками, которые летали повсюду. В руках я несла пластиковую папку, чтобы в случае чего использовать ее как щит. Джессика потешалась, глядя на меня, но что-то в моем лице удерживало ее от того, чтобы самой бросить в меня снежок.

Майк нагнал нас, когда мы, смеясь, вваливались в двери столовой. Мокрый снег таял в его стоявших торчком волосах. Пока мы ждали в очереди к раздаче, они с Джессикой оживленно обсуждали снежную битву. Я по привычке взглянула на заветный стол в углу и застыла на месте: сегодня там было пять человек.

Джессика потянула меня за рукав.

— Белла! Ау! Ты что будешь?

Я опустила голову, у меня горели уши. У тебя нет причин смущаться, повторяла я себе. Ты не сделала ничего дурного.

— Что это с Беллой? — спросил Майк у Джессики.

— Ничего, — ответила я за нее. — Я — только колу.

И я встала в конец очереди.

— Ты есть не хочешь? — спросила Джессика.

— Меня немного тошнит, — сказала я, опустив голову.

Я подождала, пока они укомплектуют свой обед, и пошла вместе с ними к столу, не поднимая глаз от собственных ботинок. Я маленькими глотками прихлебывала колу, а желудок сводили судороги. Майк дважды с излишней заботой спросил меня, как я себя чувствую.

Я сказала ему, что ничего страшного, но про себя прикинула: а если разыграть эту карту и взять у медсестры освобождение от биологии?

Просто смешно. Не надо убегать.

Я решила позволить себе один взгляд на семейный стол Калленов. Если Эдвард опять *так же* на меня

смотрит, я пропущу биологию, как последняя трусиха.

Я склонила голову и потихоньку покосилась на них из-под опущенных ресниц. Никто на меня не смотрел. Я слегка выпрямилась. Они смеялись. Волосы Эдварда, Эмметта и Джаспера были совершенно мокры от таявшего снега.

Элис и Розали отпрянули, когда Эмметт встряхнул головой, разбрасывая капли воды во все стороны. Как и остальные, они наслаждались первым снегом — ну, разве что выглядели при этом как в кино.

Но, помимо смеха и игривого настроения, была еще какая-то перемена, и я никак не могла ее уловить. Я изучала Эдварда пристальнее, чем остальных. Его кожа немного порозовела (может быть, он только что играл в снежки?), круги вокруг глаз выделялись не так резко. Но кроме этого, было что-то еще. Я напряженно вглядывалась, стараясь понять, в чем дело.

— Белла, куда это ты так смотришь? — неожиданное вторжение Джессики застало меня врасплох. Она проследила за направлением моего взгляда.

И в ту же секунду его глаза сверкнули, встретившись с моими.

Я уронила голову, позволив волосам спрятать мое лицо. Тем не менее, я могла бы поклясться, что в его глазах не было враждебности, как в прошлый раз. Лишь легкий интерес и какая-то странная неудовлетворенность.

— Эдвард Каллен смотрит на тебя, — хихикнула Джессика мне в ухо.

— Злобно? — не удержавшись, спросила я.

— Да нет, — недоуменно произнесла она. — А что, есть повод?

— Кажется, я ему сильно не нравлюсь, — призналась я. Тошнота не проходила. Я положила голову на согнутые в локтях руки.

— Ну, Калленом никто не нравится. Ведь чтобы кто-то понравился, его надо сперва заметить, а они никого не замечают. Он все еще на тебя смотрит.

— Хватит на него пялиться! — зашипела я.

Она хохотнула, но отвела взгляд. Я подняла голову, чтобы проверить, послушалась ли она меня, готовая в случае надобности применить насилие.

Нас прервал Майк — он собирал войско для грандиозной битвы в снежки на парковке и хотел, чтобы мы присоединились. Джессика с радостью согласилась. Она так смотрела на Майка, что, без сомнения, согласилась бы на что угодно, что он ни предложи. Я промолчала. Придется прятаться в раздевалке, пока они не разойдутся.

Все оставшееся от обеда время я тщательно разглядывала стол. Я решила исполнить данное себе слово: раз он не зол, надо идти на биологию. Мой желудок выдавал кульбиты при одной мысли о том, что придется сидеть рядом с ним.

Не хотелось, как обычно, идти на урок с Майком — кажется, он был здесь излюбленной мишенью для снежков. Но, когда мы подошли к двери, по рядам бойцов пронесся дружный стон разочарования. Шел дождь, смывая остатки снега, которые прозрачными льдистыми ленточками убегали прочь вдоль бортиков тротуара. Я натянула на голову капюшон, тихо радуясь про себя. Теперь можно будет спокойно ехать домой прямо после физкультуры.

Всю дорогу к четвертому корпусу Майк, не переставая, жаловался на козни судьбы.

Войдя в класс, я с облегчением обнаружила, что мой стол пуст. Мистер Беннер ходил кругами, раздавая всем микроскопы и коробочки с препаратами — по одному комплекту на парту. Урок никак не начинался, и комната гудела от разговоров. Я старалась

не смотреть на дверь и лениво водила ручкой по обложке тетради, рисуя разные закорючки.

Я четко услышала звук отодвигаемого стула, но это заставило меня только сильнее сосредоточиться на создаваемом узоре.

— Привет, — произнес негромкий мелодичный голос.

Я повернула голову, пораженная тем, что он заговорил со мной. Он опять отодвинулся как можно дальше, но развернул стул в мою сторону. С его растрепанной головы капала вода, и даже в таком виде он выглядел так, словно только что снимался в рекламе геля для волос. Сияющее красотой лицо было дружелюбным и открытым, на безупречных губах — легкая улыбка. Но глаза смотрели настороженно.

— Меня зовут Эдвард Каллен, — продолжил он. — Жаль, что у меня не было возможности представиться на прошлой неделе. Ты, должно быть, Белла Свон.

Мои мысли заметались в беспорядке. Я что, выдумала все, что было? Сейчас он был безукоризненно вежлив. Нужно было отвечать — он ждал этого, — но ничего достойного в голову не приходило.

— О-откуда ты знаешь мое имя? — заикаясь, произнесла я.

Он издал мягкий завораживающий смешок.

— О, его уже все вокруг знают. Тебя ждал весь город.

Я поморщилась. Ну конечно, так я и думала.

— Да нет, — продолжала тупо настаивать я. — Почему ты назвал меня Беллой?

Он растерялся.

— Ты предпочитаешь «Изабелла» ?

— Нет, «Белла» мне нравится больше, — сказала я. — Но я думала, что Чарли — это мой отец — за глаза

всегда зовет меня Изабеллой, поэтому поначалу все здесь называют меня так, — я сбивчиво старалась донести до него свою мысль, чувствуя себя полной идиоткой.

— А-а, — он предпочел оставить тему. Я неловко отвернулась.

К счастью, мистер Беннер наконец-то начал урок. Я внимательно стала слушать его объяснения к лабораторной работе, которую нам предстояло делать сегодня. Препараты в коробке были перепутаны. Работая совместно с соседом по столу, нужно распределить стекла с препаратами клеток кончика корня лука по фазам митоза и правильно подписать их. Учебник использовать нельзя. Через двадцать минут он пройдет по рядам и посмотрит, кто справился с работой.

— Начинайте, — скомандовал он.

— Дамы вперед, напарник? — спросил Эдвард. Я подняла глаза: он улыбался одним уголком рта. Улыбка была такой невероятной красоты, что я оторопело уставилась на него, как дурочка.

— Если хочешь, я могу начать, — улыбка погасла. Он явно начал сомневаться в моих умственных способностях.

— Нет, — ответила я, покраснев. — Давай я буду первой.

Я немножко рисовалась. Я уже делала эту работу и точно знала, какую картинку надо искать. Будет нетрудно. Я положила под микроскоп первый препарат и навела на резкость 40-кратный объектив. Бегло посмотрев в окуляр, я вынесла уверенный вердикт:

— Профаза.

— Не возражаешь, если я взгляну? — спросил он, когда я уже убирала стеклышко. Он хотел вернуть его на место, и наши руки встретились. Его пальцы были холодны, как лед, словно он всю перемену продержал

руки в сугробе. Но я вздрогнула не поэтому — от его прикосновения меня словно ударило током, как будто через нас прошел электрический разряд.

— Извини, — пробормотал он, поспешно убрав руку, но по-прежнему выказывая желание добраться до микроскопа. Я смотрела на него, не в силах прийти в себя, пока он разглядывал препарат. Это заняло у него еще меньше времени, чем у меня.

— Профаза, — согласился он и аккуратно записал все в первой строчке таблицы. Быстро сменив препараты, он бегло глянул на второй.

— Анафаза, — проговорил он себе под нос, записывая.

— Можно посмотреть? — как можно равнодушнее спросила я.

Он самодовольно улыбнулся и придвинул ко мне микроскоп.

Сгорая от нетерпения, я заглянула в окуляр, но радоваться было нечему. Черт возьми, он был прав.

— Номер три, пожалуйста, — я протянула руку, не глядя на него.

Эдвард подал мне стеклышко. Мне показалось, что он изо всех сил старался не коснуться меня. Я изучила препарат быстро, насколько смогла.

— Интерфаза, — я предупредительно подвинула микроскоп к нему. Он мельком бросил взгляд в окуляр и сделал следующую запись. Я могла бы записывать, пока он смотрел, но его ясный изящный почерк был настолько хорош, что я постеснялась предложить. Не хотелось портить страницу своими кривыми каракулями. Мы закончили работу быстрее всех. Я видела, как Майк и его соседка снова и снова сравнивают два препарата, а кое-кто подглядывает в книжку под столом.

Теперь мне было нечем заняться, разве что воспитывать в себе силу воли, стараясь не глядеть

на Каллена. Напрасный труд — я все-таки подняла глаза. Он смотрел на меня все с тем же необъяснимым выражением тревожной досады на лице. И тут я поняла, что в нем изменилось.

— Ты что, одел линзы? — не подумав, ляпнула я.

Мой неожиданный вопрос, казалось, сбил его с толку.

— Нет.

— Кажется, в прошлый раз у тебя глаза были какие-то другие, — пробормотала я.

Он пожал плечами и отвернулся.

На самом деле, я не ошиблась. Я живо помнила непроницаемо-черный цвет его глаз, когда он в прошлый раз смотрел на меня с ненавистью — этот цвет так не вязался с бледностью кожи и теплым оттенком рыжевато-каштановых волос. Сегодня его глаза были совсем другими — цвета охры. Темнее, чем ириски, но того же золотистого тона. Непонятно, как такое могло быть, наверное, он соврал насчет линз. А может быть, в Форксе я начала сходиться с ума в буквальном смысле слова.

Я посмотрела вниз: его руки снова были сжаты в кулаки.

Мистер Беннер подошел к нашему столу, чтобы понять, почему мы бездельничаем. Он увидел, что лабораторная работа сделана, и взял в руки наш листок, чтобы проверить ответы.

— Ну, Эдвард, не кажется ли тебе, что Изабелле тоже надо было дать возможность посмотреть в микроскоп? — спросил учитель.

— Белле, — автоматически поправил Эдвард. — Вообще-то, она определила три из пяти.

Теперь мистер Беннер смотрел на меня со скептическим выражением на лице.

— Ты уже делала эту работу? — спросил он.

Я смиренно улыбнулась:

— Только не на клетках корня лука.

— Бластула сига?

— Да.

Мистер Беннер кивнул.

— В Финиксе у тебя была углубленная программа по биологии?

— Да.

— Ну что ж, — сказал он, чуть помедлив. — Хорошо, что вы двое сидите вместе. — И пробормотал что-то еще, удаляясь. Я снова принялась разрисовывать обложку тетради.

— Жаль, что снег растаял, да? — спросил Эдвард. У меня возникло чувство, что он заставил себя вновь завязать разговор. Меня опять захлестнула паранойя. Он словно подслушал нас с Джессикой за обедом и теперь старается доказать мне, что я была неправа насчет него.

— Да не особенно, — честно ответила я, вместо того, чтобы притвориться, что я такая же, как все. Все еще мысленно стараясь развенчать нелепые подозрения, я не могла сосредоточиться на разговоре.

— Ты не любишь холод, — это не было вопросом.

— А также сырость.

— Должно быть, тебе нелегко жить в Форксе, — предположил он задумчиво.

— Даже не представляешь себе, до какой степени, — мрачно пробормотала я.

Казалось, его очаровал мой ответ, правда непонятно, почему. Его лицо настолько отвлекло мое внимание, что я решила смотреть на него не чаще, чем того требовала простая вежливость.

— Почему тогда ты приехала сюда?

Никто еще не спрашивал меня об этом настолько прямо и требовательно.

— Это сложно понять.

— Я постараюсь, — он настаивал, почти давил.

Я выдержала длинную паузу, но совершила роковую ошибку, вновь посмотрев на него. Взгляд его глаз цвета темного золота спутал все мои мысли, и я бесхитростно ответила:

— Мама снова вышла замуж.

— Звучит вполне понятно, — не согласился он, но в его интонации мне послышалось неожиданное сочувствие. — Когда это произошло?

— В сентябре, — мой голос показался грустным даже мне самой.

— И он тебе не понравился, — предположил Эдвард.

— Нет, Фил отличный. Ну, может быть, слишком молод, но вообще-то он очень милый.

— А почему ты с ними не осталась?

Я не могла понять, чем был вызван его интерес. Эдвард продолжал смотреть на меня пронизывающим взглядом, словно ему было жизненно важно узнать мою скучную историю.

— Фил много путешествует. Он бейсболист, — я слегка улыбнулась.

— Может быть, я о нем слышал? — спросил он, улыбнувшись в ответ.

— Скорее всего, нет. Как профессионал он слабоват. Никак не может пробиться из низшей лиги. Поэтому приходится часто переезжать.

— И мама отправила тебя сюда, чтобы можно было сопровождать его в поездках, — он снова высказал предположение, а не задал вопрос.

Я гордо подняла подбородок:

— Мама меня не отправляла. Я сама себя отправила. Его брови сошлись на переносице.

— Я не понимаю, — он признал поражение и был без всякой на то причины этим раздосадован.

Я вздохнула. Ну зачем я ему все объясняю? Он продолжал разглядывать меня с явным любопытством.

— Она поначалу оставалась со мной, но очень скучала по нему. И была несчастна... Поэтому я решила, что настал как раз подходящий момент уделить немного времени Чарли, — мой голос совсем упал к концу этой фразы.

— Ну, и теперь несчастна ты, — подчеркнул Эдвард.

— И что?.. — с вызовом спросила я.

— Кажется, это несправедливо, — он пожал плечами, но его глаза не отпускали меня.

Я невесело рассмеялась.

— А тебе еще никто не говорил? Жизнь вообще несправедлива.

— Слышал что-то подобное, — сухо согласился он.

— Ну так вот, — я упрямо гнула свое, удивляясь, почему он продолжает пристально смотреть на меня.

Он оценивающе прищурился.

— Что ж, отличный спектакль, — медленно произнес он, — Но я охотно побьюсь об заклад на то, что ты никому не позволишь увидеть, как сильно страдаешь на самом деле.

Я скорчила ему рожу, с трудом подавив желание высунуть язык, как пятилетняя девочка, и отвернулась.

— Я неправ?

Я старалась его не замечать.

— Едва ли, — самодовольно пробормотал он.

— Какое тебе дело до этого? — раздраженно спросила я. Не глядя на него, я внимательно следила за тем, как Беннер нарезает круги по классу.

— Хороший вопрос, — тихо, спокойно сказал он, и я подумала, что он обращается к самому себе. Но так как наступило молчание, я поняла, что это был ответ и другого я не получу. Я вздохнула и стала сердито разглядывать доску.

— Я тебя раздражаю? — весело спросил он.

Не подумав, я посмотрела на него... и снова сказала правду.

— Не совсем так. Я сама себя раздражаю. У меня вечно все на лице написано. Мама зовет меня своей «открытой книгой». — Я нахмурилась.

— А я вот, напротив, с трудом читаю тебя, — вопреки всему тому, что я успела наговорить, и о чем он сумел догадаться, эти слова прозвучали без тени иронии.

— Должно быть, ты проницательный читатель, — ответила я.

— Как правило, да, — он сверкнул широкой улыбкой, обнажив ряд безупречных, неправдоподобно белых зубов.

Мистер Беннер громко потребовал внимания, и я с облегчением переключилась на него. Я не могла понять, каким образом умудрилась поделиться мрачными подробностями своей жизни с этим странным красивым парнем, который, возможно, презирал меня. Еще недавно он, казалось, был полностью поглощен нашим разговором, а теперь я видела краем глаза, что он снова отклонился от меня, а его рука с нескрываемым напряжением вцепилась в край стола.

Я старалась слушать мистера Беннера, пока он обстоятельно, со слайдами рассказывал классу о том, что я только что видела под микроскопом. Но мои мысли неслись неуправляемым потоком.

Когда, наконец, прозвенел звонок, Эдвард так же быстро и изящно сорвался с места, как в прошлый понедельник, а я так же осталась сидеть, оторопело глядя ему вслед.

Майк быстро подскочил ко мне и собрал мои вещи. Я мысленно приделала ему виляющий хвостик.

— Ужас, — простонал он, — Они были все одинаковые. Тебе повезло, ты сидишь с Калленом.

— Да я и сама бы легко справилась, — ответила я, уязвленная его замечанием, но сразу пожалела о своем

высокомерии. — Я уже делала эту работу, — добавила я, прежде чем он успел обидеться.

— Каллен сегодня был любезен, — отметил Майк, когда мы одевали плащи. Кажется, ему это не понравилось.

— Интересно, что с ним случилось в прошлый понедельник? — я очень постаралась сказать это нейтральным тоном.

Я не смогла сконцентрироваться на болтовне Майка, который шел со мной на физкультуру, да и сам урок не удостоился должной меры моего внимания. Сегодня Майк играл в моей команде. Он благородно перехватывал летевшие в меня мячи, и мне приходилось включаться в игру только тогда, когда подходила моя очередь подавать. Каждый раз игроки моей команды благоразумно разбегались в стороны.

Когда я шла на парковку, от дождя осталась только туманная пелена в воздухе. И все равно я почувствовала себя лучше в сухой кабине пикапа. Я включила обогреватель, стараясь не слышать оглушительного рева двигателя. Потом я расстегнула куртку, стянула капюшон и распустила влажные волосы, чтобы тепло печки высушило их по дороге домой.

Я посмотрела вокруг, чтобы убедиться, что путь свободен, и только тут заметила неподвижную белую фигуру. Эдвард Каллен, опершись о переднюю дверцу своего «Вольво» через три машины от меня, внимательно смотрел в мою сторону. Я быстро отвернулась и сдала назад, в спешке почти задев ржавую «Тойоту Короллу». К счастью для «Тойоты», я вовремя ударила по тормозам, а то мой пикап разнес бы ее вдребезги. Я сделала глубокий вдох и, все еще глядя в противоположную от Каллена сторону, успешно выбралась со стоянки. Проезжая мимо «Вольво», я смотрела только вперед, но боковым

зрением — могу поклясться! — заметила, что он смеялся.

Глава 3. Человек-загадка

Когда на следующее утро я открыла глаза, то обнаружила какую-то неуловимую перемену.

Свет. Это был все тот же серо-зеленый свет пасмурного дня в лесу, но он как-то прояснился. Я заметила, что за окном не было тумана.

Я вскочила, выглянула в окно и застонала от ужаса.

Тонкий слой снега засыпал двор, припорошил мой пикап и выбелил дорогу. Но это было еще не самое худшее. Весь вчерашний дождь замерз, он сосульками свисал с веток деревьев, как фантастическое кружево, и превратил асфальт в смертельно опасный каток. Я и в сухую-то погоду вечно падала на ровном месте, а сегодня мне, наверное, лучше было вообще не вылезать из постели.

Чарли уехал на работу еще до того, как я спустилась вниз. По сути, жить с Чарли оказалось все равно, что иметь собственную квартиру — вместо того, чтобы страдать от одиночества, я наслаждалась уединением. Быстро проглотив ложку хлопьев, я попила апельсинового сока прямо из пакета. Я чувствовала приятное возбуждение оттого, что иду в школу, и меня это пугало. Было понятно, что я радовалась не погружению в благотворную образовательную среду и не кругу новых друзей. Если быть до конца честной, я спешила в школу, потому что хотела скорее увидеть Эдварда Каллена. И это было очень и очень зря.

После всего того, что я ему вчера сгоряча наболтала, надо было наоборот держаться от него подальше. Он вызывал подозрения: зачем, например, ему понадобилось врать про линзы? Меня по-прежнему пугала враждебность, которая иногда исходила от него,

и у меня по-прежнему отнимался язык, стоило только представить себе его безупречно-красивое лицо. Я прекрасно понимала, что мы играли в разных лигах и никогда не сошлись бы на одном поле. Поэтому мне совсем не стоило так волноваться, предвкушая сегодняшнюю встречу.

Пришлось призвать на помощь все свои способности, чтобы пройти по обледенелым кирпичам гаражного въезда и остаться целой и невредимой. Я почти упала у самого пикапа, но мне удалось спастись, схватившись за боковое зеркало. Становилось ясно, что впереди маячило кошмарное «сегоднячко».

По дороге в школу, стараясь выбросить из головы страхи по поводу падений и дурацкие мечтания об Эдварде Каллене, я размышляла о Майке и Эрике и о том, насколько по-другому ко мне здесь относятся мальчики. Я была уверена, что внешне не изменилась и выглядела так же, как в Финиксе. Может быть, ребята из моей старой школы долго наблюдали меня во всех малоприятных стадиях подросткового возраста и привыкли ко мне такой? Может быть, я просто была здесь новым лицом, и это придавало мне дополнительную ценность? Может быть, моя выдающаяся неловкость казалась здесь скорее трогательной, нежели жалкой — во мне все видели такую «даму в беде»? Как бы то ни было, щенячье поведение Майка и явное соперничество с ним Эрика меня смущали. Возможно, я предпочла бы, чтобы меня не замечали совсем.

Мой пикап без труда преодолевал дорогу, покрытую слоем черного льда. Тем не менее, я ехала очень медленно, не желая пробороздить Мейн Стрит полосой разрушений.

Выйдя из машины, я поняла, почему мне было так легко ее вести. Что-то серебристое сверкнуло перед глазами, и я двинулась к кузову пикапа, не забывая

аккуратно держаться за борта, чтобы осмотреть шины. Их крест-накрест обвивали железные цепи. Чарли поднялся бог весть в какую рань, чтобы надеть их на колеса моей машины. У меня неожиданно запершило в горле. Я не привыкла, чтобы обо мне заботились, и молчаливая помощь Чарли тронула меня до слез.

Я стояла, держась за угол кузова пикапа, и пыталась не расплакаться от вида противоскользящих цепей, когда услышала этот странный звук.

Это был надсадный визг тормозов, и он быстро становился громче, отдаваясь болью в ушах. Я подняла голову и вздрогнула.

И сразу увидела несколько вещей. Это не было похоже на замедленную съемку в кино, наоборот, выброс адреналина заставил мозг работать быстрее, и я охватила взглядом несколько направлений одновременно, различая каждую деталь.

Эдвард Каллен стоял через четыре машины от меня, его глаза широко раскрылись от ужаса. Его лицо выделялось из целого моря лиц, на каждом из которых застыла маска отчаяния и страха. Но важнее было другое — синий фургон, который, бешено вращаясь под оглушительный скрежет тормозов, несся по парковке прямо на мой автомобиль. Спустя секунду он грозил врезаться в задний угол пикапа, а я стояла прямо между ними. У меня даже не было времени закрыть глаза.

Но перед тем, как послышался грохот фургона, разбивающегося вдребезги о железную раму пикапа, что-то с силой толкнуло меня с другой стороны. Моя голова с треском ударилась о ледяной асфальт, и я почувствовала, как что-то твердое и холодное пригвоздило меня к земле. Я лежала на тротуаре позади светло-коричневой машины, рядом с которой припарковалась. Но я не успела заметить больше

ничего, потому что фургон снова приближался. Ударившись об угол пикапа, он с грохотом развернулся и, не переставая вращаться на скользком льду, *опять* угрожающе надвигался на меня.

Совсем рядом кто-то негромко ругнулся, и я поняла, что не одна здесь — этот голос невозможно было не узнать. Две длинные белые руки вытянулись передо мной, защищая от удара. Фургон, качнувшись, остановился в шаге от моего лица, а большие ладони поразительным образом вписались в глубокую вмятину на синем борту.

Потом руки замелькали так быстро, что расплылись в неясное белесое пятно. Одна стремительно схватилась за днище фургона, и что-то проволокло меня по земле и перевернуло, как тряпичную куклу, так что мои ноги ударились о колесо коричневой машины. С оглушительным стоном, рвущим барабанные перепонки, металл ударился о металл, и фургон обрушился на асфальт так, что посыпалось стекло. Там, куда он упал, еще секунду назад были мои ноги.

Один долгий миг стояла абсолютная тишина, а потом со всех сторон раздались громкие вопли, и во внезапно наступившем бедламе можно было различить, как несколько голосов выкрикивают мое имя. Но гораздо отчетливее, чем эти крики, я услышала тихий яростный голос Эдварда Каллена у своего уха:

— Белла! Ты в порядке?

— Все нормально, — моя речь звучала как-то странно. Я попробовала сесть и вдруг поняла, что он железной хваткой прижимает меня к своему боку.

— Осторожно, — сказал он, когда я стала вырываться, — Кажется, ты здорово ударилась головой.

Я тут же почувствовала пульсирующую боль прямо над левым ухом.

— Ой, — удивленно сказала я.

— Вот и я так подумал, — к моему изумлению, в его голосе слышался сдавленный смех.

— Черт, как ты... — я замолчала, пытаюсь обрести ясность в голове и вновь почувствовать свое тело. — Как ты подскочил так быстро?

Он посерьезнел:

— Я же стоял рядом с тобой.

Я повернулась, чтобы сесть, и на этот раз он позволил: расцепил руки, сжимавшие мою талию, и отодвинулся от меня, насколько это было возможно в ограниченном пространстве. Я посмотрела в его честное озабоченное лицо, и снова глаза, отливавшие золотом, сбили меня с толку. О чем же я его спрашивала?

И тут они обнаружили нас — люди с залитыми слезами лицами, они кричали что-то друг другу, кричали что-то нам.

— Не двигайтесь, — приказал кто-то.

— Достаньте Тайлера из машины, — крикнул кто-то еще.

Вокруг нас развернулась бурная деятельность. Я попробовала было подняться, но холодная рука Эдварда прижала мое плечо к земле.

— Полежи немного.

— Но мне холодно, — заныла я. К моему удивлению, он тихо рассмеялся — чуть слышно, почти неуловимо.

— Ты стоял там, — я неожиданно все вспомнила, и смех оборвался. — Около своей машины.

Его лицо окаменело.

— Нет, ты ошибаешься.

— Я видела тебя. — Вокруг нас царил хаос. Я услышала более грубые голоса — это взрослые прибыли на место происшествия. Но я упрямо продолжала спор: я была права, и он должен был признать это.

— Белла, я был рядом с тобой, и я оттолкнул тебя с пути фургона, — силой его гипнотического взгляда можно было разрушить город. Он словно пытался внушить мне что-то жизненно важное для себя.

— Нет, — я упрямо выдвинула вперед подбородок.

Блеск расплавленного золота в его глазах ослеплял меня.

— Белла, пожалуйста.

— Но почему? — требовательно спросила я

— Поверь мне, — он умолял, и его мягкий голос подчинял себе все мои чувства.

Я услышала вой сирены.

— Объяснишь мне потом, обещаешь?

— Ладно! — резко бросил он, вдруг выходя из себя.

— Ладно, — сердито повторила я.

Понадобились усилия шести санитаров и двух учителей — мистера Варнера и тренера Клаппа, — чтобы отодвинуть фургон и подтащить к нам носилки. Эдвард протестовал настолько рьяно, что его оставили в покое. Я попробовала было последовать его примеру, но этот предатель сообщил медикам, что я ударилась головой и у меня, возможно, сотрясение мозга. Я чуть не умерла от унижения, когда на меня надели фиксирующий голову «ошейник». Казалось, вокруг собралась чуть ли не вся школа, и эта огромная толпа печально взирала на то, как меня грузили в машину скорой помощи. А Эдвард просто сел на переднее сиденье, и я чуть не лопнула от злости.

В довершение ко всему, на сцену явился шеф полиции Свон собственной персоной.

— Белла! — в панике взревел он, увидев меня на носилках.

— Да все нормально, Чар... папа, — вздохнула я. — Со мной ничего не случилось.

Он повернулся к ближайшему санитару, чтобы услышать независимое мнение. Я тут же отключилась,

отдавшись во власть пестрого хоровода непонятных образов, которые теснились в моей голове. Вот меня подняли с земли, и я увидела глубокую вмятину на бампере светло-коричневой машины — очень четкую вмятину, по форме точно повторяющую очертания плеч Эдварда. Словно он упирался в бампер спиной с такой силой, что прогнулась металлическая рама.

Я видела его братьев и сестер, которые смотрели на все издали. На их лицах можно было прочесть всю гамму чувств от холодного неодобрения до полного бешенства, но я не заметила ни следа беспокойства за брата.

Я старалась придумать логическое объяснение всему увиденному, которое можно было бы построить без допущения, что я сумасшедшая.

До местной больницы нас сопровождал полицейский эскорт. Пока меня выгружали из машины, я сгорала от смущения, тем более что Эдвард спокойно проскользнул в больничную дверь на своих двоих. Я стиснула зубы.

Меня поместили в приемный покой скорой помощи — длинную комнату с рядом высоких коек, разделенных занавесками в нежных тонах. Медсестра померила мне давление и температуру. Поскольку никто не потрудился задернуть занавеску и скрыть меня от посторонних глаз, я решила, что не обязана больше носить дурацкий «ошейник». Когда сестра ушла, я быстро расстегнула «липучку» и бросила его на пол.

Вдруг все вокруг снова засуетились, и к соседней койке подкатили носилки. Я узнала Тайлера Кроули, с которым мы вместе посещали обществознание. Его голову покрывали пропитавшиеся кровью бинты, и выглядел он в сто раз хуже, чем я. Но тем не менее он тоже смотрел на меня очень озабоченно.

— Прости, Белла!

— Со мной все хорошо, Тайлер. А вот ты ужасно выглядишь, сам-то как?

Пока он говорил, сестры начали разматывать побуревшие бинты, и моему взору явилось его лицо: весь лоб и левую щеку покрывали мириады мелких порезов. Он не ответил мне, словно не слышал вопроса.

— Я думал, я тебя насмерть задавлю! Я слишком быстро ехал, и меня занесло...

Он поморщился — медсестра начала обрабатывать раны.

— Не беспокойся, ты промахнулся.

— Как тебе удалось так быстро уйти с дороги? Вот ты здесь, и вдруг — раз! — тебя уже нет...

— М-м-м... Эдвард меня оттолкнул.

Он не понял.

— Кто?

— Эдвард Каллен — он стоял рядом. — Я никогда не умела лгать, вот и сейчас мои слова прозвучали неубедительно.

— Каллен? Я его не видел... правда, все случилось так быстро. Он в порядке?

— Кажется, да. Он где-то здесь, ему даже носилки не понадобились.

Я знала точно, что я не сумасшедшая. Что же произошло? Невозможно было объяснить то, что я увидела.

Меня увезли на рентген. Я говорила всем, что со мной все в порядке, и оказалась права.

Даже сотрясения не было. Я спросила, можно ли мне уйти, но медсестра сказала, что сперва надо показаться доктору. Итак, я застряла в приемном покое, терзаемая постоянными извинениями Тайлера и его обещаниями загладить свою вину. И сколько я ни уверяла его, что со мной все хорошо, он продолжал посыпать солью свои раны. Наконец, я закрыла глаза и перестала его слушать. Он что-то покаянно бормотал, не умолкая.

— Она спит? — раздался мелодичный голос. Мои глаза миготом распахнулись.

Эдвард стоял рядом с моей койкой, самодовольно ухмыляясь. Я грозно воззрилась на него. Это оказалось нелегко — естественнее было бы растаять от немого восторга.

— Эй, Эдвард, мне правда очень жаль... — начал Тайлер.

Эдвард поднял руку, чтобы остановить его.

— Нет крови — нет вины, — сказал он, сверкнув белыми зубами. Присев рядом с Тайлером, он снова с ухмылкой посмотрел на меня.

— И что, каков диагноз? — спросил он.

— Да все со мной в порядке, просто не выпускают, — пожаловалась я. — А почему тебя не привязали к каталке, как остальных?

— Все дело в личных связях, — ответил он. — Но ты не бойся, я пришел тебя порадовать.

Тут из-за угла показался доктор, и я застыла с открытым ртом. Он был молод, у него были светлые волосы... и он был красивее, чем любой киноактер. Но вид у него был бледный и усталый — темные круги залегли вокруг глаз. Судя по описаниям Чарли, это был отец Эдварда.

— Итак, мисс Свон, — у доктора оказался очень приятный голос. — Как Вы себя чувствуете?

— Все в порядке, — сказала я, надеюсь, в последний раз за сегодня.

Он подошел к лампе-экрану над моей головой и включил ее.

— На рентгене ничего нет. Голова болит? Эдвард сказал, что удар был очень сильным.

— Нет, ничего не болит, — повторила я со вздохом, бросив быстрый сердитый взгляд на Эдварда.

Холодные пальцы доктора легко прошлись по моей голове. Он заметил, что я поморщилась.

— Здесь больно? — спросил он.

— Совсем чуть-чуть. — Бывало и похуже.

Я услышала тихий смех, и, подняв глаза, наткнулась на покровительственную улыбку Эдварда. Я сощурилась.

— Ваш отец в зале ожидания — можете поехать домой вместе с ним. Но если почувствуете головокружение или будет двоиться в глазах — немедленно возвращайтесь.

— А можно мне пойти в школу? — спросила я, с ужасом воображая Чарли, проявляющего заботу.

— Думаю, сегодня следует отдохнуть.

Я взглянула на Эдварда.

— Но ведь *он* идет в школу?

— Ну, должен же кто-то принести благую весть о том, что мы остались живы, — самодовольно произнес он.

— Вообще-то, полшколы собралось в зале ожидания, — внес ясность доктор Каллен.

— О, нет! — простонала я и закрыла лицо руками.

Доктор Каллен поднял брови.

— Хотите остаться?

— Нет-нет, — быстро ответила я и, спустив ноги, поспешно прыгнула с высокой койки. Разумеется, слишком поспешно — я не рассчитала и свалилась прямо на доктора Каллена. Он с тревогой посмотрел на меня.

— Все хорошо, — повторила я. Не объяснять же ему, что мои сложные отношения с собственным телом начались задолго до сегодняшних событий.

— Примите «Тайленол» от головной боли, — сказал он, устанавливая меня вертикально.

— Голова почти не болит, — отнекивалась я.

— А ведь Вам безумно повезло так легко отделаться, — заметил доктор Каллен, подписывая фломастером мою карточку.

— Просто повезло, что Эдвард стоял рядом со мной, — поправила я, бросив строгий взгляд на объект своего высказывания.

— О да, — рассеянно согласился доктор Каллен и неожиданно углубился в бумаги, которые держал перед собой. Потом он отвернулся и пошел к Тайлеру. Интуиция шепнула мне, что доктор с сыном заодно.

— А вот *Вам*, боюсь, придется задержаться здесь подольше, — заявил он Тайлеру и начал осматривать его порезы.

Как только доктор отвлекся, я переключилась на Эдварда.

— Можно с тобой поговорить? — тихо прошипела я. Он отошел на шаг и неожиданно стиснул челюсти.

— Тебя ждет отец, — сказал он сквозь зубы.

Я взглянула на Тайлера и доктора Каллена.

— Я хотела бы поговорить наедине, если ты не против, — не отставала я.

Он сердито посмотрел на меня, повернулся спиной и быстро пошел к выходу. Мне пришлось почти бежать, чтобы успеть следом. Зайдя за угол, он остановился и развернулся лицом ко мне.

— Чего ты хочешь? — с досадой спросил он. Взгляд его был холоден.

Я оробела от его враждебности.

— Ты должен мне все объяснить, — мои слова не содержали и малой доли той суровости, которую я хотела бы в них вложить.

— Я спас тебе жизнь и ничего не должен.

Уловив в его голосе возмущение и обиду, я отпрянула.

— Ты обещал.

— Белла, ты ударила головой и сама не понимаешь, что говоришь, — ядовито сказал он.

Наконец, мной овладел гнев, и я дерзко уставилась на него.

— У меня с головой все в порядке.

Он отразил мой взгляд.

— Чего ты от меня хочешь, Белла?

— Правды. Я хочу понять, почему должна лгать из-за тебя.

— Что же, *по-твоему*, произошло? — резко бросил он.

Тут меня прорвало.

— Я точно помню, что ты не стоял рядом со мной, Тайлер тоже тебя не видел, так что не говори мне, что я ударилась головой. Фургон должен был раздавить нас обоих — но мы живы, ...и твои руки оставили вмятины на фургоне, ...и твоя спина оставила вмятину на другой машине, а у тебя — ни царапины, ...и фургон расплющил бы мне ноги, но ты приподнял его и держал на весу... — я понимала, что моя речь похожа на бред сумасшедшего, и не могла продолжать. Я была настолько взвинчена, что еще немного — и полились бы слезы. Я сжала зубы, чтобы не дать им воли.

Он изумленно смотрел на меня, но лицо оставалось жестким, настороженным.

— Я приподнял фургон? — спросил он так, словно сомневался в моем здравом уме, но этим только усилил мои подозрения. Фраза прозвучала театрально, словно реплика умелого актера.

Я едва кивнула, не разжимая зубов.

— Тебе же никто не поверит! — почти насмешливо сказал он.

— А я никому и не скажу, — медленно проговорила я, тщательно сдерживая гнев.

Удивление скользнуло по его лицу.

— Тогда какая разница?

— Для меня есть разница. Я не люблю врать, поэтому, если приходится, то хорошо бы иметь достойную причину, — упорствовала я.

— А нельзя просто сказать мне «спасибо» и оставить это дело в покое?

— Спасибо, — я ждала, сгорая от нетерпения.

— Ты не отстанешь, ведь так?

— Нет.

— Что ж... Надеюсь, тебе по душе вкус разочарования.

В молчании мы гневно уставились друг на друга. Я заговорила первая, стараясь не упустить нить: я боялась, что вот-вот впаду в ступор от вида его великолепного мертвенно-бледного лица. Тягаться с ним было все равно, что взглядом укрощать ангела-разрушителя.

— И зачем ты вообще туда полез? — холодно спросила я.

Он помедлил, и на мгновение прекрасное лицо стало неожиданно беззащитным.

— Я не знаю, — прошептал он, развернулся и ушел.

Гнев переполнял меня, и еще пару минут я стояла, не в состоянии сдвинуться с места. Наконец, я повернулась и побрела к выходу.

Обстановка в зале ожидания была еще хуже, чем я предполагала. Казалось, абсолютно все, кого я знала в Форксе, были здесь и ждали моего появления. Чарли ринулся ко мне, и я подняла руки.

— Со мной все в порядке, — тусклым голосом произнесла я. Еще не придя в себя от разговора с Эдвардом, я была не настроена на легкую болтовню.

— Что доктор сказал?

— Доктор Каллен посмотрел меня и сказал, что я здорова и могу идти домой, — вздохнула я. Майк, Джессика и Эрик двинулись к нам. — Поехали, — поторопила я отца.

Чарли обнял меня за спину, почти не касаясь, и повел на улицу сквозь стеклянные двери. Я вяло помахала своим друзьям, пытаюсь показать, что обо мне

можно больше не беспокоиться. Первый раз в жизни я почувствовала облегчение, садясь в патрульную машину.

Домой мы ехали в молчании. Я была настолько погружена в свои мысли, что едва замечала присутствие Чарли. Я понимала, что вынудила Эдварда защищаться, и это лишний раз подтверждало то, во что я едва могла поверить — я действительно видела то, что видела. Все эти невероятные вещи произошли на самом деле.

Возле дома Чарли наконец открыл рот.

— Э-э-э... тебе придется позвонить Рене, — он виновато повесил голову.

Я ужаснулась.

— Ты сказал маме?

— Прости.

Я чуть сильнее, чем следовало, хлопнула дверцей машины.

Мама была, разумеется, в истерике. Мне пришлось по крайней мере тридцать раз повторить ей, что со мной все в порядке, прежде чем она хоть немного утихомирилась. Она умоляла меня вернуться домой — начисто забыв о том, что дома сейчас никого нет — но, к моему удивлению, ее мольбы почти не трогали меня. Все мое внимание поглощала загадка Эдварда Каллена. А также, собственно, сам Эдвард. Дура, дура, дура. Я не так сильно рвалась вон из Форкса, как следовало бы, будь я в своем уме.

Я решила лечь спать пораньше. Чарли продолжал бросать на меня тревожные взгляды, и это действовало на нервы. По дороге вверх я прихватила в ванной три таблетки «Тайленола» и проглотила их. Лекарство подействовало, боль в голове утихла, и я провалилась в сон.

В ту ночь мне впервые приснился Эдвард Каллен.

Глава 4. Приглашения

Там, в моем сне, было очень темно, и только от кожи Эдварда шел слабый свет. Я не видела его лица — только спину. Он уходил прочь, оставляя меня в темноте. Как я ни старалась, не могла догнать его, как ни звала, он не оборачивался. От страха я проснулась среди ночи и долго не могла уснуть. После этого он стал сниться мне почти каждую ночь, но всегда оставался далеким, недосягаемым.

Следующий месяц, тревожный и напряженный, принес поначалу множество неловких ситуаций.

К моему ужасу, всю неделю после происшествия я была в центре внимания. Тайлер Кроули стал совсем невозможен, он был одержим идеей как-то возместить нанесенный мне урон. Тщетно я старалась убедить его, что лучше всего будет, если он просто забудет обо мне, тем более, что я совсем не пострадала. Он ходил за мной на переменах и пересел за наш стол, за которым стало теперь весьма многолюдно. Майк и Эрик приняли его в штыки, и это дало мне повод подозревать, что у меня появился еще один нежеланный поклонник.

Никто не обращал внимания на Эдварда, хотя я снова и снова объясняла всем, что он был настоящим героем — он оттолкнул меня в сторону и сам едва не пострадал. Я старалась говорить убедительно. Джессика, Майк, Эрик и остальные неизменно отмечали, что не видели его рядом со мной до тех пор, пока не отодвинули фургон.

Я удивлялась, почему никто не помнил, что он был довольно далеко от меня перед тем, как столь внезапно и непостижимо спас мою жизнь. С досадой я поняла, что в школе никто, кроме меня, не обращал столько

внимания на Эдварда. Никто не смотрел на него такими глазами, как я. Жалкая, глупая я.

Эдварда не окружали толпы поклонников, жаждущие узнать все подробности из первых рук. Его избегали, как обычно. Каллены и Хейлы сидели все за тем же столом, как всегда, ничего не ели и разговаривали только друг с другом. Никто из них, и в особенности Эдвард, не смотрел в мою сторону.

На биологии он неизменно отодвигался как можно дальше и делал вид, что не замечает моего присутствия. И лишь когда он внезапно сжимал кулаки — натянутая костяшками пальцев кожа белела еще сильнее, чем раньше — я понимала, что он не настолько забывчив, как могло бы показаться.

Он жалеет, что спас меня — никакой другой вывод не приходил мне в голову.

Мне очень хотелось поговорить с ним, и на следующий после происшествия день я попыталась это сделать. Когда мы расстались в больнице, оба были вне себя. Я все еще сердилась на него за то, что он не доверился мне, хотя я безукоризненно выполняла свою часть договора. Он ведь на самом деле спас мою жизнь, и разве имело значение, каким способом? Наутро гнев мой испарился, и осталась только восторженная благодарность.

Когда я пришла на биологию, он уже был за столом и смотрел прямо перед собой. Я села, ожидая, что он повернется ко мне, но он не заметил моего появления.

— Привет, Эдвард, — сказала я мягко, давая понять, что намерена быть паинькой.

Он слегка повернул голову, кивнул, не глядя мне в глаза, и тут же отвернулся.

Это был последний контакт между нами, невзирая на то, что он был рядом каждый день — стоило только руку протянуть. Иногда я смотрела на него, не в силах

бороться с собой — издали, в столовой или на парковке. Я видела, как золотое сияние в его глазах меркнет день ото дня, и они становятся темнее. Но в классе я обращала на него не больше внимания, чем он на меня. Я чувствовала себя совершенно несчастной. И сны по-прежнему не давали мне покоя.

Несмотря на вечно бодрый тон моих писем, что-то неуловимое в них выдало Рене мое истинное состояние тоски и подавленности. Она волновалась и несколько раз звонила. Я старалась убедить ее, что это просто погода действует мне на нервы.

Только Майка радовала очевидная холодность, воцарившаяся между мной и моим соседом. Он явно беспокоился о том, что героический поступок Эдварда мог произвести на меня серьезное впечатление, и с облегчением отмечал обратный эффект. Он стал держать себя более уверенно. Перед биологией он садился на край моего стола и болтал со мной, игнорируя Эдварда точно так же, как тот игнорировал нас.

После полного опасностей «ледяного дня» снег смыло начисто. Майк, конечно, сожалел, что никак не удавалось разыграть снежную битву, но взамен мог радоваться скорой поездке на побережье. Дождь лил не переставая, и медленно тянулись недели.

От Джессики я узнала, что не за горами еще одно знаменательное событие. В первый вторник марта она попросила моего разрешения пригласить Майка на весенний бал, для которого девушки сами выбирали себе кавалеров. Он должен был состояться через две недели.

— Конечно, если ты не возражаешь... Ты ведь не думала его приглашать? — настойчиво переспросила она, когда я сказала, что у меня нет никаких планов на Майка.

— Нет, Джесс, я туда не пойду, — заверила ее я. Танцы лежали далеко за пределами моих способностей.

— Будет весело, правда! — ее попытка переубедить меня выглядела несколько лицемерной. Я стала подозревать, что моя внезапная популярность привлекает Джессику гораздо больше, чем я сама.

— Вот и повеселись с Майком как следует, — бодро ответила я.

На следующий день я с удивлением отметила, что Джессика словно сама не своя. Притихшая и молчаливая, она брела рядом со мной на испанский, и я боялась спросить, что случилось. Если Майк отказал ей, едва ли она захочет поделиться этим со мной.

Мои страхи усилились во время обеда, когда Джессика отсела подальше от Майка и стала оживленно болтать с Эриком. Майк тоже был непривычно задумчив.

Он тихо проводил меня на биологию, и выражение неловкости на его лице я сочла дурным предзнаменованием. Но он начал разговор только в классе, когда я села за стол, а он взгромоздился рядом, как всегда. Я ощущала знакомое электричество от присутствия Эдварда, такого близкого, что можно было дотронуться. И такого недоступного, словно он был лишь плодом моего воображения.

— Знаешь, — начал Майк. — Джессика пригласила меня на весенний бал.

— Здорово, — оживленно и радостно ответила я. — С ней будет весело.

— Ну, — замялся он, вглядываясь в мою улыбку. Ответ ему явно не понравился. — Я сказал, что мне надо подумать.

— Почему? — я добавила в голос немного неодобрения, хотя про себя порадовалась, что он не отказал ей окончательно.

Он покраснел как рак и опустил глаза. Мне стало жаль его, и моя решимость дала трещину.

— Я подумал... может, ты меня хотела пригласить?

Я секунду помедлила, стараясь подавить приступ ненавистного чувства вины. И заметила краем глаза, как голова Эдварда непроизвольно чуть склонилась ко мне.

— Майк, я думаю, надо сказать ей «да», — ответила я.

— Ты уже пригласила кого-нибудь? — интересно, Эдвард заметил быстрый взгляд, брошенный Майком в его сторону?

— Нет, — заверила я. — Я вообще не собираюсь на танцы.

— Почему? — вопрос прозвучал требовательно.

Я не хотела признаваться, что танцы грозят мне серьезными увечьями, и поэтому быстро придумала план.

— В ту субботу я поеду в Сиэтл, — пояснила я.

Все равно надо было как-то убраться из города — так почему бы не съездить туда?

— А в другой день не сможешь поехать?

— Извини, не смогу. Не заставляй Джессику ждать — это ужасно невежливо.

— Да, ты права, — пробормотал он и уныло поплелся на свое место. Я зажмурилась и прижала пальцы к вискам, пытаюсь избавиться от сострадания и чувства вины. Мистер Беннер начал урок. Я вздохнула и открыла глаза.

Эдвард пристально смотрел на меня, и в его черных зрачках любопытство мешалось со знакомым выражением легкой досады.

Я в удивлении уставилась на него, ожидая, что он немедленно отвернется. Но вместо этого он продолжал настойчиво и испытующе смотреть мне

в глаза. Разумеется, я не могла первой отвести взгляд. У меня затряслись руки.

— Мистер Каллен, — спросил учитель, ожидая ответа на вопрос, который я даже не слышала.

— Цикл Кребса, — ответил Эдвард, неохотно оборачиваясь к мистери Беннеру.

Обретя свободу, я тут же уткнулась в учебник. Стараясь взять себя в руки, я трусливо перебрехала волосы на правое плечо, чтобы спрятать лицо от Эдварда. Я с изумлением наблюдала за тем, как внутри меня бушевал целый ураган чувств только потому, что он посмотрел на меня в первый раз за полтора месяца. Нельзя было давать ему такую власть над собой. Это было недостойно. Это было не просто недостойно — это было опасно.

Я изо всех сил старалась не замечать его остаток урока, но, поскольку это все равно было невозможно, хотя бы старалась дать ему понять, что я его не замечаю. Наконец, прозвенел звонок, я повернулась к нему спиной и стала собирать вещи, ожидая, что сейчас он ускачет прочь, как всегда.

— Белла! — нет, невозможно! Этот голос не должен звучать так, словно я слышала его всю жизнь, а не несколько коротких недель.

Медленно и неохотно я повернулась. Я знала, какие чувства вспыхнут во мне, стоит лишь увидеть его чересчур безупречное лицо, и не хотела их. Я настороженно посмотрела на него: он молчал с непроницаемым видом.

— Как? Ты снова разговариваешь со мной? — спросила я, невольно придав голосу капризную нотку.

Его губы вздрогнули, пряча улыбку.

— Ну, не совсем, — заметил он.

Я закрыла глаза и втянула носом воздух, понимая, что скриплю зубами. Он ждал.

— Тогда чего ты хочешь, Эдвард? — спросила я, не открывая глаз. Так было легче сохранять самообладание.

— Прости, — его голос звучал искренне. — Я знаю, я ужасно веду себя. Но лучше уж так, правда.

Я открыла глаза. Его лицо было очень серьезно.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — осторожно сказала я.

— Нам не стоит быть друзьями, — объяснил он. — Поверь мне.

Я сощурилась. Эту фразу я уже слышала.

— Какая досада, что ты не понял это раньше, — прошипела я сквозь зубы. — Тебе не пришлось бы теперь жалеть.

— Жалеть? — это слово и мой тон сбили его с толку. — Жалеть о чем?

— О том, что не дал этому дурацкому фургону раздавить меня.

Застыв от изумления, не веря собственным ушам, он молча уставился на меня. Когда же наконец заговорил, его голос почти звенел от ярости.

— Думаешь, я жалею, что спас тебя?

— Я не думаю, я *знаю*, — сухо бросила я.

— Ничего ты не знаешь. — Он был просто вне себя.

Я резко отвернулась и сжала челюсти, чтобы не швырнуть ему в лицо все безумные обвинения, накопившиеся у меня за эти долгие недели. Я схватила свои книги, встала и пошла к выходу. Желая удалиться с королевским достоинством, я, разумеется, зацепилась за дверь носком ботинка. Книги упали и рассыпались по полу. Я сгоряча подумала было, не бросить ли их тут, но, вздохнув, все же наклонилась. Он был уже рядом и с суровым лицом протягивал мне аккуратно сложенную стопку.

— Спасибо, — сказала я ледяным тоном.

— Не за что, — с гневным прищуром парировал он.

Я быстро выпрямилась, развернулась и гордо пошла на физкультуру, не оглядываясь назад.

Физкультура оказалась просто пыткой. Волейбол закончился, мы перешли к баскетболу. Никто из команды не давал мне мяч, но я часто падала и иногда роняла других. Сегодня я была рассеяннее, чем обычно, потому что Эдвард не оставил в моей голове ни клочка свободного места. Я старалась сконцентрироваться на движениях ног, но он снова и снова змеей вползал в мои мысли в самый неподходящий момент.

Как всегда, я вздохнула с облегчением, когда все кончилось. Я почти бежала к пикапу — очень уж многих людей мне не хотелось видеть сегодня. Пикап, к слову, почти не пострадал от столкновения. Пришлось заменить задние габариты, но борт я красить не стала — царапина была незначительная. Родители Тайлера продали разбитый фургон на детали.

Меня едва не хватил удар, когда, завернув за угол, я увидела у двери своей машины чью-то высокую темную фигуру. Догадавшись, что это был всего лишь Эрик, я успокоилась и пошла дальше.

— Привет, Эрик! — окликнула его я.

— Привет, Белла.

— Что случилось? — спросила я, открывая дверь. Я не придавала значения его несколько смущенному голосу, поэтому следующая фраза застала меня врасплох.

— Знаешь, хотел тебя спросить... Не хочешь пойти на весенний бал со мной? — его голос дрогнул на последнем слове.

— Я думала, девушки приглашают парней, — я была слишком поражена и забыла о дипломатии.

— Ну, да... — робко признал он.

Я успокоилась и постаралась улыбнуться как можно теплее.

— Спасибо за предложение, но, знаешь, я в ту субботу уезжаю в Сиэтл.

— А-а, — сказал он. — Тогда в следующий раз.

— Обязательно, — ответила я и тут же прикусила язык. Не хотелось бы, чтобы он воспринял это буквально.

Опустив плечи, он побрел обратно к школе. Я услышала легкий смешок.

Мимо носа пикапа шел Эдвард — губы сжаты, взгляд устремлен вперед. Я рывком открыла дверь, и, запрыгнув в кабину, с грохотом захлопнула ее за собой. С ревом заведя двигатель, я развернулась и выехала в проезд. Эдвард был уже в машине — она стояла за два парковочных места от моей. Плавно вырулив на дорожку, он перекрыл мне путь и остановился подождать братьев и сестер. Те не спеша шли мимо столовой, еще довольно далеко отсюда. Я подумала, не двинуть ли в зад блестящий «Вольво», но вокруг было слишком много свидетелей. Я оглянулась — уже начинала образовываться очередь. Прямо за мной стоял Тайлер Кроули на подержанной «Ниссан Сентра» и махал мне из окна. Я была слишком зла, чтобы ответить ему.

Пока я сидела в машине, глядя куда угодно, только не вперед, раздался стук в окно пассажирской двери. Это был Тайлер. Растерявшись, я посмотрела в зеркало заднего вида — его машина стояла с распахнутой дверью и работающим двигателем. Я наклонилась, чтобы открыть окно. Ручка едва поворачивалась, я опустила стекло до середины и сдалась.

— Прости, Тайлер. Не могу объехать Каллена.

Мне было досадно — ведь ясно, что не я всех задерживаю.

— Я вижу. Просто хотел спросить тебя кое о чем, пока мы тут стоим. — Он широко улыбнулся. Нет. Только не это.

— Не хочешь позвать меня на весенний бал? — продолжил он.

— Меня не будет в городе, Тайлер, — мой голос прозвучал немного резко. Я пожалела об этом — не его вина, что Майк и Эрик исчерпали запас моего терпения.

— Да, Майк мне говорил... — признался он.

— Тогда почему?...

— Ну, я подумал, а вдруг ты его просто вежливо отшила?

Ну что ж, тогда он сам во всем виноват.

— Прости, Тайлер, — сказала я, стараясь скрыть раздражение, — Я на самом деле уезжаю.

— Ну ничего. Впереди еще выпускной.

Не успела я ответить, как он уже шел к машине. Я чувствовала, что лицо у меня от потрясения просто перевернутое. Посмотрев вперед, я обнаружила, что Элис, Розали, Эмметт и Джаспер уже садятся в машину. В зеркале «Вольво» я увидела глаза Эдварда. Он смотрел на меня и явно трясся от смеха, словно слышал каждое слово Тайлера. Я почувствовала страшный зуд в ноге, стоявшей на педали газа... Небольшой ударчик никому не причинит вреда, зато попортит сверкающую серебристую краску. Я нажала на газ, и двигатель взревел, набирая обороты.

Но я опоздала — вся семейка была уже в машине, и «Вольво» стремительно удалялся из виду. Я ехала домой медленно и осторожно, всю дорогу глухо бормоча себе под нос.

Дома я решила приготовить на ужин куриные энчиладас. Это сложное блюдо, и мне будет чем занять руки и голову. Когда я припускала на сковороде лук с перцем чили, зазвонил телефон. Мне не хотелось отвечать, но это мог быть Чарли или мама.

Звонила ликующая Джессика — Майк поймал ее после школы и сказал «да». Размешивая соус, я порадовалась вместе с ней. Она торопилась — хотела

позвонить еще Анджели и Лорен, рассказать им новости. Я невинным голосом предложила, чтобы Анджела — застенчивая девочка с биологии — пригласила Эрика. А надменная Лорен, которая всегда игнорировала меня за обеденным столом, пригласила Тайлера — кажется, он был пока свободен. Джесс сказала, что это классная идея. Поскольку теперь она была уверена в Майке, то снова, уже по-настоящему искренне, позвала меня присоединиться к компании. А я снова, уже в который раз, применила отмазку насчет Сиэтла.

Повесив трубку, я попыталась сосредоточиться на начинке — ее надо было особым образом нарезать кубиками, если я не хотела снова оказаться в приемном покое «скорой помощи». Но голова у меня шла кругом, я перебирала в уме каждое слово Эдварда, услышанное сегодня. Почему он сказал, что нам не стоит быть друзьями?

У меня внутри все сжалось, как только я осознала, что он имел в виду. Наверное, он заметил, как сильно я им увлеклась, и не хочет поощрять меня... и поэтому нам даже друзьями быть не стоит... потому что он во мне не заинтересован.

Конечно, он во мне не заинтересован, — сердито подумала я, а глаза защипало — началась запоздалая реакция на лук. Во мне же нет ничего *интересного*. А в нем есть. Он блистателен... загадочен... красив... совершенен... и, кажется, способен одной рукой поднимать фургоны.

Ну и ладно. Я могу оставить его в покое. И я *оставлю* его в покое. Я достойно выдержу это пребывание в чистилище, к которому сама себя приговорила. А потом какой-нибудь колледж на юго-западе или, может, на Гавайях, предоставит мне стипендию. Выкладывая рулеты на противень и помещая его

в духовку, я старалась думать только о пальмах и солнечных пляжах.

Когда Чарли переступил порог и вдохнул запах зеленого перца, вид у него стал подозрительный. Я его за это не осудила — ближайший приличный мексиканский ресторан находился, наверное, где-нибудь в южной Калифорнии. Но Чарли был полицейским, хотя и полицейским маленького городка, а потому ему хватило смелости откусить первый кусок. Он явно не пожалел об этом. Было забавно наблюдать, как он постепенно проникался ко мне доверием по части кухни.

— Пап... — начала я, когда он почти наелся.

— Да, Белла.

— Я просто собиралась предупредить, что планирую поехать в Сиэтл в следующую субботу... Если ты не против, — неловко добавила я. Не хотелось спрашивать разрешения, чтобы не создавать ненужный прецедент, но я почувствовала, что просто ставить его перед фактом было грубо.

— Зачем? — он был настолько удивлен, словно не понимал, что на свете может быть такого, чего нельзя найти в Форксе.

— Хочу купить новых книг — здесь библиотека очень бедная. И, возможно, приглядеть что-нибудь из одежды. — У меня было больше денег, чем я привыкла иметь — благодаря Чарли я сэкономила на машине. Хотя бензина пикап кушал немало, а платила за бензин я сама.

— Пикап расходует много бензина, — ответил Чарли, вторя моим мыслям.

— Знаю. Сделаю остановку в Монтесано или Олимпии, и в Такоме, если понадобится.

— Ты одна поедешь? — спросил он, и я не смогла понять — подозревает ли он, что у меня есть тайный приятель, или беспокоится о проблемах на дороге.

— Да.

— Сиэтл — большой город, ты там не потеряешься? — продолжал волноваться Чарли.

— Папа, Финикс в пять раз больше Сиэтла, а я умею читать карту, не волнуйся.

— Может, поехать с тобой?

Я постаралась как можно искуснее скрыть ужас.

— Все нормально, пап. Я же буду целый день бродить по магазинам — тебе станет скучно.

— Ну хорошо. — Мысль о том, что придется околачиваться рядом с женскими примерочными, мгновенно подействовала на него как ушат холодной воды.

— Спасибо, — я улыбнулась ему.

— А ты успеешь на бал?

Гр-р-р... Только в таком маленьком городке *отцы* знают, когда у их дочерей в школе танцы.

— Я туда не пойду. Я же не танцую, пап. — Уж он-то должен был меня понять — я ведь не от мамы унаследовала неуклюжесть.

— Ах да, точно, — согласился Чарли. Я в нем не ошиблась.

На следующее утро я специально припарковалась как можно дальше от блестящего «Вольво». Не хотелось лишний раз вводить себя в искушение, чтобы не дарить ему потом новую машину. Выходя из пикапа, я уронила ключи, и они упали в лужу у моих ног. Я нагнулась, чтобы их поднять, но тут в воздухе мелькнула белая рука и выхватила их у меня из-под носа. Я резко выпрямилась. Эдвард Каллен стоял рядом со мной, небрежно облокотившись о борт пикапа.

— Как ты это делаешь? — спросила я в гневном изумлении.

— Делаю что? — он протянул мне ключи. Я подставила руку, и он уронил их мне в ладонь.

— Возникаешь из ниоткуда.

— Белла, я не виноват, что ты на редкость ненаблюдательна, — его приглушенный бархатный голос был спокоен, как всегда.

Я сердито взглянула в его безупречно-красивое лицо. Глаза снова были светлыми — глубокого золотисто-медового тона. И мне пришлось посмотреть вниз, чтобы привести в порядок рассыпавшиеся мысли.

— Зачем вчера устроил пробку? — ворчливо спросила я, не поднимая глаз. — Ты же, кажется, собирался делать вид, что меня не существует, а не злить меня до смерти.

— Все ради Тайлера. Я должен был дать ему шанс. — Он фыркнул от смеха.

— Ты... — я задохнулась, не в силах вспомнить достаточно крепкое ругательство. Казалось, мой гнев должен был сжечь его, как напалм, но он еще больше развеселился.

— И я не делаю вид, что тебя не существует, — продолжал он.

— Ага, значит, стараешься разозлить меня до смерти? Раз уж фургон Тайлера сплоховал?

Его глаза гневно сверкнули, губы сжались в тонкую линию — смеяться ему расхотелось.

— Белла, ты нелепая сумасбродка, — тихо и холодно сказал он.

У меня аж закололо ладони — так захотелось врезать по чему-нибудь со всей силы. Я не узнавала себя — обычно я совершенно миролюбива. Развернувшись, я пошла прочь.

— Подожди, — позвал он. Я продолжала идти, сердито шлепая по лужам. Но он догнал меня и легко зашагал рядом.

— Прости, это было грубо, — сказал он, но я не ответила. — Не говорю, что это была неправда, но было грубостью с моей стороны сообщать тебе подобные сведения.

— Может, просто оставишь меня в покое? — пробурчала я.

— Я хотел тебя кое о чем спросить, но ты сбила меня с темы, — хохотнул он. Ага, ему снова было весело.

— У тебя что, раздвоение личности? — сурово спросила я.

— Ну вот, опять...

Я вздохнула.

— Так о чем ты хотел спросить?

— Я хотел узнать, в следующую субботу, ну, когда будет весенний бал...

— Тебе кажется, что это *смешно*? — я перебила его и, подняв голову, заглянула ему в лицо. Мои глаза тут же залило потоками дождя.

— Ты не против, если я все-таки закончу свою мысль? — в его глазах зажегся хулиганский огонек.

Я закусила губу и с силой сплела пальцы, чтобы сгоряча не наделать чего-нибудь лишнего.

— Я слышал, ты планируешь в этот день поехать в Сиэтл. И я хотел спросить, не надо ли тебя подвезти?

Вот это оказалось совершенно неожиданно.

— Что? — я не понимала, к чему он клонит.

— Подвезти тебя до Сиэтла?

— И кто будет подвозить? — озадаченно спросила я.

— Я, разумеется, — он отчетливо проговорил каждый слог, словно для умственно отсталой.

Я никак не могла оправиться от шока.

— Но *почему*?

— Я все равно собирался туда через пару недель. Хотя, если честно, я просто не уверен, что ты доберешься до Сиэтла на своем пикапе.

— Мой пикап — машина-зверь, спасибо тебе за заботу. — Я снова двинулась к школе, но удивление мешало мне поддерживать должный накал гнева.

— И он сможет доехать туда на одном баке бензина? — он снова шел в ногу со мной.

— А почему тебя вообще должно это волновать?
С твоим дурацким блестящим «Вольво»?

— Напрасная трата невозобновимых ресурсов
должна волновать каждого.

— Если честно, Эдвард, — по всему телу пробежала волна дрожи, когда я произнесла его имя, и я ненавидела себя за это. — Я не могу тебя понять. Ты же не хотел быть мне другом.

— Я сказал, что нам не стоит быть друзьями, но не говорил, что я этого не хочу.

— А, ну теперь *все* ясно. — Убийственный сарказм. Я поняла, что снова остановилась. Теперь мы стояли под крышей столовой, и мне было проще смотреть ему в лицо. Что отнюдь не способствовало ясности мысли.

— Тебе *благоразумнее* было бы не дружить со мной, — объяснил он. — Но у меня нет больше сил избегать тебя, Белла.

Его напряженный взгляд ярко вспыхнул, когда он горячо выпалил последнюю фразу. Я забыла, как дышать.

— Ты поедешь со мной в Сиэтл? — спросил он, не сводя с меня горящих глаз.

Я не смогла выговорить ни слова и просто кивнула в ответ.

Он быстро улыбнулся, а потом его лицо вновь стало серьезным.

— Тебе *действительно* надо бы держаться от меня подальше, — предостерег он. — Увидимся на биологии.

Резко развернувшись, он направился туда, откуда мы пришли.

Глава 5. Группа крови

На английский я шла словно во сне. Даже не заметила, войдя в класс, что урок уже начался.

— Спасибо, мисс Свон, что оказали нам честь своим прибытием, — произнес мистер Мейсон уничижительным тоном.

Я покраснела и торопливо пошла за свой стол.

Только к концу урока я заметила, что Майк не сидит на своем привычном месте рядом со мной. Я почувствовала укол совести. Но, так как он и Эрик поджидали меня у дверей, я поняла, что мало-помалу буду прощена. По дороге Майк вернулся в свое обычное настроение и начал с большим энтузиазмом обсуждать прогноз погоды на выходные. Синоптики предсказывали, что дождь ненадолго прекратится, так что поездка на пляж все же может состояться. Я с жаром включилась в обсуждение, чтобы загладить вину за вчерашнее. Это было нелегко: дождь — не дождь, а вряд ли будет выше десяти градусов тепла, да и то если повезет.

Остаток утра промелькнул мимо, как в тумане. Не верилось, что я не придумала последние слова Эдварда и то, как он при этом смотрел на меня. Может быть, это был просто яркий сон, который я спутала с реальностью. Это казалось ближе к истине, чем предположение, что я ему хоть в какой-то мере нравлюсь.

Поэтому я со страхом и нетерпением входила в столовую вместе с Джессикой. Мне хотелось увидеть его лицо, хотелось увидеть, не вернулся ли холодный равнодушный Эдвард нескольких последних недель. Или каким-то чудом я действительно слышала то, что, как мне казалось, слышала. Джессика трещала

не умолкая о предстоящих танцах — Лорен и Анджела тоже пригласили парней, и они идут все вместе, — совершенно не замечая того, что я не обращаю на нее внимания.

Как только мой взгляд безошибочно сфокусировался на столе Калленов, все чувства затопила могучая волна разочарования: их снова было четверо. Он уехал домой? Совершенно разбитая, я тупо следовала за неумолкающей Джессикой. У меня пропал аппетит — я взяла только бутылку лимонада. Мне хотелось лишь одного: сесть где-нибудь в уголке и погрузиться в тоску.

— А Эдвард Каллен опять на тебя смотрит, — Джессика, произнесла заветное имя, наконец прорвалась в мое сознание. — Интересно, почему он сел сегодня один?

Моя голова вскинулась вверх так резко, словно ее дернули за нитку. Я проследила за взглядом Джессики и увидела Эдварда, который занял столик в совершенно противоположном конце зала и, улыбаясь одним уголком рта, смотрел на меня. Поймав мой взгляд, он поднял руку и поманил меня указательным пальцем, приглашая присоединиться. А поскольку я в изумлении уставилась на него, еще и подмигнул.

— Это он тебя зовет? — спросила Джессика с оскорбительным недоверием в голосе.

— Наверное, нужно чем-то помочь по биологии, — пробормотала я, чтобы не разочаровывать ее. — Пожалуй, пойду узнаю, чего он хочет.

Спиной я почувствовала, как она проводила меня пристальным взглядом.

Подойдя к столу Эдварда, я в нерешительности встала напротив него.

— Почему бы тебе не сесть сегодня со мной? — спросил он с улыбкой.

Я механически села, не сводя с него осторожного взгляда. Он все еще улыбался. Было трудно поверить, что такая красота могла быть материальной. Я боялась, что он вот-вот растает как дым, и я проснусь.

Он, казалось, ждал, чтобы я заговорила первой.

— Это что-то новенькое, — наконец выдавила я.

— Ну, — он замялся, а потом слова полились быстро-быстро — Я решил, что, раз уж все равно я следую дорогой в ад, надо хотя бы не жалеть усердия.

Я подождала, пока он скажет что-нибудь более внятное. Повисло молчание.

— Знаешь, мне трудно догадаться, что ты имеешь в виду, — наконец заметила я.

— Знаю, — он снова улыбнулся и сменил тему. — Кажется, твои друзья в бешенстве от того, что я тебя украл.

— Переживут. — Я чувствовала, как их взгляды буравят мою спину.

— А я могу и не вернуть тебя назад, — сказал он, нагло вато сверкнув глазами.

Я сглотнула.

Он засмеялся.

— Кажется, ты разволновалась.

— Нет, — сказала я, но голос, как ни смешно, дрогнул. — Скорее, удивилась... Не могу понять, что с тобой вдруг произошло?

— Я же сказал, что у меня больше нет сил избегать тебя. Так что я сдаюсь, — он улыбался, но глаза цвета охры оставались серьезными.

— Сдаешься? — не поняла я.

— Да. Больше не могу играть пай-мальчика. Буду делать то, что хочется, и пусть щепки во все стороны летят. — К концу фразы улыбка погасла, в голосе появились мрачные нотки.

— Ты помнишь, что я еще здесь?

Он снова восхитительно улыбнулся одним уголком рта.

— Я вечно болтаю лишнее, когда говорю с тобой, и это одна из проблем.

— Не беспокойся — я все равно ничего не понимаю, — сказала я кисло.

— На это я и надеюсь.

— Ну ладно, скажи просто: мы теперь друзья?

— Друзья... — он словно пробовал на вкус это слово.

— Или нет? — пробормотала я.

Он усмехнулся.

— Думаю, можно попробовать. Но предупреждаю: тебе я плохой друг. — Несмотря на улыбку, предостережение прозвучало зловеще.

— Ты все время это говоришь, — отметила я, стараясь побороть предательский спазм в желудке и не дать голосу дрогнуть.

— Да, потому что ты не слушаешь меня. Я все жду, когда ты мне поверишь. Если ты умная девочка, то начнешь сама меня избегать.

— Кажется, ты уже составил ясное мнение о моем интеллекте, — я сощурилась.

Он сконфуженно улыбнулся.

— Ну что ж, поскольку я... не слишком умна, мы попробуем дружить, — я попыталась подбить итог нашего абсурдного диалога.

— Пожалуй, так.

Я взглянула на свои руки, крепко сжимавшие бутылку лимонада, не понимая, что теперь делать.

— О чем ты думаешь? — спросил он с любопытством.

Я посмотрела в его глубокие золотистые глаза и, как всегда потерявшись в них, ляпнула:

— Хочу понять, кто ты.

Его подбородок напрягся, но он сделал усилие и удержал улыбку.

— И как, получается? — небрежно спросил он.

— Боюсь, что нет, — призналась я.

Он с довольным видом засмеялся.

— А какие у тебя гипотезы?

Я покраснела. Весь последний месяц я выбирала между Брюсом Уэйном и Питером Паркером. Ни за что не признаюсь.

— Не скажешь? — он чуть склонил голову набок, улыбаясь, как бес-искуситель.

Я помотала головой.

— Мне стыдно.

— Это так угнетает, знаешь ли, — пожаловался он.

— Нет уж, — сощурив глаза, быстро возразила я. — Я не понимаю, как это вообще может кого-то угнетать — когда тебе не хотят говорить, о чем думают. А вот когда кто-то походя роняет таинственные замечания, единственный смысл которых — не давать тебе спать по ночам, потому что ты не можешь перестать гадать, что же они значат... Ну почему это должно угнетать?

Он поморщился.

— Или еще лучше, — продолжала я, давая выход накопившейся досаде, — например, этот кто-то делает кучу странных вещей — сегодня спасает твою жизнь в невозможных обстоятельствах, а завтра обходит стороной, как прокаженную, и ничего не объясняет, хотя обещал. Это, конечно, тоже *совершенно* никого не угнетает.

— А ты здорово злишься, да?

— Просто не люблю двойные стандарты.

Мы мрачно уставились друг на друга.

Он посмотрел поверх моего плеча и неожиданно фыркнул от смеха.

— Что такое?

— Твой бойфренд, кажется, думает, что я невежлив с тобой. Он раздумывает над тем, не стоит ли ему подойти и разнять нас, — он снова засмеялся.

— Не знаю, о ком ты говоришь, — сказала я ледяным тоном. — Но в любом случае ошибаешься.

— Да нет. Я же тебе сказал, что легко читаю людей.

— Всех, кроме меня, разумеется.

— Да. Всех, кроме тебя. — Его настроение внезапно изменилось, глаза смотрели задумчиво и грустно. — Хорошо бы узнать, почему это так.

Мне пришлось отвернуться — я не смогла выдержать силы его пристального взгляда. Я сосредоточенно отвинтила крышку с лимонадной бутылки и сделала большой глоток, не отрывая невидящих глаз от пластиковой поверхности стола.

— Разве ты не хочешь есть? — спросил он, отвлекаясь от своих мыслей.

— Нет. — Не говорить же ему, что я сыта страхами и беспокойством.

— А ты? — я посмотрела на пустой стол перед ним.

— Нет, я не голоден. — Я не поняла выражения его лица — он словно радовался только ему понятной шутке.

— Можешь сделать для меня кое-что? — спросила я после секунды колебания.

Он неожиданно насторожился.

— Смотря что ты попросишь.

— Не волнуйся, это пустяк, — успокоила я.

Он ждал — заинтригованный, но готовый к обороне.

— Просто... не мог бы ты предупредить меня заранее, когда в следующий раз решишь не замечать меня ради моего же блага? Чтобы я зря не волновалась? — Я смотрела на бутылку, обводя резьбу мизинцем.

— Справедливая просьба. — Я подняла глаза — он сжимал губы, стараясь не рассмеяться.

— Спасибо.

— А можешь в обмен ответить на один вопрос? — потребовал он.

— На один — да.

— Изложи мне свою гипотезу.

Та-ак.

— Только не это.

— Ты же не оговаривала заранее, какой вопрос, просто пообещала ответить, — напомнил он.

— Ты и сам нарушал обещания, — парировала я.

— Только одну гипотезу — я не буду смеяться.

— Будешь. — В этом я была уверена.

Он опустил голову, а потом неожиданно взглянул на меня снизу вверх сквозь длинные черные ресницы, и глаза цвета охры засветились, как раскаленный металл.

— Пожалуйста, — выдохнул он, наклоняясь ко мне.

Я моргнула, в голове стало пусто. Черт возьми, да как он это сделал?

— М-м-м, что?

— Пожалуйста, только одну маленькую гипотезу?.. — жарко горящие глаза не отпускали меня.

— Тебя укусил радиоактивный паук? — он еще и гипнотизер? Или это просто я — легкая добыча?

— Ну-у, маловато фантазии, — съязвил он.

— Прости, все, что есть, — ответила я, обидевшись.

— Не угадала, — подначивал он.

— Не было паука?

— Не-а.

— И радиоактивности тоже?

— Нет.

— Блин. — Я вздохнула.

— Криптонит на меня тоже не действует, — он окончательно развеселился.

— Кажется, кто-то обещал не смеяться, помнишь?

Он попытался придать лицу постное выражение.

— Когда-нибудь я все равно догадаюсь, — предупредила я.

— Лучше не пытайся, — он снова стал серьезен.

— Потому что...?

— А вдруг я не супергерой? Вдруг я, наоборот, злодей? — он игриво улыбался, но глаза оставались непроницаемыми.

— Ах вот как, — и вмиг все его намеки сложились в одно целое, словно кусочки паззла встали на свои места. — Понятно.

— Правда? — он вдруг посуровел, словно испугался, что случайно сболтнул лишнее.

— Ты опасен? — предположила я, и мой пульс подскочил. Я интуитивно почувствовала всю правду своих слов — он *был* опасен. И все время пытался мне об этом сказать.

В ответ он только взглянул на меня, его глаза были полны каким-то чувством, недоступным моему восприятию.

— Но ты не злодей, — прошептала я, мотая головой. — Нет, я не могу поверить в то, что ты злодей.

— Ошибаешься. — Его голоса было почти не слышно. Он не смотрел на меня. Стащив крышку от моей бутылки, он теперь запускал ее волчком между пальцами. Я долго смотрела на него, не понимая, почему мне не страшно. Он сказал правду — это было очевидно. Но я чувствовала себя встревоженной, взвинченной, а более всего — околдованной. Так же, как всегда, когда была рядом с ним.

Мы молчали, пока я не заметила, что столовая почти опустела.

Я вскочила.

— Мы же опоздаем!

— Я сегодня не пойду на урок, — ответил он, и крышка в его руках вертелась так быстро, что расплылась в мутное пятно.

— Почему?

— Иногда пропускать занятия полезно для здоровья, — он улыбался, но в глазах осталась тоска.

— Ну, я пошла, — сказала я. Я была слишком труслива, чтобы рисковать репутацией.

Он снова занялся своим импровизированным волчком.

— Ладно, еще увидимся.

Я колебалась, раздираемая сомнениями, но звонок привел меня в чувство. Я побежала в класс, но оглянулась в последний раз — он не сдвинулся с места ни на сантиметр.

Запыхавшись, я влетела в класс, и мысли в моей голове вертелись быстрее, чем крышка в руках Эдварда. Так мало ответов, так много новых вопросов! Хорошо, хоть дождь перестал.

К счастью, мистера Беннера в классе еще не было. Я быстро села за свой стол, отметив, что Майк и Анджела провожают меня пристальными взглядами. Вид у Майка был обиженный, у Анджелы — заинтересованный и слегка испуганный.

Наконец, появился мистер Беннер, призывая всех к порядку. Он принес несколько маленьких картонных коробочек и, вывалив свой груз на парту Майка, велел тому раздать их по классу.

— Итак, ребята, возьмите по одному образцу из каждой коробки, — сказал он, доставая из кармана халата пару медицинских перчаток и натягивая их на руки. Резкий шлепок, с которым перчатки охватили его запястья, показался мне дурным знаком.

— Первой идет карточка-индикатор, — продолжал он, взяв в руку белую карточку с четырьмя квадратиками и показывая ее классу.

— Далее идет аппликатор с четырьмя зубцами, — он продемонстрировал что-то похожее на расческу с выпавшими зубьями.

— И наконец, стерильный микроланцет, — он открыл упаковку и показал маленький кусочек голубого пластика. Иглу с моего

места видно не было, но я тут же почувствовала ком в желудке.

— Я пойду по рядам с пипеткой, чтобы смочить ваши карточки водой, и тогда они будут готовы к работе. Пожалуйста, ничего не делайте, пока я не подойду. — Он начал с парты Майка, аккуратно капая по капле воды на каждый из четырех квадратиков.

— А теперь нужно правильно проколоть палец иглой...

Он взял кисть Майка и воткнул острие ланцета в его средний палец. Нет, только не это. Я почувствовала, как липкая влага выступила у меня на лбу.

— Поместите по капле крови на каждый зубец аппликатора, — он сжал палец Майка, так что показалась кровь. Я судорожно сглотнула, чувствуя прилив тошноты.

— А затем приложите аппликатор к карточке, — закончил он и поднял истекающую смесью воды и крови карточку повыше, чтобы мы все видели. Я закрыла глаза, стараясь расслышать слова учителя сквозь нарастающий звон в ушах.

— В следующие выходные в Порт-Анжелес приезжает передвижной пункт Красного Креста по сбору донорской крови, и я подумал, что каждый из вас должен знать свою группу, — с гордостью сказал он. — Тем, кому еще нет восемнадцати, понадобится взять разрешение у родителей — бланки у меня на столе.

Он продолжал двигаться по классу с пипеткой в руках. Я положила голову на холодный черный пластик стола и старалась прийти в себя. Вокруг слышались взвизгивания, нытье и хихиканье моих одноклассников, прокалывающих себе пальцы. Я медленно дышала через рот.

— Белла, с тобой все в порядке? — спросил мистер Беннер. Его встревоженный голос послышался совсем рядом с моим ухом.

— Я уже знаю свою группу крови, мистер Беннер, — сказала я слабым голосом. Я боялась поднять голову.

— Тебе плохо?

— Да, сэр, — пробормотала я, поддавая себе внутреннего пинка за то, что не прогуляла урок, когда была возможность.

— Кто-нибудь, отведите Беллу к медсестре!

Мне не нужно было даже поднимать голову — и так было ясно, что именно Майк вызвался сопровождать меня.

— Ты сможешь идти? — спросил мистер Беннер.

— Да, — ответила я. Только выпустите меня отсюда, подумала я. Ползком уползу.

Майк с готовностью положил мою руку себе на плечо и обнял меня за талию. Тяжело опираясь на него, я наконец выбралась из класса.

Мы с Майком медленно тащились по кампусу. Когда дошли до столовой, четвертый корпус скрылся из вида. Не опасаясь больше, что мистер Беннер мог наблюдать за нами, я остановилась и спросила Майка:

— Можно, я немного посижу?

Он помог мне усесться на высокий бордюр.

— И пожалуйста, держи руку в кармане, — предупредила я. У меня все еще кружилась голова. Я повалилась на бок, положила щеку на холодный мокрый цемент и закрыла глаза. Это немного помогло.

— Ой, ты совсем зеленая, Белла, — нервно сказал Майк.

— Белла, — позвал кто-то издалека.

Нет, пожалуйста, пусть этот до ужаса знакомый голос будет плодом моего воображения!

— Что случилось? Она ранена? — Теперь голос звучал ближе, он был полон тревоги. Я не выдумала его. Я зажмурилась, надеясь, что умру. Или что хотя бы меня не вырвет. Майк неохотно сообщил:

— Думаю, она упала в обморок. Не понимаю, что случилось, ведь она даже палец не уколола.

— Белла, — голос Эдварда, в котором теперь сквозило облегчение, слышался прямо рядом со мной. — Ты меня слышишь?

— Нет, — простонала я. — Уйди.

Он рассмеялся.

— Я вел ее в медпункт, — оправдываясь, говорил Майк, — Но дальше идти она не может.

— Теперь я этим займусь, — сказал Эдвард. В его голосе еще слышался отголосок смеха. — Можешь вернуться на урок.

— Нет, это мне поручили, — упрямо протестовал Майк.

Неожиданно бордюр из-под меня исчез. От потрясения я моментально открыла глаза. Эдвард взял меня на руки так легко, словно во мне было пять килограммов, а не пятьдесят.

— Положи меня на место, — пожалуйста, пожалуйста, только бы меня на него не вырвало! Но не успела я окончить фразы, как он уже пошел вперед.

— Эй, — позвал Майк, сразу же отставший на десять шагов. Эдвард его не замечал.

— У тебя ужасный вид, — отметил он, усмехаясь.

— Пожалуйста, положи меня на бордюр, — застонала я. Он тряски меня затошнило еще сильнее. Он осмотрительно держал меня подальше, неся на вытянутых руках, и это его совершенно не напрягало.

— Ты потеряла сознание при виде крови? — спросил он. Кажется, он находил это забавным.

Я не ответила. Закрыв глаза, я изо всех сил боролась с тошнотой и крепко сжимала челюсти.

— Более того, при виде даже не своей крови, — продолжал он, развлекая самого себя.

Не знаю, как ему удалось открыть дверь — ведь руки у него были заняты, но внезапно я почувствовала тепло и поняла, что мы зашли в помещение.

— О боже... — услышала я задыхающийся женский голос.

— Ей стало плохо на биологии, — пояснил Эдвард.

Я открыла глаза. Мы были в административном корпусе, и Эдвард шел мимо центральной стойки к медицинскому кабинету. Мисс Коуп, рыжеволосая женщина-администратор, бежала впереди него, чтобы открыть дверь. Пожилая бабуся-медсестра оторвалась от толстой книги и с изумлением наблюдала за тем, как Эдвард внес меня внутрь и осторожно положил на кушетку, покрытую хрустящей бумагой поверх коричневой виниловой обивки. Затем он отошел в противоположный угол комнаты и встал у стены. Его глаза ярко горели от возбуждения.

— Она просто упала в обморок, — успокоил он испуганную медсестру. — Они определяли группу крови на биологии.

Медсестра умудренно кивнула.

— Обычное дело.

Он приглушенно фыркнул от смеха.

— Полежи здесь минутку, дорогая, скоро все пройдет.

— Я знаю, — вздохнула я. Тошнота уже отступала.

— И часто с тобой это случается? — спросила она.

— Иногда бывает, — признала я. Эдвард закашлялся, чтобы скрыть второй смешок.

— А ты можешь идти в класс, — сказала медсестра.

— Мне велели побыть с ней, — он сказал это так уверенно, что медсестра, хоть и поджала губы, спорить

не решилась.

— Пойду принесу тебе ледяной компресс на лоб, дорогуша, — сказала она мне и вышла из комнаты.

— Ты был прав, — простонала я, не открывая глаз.

— Как обычно. В чем на этот раз?

— Прогуливать и правда полезно, — я старалась дышать ровно.

— Знаешь, я на минуту испугался, когда увидел тебя там, — заметил он после паузы. Это звучало так, словно он признавался в непростительной слабости. — Я думал, Ньютон тащит твое бездыханное тело, чтобы зарыть в лесу.

— Ха. Ха, — мои глаза были все еще закрыты, но я чувствовала себя лучше с каждой минутой.

— Честно — даже трупы бывают румянее. Я думал, что мне придется мстить за твое убийство.

— Бедный Майк. Он наверняка кипит от злости.

— Он страшно ненавидит меня, — радостно сказал Эдвард.

— Ты этого не знаешь, — возразила я, а потом неожиданно подумала — а вдруг знает?

— Я видел его лицо — на нем было все написано.

— Как ты нас заметил? Я думала, ты прогуливал.

Мне было уже почти хорошо, хотя, думаю, дурнота прошла бы быстрее, если бы я съела что-нибудь за обедом. С другой стороны, мне повезло, что желудок был пуст.

— Я слушал музыку в машине.

Такой простой ответ — я даже удивилась.

Я услышала, как скрипнула дверь, и открыла глаза. Вошла медсестра с компрессом.

— Вот, пожалуйста, дорогуша, — она положила компресс мне на лоб. — Вид у тебя уже получше.

— Кажется, все прошло.

Я села. В ушах немного звенело, но голова перестала кружиться. Яблочно-зеленые стены стояли

на своем месте.

Я поняла, что сейчас она попросит лечь снова, но тут дверь отворилась, и мисс Коуп просунула голову внутрь.

— У нас тут еще один, — предупредила она.

Я быстро спрыгнула, чтобы освободить кушетку следующему страдальцу, и протянула сестре компресс.

— Возьмите, мне уже не нужно.

В двери с грохотом ввалился Майк, на нем повис землисто-бледный Ли Стивенс, еще один мальчик из класса по биологии. Эдвард и я прижались к стене, чтобы пропустить их.

— О нет, — тихо проговорил Эдвард. — Давай на выход, Белла.

Я с недоумением посмотрела на него.

— Поверь мне — пошли.

Я быстро поймала дверь, пока она не успела закрыться, и выскочила из изолятора. Спиной я чувствовала, что Эдвард следует за мной.

— Надо же, ты меня послушалась, — Эдвард был изумлен.

— Я почувствовала запах крови, — сказала я, сморщив нос. Ли, в отличие от меня, стало дурно не оттого, что он на кого-то посмотрел.

— Люди не чувствуют запаха крови, — возразил он.

— Нет, я чувствую — меня от него тошнит. Кровь пахнет... ржавчиной и солью.

Он воззрился на меня со странным выражением на лице.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Майк вышел в коридор, поглядывая то на меня, то на Эдварда. Я убедилась, что Эдвард не ошибся — на него Майк действительно смотрел с ненавистью. А на меня — угрюмо.

— Ты выглядишь лучше, — обвиняющим тоном произнес он.

— Не вынимай руку из кармана, — напомнила я.

— Кровь уже остановилась, — пробурчал он. — Ты вернешься на занятие?

— Ты шутишь? Чтобы меня сразу оттуда вынесли?

— Да, и правда... Ну что, поедешь с нами? На побережье? — сказав это, Майк бросил еще один раскаленный взгляд на Эдварда, который неподвижно, как статуя, замер возле заваленной бумагами стойки и уставился в пространство.

Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал как можно теплее:

— Конечно, я ведь уже сказала, что поеду.

— Встречаемся в десять в папином магазине, — Майк снова покосился на Эдварда, словно из опасения, как бы тот не получил лишнюю информацию. Было ясно, что приглашение ему не светит.

— Я буду, — пообещала я.

— Увидимся на физкультуре, — проговорил он, неохотно выходя за дверь.

— До скорого, — ответила я. Майк еще раз взглянул на меня — по-детски надутые губы на круглом лице. Когда он проходил в двери, его плечи как-то резко упали, и меня накрыла волна сочувствия и жалости. Я задумалась, какими глазами взгляну в это несчастное лицо еще раз... на физкультуре.

— Ох... физкультура... — простонала я.

— Положись на меня. — Я не почувствовала, как Эдвард подошел ко мне, но теперь он говорил прямо мне в ухо. — Иди туда, сядь и прими бледный вид, — прошептал он.

Это было нетрудно. Я всегда была не слишком румяной, а недавний обморок к тому же оставил легкий след пота на моем лице. Я села в одно из шатких

складных кресел и, опершись головой о стену, закрыла глаза. Приступы дурноты всегда съедали мои силы.

Эдвард мягким голосом заговорил с администратором.

— Мисс Коуп?

— Да, — я не слышала, как она вернулась к столу.

— У Беллы следующим уроком физкультура, но она, мне кажется, еще слаба. Я думаю, мне стоило бы отвезти ее домой прямо сейчас. Вы не могли бы освободить ее от занятия? — С его языка текли молоко и мед. Могу себе представить, каким огнем горели его глаза.

— Тебе тоже нужно освобождение, Эдвард? — трепещущим голосом проговорила мисс Коуп. Ну почему я так не умею?

— Нет, спасибо. У меня сейчас мисс Гофф, она не будет против.

— Ладно, считайте, что все уже сделано. Поправляйся, Белла, — обратилась она ко мне. Я слабо кивнула, слегка переигрывая.

— Ты сможешь идти, или мне снова понести тебя? — повернувшись спиной к администратору, Эдвард перешел на сарказм.

— Я сама пойду.

Я осторожно встала, но ничего плохого не случилось. Вежливо улыбаясь, но с насмешкой в глазах он придержал для меня дверь. На улице мелкими каплями сыпался холодный дождь. Это было приятно — в первый раз я порадовалась постоянно сочащейся с неба влаге. Дождик смыл липкий пот с моего лица.

— Спасибо, — сказала я, когда мы вышли наружу. — Наверное, стоило упасть в обморок ради того, чтобы пропустить физкультуру.

— Всегда пожалуйста, — он смотрел прямо перед собой, щурясь от дождя.

— Так ты поедешь? Я имею в виду, в эту субботу? — Мне хотелось надеяться, что он поедет, хотя это было маловероятно. Я не могла вообразить его влезавшим в фургон вместе с толпой ребят из школы. Он не принадлежал к их миру. Но одна мысль о том, что он тоже мог бы быть с нами, подарила мне первый всплеск энтузиазма по поводу этой поездки.

— А куда именно вы едете? — он все еще смотрел вперед без выражения на лице.

— В Ла Пуш, на Первый Пляж. — Я тщательно вглядывалась в него, пытаюсь угадать, о чем он думает. Он еле заметно прищурился и, поглядев на меня сверху вниз краем глаза, криво улыбнулся.

— Мне показалось, что меня не приглашали.

— Я тебя только что пригласила, — вздохнула я.

— Давай мы с тобой не будем больше доводить Майка, хотя бы на этой неделе. Мы же не хотим, чтобы он начал кусаться. — Его глаза сыпали искры — он наслаждался шуткой явно больше, чем следовало бы.

— Майк-Шмайк, — пробормотала я, поглощенная изучением его интонации, с которой он произнес «мы с тобой». Кажется, мне она тоже понравилась больше, чем следовало бы.

Мы подходили к парковке. Я повернула налево, к пикапу. Что-то резко дернуло меня назад.

— И куда же, позволь спросить, ты идешь? — спросил он, негодуя. Одной рукой он ухватил меня за куртку.

Я смешалась.

— К машине.

— Разве ты не слышала, что я обещал довести тебя до дому целой и невредимой? Ты думаешь, я позволю тебе сесть за руль в таком состоянии? — его голос все еще кипел от возмущения.

— В каком таком состоянии? А как же мой пикап? — жалобно спросила я.

— Элис пригонит его после школы.

Он уже тащил меня к своей машине.

Все, что я могла — постараться не упасть спиной назад. Наверное, в этом случае он просто поволок бы меня по земле.

— Пусти! — упиралась я. Он не слышал. Я двигалась зигзагами по мокрому тротуару, пока мы не дошли до «Вольво». Там он наконец отпустил меня, и я, запнувшись, ударилась о пассажирскую дверь.

— Ты захватчик, — проворчала я.

— Дверь открыта, — был ответ. Он сел за руль.

— Я отлично смогу доехать сама, — я стояла возле машины, красная от гнева. Дождь припустил, а я была без капюшона, и вода капала с волос прямо на спину.

Он опустил стекло и наклонился ко мне со своего места.

— Садись, Белла.

Я не ответила. В уме я пыталась рассчитать, смогу ли добежать до пикапа прежде, чем он меня поймает. Надо сказать, шансы были невелики.

— Я притащу тебя назад, — пригрозил он, раскрыв мой план.

Я села в машину со всем возможным достоинством, на какое только была способна. Это было нелегко — выглядела я, как чудом спасшаяся от потопа кошка, и ботинки так некстати начали скрипеть.

— В этом нет совершенно никакой необходимости, — сухо сказала я.

Он не ответил, приглушил музыку и включил печку. Я уже готовилась в наказание хранить гробовое молчание всю дорогу и даже заранее надула губы, как вдруг услышала обрывок мелодии, и любопытство взяло верх над благими намерениями.

— «Лунный свет»? — спросила я с изумлением.

— Ты знаешь Дебюсси? — он был удивлен не меньше моего.

— Не очень хорошо, — призналась я. — Мама часто играет дома классику, но я помню только свои любимые вещи.

— Я эту вещь тоже очень люблю, — глубоко задумавшись, он неподвижно смотрел на пелену дождя впереди.

Удобно устроившись на сиденье светло-серой кожи, я слушала музыку. Невозможно было не наслаждаться знакомой нежной мелодией. Дождь превратил пейзаж за окном в размытое серо-зеленое пятно. Я начала понимать, что мы едем слишком быстро, хотя скорость совсем не чувствовалась благодаря плавному ходу машины. И лишь бешено пронесившиеся за окном городские постройки позволяли судить о ней.

— А твоя мама — какая она? — неожиданно спросил он.

Я повернула голову — он изучал меня любопытным взглядом.

— Мы с ней очень похожи, но она красивее, — сказала я. Он поднял брови. — Во мне слишком много от Чарли. Она более открытая, более смелая. Она безответственная и немного эксцентричная, склонна к кулинарным авантюрам. Она — мой лучший друг.

Я остановилась. Не могла говорить о маме без грусти.

— Сколько тебе лет, Белла? — в его голосе звучали досада и беспокойство, но я не могла понять, почему.

Машина встала, и я поняла, что мы подъехали к дому Чарли. С неба лило так, что я вообще не видела дома за пеленой дождя — словно мы оказались на дне реки.

— Мне семнадцать, — ответила я, немного сбитая с толку.

— А с виду не скажешь, — упрек в его голосе насмешил меня.

— Что такое?

— Мама всегда говорила, что я родилась тридцатипятилетней и с тех пор каждый год все сильнее становилась похожа на даму среднего возраста, — засмеялась я, а потом со вздохом добавила: — Ведь должен же кто-то быть взрослым.

Я немного помедлила и сказала:

— Ты тоже не выглядишь старшеклассником.

Он скорчил рожу и сменил тему.

— Почему твоя мама вышла за Фила?

Я была удивлена, что Эдвард запомнил его имя — я упомянула его только раз, и было это почти два месяца назад. Пришлось немного подумать, прежде чем я ответила:

— Мама... она очень молода для своего возраста. А благодаря Филу чувствует себя еще моложе. Во всяком случае, она без ума от него.

Я покачала головой. Природа их взаимного влечения оставалась для меня тайной.

— Тебе это нравится?

— А какая разница? — продолжала я. — Я хочу, чтобы она была счастлива. А он — это то, что ей нужно.

— Это очень великодушно. Вот интересно... — задумчиво произнес он.

— Что?

— Сможет ли она проявить к тебе столько же великодушия, как ты думаешь? Ей тоже будет неважно, кого ты выберешь? — Он вдруг напрягся, глаза искали мой взгляд.

— Н-наверное, — заикаясь, произнесла я. — Но она ведь мама, в конце концов. Это другое дело.

— Значит, хорошо бы кого-то не слишком жуткого, — поддел он меня.

Я усмехнулась.

— А что значит «жуткого»? Синего от татуировок и с пирсингом по всему лицу?

— Полагаю, это одно из определений.

— А какое определение дал бы ты?

Он сделал вид, что не заметил моего вопроса, и задал мне другой:

— Как ты думаешь, а *меня* можно причислить к «жутким»? — он поднял бровь, и на лице явилась слабая тень улыбки.

Я немного подумала, прикидывая, что уместнее — правда или ложь. И решила сделать ставку на правду.

— Мм-м-м... Думаю, ты *мог бы* напугать кого угодно, если бы захотел.

— А сейчас ты боишься меня? — улыбка исчезла, и прекрасное лицо вдруг посерьезнело.

— Нет, — мой ответ прозвучал слишком поспешно. Улыбка вернулась.

— А ты расскажешь мне о своей семье? — спросила я, чтобы отвлечь его. — Наверное, эта история будет гораздо интереснее.

Он неожиданно насторожился.

— Что ты хочешь знать?

— Каллены усыновили тебя? — я проверила информацию.

— Да.

Я чуть поколебалась.

— Что случилось с твоими родителями?

— Умерли много лет назад.

Простая констатация факта.

— Прости, — пробормотала я.

— Я их почти не помню. Я уже очень давно живу с Карлайлом и Эсме.

— Ты их любишь.

Это не был вопрос — тон его голоса ясно говорил о том, каков был бы ответ.

— Да, — он улыбнулся. — Не могу себе представить никого лучше них.

— Тебе повезло.

— Да, я знаю.

— А твои брат и сестра?

Он бросил взгляд на часы на приборной доске.

— Мои брат и сестра, а также Джаспер с Розали очень расстроятся, если им придется дожидаться меня, стоя под дождем.

— Ой, извини, тебе, конечно, пора ехать.

Мне не хотелось вылезать из машины.

— И ты, наверное, хочешь, чтобы пикап вернулся на свое место еще до того, как шеф Свон появится дома, чтобы не пришлось посвящать его в подробности маленького инцидента на биологии, — он усмехнулся.

— Наверняка он уже знает. В Форксе нет секретов, — вздохнула я.

Он рассмеялся, и было что-то странное в этом смехе.

— Желаю хорошо повеселиться на побережье — отличная погода для пляжа.

Он глянул на сплошную стену дождя за окном.

— Я увижу тебя завтра?

— Нет. У нас с Эмметтом рано начинаются выходные.

— Что вы будете делать? — позволено же другу задавать такие вопросы? Надеюсь, в моем голосе не слишком сквозило разочарование.

— Пройдемся пешком по заказнику Гоут Рокс, что к югу от Ренье.

Я вспомнила слова Чарли о том, что Каллены часто ездят на природу.

— Здорово, желаю хорошо поразвлечься, — мне хотелось, чтобы это прозвучало бодро, но, кажется, обмануть его не удалось. Его губы слегка дрогнули.

— Можешь кое-что сделать для меня в эти выходные? — он повернулся ко мне, чтобы смотреть

прямо в лицо и использовать полную силу своего пылающего золотом взгляда.

Я покорно кивнула.

— Не хотел бы тебя оскорбить, но, кажется, ты принадлежишь к породе людей, которые притягивают неприятности, как магнит. Поэтому... постарайся не свалиться в океан, не попасть под машину и не учудить еще что-нибудь еще в этом роде, ладно? — он улыбнулся одним краешком губ.

Мою покорность как рукой сняло, и я гневно воззрилась на него.

— Возможно, я рассмотрю твое предложение, — бросила я и, громко хлопнув дверью, выскочила под дождь.

Не переставая улыбаться, он развернул машину и уехал.

Глава 6. Страшные сказки

Сидя в своей комнате и пытаюсь сконцентрироваться на третьем акте «Макбета», я прислушивалась — не раздастся ли шум мотора моего пикапа во дворе. Я думала, что даже сквозь барабанную дробь дождя по крыше смогу расслышать этот оглушительный рев, но, выглянув в очередной раз из-за занавески, вдруг обнаружила пикап под своим окном.

Я с неохотой ждала наступления пятницы, и она в полной мере оправдала такое отношение к себе. Разумеется, все обсуждали мой обморок. Кажется, Джессика принимала в этом самое активное участие. К счастью, Майк не проболтался насчет Эдварда, но у Джессики и без того было полно вопросов по этому поводу.

— Чего вчера хотел Эдвард Кален? — спросила она на тригонометрии.

— Не знаю. Он все ходил вокруг да около.

— Вид у тебя был сердитый, — закинула она удочку.

— В самом деле? — я сделала невинное лицо.

— Знаешь, он никогда в жизни не садился за стол ни с кем, кроме своих родственников. Так что все это выглядело очень странно.

— Да, правда, — согласилась я. Она, кажется, была раздосадована, судя по тому, как нетерпеливо трянула черными кудрями. Наверное, не получилось вытянуть из меня достаточно материала для хорошей сплетни.

Самое худшее в этой пятнице было то, что я все-таки надеялась увидеть Эдварда, хотя точно знала, что он не придет. Войдя в столовую вместе с Майком и Джессикой, я не смогла удержаться и взглянула на стол Калленов, где сегодня, склонив друг к другу головы, беседовали Розали, Элис и Джаспер.

И погрузилась в пучину скорби, как только поняла, что вообще неизвестно, когда я увижу его в следующий раз.

А за моим столом всю обсудили планы на завтра. Майк снова оживился, окрыленный прогнозом погоды от местного синоптика — тот обещал солнце. Я, разумеется, не страдала подобной доверчивостью. Но сегодня и правда было теплее — почти плюс пятнадцать. Может быть, наша поездка не будет полной катастрофой.

Во время обеда я поймала на себе несколько недружелюбных взглядов Лорен. Только потом, когда мы шли из столовой, я узнала, в чем было дело. Я шла прямо позади нее, перед моими глазами покачивались ее гладкие серебристые волосы. Очевидно, она меня не заметила, потому что тихо сказала Майку:

— Не понимаю, почему бы Белле, — она презрительно выплюнула мое имя, — не пересесть теперь к Калленам насовсем.

Я и не думала, что у нее такой неприятный гнусавый голос. Меня поразила переполнявшая ее злоба. Я мало с ней общалась и почти не знала, во всяком случае, знала недостаточно, чтобы понять, чем вызвана такая неприязнь.

— Она — мой друг и сидит с нами, — прошептал верный Майк, но и в его ответе проскользнули ревнивые нотки. Я позволила Джессике и Анджеле обогнать себя — не хотелось больше ничего слышать.

Вечером Чарли оживленно обсуждал со мной предстоящую поездку в Ла Пуш. Думаю, ему было стыдно за то, что он оставлял меня одну на выходные, но он слишком долго выработывал свои привычки, чтобы так быстро их менять. Разумеется, он знал имена всех, кто ехал со мной, а также имена их родителей и, возможно, прабабушек и прадедушек. С его точки зрения, это было достойное общество. Интересно,

одобрил бы он мою поездку в Сиэтл с Эдвардом Калленом? Хотя я все равно не собиралась ему об этом рассказывать...

— Папа, ты знаешь место, которое называется Гоут Рокс или как-то вроде этого? Кажется, это к югу от пика Ренье, — осторожно спросила я.

— Да, а что?

Я пожала плечами.

— Да одни ребята хотели пойти туда в пеший поход.

— Неважное место для походов. Слишком много медведей, — удивленно ответил он. — Люди бывают там, как правило, только в охотничий сезон.

— Наверное, я что-то не так поняла, — пробормотала я.

Мне грешным делом хотелось все проспять, но утром меня разбудил непривычно яркий свет. Я открыла глаза и увидела, что из окна в комнату льются прозрачные желтые лучи. Я не поверила глазам и метнулась к окну — действительно, светило солнце. Оно занимало на небе какое-то странное положение: висело слишком низко и казалось дальше от земли, чем нужно, но все-таки это было солнце. Тучи застилали горизонт, и лишь в центре над головой ярко голубела заплатка чистого неба. Я простояла у окна как можно дольше, опасаясь, что, если отойду, она исчезнет.

Магазин Ньютонов «Уголок олимпийца» находился на севере города. Я несколько раз проезжала мимо, но никогда не останавливалась — мне не нужна была экипировка для длительного пребывания на свежем воздухе. На парковке стояли внедорожник «Шевроле Сабербан» Майка и «Ниссан Сентра» Тайлера. Подъехав поближе, я увидела целую толпу: Эрика, пару ребят, с которыми я встречалась на занятиях (кажется, их звали Бен и Коннор), Джесс с Лорен и Анджелой, еще каких-то трех девочек. Одну из них я уронила вчера на физкультуре, и она бросила на меня неприязненный

взгляд и что-то зашептала Лорен. Лорен встряхнула бледно-соломенными волосами и презрительно уставилась на меня.

Да-а, денек намечался *тот еще*.

Хотя бы Майк был рад видеть меня.

— Ты едешь! — с восторгом прокричал он. — Я же говорил, что будет солнечно, и вот, смотри!

— А я говорила, что еду, — напомнила я.

— Мы ждем только Ли и Саманту... если ты еще кого-нибудь не позвала, — добавил он.

— Нет, — я немножко соврала, ведь все равно никто не узнает. Но продолжала надеяться на чудо — вдруг Эдвард все-таки появится?

Майк был доволен.

— Хочешь поехать в моей машине? Или в мини-вэне мамы Ли?

— Лучше в твоей.

Он радостно улыбнулся. Так просто сделать Майка счастливым.

— Ладно, забью тебе место на переднем сиденье, — пообещал он. Я скрыла досаду — нелегко угодить Майку и Джессике одновременно. Теперь уже Джессика смотрела на меня тяжелым взглядом.

Но сегодня магия чисел была на моей стороне. Ли пригласил еще двух человек, и мест не хватило. Я умудрилась втиснуть Джессику между собой и Майком на переднее сиденье «Шевроле». Майк, возможно, не слишком обрадовался, зато Джессика была довольна.

От Форкса до Ла Пуш было всего двадцать пять километров по трассе, окруженной великолепными густыми лесами. Мы дважды пересекли широкую реку Куиллайют. Я была рада, что мне досталось крайнее место. В джип набилось девять человек, внутри было очень тесно, и мы опустили стекла. Выглядывая наружу

через открытое окно, я старалась впитать как можно больше солнечного света.

Я часто бывала на пляжах Ла Пуш во время каникул с Чарли, поэтому полумесяц Первого пляжа, протянувшийся на полтора километра вдоль побережья, был мне знаком. С тех давних времен он не утратил ни капли великолепия. Темно-серые даже в солнечный день волны с белыми барашками бились о скалистый берег. Стальную воду бухты взрезали отвесные утесы островов. На их неровных вершинах четко рисовались на фоне неба силуэты аскетичных елей. Вдоль берега тянулась узкая полоса песка, переходящая в нагромождения больших гладких валунов. Издали они казались серыми, но, подойдя поближе, я обнаружила самые разные цвета и оттенки: терракота, морская волна, лаванда, голубиное перо, тусклое золото. Песчаная отмель оцетинилась древесным плавником. Огромные мертвые деревья, отбеленные солеными волнами до нежного кремового цвета, тут и там громоздились вдоль кромки леса, недоступные набегавшему прибою.

С океана дул резкий ветер, пахнувший солью. На волнах покачивались пеликаны, а чайки и одинокий орел кружились над ними. Тучи неслись по небу, грозя в любой момент окончательно затянуть его серой пеленой, но солнце все еще отважно выглядывало из своего голубого окошка.

Мы прошли вдоль пляжа — Майк повел нас к уложенным кольцом бревнам, на которых традиционно устраивались любители пикников. Посередине чернели угли кострища. Эрик и кажется-Бен наломали сухих сучьев с деревьев, лежавших ближе к лесу, и вскоре над холодными углями уже возвышался «шалашик».

— Ты когда-нибудь видела, как горит сплавной лес? — спросил Майк.

Я сидела на толстой ветке цвета слоновой кости, прочие девочки, возбужденно обсуждая сплетни, располагались вокруг. Майк опустился на колени возле будущего костра и поджег небольшой прутик сигаретной зажигалкой.

— Нет, — ответила я, а он тем временем подсунул прутик под «шалаш».

— Тогда тебе понравится — смотри, какой цвет!

Он поджег еще один прутик и положил его рядом с первым. Пламя быстро охватило сухое дерево.

— Оно голубое! — с удивлением воскликнула я.

— Это из-за соли. Красиво, правда?

Он зажег щепку, положил ее с другого конца деревянной конструкции и присел рядом со мной. Слава богу, Джессика оказалась с другой стороны от него. Она тут же развернулась к нему и завладела его вниманием. Я наблюдала, как странное сине-зеленое пламя мечет искры в небо.

После получаса болтовни у костра мальчики захотели прогуляться к ближайшему соленому пруду, что заставило меня начать буквально разрываться на части. С одной стороны, еще с детства я обожала эти небольшие озерца, которые оставлял на берегу прилив. Они меня завораживали, это было единственное, что я страстно желала увидеть, отправляясь в Форкс на каникулы. С другой стороны, не раз мне там случалось, засмотревшись, бултыхнуться в воду. Впрочем, это не страшно, когда тебе семь и ты с папой. Кстати вспомнилась и просьба Эдварда не падать в океан.

Принять решение мне помогла Лорен. Она не хотела никуда идти — ее туфли не годились для прогулок по лесу. Остальные девочки, исключая Анджелу и Джессику, тоже решили остаться на берегу. Я подождала, пока к ним присоединятся Тайлер и Эрик,

и примкнула к «походной» группе. Майк широко улыбнулся мне, поняв, что я иду с ними.

Идти оказалось недалеко, хотя мне даже на мгновение не хотелось расставаться с солнцем, ныряя в тень под кронами деревьев. Подростковый хохот странно звучал в зеленом сумраке леса, слишком темном и зловещем для наших легкомысленных шуток. Я внимательно смотрела на дорогу, стараясь не споткнуться о корень или не удариться головой о ветку, так что вскоре отстала от остальных. Неожиданно мы вырвалась из изумрудного плена и вновь оказалась на каменистом побережье. Был отлив, и соленый ручеек бежал мимо нас в сторону океана. Вдоль его каменистых берегов располагались невысыхающие озерца морской воды, кишевшие разной живностью.

Я была очень осторожна, стараясь не наклоняться слишком далеко и не свалиться в воду. Остальные беспечно перепрыгивали с камня на камень, легко взбирались на скальные уступы. Я нашла надежный на вид валун на берегу самого большого пруда и аккуратно уселась на него, зачарованная естественным аквариумом внизу. Букеты блестящих анемонов непрерывно колебались в невидимом водном потоке. Спиральные раковины улиток, увлекаемые живущими внутри них раками-отшельниками, быстро носились по отмели. Неподвижные морские звезды лепились к камням и друг к другу, а маленький черный угорь с белыми полосками вдоль спины вился между ярко-зеленых водорослей, ожидая возвращения моря. Я отдалась созерцанию, и лишь крохотный уголок сознания спрашивал о том, что сейчас делает Эдвард и что бы он сказал, будь он здесь, со мной.

Наконец, парни проголодались. Я встала, с трудом распрямив затекшие ноги, и мы отправились в обратный путь. В этот раз я старалась идти быстрее и поэтому

несколько раз упала. Удалось отделаться расцарапанными ладонями и зелеными пятнами от травы на коленях — что ж, могло быть и хуже.

Добравшись до Первого пляжа, мы обнаружили, что народу там прибавилось. Когда мы подошли ближе, я увидела блестящие прямые черные волосы и бронзовую кожу наших гостей — это подростки из соседней резервации пришли потусоваться.

Еда была уже распакована, и наши мальчики поспешили отхватить свою долю. Эрик представлял нас по мере того, как мы садились вокруг костра. Анджела и я шли последними, и, когда Эрик назвал нас, младший из индейцев, сидевший на камне возле огня, с интересом посмотрел на меня. Я села рядом с Анджелой, Майк принес нам бутерброды и несколько банок с напитками, чтобы было из чего выбрать. Юноша-индеец, казавшийся старше остальных, единым духом отбарабанил свое имя и имена семерых ребят, пришедших с ним. Я разобрала только, как звали одну из девочек — Джессика, и парня, посмотревшего на меня — он был Джейкобом.

Было приятно сидеть с Анджелой. Она легкий человек — не стремится заполнить болтовней каждую паузу в разговоре. Она дала мне возможность спокойно подумать, пока мы ели. А думала я о том, как странно устроено время в Форксе: иногда все проплывает мимо, как в тумане, и лишь отдельные образы выделяются на неясном общем фоне. А потом наступает момент, когда каждая секунда намертво врежется в память. Я точно знала, что было тому причиной, и не могла не тревожиться.

Пока мы ужинали, тучи пошли в наступление. Они пробегали по небу из конца в конец, ненадолго закрывая солнце, бросали на землю длинные тени и окрашивали волны чернотой. Поев, все стали расходиться от костра по двое-трое. Кто-то бродил

вдоль полосы прибоя, перескакивая через острые камни. Кто-то вновь собирал экспедицию на соленые пруды. Майк и его тень Джессика отправились в единственный в индейской деревне магазин. Некоторые из местных присоединились к ним, некоторые — к желающим увидеть пруды. Когда все разошлись, я осталась сидеть на бревне возле огня. Тайлер и Лорен развлекались CD-плеером, который кто-то додумался взять с собой, а трое парней из резервации, включая Джейкоба и самого старшего, который говорил один за всех, расселись вокруг костра.

После того, как Анджела ушла, Джейкоб совершил ряд осторожных маневров и пересел на ее место рядом со мной. На вид ему было четырнадцать, самое большее, пятнадцать лет, его длинные черные волосы были стянуты в низкий хвост на затылке. У него была красивая кожа, шелковистая и смуглая, и темные глаза, глубоко посаженные над высокими скулами. Подбородок еще сохранял следы детской округлости. Словом, очень приятное лицо. Но впечатление от его внешности было подпорчено первыми словами, сорвавшимися с его губ:

— Ты ведь Изабелла Свон, правда?

Как будто снова начался первый день в школе.

— Белла, — вздохнула я.

— Я Джейкоб Блэк. — Он дружески протянул мне руку. — Ты купила пикап моего отца.

— А, ты сын Билли, — я с облегчением пожала неширокую ладонь. — Я должна бы тебя помнить.

— Вряд ли, я ведь самый младший. А вот моих старших сестер ты, наверное, вспомнишь.

— Рейчел и Ребекка, — внезапно всплыло у меня в голове. Чарли и Билли часто оставляли нас вместе, когда ходили рыбачить. И они, и я были робкими девочками и не смогли подружиться. Кроме того, я устроила столько истерик по поводу ненавистной

рыбалки, что к моим одиннадцати годам Чарли прекратил эти поездки.

— А они тоже здесь? — я посмотрела на девочек, стайкой идущих вдоль побережья. Смогу ли я узнать их сейчас?

— Нет, — Джейкоб покачал головой. — Рейчел получила стипендию и учится в университете штата Вашингтон, а Ребекка вышла за серфера-самоанца и теперь живет на Гавайях.

— Замуж вышла. Вот это да! — я была потрясена. Близнецы были на год с небольшим старше меня.

— Как тебе нравится пикап? — спросил Джейкоб.

— Обожаю его. Он отличный.

— Да, но ползает, как черепаха. Я вздохнул с облегчением, когда Чарли купил его. Папа не разрешал мне начинать собирать другую машину, пока у нас в хозяйстве была эта замечательная тачка.

— И совсем он не черепаха, — обиделась я.

— Ты до сотни разгонялась хоть раз?

— Нет, — признала я.

— Правильно. И не надо, — усмехнулся он в ответ.

Я не могла так просто сдаться.

— Зато при аварии он не разбился, — у меня нашелся отличный аргумент.

— Да уж, этого динозавра и танком не раздавишь, — весело согласился он.

— Так ты собираешь машины? — это произвело на меня впечатление.

— Когда есть детали и свободное время. Не знаешь, случайно, где можно достать главный тормозной цилиндр для «Фольксваген Рэббита» 1986 года выпуска? — шутливо спросил он. У него был приятный хрипловатый голос.

— Извини, — засмеялась я. — Последнее время что-то не попадались, но если встречу, дам тебе знать.

Словно я знала, что это такое. С ним было легко разговаривать. Он сверкнул белозубой улыбкой и посмотрел на меня с восхищением — последнее время я научилась распознавать его на мужских лицах. Я была не одна, кто заметил это.

— Ты знаешь Беллу, Джейкоб? — спросила Лорен с другой стороны костра голосом, который должен был, видимо, выражать апломб.

— Я, некоторым образом, знаком с ней с рождения, — засмеялся он, снова улыбнувшись мне.

— Как мило.

Ее белесые рыбы глаза прищурились — судя по тону, она имела в виду нечто противоположное.

— Белла, — снова заговорила она, тщательно изучая мое лицо. — Я как раз говорила Тайлеру, что очень жаль, что никто из Калленов к нам сегодня не присоединился. Разве их никто не пригласил? — ее фальшивая озабоченность никого не могла бы обмануть.

— Ты имеешь в виду семью доктора Карлайла Калена? — спросил «старшой» индеец прежде, чем я успела ответить (к великой досаде Лорен). Этот высокий парень походил скорее на мужчину, чем на подростка, у него был глубокий низкий голос.

— Да, Вы их знаете? — свысока спросила Лорен, полуобернувшись к нему.

— Каллены сюда не ходят, — он решительно закрыл тему, словно не заметив вопроса.

Тайлер, стремясь вернуть ее внимание, что-то сказал ей про диск, который держал в руках, но Лорен его не слушала.

Потрясенная, я уставилась на парня, но его взгляд был направлен мимо меня, в глухую темную чащу леса. Его фраза о том, что Каллены «сюда не ходят», содержала в себе нечто большее, чем простое утверждение — намек на то, что им запрещено здесь

бывать. Я тщетно пыталась избавиться от неприятного осадка.

— Меня отвлек Джейкоб.

— Скажи, у тебя уже началось умопомешательство от Форкса?

— И это еще мягко сказано, — поморщилась я. Он понимающе усмехнулся.

Я все пыталась осмыслить фразу о Калленах, когда вдруг почувствовала внезапное озарение. Это был дурацкий план, но идей получше не нашлось. Я надеялась, что юный Джейкоб не настолько избалован женским вниманием, чтобы раскусить мои неумелые попытки флиртовать.

— Хочешь, прогуляемся по пляжу? — спросила я, постаравшись симитировать взгляд Эдварда из-под опущенных ресниц. Вряд ли получилось так же впечатляюще, но Джейкоб подскочил, как пружинка.

Мы шли вдоль разноцветных камней на север, в сторону сплошного завала из сплавного леса, перегородившего побережье до самой воды. Тучи понемногу закрывали просветы в небе, море темнело, а воздух становился холоднее. Я засунула руки глубоко в карманы куртки.

— Тебе сколько, шестнадцать? — спросила я, хлопая ресницами, как героиня телесериала, и старясь не выглядеть при этом идиоткой.

— Только что исполнилось пятнадцать, — признался он, польщенный.

— Правда? — мое лицо выразило фальшивое удивление. — Мне показалось, что ты старше.

— Я высокий для своего возраста, — объяснил он.

— Ты часто приезжаешь в Форкс? — спросила я игриво, словно ожидая услышать «да». Мне самой было противно слышать собственный голос. Казалось, вот сейчас он с отвращением повернется ко мне

и обвинит в мошенничестве, но он по-прежнему таял от моей лести.

— Не очень часто, — ответил он, нахмурившись. — Вот когда соберу машину, смогу приезжать, когда захочу. После того, как получу права, разумеется, — поправился он.

— Как зовут парня, с которым разговаривала Лорен? Он, кажется, слишком взрослый для нашей компании.

Я нарочно причислила себя к младшим, чтобы показать, что предпочитаю Джейкоба.

— Это Сэм — ему девятнадцать, — сообщил он.

— Что это он говорил о семье доктора? — невинно спросила я.

— О Калленах? Он имел в виду, что им не полагается появляться у нас в резервации, — он посмотрел вдаль, на Остров Джеймса. Слова Джейкоба подтвердили то, что слышалось мне в интонации Сэма.

— Почему?

Он оглянулся на меня и прикусил губу.

— Упс. Мне нельзя об этом говорить.

— Ну же, я никому не скажу, мне просто интересно, — я постаралась, чтобы улыбка вышла соблазнительной, гадая про себя, не слишком ли пересластила.

Не слишком — он выглядел решительно соблазненным. Подняв вверх одну бровь, он улыбнулся мне в ответ.

— Ты любишь страшилки? — зловеще спросил он. Хрипотца в его голосе стала заметнее.

— Обожаю! — я изобразила восторг, не забыв про томный блеск в глазах.

Джейкоб подошел к лежавшему на песке дереву, чьи корни торчали в разные стороны, как бледные лапы обессиленного гигантского паука. Он легко вспрыгнул на толстый узловатый корень, а я уселась

пониже — на стволе дерева. Он долго смотрел на камни, в уголках широких губ играла улыбка. Он явно хотел преподнести мне эту историю как можно аппетитнее, и я старалась, чтобы мои глаза сияли, отражая живейший интерес к его рассказу.

— Ты знаешь хоть одну из наших старых легенд о том, откуда мы произошли? Племя квилеутов, я имею в виду? — начал он.

— Увы, нет, — призналась я.

— Ну, есть много легенд, некоторые восходят ко временам потопа — например, о том, как квилеуты привязали свои каноэ к макушкам самых высоких деревьев на вершине горы и выжили, как Ной и его ковчег, — он улыбнулся, показывая мне, как мало смысла видит в старинных сказках. — Другая легенда гласит, что мы произошли от волков, а поэтому волки — наши братья. По закону племени мы не должны их убивать.

— Есть еще сказки про *холодных*, — он понизил голос.

— Про холодных? — спросила я, и мне уже не надо было притворяться заинтересованной.

— Да. Некоторые истории про холодных такие же старые, как легенды про волков, но есть и те, что возникли недавно. Например, мой прадедушка знал некоторых из них. Он заключил договор, и по этому договору они не ходят на нашу землю.

Он выпучил глаза.

— Твой прадедушка? — подтолкнула я.

— Он был вождем, как и мой отец. Знаешь, холодные — естественные враги волков. Ну, не совсем волков, а только тех волков, которые превращаются в людей, как наши предки. Ты бы назвала их оборотнями.

— У волков-оборотней есть враги?

— Только один враг.

Я уже по-настоящему уставилась на него, стараясь прикрыть нетерпение маской восхищения.

— Таким образом, — продолжал Джейкоб, — Холодные — наши давние враги. Но стая, которая пришла на нашу территорию во времена прадедушки, была особенной. Они не охотились так, как остальные холодные, и не представляли опасности для племени. Поэтому мой прадедушка заключил с ними сделку. Если они обещают не заходить на наши земли, мы не выдадим их бледнолицым, — он подмигнул мне.

— Если они не были опасны, тогда почему?...

Я старалась понять, изо всех сил делая вид, что меня не так уж сильно задевает за живое его страшилка.

— Людям всегда рискованно находиться рядом с холодными, даже если они цивилизованные, как этот клан. Никогда не знаешь, когда они проголодаются слишком сильно и сорвутся, — он намеренно поперчил свою интонацию хорошей порцией угрозы.

— Что ты имеешь в виду под «цивилизованными»?

— Они утверждали, что не охотятся на людей. Вместо этого они могли обходиться животными.

Я постаралась, чтобы голос прозвучал ровно:

— А причем здесь Каллены? Они что, чем-то похожи на холодных, с которыми встречался твой прадедушка?

— Нет, — последовала драматическая пауза. — Они и есть *те самые* холодные.

Выражение моего лица он, должно быть, истолковал как ужас, вызванный его рассказом. Польщенный, он улыбнулся и продолжал.

— Сейчас их стало больше, появились новые женщина и мужчина, но остальные — те же самые. Во времена прадедушки знали их вожака, Карлайла. Он был здесь и ушел еще до того, как белые появились, — он с трудом спрятал улыбку.

— А кто они? Кто такие эти холодные?

Он сумеречно улыбнулся.

— Кровопийцы, — ответил он леденящим голосом. — Вы называете их вампирами.

Услышав его ответ, я застыла и неподвижно уставилась в бурные волны прибоя. Уж не знаю, что было написано у меня на лице в ту минуту.

— У тебя мурашки по коже, — с восторгом засмеялся он.

— Ты хороший рассказчик, — выдала я комплимент, не отрывая глаз от воды.

— Страшная чушь, правда? Не удивляюсь, что папа запрещает нам рассказывать эту байку.

Я все еще не могла привести лицо в нормальное состояние и посмотреть ему в глаза.

— Не волнуйся, я тебя не выдам.

— Кажется, я только что нарушил договор, — засмеялся он.

— Я унесу эту историю с собой в могилу, — пообещала я, и по телу пробежала дрожь.

— Серьезно, только не говори Чарли. Он был страшно зол на отца, когда узнал, что некоторые из наших не хотят идти в больницу с тех пор, как там работает доктор Каллен.

— Разумеется, не скажу.

— Теперь ты думаешь, что мы — кучка суеверных дикарей, так? — в его игривом тоне слышался намек на беспокойство. Я никак не могла перестать смотреть на океан.

Наконец, я повернулась и изобразила что-то похожее на свою обычную улыбку.

— Нет. Но я думаю, что вы отлично рассказываете страшные сказки. У меня все еще мурашки не прошли, смотри, — я показала ему свою руку.

— Круто. — Он улыбнулся.

Тут захрустела галька, и мы поняли, что кто-то идет. Мы одновременно подняли головы и увидели Майка

и Джессикику метрах в сорока от нас. Они шли в нашу сторону.

— Вот ты где, Белла! — крикнул Майк и помахал рукой над головой. В его голосе слышалось облегчение.

— Это что, твой бойфренд? — спросил Джейкоб, встревоженный ноткой ревности в голосе Майка. Я изумилась — неужели это стало настолько бросаться в глаза?

— Нет, конечно, — прошептала я. Я была невыразимо благодарна Джейкобу, и мне очень хотелось сделать ему что-нибудь хорошее. Я подмигнула ему, аккуратно отвернувшись, чтобы Майк не увидел. Он улыбнулся, в восторге от моего неумелого флирта.

— Когда я получу права... — начал он.

— Приедешь ко мне в Форкс. Сходим куда-нибудь поразвлечься.

Мне было стыдно — я его использовала. Джейкоб на самом деле мне нравился, казалось, мы легко могли бы стать друзьями. Майк уже подошел к нам, а Джессика отстала на пару шагов. Я заметила, что Майк оценивающе оглядел Джейкоба и успокоился, увидев, что тот слишком юн.

— Где ты была? — спросил он, хотя ответ был прямо перед ним.

— Джейкоб рассказывал мне местные легенды, — с готовностью ответила я. — Было очень интересно. — Я тепло улыбнулась Джейкобу, и он широко ухмыльнулся в ответ.

— Ясно, — Майк на минуту умолк, тщательно переоценивая ситуацию при виде нашего сговора. — Мы собираем вещи. Кажется, скоро пойдет дождь.

Мы все посмотрели вверх. Небо хмурилось, и дождь был уже близко.

— Хорошо, — я вскочила. — Уже иду.

— Знаешь, было очень приятно *снова* увидеться, — сказал Джейкоб. Могу поклясться, он хотел поддеть Майка.

— Да, правда. Когда в следующий раз Чарли поедет навестить Билли, я поеду с ним, — пообещала я.

Его ухмылка растянулась до ушей:

— Это будет здорово.

— И еще: спасибо тебе, — очень серьезно сказала я.

Я натянула капюшон, и мы пошли в обход скал к парковке. С неба начали падать первые капли, и на камнях темнели мокрые круги. Когда мы подошли к джипу, наши попутчики уже запихнули в него весь багаж. Я тихо влезла на заднее сиденье между Тайлером и Анджелой, объявив, что переднее место свободно. Анджела всю дорогу смотрела в окно на надвигающийся шторм, а Лорен, сидевшая впереди, извернулась в нашу сторону, чтобы болтать с Тайлером, поэтому я просто откинула голову на спинку сиденья, закрыла глаза и изо всех сил постаралась не думать.

Глава 7. Кошмар

Я сказала Чарли, что есть не хочу и пойду наверх делать домашнее задание. Он с нетерпением предвкушал какой-то важный баскетбольный матч (хотя я так и не поняла, что там было особенного), а поэтому не заметил ничего необычного в моем поведении.

Я заперлась в своей комнате, порылась в столе и, откопав старые наушники, воткнула их в свой маленький CD-плеер. Я выбрала диск, который Фил подарил мне на Рождество. Это была одна из его любимых групп, хотя, на мой вкус, ребята слегка злоупотребляли пронзительными воплями и тяжелыми басами. Я сунула диск в плеер и легла на кровать. Надев наушники, я включила громкость на полную, так, что уши заболели. Я закрыла глаза, но сквозь опущенные веки проникал свет, поэтому я положила на голову подушку.

Сосредоточившись на музыке, я пыталась разобрать слова и распутать сложную партию ударных. Прослушав диск три раза, я запомнила все припевы. Когда за громким шумом удалось расслышать кое-что еще, группа, к моему удивлению, действительно мне понравилась. Надо будет еще раз сказать Филу «спасибо».

И это сработало. Зубодробительный грохот помог мне не думать, что и было настоящим смыслом этого занятия. Я прокручивала диск снова и снова, пока не выучила слова всех куплетов, и тогда, наконец, уснула.

Я открыла глаза — место было мне знакомо. Понимая уголком сознания, что я сплю, я узнала зеленый свет леса. Я слышала волны, бьющиеся о скалы где-то неподалеку. И я знала, что, если выйду к океану,

то увижу солнце. Я старалась идти на шум прибоя, но тут появился Джейкоб Блэк, он вцепился в мою руку и потянул обратно, в черную чащу леса.

— Джейкоб? Что случилось? — спросила я.

С испуганным видом он изо всех сил рванул меня за руку, несмотря на мое сопротивление — я не хотела возвращаться в темноту.

— Беги, Белла, тебе надо бежать! — в ужасе прошептал он.

— Сюда, Белла! — я узнала голос Майка, зовущий из мрачного сердца чащобы, но его самого я не видела.

— Зачем? — спросила я, стараясь вырваться из хватки Джейкоба в отчаянном желании увидеть солнце.

Но тут Джейкоб отпустил мою руку, по-собачьи взвизгнул, затрясся и упал в гущу лесной травы. В ужасе я смотрела, как он корчится, лежа на земле.

— Джейкоб! — закричала я.

Но его уже не было. Вместо него на земле лежал крупный красно-пегий волк с черными глазами. Волк отвернулся от меня, его морда была направлена туда, где шумел прибой. Шерсть на загривке вздыбилась, низкое рычание донеслось из-под оскаленных клыков.

— Белла, беги! — снова закричал Майк откуда-то позади меня.

Но я не обернулась. Я смотрела на свет, который приближался ко мне со стороны побережья.

И вдруг из-под свода леса выступил Эдвард, его кожа слабо светилась, глаза были черными и злыми. Он протянул одну руку ко мне и поманил меня за собой. Волк у моих ног зарычал.

Я сделала шаг вперед, к Эдварду. Тогда он улыбнулся, показав страшные заостренные зубы.

— Поверь мне, — проорчал он.

Я сделала еще шаг.

Волк бросился вперед между мной и вампиром, целясь зубами в его яремную вену.

— Нет! — закричала я, мое тело с силой выгнулось вверх, и я проснулась.

Из-за моего резкого движения провод от наушников потянул за собой плеер, и он с грохотом упал с тумбочки на деревянный пол.

Свет все еще горел, а я, полностью одетая и обутая, сидела на кровати. Ничего не понимая, я глянула на часы, стоявшие на комод. Половина шестого утра.

Я застонала, упала на кровать и повернулась на живот. Уткнувшись лицом в подушку, стряхнула с ног ботинки. Мне было слишком плохо, чтобы я могла уснуть. Я перевернулась на спину и расстегнула джинсы. Не вставая, неловко стянула их тоже. Мешала запутавшаяся в волосах резинка, которая горным хребтом подпирала череп сзади. Я повернулась на бок и выдернула ее из волос, распутала пальцами колтуны. Потом взяла подушку и снова накрыла глаза.

Конечно, все это было бесполезно. Мое подсознание упорно вытаскивало на поверхность те образы, которые я так отчаянно старалась забыть. Кажется, пришло время взглянуть правде в лицо.

Я села, и на минуту у меня потемнело в глазах, когда кровь резко отлила от головы. Ладно, начнем с начала, решила я. Довольная тем, что могу еще хоть чуть-чуть оттянуть неизбежное, я схватила сумку с банными принадлежностями.

Умывание, впрочем, длилось недолго и не оправдало моих надежд. Даже потратив время на сушку волос феном, я довольно быстро исчерпала запас возможностей ванной комнаты.

Завернувшись в полотенце, я вернулась к себе. Нельзя было понять, спит Чарли или уже проснулся. Я выглянула в окно — патрульная машина исчезла. Снова уехал на рыбалку.

Я медленно оделась в свою самую любимую одежду и заправила кровать — вот уж чего я никогда не делала. Но невозможно тянуть резину бесконечно. Я подошла к столу и включила старый компьютер.

Интернет здесь был отвратительный. Наш модем безнадежно устарел, а бесплатный аккаунт, которым я пользовалась, предполагал очень низкую скорость соединения. Дозваниваться пришлось так долго, что, пока суть да дело, я решила спуститься на кухню и позавтракать.

Я ела медленно, тщательно разжевывая каждый кусок. Закончив, я помыла миску и ложку, вытерла их полотенцем и убрала на полку. Еле волоча ноги, поплелась наверх. Сначала я подняла с пола свой CD-плеер и положила его точно в центр стола. Затем вынула наушники и убрала их в ящик. После этого я запустила вчерашний диск, уменьшив громкость до уровня легкого фона.

Со вздохом я повернулась к компьютеру. Экран был весь забит всплывающими рекламными объявлениями. Я села в жесткое складное кресло и стала закрывать все мелкие окна. Наконец, запустила поисковик, прихлопнула еще пару окошек и напечатала в строке поиска одно-единственное слово.

Вампир.

Разумеется, комп задумался на целую вечность. Затем явились результаты, в которых было полно мусора — от фильмов и телешоу до ролевых игр, андеграунда и косметики для готов.

Наконец, я обнаружила многообещающий сайт «Вампиры от А до Я». В нетерпении ожидая, пока он загрузится, я продолжала закрывать маленькие окошки объявлений. И вот на экране появился текст — черные буквы на белом фоне, все просто и академично. На первой странице было только две цитаты, и больше ничего.

«В обширном призрачном мире духов и демонов нет сущности более страшной, сущности более жуткой и отвратительной, но в то же время наделенной большим пугающим очарованием, чем вампир. Он — не дух и не демон, но несет в себе отпечаток их темной природы и обладает ужасными и таинственными качествами обоих». Преп. Монтегю Саммерс.

«Если и есть в нашем мире что-то полностью доказанное, так это существование вампиров. Имеется все: официальные отчеты, свидетельства известных людей, хирургов, священников, судей - исчерпывающий набор следственных материалов. Но при этом сознайтесь: и кто же здесь верит в вампиров?» Руссо.

Далее шел алфавитный список всех существующих в мире легенд о вампирах. Я кликнула сначала на Данага, филиппинского вампира, которому приписывают появление на островах съедобного растения таро. Миф рассказывал о том, что Данаг работал вместе с людьми на протяжении многих лет, пока однажды некая женщина не поранила себе руку. Данаг хотел помочь и отсосать кровь из раны, но вкус крови ему настолько понравился, что он не смог остановиться и выпил бедняжку до капли.

Я тщательно читала все описания подряд, надеясь наткнуться на что-нибудь подходящее случаю. Казалось, все мифы о вампирах вертелись вокруг прекрасных женщин-демониц и детей — несчастных жертв. Словно кто-то нарочно поставил себе цель объяснить высокую детскую смертность и оправдать склонность мужчин к изменам. Во многих историях фигурировали бестелесные духи и содержались предостережения против несоблюдения погребальных обрядов. Все эти сказки имели мало общего с сюжетами современных фильмов о вампирах. Лишь немногие

из их героев, такие, как еврейский Эстри и польский Упырь, терзались постоянной и ненасытной жаждой.

Две статьи по-настоящему привлекли мое внимание: о румынском Вараколачи — могущественном живом мертвце, который являлся в виде прекрасного человека с бледной кожей, и словацком Нелапси, существе настолько быстром и сильным, что ему ничего не стоило за один полуночный час истребить целую деревню. И еще одна — о Стрегони Бенефичи. Это была даже не статья, а короткое предложение: *«Стрегони Бенефичи — итальянские вампиры, стоят на стороне добра и являются бессмертными врагами всех злых вампиров».*

Было настоящим облегчением наткнуться на единственный миф о праведных вампирах после прочтения доброй сотни историй о вампирах преступных.

Однако совпадений с тем, что рассказал Джейкоб и с тем, что видела я сама, было довольно мало. Я составила в уме небольшой список и искала что-то похожее: сила, скорость, красота, бледная кожа, глаза, меняющие цвет. Плюс то, что добавил Джейкоб: пьют кровь, враги оборотней, холодная кожа, бессмертие. Было всего несколько сказок, в которых описывались бы подобные качества.

И была еще другая проблема, о которой я знала из фильмов и о которой вспомнила уже в ходе сегодняшних поисков — вампиры не могли появляться днем, так как солнце превращало их в горстку пепла. Днем они спали в гробах и выходили только по ночам.

В мрачном настроении я нажала кнопку и грубо вырубил комп, не озаботившись подождать завершения работы системы. Несмотря на раздражение, я была в полном смятении. Это же чистый идиотизм: сидеть у себя в комнате и всесторонне изучать вампиров. Да что это со мной? Я решила, что во всем

виноват городишко Форкс — а может, если уж на то пошло, весь насквозь отсыревший полуостров Олимпия?

Мне было просто необходимо куда-то уйти из дома, но ближайшее хорошее место находилось в трех днях пути отсюда. Я все равно надела ботинки, не вполне понимая, куда пойду, и спустилась вниз. Натянув плащ и даже не взглянув в окно на погоду, я вышла за дверь.

Небо хмурилось, но дождь еще не начался. Я не остановилась возле пикапа и пересекла двор Чарли, повернув на восток, в сторону вездесущего леса. Очень быстро дом и дорога скрылись из виду. Теперь единственными звуками были хлюпанье мокрой лесной подстилки под ногами и внезапные вскрики соек.

На самом деле, я шла по небольшой лесной тропинке, а иначе, со своим «географическим кретинизмом», не решилась бы рисковать. Мне легко потеряться и в куда более людном месте. Тропинка вела все глубже в лес, почти все время на восток. Она змеилась, огибая серебристые ели, тсуги, тисы и клены. Я едва знала названия всех этих деревьев, и то лишь благодаря Чарли — он показал мне некоторые из них из окна патрульной машины. Многие растения были мне совсем неизвестны, а некоторые было просто не рассмотреть под покровом лишайников и прочих «зеленых паразитов».

Я шла вперед, пока злость гнала меня, но, остыв, замедлила шаг. С лесного полога над моей головой сорвалось несколько водяных капель — то ли начинался дождь, то ли просто неспешно возвращалась в землю вода, скопившаяся в ветвях деревьев. Недавно упавшее дерево — оно еще не успело обрасти мхом — опиралось о ствол своего живого собрата. В его тени нашлось небольшое укрытие, где можно было посидеть. Я сошла с тропы, пробралась сквозь мокрый папоротник и осторожно уселась на наклонный ствол, подложив под

себя плащ. Прикрытую капюшоном голову я откинула назад, опершись затылком о второе дерево.

Место было совершенно неподходящее, но идти все равно было некуда. Темно-зеленый лес вокруг очень напоминал картинку из моего сна, что не добавляло душевного покоя. Шум моих чавкающих шагов стих, и вокруг стояла пронзительная тишина. Птицы молчали, а капли стали падать чаще, из чего я заключила, что снаружи все-таки идет дождь. Папоротники скрывали меня с головой, и я знала, что, даже если кто-нибудь пройдет по тропе в метре от меня, он меня не заметит.

Здесь, под покровом деревьев, ситуация уже не настолько поражала меня своим абсурдом, как дома. В этом лесу ничего не менялось тысячи лет. Среди его зеленого марева гораздо легче было поверить в легенды сотен земель, чем в моей опрятной спальне. Наконец, через «не могу», я заставила себя сосредоточиться на двух жизненно важных вопросах.

Первое. Возможно ли, чтобы то, что сказал Джейкоб о Калленах, было правдой? «Нет!» — громовым раскатом немедленно прокатилось у меня в голове. Было глупо и неправильно развлекаться подобными измышлениями. Но что с того? — спросила я себя. Не было никакого разумного объяснения тому, что я сидела здесь, живая и невредимая. Я снова мысленно пролистала свой список: нечеловеческая сила и скорость, цвет глаз, меняющийся от черного к золотому и обратно, нереальная красота, бледная, холодная кожа. И — мозг услужливо подкидывал еще идеи — они никогда не едят и двигаются с пугающей грацией. И то, как *он* иногда начинал говорить — с незнакомыми модуляциями голоса, фразами, более естественными для героя романа конца девятнадцатого века, чем для школьника века двадцать первого. Он прогулял урок, на котором мы определяли группу крови. Он отказался

от путешествия в Ла Пуш только после того, как спросил, куда мы едем. Он, кажется, мог читать мысли любого знакомого человека... кроме меня. Он сказал мне, что он злодей, что он опасен...

Так могли ли Каллены быть вампирами?

Во всяком случае, они явно были *чем-то*. Чем-то, что перед моим изумленным внутренним взором никак не желало поддаваться рациональному анализу. Взять ли Джейкобову сказку о *холодных* или мою супергеройскую теорию, выходило, что Эдвард Каллен не был... человеком. Он был кем-то кроме.

Поэтому на первый вопрос следовало ответить: «Возможно». По крайней мере, пока.

И второй вопрос, гораздо важнее, чем первый. Что мне делать, если все это — правда?

Если Эдвард *был* вампиром — я едва заставила мысленный голос произнести эти слова — то что нужно предпринять? Сказать кому-то — полностью исключено. Я сама в это толком не верила, а тот, кому я скажу, потребует неоспоримых доказательств.

Реальными казались только две возможности. Первая — принять его совет, быть умницей и избегать его всеми возможными способами. Отменить поездку, не замечать его, как раньше, пока это будет в моей власти. Сделать вид, что между нами — непреодолимая стеклянная стена, которую мы возвели совместными усилиями. Сказать ему, чтобы оставил меня в покое, и наконец придать этим словам их буквальный смысл.

При мысли о том, что так и будет, меня скрутил приступ невыносимого отчаяния. Мозг, стремясь избавиться от боли, быстро перескочил на вторую возможность.

Не нужно ничего менять. В конце концов, даже если он был *чем-то*... смертельно опасным, до сих пор он не сделал мне ничего дурного. На самом деле, я стала бы вмятиной на фургоне Тайлера, если бы

он не среагировал так быстро. Так быстро, продолжал мой «внутренний адвокат», словно это было чистым рефлексом. Но если некое существо рефлекторно спасает жизни, как оно может быть порочным? Я запуталась, ходила кругами. Ни на один вопрос у меня не было ответа.

Была одна вещь, в которой я была уверена, если вообще могла быть уверена хоть в чем-то. Того темного Эдварда из моего сна вызвало слово, произнесенное Джейкобом, к настоящему Эдварду он не имел отношения. Даже во сне я кричала не оттого, что боялась за волка, я боялась, что ему причинят вред. Даже когда он звал меня, оскалив остро заточенные клыки, — я боялась за него.

И я знала, что ответ на все вопросы — в этом сне. Я даже не понимала, был ли вообще у меня выбор. Коготок давно увяз. Теперь я знала — *если* знала — что не стану ничего делать со своей пугающей тайной. Потому что, когда я думала о нем, его голосе, его колдовских глазах, влекущей силе его личности, я хотела только одного — оказаться рядом с ним прямо сейчас. Даже если... но мне не хотелось об этом вспоминать. Только не здесь, не в одиночестве посреди темного леса. Не тогда, когда дождь превратил белый день в сумерки под его густым покровом и суетливо топтал по земле, покрытой зеленым ковром. Я поежилась и поскорее покинула свое укрытие, волнуясь, как бы тропинка не скрылась из виду.

Но она была тут, четкая, безопасная, она вела меня к выходу из этого мокрого зеленого лабиринта. Я туго затянула шнурки капюшона вокруг лица и поспешила назад, удивляясь, как могла так далеко забраться. Через какое-то время я уже почти бежала, сомневаясь на ходу, что вообще двигаюсь в нужную сторону. Меня уже совсем было охватила паника, как вдруг в паутине сплетенных ветвей я понемногу начала различать

светлые пятна — край леса был уже близко. А потом я услышала шум проезжавшей мимо машины, и это означало, что я наконец вырвалась на свободу — прямо передо мной простирался газон Чарли, и дом манил, обещая тепло и сухие носки.

Когда я вошла внутрь, был уже почти полдень. Я пошла наверх и оделась в обычные домашние джинсы и футболку. Мне было легко сосредоточиться на домашнем задании — сочинении по «Макбету», заданному на среду. Чувствуя внутреннее удовлетворение, я стала набрасывать черновой план работы. Такого мира в душе у меня не было... будем честны, с полудня четверга.

Со мной все так обычно и было. Что-то решать для меня всегда было мукой, я до одурения взвешивала «за» и «против». Но после того, как решение было принято, я твердо следовала ему — как правило, с облегчением от того, что выбор наконец сделан. Иногда облегчение бывало окрашено отчаянием, как, например, в случае с переездом в Форкс. Но все равно это было лучше, чем сражаться с сомнениями.

А с этим решением оказалось до смешного легко ужиться. *Опасно* легко.

Остаток дня прошел спокойно. Хорошо пошла работа — я закончила сочинение к восьми. Чарли вернулся с большим уловом, и я подумала, не купить ли сборник кулинарных рецептов для приготовления рыбы, когда я буду на следующей неделе в Сиэтле. От мыслей об этой поездке по спине побежали мурашки, и они ничем не отличались от тех, что я ощущала до прогулки с Джейкобом Блэком. Хотя должны были бы, подумала я. Мне должно было быть страшно — я это знала, но никак не могла почувствовать правильный вид страха.

В эту ночь я спала без снов, вымотанная почти бессонной ночью накануне и ранним подъемом.

Я проснулась, и, во второй раз в Форксе, увидела яркий желтый солнечный свет, обещавший ясный день. Я кинулась к окну и замерла от изумления, увидев почти безоблачное небо. Те маленькие пушистые белые комочки, которые плыли по нему, не могли таить ни малейшей угрозы дождя. Я открыла окно — странно, так плавно и бесшумно оно не открывалось уже бог знает сколько лет — и втянула в легкие относительно сухой воздух. Он был почти теплым, ветра не было. Кровь забурлила у меня в венах.

Чарли уже почти поел, когда я спустилась вниз. Он моментально поймал мое настроение.

— Отличный сегодня день, — сказал он.

— Да, — щедро улыбнувшись, согласилась я.

Он улыбнулся в ответ, и вокруг карих глаз обозначились лучики морщинок. Когда Чарли улыбался, мне легче было понять, почему он и мама так рано сиганули под венец. Юный романтик в нем почти исчез куда-то к тому времени, как я вошла в сознательный возраст. Его кудрявые каштановые волосы — цвет я унаследовала от него — постигла та же участь: они понемногу редели, все больше и больше оголяя блестящую кожу лба. Но стоило Чарли улыбнуться, и я видела призрак парня, умыкнувшего Рене, когда она была всего на два года старше меня.

Я бодро съела завтрак, созерцая хоровод пылинок, плясавших в солнечном луче. Чарли прокричал с улицы: «Пока!», и я услышала, как его машина отъехала от дома. Я немного потопталась у дверей, положив руку на свой дождевик. Не стоило искушать судьбу, оставляя его дома. Со вздохом я повесила его на руку и вышла наружу, под потоки ярчайшего света, почти забытого за многие месяцы.

Ценой страшных усилий я опустила оба окна моего пикапа почти до конца. Мне так хотелось выбраться поскорее из дома, что я не посмотрела на часы

и оказалась в школе одной из первых. Поставив машину, я устремилась к редко используемым скамьям для пикника, стоявшим вдоль южной стены столовой. Скамьи все еще были немного влажными, и я постелила под себя дождевик, радуясь, что нашла ему применение.

Сочинение было написано — следствие вялой социальной жизни — но оставались еще задачи по тригонометрии, насчет которых я была не уверена. Словно трудолюбивая пчелка, я достала учебник, но уже на середине первой задачи замечталась, глядя, как солнце играет на красной коре деревьев. Не замечая, что делаю, я покрывала поля тетради какими-то рисунками. Через несколько минут я остановилась и обнаружила, что со страницы на меня смотрят пять пар темных глаз. Я стерла их резинкой.

— Белла! — позвал меня кто-то, кажется, Майк.

Я оглянулась вокруг и увидела, что, пока я мечтала, в школу понаехало полно народу. Все были в футболках с коротким рукавом, на некоторых даже были шорты, хотя на улице вряд ли было выше пятнадцати градусов. Майк шел ко мне, на нем были шорты цвета хаки и широкая полосатая футболка-поло.

— Привет, Майк! — я помахала в ответ, не в силах изображать холодность в такое утро, как это.

Он подошел и сел рядом, тщательно вздыбленный ежик волос на его голове отливал на солнце золотом, а ухмылка растянулась во весь рот. Он был настолько счастлив видеть меня, что я почувствовала себя польщенной.

— Как я раньше не замечал — у тебя рыжеватые волосы, — сказал он, ловя пальцами прядь моих волос, трепетавшую на легком ветру.

— Это только на солнце.

Я слегка смутилась, когда он заправил прядь мне за ухо.

— Классная погода, правда?

— Да, сегодня мой день, — согласилась я.

— Что ты делала вчера? — чуть ревниво спросил он.

— Писала сочинение, — ответила я. Не стоило упоминать, что я его уже закончила — не хотелось выглядеть зубрилой.

Он ударил себя по лбу.

— Черт... Сдавать в четверг, да?

— Ммм... Кажется, в среду.

— В среду? — Он нахмурился. — Это плохо. Ты какую тему взяла?

— «Можно ли считать судьбы героинь Шекспира свидетельством его мизогинии?»

Он уставился на меня так, словно я вдруг заговорила на тарабарском языке.

— Кажется, надо начать сегодня вечером, — сказал он. Его хорошее настроение вдруг сдулось, как воздушный шарик. — А вообще-то, я собирался спросить тебя, не хочешь ли ты пойти куда-нибудь со мной?

— Ах, вот как.

Он застал меня врасплох. Ну почему непринужденный разговор с Майком всегда кончается какой-нибудь неловкостью?

— Можно было бы пойти поужинать... или еще что-нибудь придумать, — он с надеждой улыбнулся.

— Майк, — начала я. Ненавижу выпутываться из таких ситуаций. — Вряд ли это хорошая идея.

Он тут же помрачнел.

— Почему? — спросил он, глядя на меня настороженным взглядом. В моих мыслях невольно мелькнул Эдвард — наверное, в его тоже.

— Я думаю... и если ты кому-нибудь расскажешь, я тебя просто убью, — пригрозила я, — я думаю, что это очень огорчит Джессику.

Он сначала не понял — очевидно, ни о чем таком он сроду не думал.

— Джессику?

— Майк, ты что, слепой?

— Нет, — выдохнул он, совершенно огорошенный. Я воспользовалась его состоянием, чтобы сбежать.

— Ну ладно, скоро урок начнется, а я не могу еще раз опаздывать.

Я собрала книги и тетради и засунула все в сумку.

Пока мы в молчании шли к третьему корпусу, с лица Майка не сходило выражение глубокой задумчивости. Я надеялась, что его мысли текли в правильном направлении.

Когда я встретила Джессику на тригонометрии, она вся бурлила от воодушевления. Они с Анджелой и Лорен собирались сегодня вечером в Порт-Анджелес, чтобы купить платья к весеннему балу. Она пригласила меня поехать с ними, хотя мне платье было не нужно. Я колебалась. Мне хотелось куда-нибудь выбраться из города с девчонками, но Лорен... И кто знает, чем я буду занята сегодня вечером... Хотя, безусловно, не стоило потакать себе, предаваясь глупым мечтам. Разумеется, я была счастлива видеть солнце, но вовсе не оно было причиной моей сегодняшней эйфории.

Поэтому я ответила, что мне сперва надо будет поговорить с Чарли.

По дороге на испанский Джессика не могла говорить ни о чем, кроме танцев, и после урока, кончившегося на лишние пять минут позже, возобновила тему, словно не пришлось прерываться. Я была слишком погружена в маниакальное ожидание обеда, чтобы прислушиваться к ней. Мне до боли хотелось увидеть не только его, но и всех Калленов — чтобы свериться с образами, чумой поразившими мои мысли. Переступая порог столовой, я почувствовала, как первая волна настоящего страха прошла вниз по позвоночнику и осела в желудке. Вдруг они могут догадаться, о чем я думаю? А затем прямо

противоположное чувство встряхнуло все тело: будет ли Эдвард сегодня ждать меня за другим столиком?

Повинуясь давней привычке, я первым делом посмотрела на стол Калленов и в панике обнаружила, что он пуст. Я обежала глазами зал, тщетно надеясь, что он сидит где-нибудь в одиночестве, поджидая меня. Народу было много, — из-за испанского мы опоздали — но я не увидела никого из их семьи. Горькое одиночество накрыло меня черным покрывалом.

Не пытаюсь даже делать вид, что слушаю, я уныло волочила ноги рядом с Джессикой.

Так как мы опоздали, все наши сотрапезники были уже на месте. Я села с Анджелой, оставив пустым свое обычное место рядом с Майком. Как сквозь сон я заметила, что Майк любезно отодвинул для Джессики стул, а она радостно вспыхнула в ответ.

Анджела задала мне несколько спокойных вопросов относительно сочинения по «Макбету», и я ответила со всей естественностью, на которую только способен раздавленный отчаянием человек. Она тоже пригласила меня присоединиться к ним вечером, и на этот раз я согласилась, хватаясь за любую возможность отвлечься.

Войдя в класс и не увидев никого за «нашим» столом, я ощутила новую волну разочарования. Только так я и смогла понять, что все это время продолжала лелеять последний обрывок надежды.

Остаток дня тянулся медленно и уныло. На физкультуре нам объясняли правила бадминтона — теперь я знала, какая пытка будет следующей. Хорошо хоть можно было спокойно сидеть и слушать, а не шархаться по площадке колченогой лошадью. Тренер не успел рассказать все за один урок, и завтра предстоял еще один день отдыха. И неважно, что потом меня все равно вооружат ракеткой

и выпустят на корт, на горе беззащитным одноклассникам.

Я была рада покинуть кампус, потому что мне надо было хорошенько похандрить в одиночестве, прежде чем отправляться куда-либо с Джессикой и компанией. Но стоило войти в дом, как Джессика позвонила и отменила поездку. Я старательно радовалась тому, что Майк наконец пригласил ее поужинать — к моему большому облегчению, он оказался сообразительным — но мой бодрый голос отдавал фальшью в моих собственных ушах. Поездка переносилась на завтрашний вечер.

Таким образом, способов отвлечься у меня оставалось немного. Я поставила мариноваться рыбу к ужину (салат и хлеб остались со вчерашнего), и после этого делать стало совсем нечего. За полчаса активной концентрации я осилила все уроки. Я проверила почту — там был завал непрочитанных писем от мамы, и по мере приближения к сегодняшнему дню их тон становился все обиженнее и суше. Я вздохнула и написала краткий ответ:

«Мама, прости. Меня не было в городе. Мы выезжали с друзьями на побережье. А потом мне надо было писать сочинение. Понимаю, что все это — довольно жалкие оправдания, на этом их и заканчиваю. Сегодня солнечный день (да-да, знаю, я тоже потрясена), и поэтому я сейчас пойду на улицу и постараюсь впитать столько витамина D, сколько в меня поместится. Целую, Белла».

Я решила убить следующий час на чтение чего-то вне школьной программы. У меня было несколько книг, которые я привезла из Финикса, например, весьма потрепанный том сочинений Джейн Остин. Я взяла его и вышла на задний двор, по пути захватив старое лоскутное покрывало из бельевого комода, стоявшего на верхней площадке лестницы.

Оказавшись в маленьком квадратном дворе, я свернула покрывало пополам и положила на вечно влажный густой газон, подальше от тени деревьев. Я легла на живот и, скрестив лодыжки, стала не торопясь пролистывать книгу в поисках самой захватывающей повести. Больше всего мне нравились «Гордость и предубеждение» и «Разум и чувство». Поскольку первую повесть я недавно перечитывала, решила взяться за вторую.

Лишь дойдя до третьей главы, я вспомнила, что главного героя зовут Эдвард. Я сердито перелистнула страницы и нашла «Мэнсфилд Парк», но здесь героя звали Эдмунд, что было почти то же самое. Неужели в конце восемнадцатого века не было других имен? Я в раздражении захлопнула книгу и перевернулась на спину.

Закатав рукава повыше, я закрыла глаза. Не буду думать ни о чем, кроме солнца, которое так приятно греет мою кожу, строго сказала я себе. Дул легкий ветерок, он старательно отвлекал меня, играя с завитками моих волос и щекоча ими лицо. Я перекинула волосы за голову, рассыпав их веером по покрывалу, и снова сосредоточилась на теплом прикосновении солнца к моим векам, скулам, носу, губам, предплечьям, шее, к телу под тонкой рубашкой...

Потом я услышала шорох шин патрульной машины Чарли, подъезжавшей к гаражу. Ничего не понимая, я села, оглянулась вокруг и увидела, что яркий свет погас и солнце уже заходит за деревья. Значит, я заснула здесь, на газоне. С туманом в голове я осмотрелась, внезапно почувствовав, что я не одна.

— Чарли! — позвала я. И тут же услышала, как дверь его машины захлопнулась с другой стороны дома.

В нелепой тревоге я вскочила на ноги, сгребла в охапку отсыревшее покрывало и книгу и поспешила в дом, чтобы разогреть масло в духовке. Увы, ужин

теперь будет не скоро. Чарли вешал в прихожей свой пояс для оружия и снимал ботинки, когда я влетела внутрь.

— Прости, пап, ужин еще не готов. Я заснула на газоне на заднем дворе, — я подавила зевок.

— Не волнуйся, — ответил он, — я все равно сейчас сяду смотреть бейсбол.

После ужина я уселась вместе с Чарли перед телевизором, чтобы заняться хоть чем-нибудь. Там не было ничего достойного внимания, но отец знал, что я не люблю бейсбол, и переключил на какой-то безмозглый сериал. Хотя ни ему, ни мне не хотелось его смотреть, все равно Чарли был доволен тем, что мы делаем что-то вместе. И, несмотря на всю мою подавленность, я была рада это заметить.

— Папа, — сказала я во время рекламы, — Джессика и Анджела поедут завтра вечером в Порт-Анджелес, чтобы купить платья к весеннему балу. Они хотят, чтобы я поехала с ними и помогла им подобрать что-нибудь подходящее. Ты не против?

— Джессика Стенли? — спросил он.

— И Анджела Уэббер, — вздохнула я, раскрывая детали.

Он не понял.

— Но ты же не идешь на танцы.

— Нет, пап, я помогу *им* выбрать платья. Я буду источником конструктивной критики.

Женщине это не пришлось бы объяснять.

— Ладно, — он понял, что ему не светит разобраться во всех этих девичьих тонкостях. — Но не забывай, что послезавтра — будний день.

— Мы поедем сразу после школы и вернемся рано. Ты поужинаешь один, ладно?

— Беллз, я ужинал один семнадцать лет, пока ты не приехала, — напомнил он мне.

— Не понимаю, как ты выжил, — пробормотала я и добавила громче: — Я оставлю начинку для холодных бутербродов в холодильнике, хорошо? На верхней полке.

Утром снова было солнечно. Я проснулась, полная новых надежд, и тут же начала мрачно их подавлять. В связи с потеплением я надела темно-синюю блузку с вырезом уголком — в Финиксе, помнится, я доставала ее в самый разгар зимы.

Я спланировала утро так, чтобы прибыть в школу точно к началу занятий. С падающим сердцем я объехала всю парковку, но серебристого «Вольво» нигде не было. Я припарковалась в последнем ряду и побежала на английский, влетев в класс перед самым звонком — запыхавшаяся, но покорная судьбе.

Так же, как вчера, пришлось весь день выпалывать мелкие ростки надежды, которые всходили в душе снова и снова, но поределели к обеду и окончательно засохли на биологии при виде пустого стола.

План поездки в Порт-Анджелес остался тем же, что вчера, но с одним приятным дополнением — у Лорен были дела, и мы должны были ехать без нее. Мне очень хотелось выбраться из города, чтобы наконец перестать оглядываться через плечо, ожидая, когда же он выскочит откуда-нибудь, как черт из табакерки. Я дала себе слово пребывать в хорошем настроении и не портить Джессике и Анджеле охоту. Может быть, я подберу что-нибудь и себе. Не хотелось думать, что в субботу, возможно, мне придется в гордом одиночестве бродить по магазинам в Сиэтле, забыв о первоначальном плане. Хотя, разумеется, он не отменит поездку, не предупредив меня.

После школы Джессика на своем старом белом «Форде Меркьюри» проследовала за мной до нашего дома, чтобы я могла оставить книги и пикап. Зайдя внутрь, я быстро провела по волосам расческой,

ощущая легкое возбуждение оттого, что покидаю Форкс. Я оставила на столе записку для Чарли насчет ужина, переложив потрепанный кошелек в дамскую сумку, которой почти не пользовалась, и выскочила обратно к Джессике. Мы заехали к Анджеле — она уже была наготове. Мое радостное возбуждение возросло экспоненциально, как только мы пересекли границы Форкса.

Глава 8. Порт-Анджелес

Джесс водила машину быстрее, чем шеф Свон, и уже к четырем мы были на месте. Давненько у меня не было такого девичника, и я с удовольствием поплыла по бодрым волнам эстрогенового кайфа. Мы слушали жалобные рок-баллады, а Джессика болтала обо всех знакомых мальчиках подряд. Обед с Майком прошел отлично, и она надеялась, что к субботнему вечеру они доберутся до первого поцелуя. Я с радостью улыбалась про себя, слушая ее. Анджела просто радовалась тому, что идет на танцы — Эрик ее не особо интересовал. Джесс постаралась выудить из нее признание в том, кто на самом деле ей нравился, но я сразу перевела разговор на платья. Анджела бросила на меня благодарный взгляд.

Порт-Анджелес был славной маленькой ловушкой для туристов, он выглядел гораздо более привлекательным и ухоженным, чем Форкс. Джессика и Анджела знали его, как свои пять пальцев, поэтому мы не стали тратить время на прогулки по живописным дощатым тротуарам и сразу перешли к делу. Джессика подкатила к большому центральному магазину, который располагался в нескольких улицах вглубь от приветливо улыбавшейся туристам набережной.

Бал предполагал «полуформальную» одежду, но мы не совсем понимали, что имелось в виду. И Джессика, и Анджела очень удивились, узнав, что я никогда не бывала на танцах в Финиксе.

— Ты что, ни разу не ходила на танцы с бойфрендом или просто с кем-нибудь из друзей? — недоверчиво спросила Джессика в дверях магазина.

— На самом деле, — я старалась быть убедительной — не хотелось признаваться, что я просто

не умею танцевать, — У меня никогда не было ни бойфренда, ни чего-то похожего. Я редко выбиралась на вечеринки.

— Почему? — требовательно спросила она.

— Меня никто не приглашал, — честно ответила я.

Она не очень-то поверила.

— Но ведь здесь парни тебя приглашали, — напомнила она, — А ты всем отказала.

Мы нашли подростковую секцию и оглядывали полки в поисках нарядной одежды.

— Всем, кроме Тайлера, — спокойно поправила Анджела.

— Что? — я едва не задохнулась. — Прости, что ты сказала?

— Тайлер всем говорит, что ты идешь с ним на выпускной, — Джессика смотрела на меня подозрительным взглядом.

— *Что* он говорит? — я никак не могла прийти в себя.

— Ну, я же сразу сказала тебе, что это неправда, — тихо произнесла Анджела.

Я молчала, мое потрясение медленно перерастало в гнев. Но тут мы обнаружили, наконец, полку с платьями и взялись за работу.

— Вот почему Лорен тебя не любит, — со смешком произнесла Джессика, перелопачивая кипы одежды.

Я сжала зубы.

— Как ты думаешь, если я перееду его пикапом, он перестанет наконец терзаться раскаянием? Может быть, если мы будем квиты, он сможет расслабиться и прекратит заглаживать вину передо мной?

— Может быть, — захохотала Джессика. — Если только ты не ошибаешься насчет истинной причины его поступков.

Платьев было немного, но Джессика и Анджела умудрились найти для примерки по несколько штук

каждая. Я села в низкое кресло, стоявшее внутри примерочной около трехстворчатого зеркала, и постаралась взять себя в руки.

Джесс разрывалась между черным платьем в пол с открытыми плечами и ярко-синим, до колен, с бретелями-спагетти. Я отдала свой голос синему — почему бы не обыграть цвет глаз? Анджела выбрала бледно-розовое платье, которое прекрасно облегло ее высокую стройную фигуру и придавало медовый оттенок темно-русым волосам. Я не скупилась на комплименты и помогла положить на полки то, что им не подошло. С девчонками все прошло гораздо быстрее и проще, чем с Рене в Финиксе, наверное, потому, что выбор у них был невелик.

Мы отправились за туфлями и аксессуарами. К этому моменту у меня уже не осталось сил на участие в процессе, потому что чертов Тайлер убил все хорошее настроение. Мне даже не хотелось смотреть на обувь, хотя неплохо было бы прикупить несколько пар. Увы, к горлу подступала привычная уже хандра.

— Анджела, — поколебавшись, начала я, когда она примеряла пару розовых босоножек на высоком каблуке, состоявших из одних ремешков. Рост Эрика позволял его даме покрасоваться на высоких каблуках, и радость Анджелы не знала предела.

Джессика отошла к полке с бижутерией, и мы были одни.

— Да, — она вытянула ногу и поворачивала ступню так и эдак, чтобы оценить вид со стороны.

Я льстиво отметила:

— Эти мне нравятся.

— Пожалуй, я их куплю, хотя они никогда не подойдут ни к чему, кроме этого платья, — задумчиво произнесла она.

— Конечно, давай, к тому же они по сниженной цене, — я подлила масла в огонь. Она улыбнулась

и накрыла крышкой коробку с практичными белыми туфлями.

— Кхм, Анджела... — снова начала я. Она посмотрела на меня с интересом. — Скажи, а часто... Каллены, — я не отрываясь смотрела на ее босоножки, — ...прогуливают школу? — моя попытка придать вопросу небрежный тон бесславно провалилась.

— Когда погода хорошая, они всегда куда-нибудь уезжают — все, даже доктор. Они заядлые туристы, — спокойно ответила Анджела, так же, как и я, глядя на свои босоножки. Она не спросила меня ни о чем, хотя Джессика на ее месте разразилась бы целым шквалом вопросов. Анджела начинала мне по-настоящему нравиться.

— Понятно.

Я закрыла тему, потому что подошла Джессика, чтобы показать нам сверкающий стразами комплект бижутерии, который она нашла в пару к серебристым туфлям.

Мы хотели поужинать в небольшом итальянском ресторанчике на набережной, но выбор платьев занял не так много времени, как ожидалось. Джесс и Анджела решили отнести покупки в машину и прогуляться пешком по городу. Я сказала, что встречу с ними в ресторане через час — мне хотелось поискать книжный магазин. Они предложили сопровождать меня, но я не хотела портить им прогулку — они еще не знали, насколько безнадежно я погружаюсь в себя, оказавшись среди книг (поэтому и бываю в книжных обычно в одиночку). Весело переговариваясь, девочки пошли к машине, а я отправилась в другую сторону — туда, куда указала Джесс.

Я без труда нашла магазин, но это было не совсем то, что я хотела. На витрине лежали магические кристаллы, подушечки для ловли снов и сборники

по духовному целительству. Я даже заходить туда не стала. Сквозь стекло я увидела пятидесятилетнюю женщину с распущенными длинными седыми волосами, облаченную в платье родом из шестидесятых годов. Женщина приветливо улыбалась мне из-за прилавка, но я решила, что не буду с ней заговаривать. Должен же здесь быть нормальный книжный!

Я блуждала по улицам, которые понемногу заполнялись спешащим с работы народом. Как мне казалось, я должна была вот-вот попасть в центр города. Борясь с отчаянием, я почти не замечала, куда иду. Из всех сил я старалась не думать о нем, не думать о том, что сказала Анджеला... а более всего старалась выкинуть из головы планы на субботу, предчувствуя разочарование куда горшее, чем все испытанные ранее муки. Но стоило мне увидеть чей-нибудь серебристый «Вольво», припаркованный у тротуара, как сокрушительная волна вновь накрывала меня с головой. «Чертов эгоист, кровопийца», — думала я про себя.

Я топала все дальше на юг, переходя от одной многообещающей стеклянной витрины к другой. Но каждый раз это был или «ремонт чего-нибудь», или «сдается». У меня оставалось еще очень много времени до встречи с Джесс и Анджелой, и мне решительно надо было взять себя в руки до того, как я их увижу. Я прошлась пальцами по волосам, разбирая запутавшиеся пряди, и сделала несколько глубоких вдохов перед тем, как завернуть за угол.

Я перешла дорогу, и тут до меня стало доходить, что я потеряла верное направление. Пешеходы спешили на север, а большинство зданий были похожи на склады. Я решила повернуть на восток на следующем углу, обогнуть квартал и попытаться дойти до набережной по другой улице.

Из-за угла навстречу мне показалась группа из четырех мужчин. Для работников офиса они были одеты слишком свободно, для туристов — слишком неопрятно. Когда они подошли ближе, я поняла, что они ненамного старше меня. Они громко шутили, гоготали и пихали друг друга локтями. Я быстро посторонилась, давая им как можно больше места на тротуаре, и, глядя прямо перед собой, поспешила вперед.

— Привет, крошка, — сказал один из них, когда они проходили мимо. Он, должно быть, обращался ко мне, так как рядом больше никого не было.

Я, без всякой задней мысли, подняла глаза. Двое прошли мимо, но остальные двое притормозили. Ближе всех ко мне стоял самый крупный — темноволосый парень лет двадцати с небольшим. Должно быть, это он со мной заговорил. На нем была фланелевая рубашка поверх грязной футболки, обрезанные джинсы и сандалии. Он сделал шаг ко мне.

— Здравствуйте, — пробормотала я с дрожью в коленках. Затем отвела глаза и быстро зашагала к перекрестку. Я слышала, как они громко засмеялись за моей спиной.

— Эй, подожди, — снова крикнул один из них, но я не подняла головы и завернула за угол со вздохом облегчения. Они все еще хихикали.

Я оказалась на тротуаре, который шел вдоль изнанки складских зданий мрачного цвета с огромными воротами для разгрузки машин, запертыми на ночь на висячие замки. С южной стороны улицы тротуара не было, там тянулось сетчатое ограждение с венчавшей его колючей проволокой, а за ним находилось что-то, похожее на склад запчастей. Я бродила по задворкам Порт-Анджелеса далеко от тех мест, которые принято показывать гостям. Темнело, вновь появились тучи. Они обложили горизонт на западе, приближая наступление заката. Небо

на востоке было еще чистым, но уже серело, пронзенное оранжевыми и розовыми стрелами облаков. Я оставила куртку в машине, и теперь холод пробирал меня до дрожи, заставив скрестить руки на груди. Мимо проехал один-единственный грузовик, и вновь стало тихо и пусто.

Воздух неожиданно потемнел, и, оглянувшись посмотреть на злонамеренную тучу, я с ужасом обнаружила, что метрах в шести позади меня бесшумным шагом шли двое мужчин.

Это были те самые, от кого я удрала за угол, но черноволосого среди них не было. Я сразу отвернулась и ускорила шаг. По телу вновь пробежала дрожь, но на этот раз не от холода. Ремень сумки у меня был перекинут через грудь наискосок — так советуют в руководстве по безопасности, чтобы возможный грабитель не мог легко сорвать ее с плеча. Я точно помнила, где лежал мой газовый баллончик — в дорожной сумке, которую я привезла из Финикса, под кроватью в моей комнате. Я его даже не доставала. Денег с собой у меня было немного, долларов двадцать с небольшим, и я подумала, не «уронить» ли случайно сумку и, не поднимая, пойти дальше. Но испуганный тоненький голосок на задворках сознания пропищал, что, возможно, им нужны не деньги.

Я напряженно прислушивалась к звуку их тихих шагов — слишком тихих по сравнению с жизнерадостным гамом, который они производили ранее. Парни не торопились и не пытались меня догнать. Дыши спокойно, приказала я себе. Может быть, они и не думают тебя преследовать. Я старалась идти как можно быстрее, но не переходить на бег. Все свои надежды я возложила на поворот направо, который был уже в нескольких метрах от меня. Я слышала их шаги — они все так же шли позади,

не приближаясь и не отставая. Голубая машина, выскочив из-за угла, промчалась по улице прямо мимо меня. Я уже думала прыгнуть на проезжую часть и перекрыть ей дорогу, но заколебалась, не веря до конца, что меня в самом деле преследовали. А потом было уже слишком поздно.

Я завернула за угол, но даже самого беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что там был тупик — путь упирался еще в один склад. Я стояла, наполовину повернув направо, мне надо было развернуться и быстро перебежать обратно на тротуар. На следующем углу улица заканчивалась, там висел знак «стоп». Я сосредоточилась на слабом звуке шагов из-за спины, раздумывая, не пуститься ли бегом. Они звучали в отдалении, но все равно я точно знала, что в этом соревновании мне не победить. Я, разумеется, упаду и растянусь на асфальте, если попытаюсь бежать. Но шарканье их подошв, казалось, слегка отдалилось. Я позволила себе осторожный взгляд через плечо и с облегчением убедилась, что преследователи были теперь метрах в десяти от меня. Но оба не сводили с меня глаз.

Казалось, я шла до следующего угла целую вечность. Я старалась идти не спеша, и постепенно их шаги стали звучать все глуше. Может быть, они поняли, что напугали меня, и сожалели об этом. На перекрестке промелькнули две машины, едущие на север, и я выдохнула с облегчением. Стоит только выбраться с этой заброшенной улицы, как вокруг прибавится народу. Я завернула за угол, посылая хвалы провидению.

И остановилась так резко, что чуть не упала.

По обе стороны улицы на меня смотрели слепые стены без окон, без дверей. Вдалеке, через два квартала, действительно виднелась оживленная улица, горели огни, ехали машины и сновали пешеходы. Но все

это было слишком далеко. Потому что, лениво опираясь на стену одного из домов, стояли остальные двое из той компании, наблюдая с довольной улыбкой, как я застыла соляным столбом посреди тротуара. Тут я поняла, что меня не преследовали.

Меня загоняли в ловушку.

Я замерла на месте всего на секунду, но она показалась мне вечностью. Затем я повернулась и кинулась на другую сторону дороги. С внезапной слабостью я поняла, что эта попытка обречена на провал. Шаги позади меня стали громче.

— Ну, наконец-то! — Резко прозвучавший в напряженной тишине улицы голос коренастого черноволосого парня заставил меня подпрыгнуть на месте. В сгущающейся тьме мне показалось, что он смотрел куда-то мимо меня.

— Да-а, — ответил громкий голос прямо позади меня, и я снова вздрогнула всем телом. — Мы просто совершили небольшой променад.

Мне пришлось замедлить шаг. Я слишком быстро приближалась к тем двоим, что стояли у стены. Надо было закричать погромче, и я попыталась сделать глубокий вдох. Но горло пересохло настолько, что, казалось, мне вообще не удастся протолкнуть сквозь него хоть сколько-нибудь воздуха. Быстрым движением я перекинула ремень сумочки через голову и ухватила его одной рукой, намереваясь отдать ее или использовать для самообороны, смотря по обстоятельствам.

Черноволосый бугай оттолкнулся плечом от стены и медленно вышел на середину улицы. Я остановилась.

— Не подходи ко мне, — предупредила я. От моих слов должно было повеять силой и бесстрашием, но я не ошиблась насчет пересохшего горла — воздуха не хватило.

— Зря ты так, сладкая, — пропел он, и мерзкий смех снова прозвучал за спиной.

Я расставила ноги чуть в стороны для большей устойчивости, и, борясь с паническим страхом, попыталась вспомнить то небольшое, что знала об успешной самообороне. Удар запястьем снизу вверх — сломать ему нос или вдавить носовую кость прямо в мозг. Пальцем в глазницу — зацепиться за нервно-сосудистый пучок и вырвать глаз. И, наконец, классика — коленом в пах. Тоненький голосок снова пессимистически заявил, что у меня и против одного-то мало шансов, а их четверо. «Заткнись!» — скомандовала я голоску прежде, чем страх успел овладеть моей волей. Если мне суждено покинуть мир, то хоть одного я захвачу с собой. Я постаралась сглотнуть, чтобы издать наконец достойный крик.

Неожиданно из-за угла сверкнул свет фар, и какая-то машина почти врезалась в коренастого, вынудив его отпрыгнуть на тротуар. Я кинулась на дорогу — эта машина остановится, даже если им придется меня сбить. Но серебристый автомобиль сам рыбкой вильнул в мою сторону и замер на месте. В паре шагов от меня распахнулась пассажирская дверь.

— Садись, — скомандовал голос, звенящий от бешенства.

Парализующий страх исчез, словно его и не было, и так же внезапно меня охватило целительное ощущение покоя и безопасности — еще до того, как я убралась с тротуара, просто от одного звука его голоса. Я прыгнула на сиденье и с силой захлопнула дверь.

Внутри было темно, так что я едва могла различать его лицо в тусклом свете приборов на передней панели. Развернувшись так, что взвизгнули шины, автомобиль рванул вперед, огибая на ходу изумленных прохожих.

Я смутно видела, как они отскакивали на тротуар. Он выровнял машину, и мы понеслись на север, к гавани.

— Пристегнись, — велел он. Тут я поняла, что сидела, обеими руками вцепившись в кресло. Я быстро повиновалась, ремень громко щелкнул в темноте. Он резко повернул влево и помчался вперед, проскочив несколько знаков «стоп».

Эта безумная гонка не нарушала моего спокойствия. В какой-то момент я даже перестала понимать, куда и зачем мы едем. Я смотрела ему в лицо с ощущением невероятного облегчения, облегчения, которое было связано не только с моим неожиданным спасением. В полутьме я изучала прекрасные черты, ожидая, когда успокоится дыхание. И вдруг до меня дошло, что его лицо искажено убийственным гневом.

— Ты в порядке? — спросила я, поразившись тому, как хрипло звучал мой голос.

— Нет, — неживым тоном ответил он.

Я сидела молча и смотрела на него, а он горящими глазами прожигал дорогу. Машина вдруг остановилась. Я оглянулась вокруг, но в темноте не видела ничего, кроме смутного ряда деревьев на обочинах. Мы были за городом.

— Белла, — окликнул он. Голос был как туго натянутая струна.

— Что? — снова хрипло ответила я и постаралась потихоньку прочистить горло.

— Ты как? — он не смотрел на меня, но ярость по-прежнему искажала его лицо.

— Нормально, — как можно мягче каркнула я.

— Отвлеки меня, пожалуйста, — приказал он.

— Извини, что сделать?

Он резко выдохнул.

— Просто болтай о какой-нибудь ерунде, пока я не успокоюсь, — объяснил он, закрывая глаза

и сжимая пальцами спинку носа.

— М-м, — я ломала голову, пытаюсь вспомнить что-нибудь подходящее. — Я собираюсь завтра утром размазать Тайлера Кроули по морде своего пикапа.

Его глаза были все еще крепко закрыты, но уголок рта дрогнул.

— Почему?

— Он болтает направо и налево, что я иду с ним на выпускной — он или больной, или все еще старается сделать мне что-нибудь приятное, чтобы я забыла про фургон — ну, ты знаешь, о чем я... И он полагает, что выпускной — лучший повод загладить свою вину. Вот я и думаю: если я попытаюсь убить его, то мы будем квиты, он успокоится и перестанет меня ублажать. Мне не нужны враги, так что Лорен отстанет от меня, если Тайлер перестанет мной интересоваться. Хотя для ровного счета можно было бы просто раздолбать его «Сентру». Если у него не будет машины, он не сможет никого пригласить... — я трещала без остановки.

— Я слышал об этом, — его голос прозвучал уже спокойнее.

— Ты слышал? — с недоверием спросила я, и во мне вскипело прежнее раздражение. — И если его парализует всего пониже шеи, он тоже не сможет пойти на выпускной, — злобно пробормотала я, продолжая оттачивать свой план.

Эдвард вздохнул и наконец открыл глаза.

— Ну что, лучше?

— Не совсем.

Я ждала, но он не добавил ни слова. Откинув голову на спинку сиденья, он с каменным лицом уставился в потолок.

— В чем дело? — шепотом спросила я.

— Иногда мне бывает так трудно совладать со своим нравом, Белла, — тоже шепотом ответил он. Теперь он смотрел прямо перед собой, и глаза сузились

в щелки. — Но едва ли мне полегчает, если я вернусь и схвачу этих... — он не закончил и, на миг потеряв самообладание, отвернулся. — По крайней мере, именно в этом я сейчас стараюсь себя убедить.

— Ага.

Прозвучало это нелепо, но я не смогла подобрать лучшего ответа.

Мы снова посидели молча. Я посмотрела на часы на приборной панели: была уже половина седьмого.

— Джессика и Анджела будут волноваться, — пробормотала я. — Я должна была с ними встретиться.

Он молча завел мотор и, плавно развернувшись, погнал в город. Мы быстро вернулись на освещенные улицы. Почти не сбавляя скорости, «Вольво» змейкой проскользнул сквозь строй неторопливо плывущих по набережной автомобилей. Эдвард припарковал машину вдоль тротуара, без малейшего напряжения втиснув ее в такой крохотный промежуток, что я на его месте не стала бы даже пробовать. Я выглянула в окно и увидела уютные огни ресторанчика «Ла Белла Италия». Оттуда вышли Джессика с Анджелой и озабоченно двинулись в противоположную от нас сторону.

— А как ты узнал, куда... — начала было я, но замолчала и только помотала головой. Услышав шум открывающейся двери, я оглянулась и увидела, что он собирался выйти.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Веду тебя ужинать, — он слегка улыбнулся, но взгляд был холоден. Пока я сражалась с ремнем, он успел вылезти из машины и захлопнуть дверь. Я поспешно последовала его примеру. Он ждал меня на тротуаре.

Эдвард заговорил, опередив меня:

— Беги, останови Джессику и Анджелу, а то как бы мне не пришлось их тоже искать. Не думаю, что смогу удержать себя в рамках, если опять наткнусь на тех твоих друзей.

Меня передернуло от угрозы в его голосе.

— Джесс! Анджела! — заорала я и помахала рукой, когда они обернулись. Они кинулись ко мне, и облегчение на их лицах синхронно сменилось изумлением, когда они разглядели, кто стоял рядом со мной. Они замерли и стали переминаясь с ноги на ногу в паре шагов от нас.

— Где ты была? — подозрительно спросила Джессика.

— Я потерялась, — смиренно отвечала я. — А потом случайно встретила Эдварда.

Я махнула рукой в его сторону.

— Позвольте присоединиться к вашей компании? — неотразимо вкрадчивым голосом вклинился тот. По их оторопевшим лицам я поняла, что он никогда еще не испытывал на них свои таланты.

— Э-э.. конечно, — выдохнула Джессика.

— На самом деле, Белла, мы не дождались тебя и уже поели, прости нас... — призналась Анджела.

— Ничего страшного, я не голодная, — пожала я плечами.

— Думаю, тебе все же нужно что-нибудь съесть, — тихо, но властно произнес Эдвард. Он поднял глаза на Джессику и прибавил уже громче. — Вы не будете против, если я сам отвезу Беллу сегодня домой? Тогда вам не придется ждать, пока она поужинает.

— Ну, наверное, без проблем... — Джессика прикусила губу, стараясь понять по выражению моего лица, хочу я этого или нет. Я подмигнула ей. Ничего мне не хотелось сильнее, чем остаться наедине со своим вечным спасителем. В голове теснился целый рой

вопросов, но задать их я могла бы не раньше, чем мы останемся одни, без свидетелей.

— Хорошо. — Анджела сообразила быстрее, чем Джессика. — Увидимся завтра, Белла. Пока, Эдвард, — она схватила Джессику за руку и потащила ее к машине, которая стояла чуть дальше, припаркованная на Первой улице.

Они залезли внутрь, Джесс развернулась и помахала мне, на ее лице было написано крайнее любопытство. Я помахала в ответ и, дождавшись, когда они скроются из виду, повернулась к Эдварду.

— Если честно, я на самом деле не хочу есть, — решительно проговорила я, вглядываясь в его лицо. Оно было непроницаемо.

— Порадуй меня.

Он подошел к двери ресторана и открыл ее с непреклонным видом. Дальнейшие возражения были бесполезны. Со вздохом сожаления я прошла в дверь мимо него.

Народу было мало — сезон еще не начался. Хозяйкой была женщина, и я сразу заметила, каким оценивающим взглядом она окинула Эдварда. Она пригласила его войти чуть более развязно, чем это принято правилами приличия. Я удивилась, осознав, до какой степени это было мне неприятно. Она была на полголовы выше меня, крашеная блондинка.

— Столик на двоих, — его голос звучал очень сексуально, хотел он того или нет. Она стрельнула глазами в мою сторону и с удовлетворением отметила мою неброскую внешность и целомудренную дистанцию, которую Эдвард неукоснительно поддерживал между нами. Она направила нас к большому столу в самом центре заполненного посетителями зала.

Я хотела сесть, но Эдвард покачал головой.

— Может быть, найдется что-нибудь более уединенное? — спокойно, но настойчиво обратился он к хозяйке. Мне показалось, что он ловко и незаметно вложил в ее руку деньги. Я удивилась — это только в старых фильмах люди отказываются от предложенных столиков.

— Конечно, — хозяйка удивилась не меньше моего. Она развернулась и провела нас за перегородку, к ряду маленьких кабинок. Все они были пусты.

— Великолепно, — Эдвард сверкнул ослепительной улыбкой, и у бедняжки тут же перехватило дыхание.

— Мм, — моргнув, она встряхнула головой. — Сейчас я пришлю официантку.

Неровной походкой женщина удалилась прочь.

— Не надо так обращаться с людьми — недовольно заметила я. — Это нечестно.

— Как обращаться?

— Так жестоко охмурять. Сейчас она, наверное, пытается отдышаться где-нибудь в тихом уголке на кухне.

Он, казалось, смутился.

— Да ладно, — с сомнением сказала я. — Можно подумать, ты не понимаешь, как действуешь на людей.

Он чуть склонил голову набок.

— Я их жестоко охмуряю?

— А ты разве сам не замечаешь? Неужели тебе кажется, что кто угодно может добиться своего с той же легкостью, что и ты?

Он не заметил моего вопроса.

— И тебя я охмурял?

— Да, довольно часто, — признала я.

Тут подошла официантка, на ее лице было написано любопытство. Хозяйка, несомненно, уже успела с ней пошептаться, и теперь девушка наслаждалась впечатлениями. Она заправила за ухо короткую прядку черных волос и игриво улыбнулась.

— Здравствуйте, я Эмбер, ваша официантка. Принести что-нибудь из напитков? — от меня не укрылось, что она обращается только к нему.

Эдвард посмотрел на меня.

— Мне колу, — это прозвучало почти вопросом.

— Две колы, — заказал он.

— Одну минуту, сейчас буду, — заверила она, еще раз улыбнувшись. Но он не замечал ее уловок. Он смотрел только на меня.

— Что? — спросила я, когда она отошла.

Он продолжал внимательно меня разглядывать.

— Как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке, — ответила я, удивленная его настойчивостью.

— Кружится голова, тошнит, знобит?...

— А должно?

Он засмеялся, услышав мой озадаченный тон.

— Знаешь, я просто жду, когда проявится реакция на шок, — он улыбнулся одним уголком рта — от этой его улыбки мое сердце всегда замирало от восторга.

— Думаю, вряд ли дождешься, — ответила я, когда снова смогла дышать. — Мне всегда отлично удается забывать неприятные вещи.

— И все-таки мне станет спокойнее, когда в тебя попадет немного еды и глюкозы.

Как по волшебству тут же появилась официантка с напитками и корзинкой с хлебом. Ставя все это на стол, она повернулась ко мне спиной.

— Вы готовы сделать заказ? — обратилась она к Эдварду.

— Белла? — спросил он. Она неохотно развернулась ко мне.

Я выбрала первое, что попало в меню.

— Ммм... Я буду грибные равиоли.

— А Вы? — она вновь с улыбкой уставилась на него.

— Спасибо, ничего.

Ну разумеется.

— Позовите меня, если передумаете.

Жеманная улыбка не покидала ее лица, но он так и не посмотрел на нее. Она недовольно удалилась.

— Пей, — приказал он.

Я покорно глотнула колы, а потом жадно отпила еще. Я осознала, что прикончила целый стакан, только тогда, когда Эдвард пододвинул мне свой.

— Спасибо, — пробормотала я, все еще не напившись. От ледяной колы у меня внутри все замерзло, и я передернулась.

— Тебе холодно?

— Это от колы, — объяснила я, продолжая дрожать.

— У тебя что, нет куртки? — недовольным тоном спросил он.

— Нет. — Я рассеянно посмотрела на скамью рядом с собой. — А-а, я забыла ее в машине у Джессики, — догадалась я.

Тем временем Эдвард уже что-то с себя снимал. Я вдруг поняла, что никогда не обращала внимания на его одежду — не только сегодня, а вообще никогда. Просто обычно я была не в силах оторвать взгляд от его лица. Но сейчас я заставила себя переключить внимание на прочие части его тела. То, что он снимал, оказалось бежевым кожаным пиджаком, под ним была водолазка цвета слоновой кости. Она плотно облегла фигуру, подчеркивая рельефные мускулы груди.

Он протянул мне свой пиджак через стол, и восторженное созерцание пришлось прервать.

— Спасибо, — снова проговорила я, засовывая руки в рукава. Он был холодный на ощупь, как моя куртка, повисевшая всю ночь в нашей неотопливаемой прихожей. Я поежилась. Но пахнул пиджак чем-то изумительным. Я вдохнула поглубже, стараясь определить, что это за необыкновенный запах. Вряд ли

одеколон. Рукава оказались длинноваты, и я подтянула их повыше, чтобы освободить руки.

— Этот синий цвет тебе очень идет, — внимательно глядя на меня, вдруг сказал он. Это было неожиданно — я опустила глаза, разумеется, покраснев.

Он подтолкнул ко мне корзинку с хлебом.

— Да нет у меня никакой реакции на шок, — запротестовала я.

— Должна быть, как у любого *нормального* человека. А ты даже потрясенной не выглядишь.

Кажется, его это здорово беспокоило. Он стал пристально смотреть мне в лицо, и я удивилась, насколько светлыми были его глаза сегодня — золотистыми, как ириски.

— Просто мне очень спокойно рядом с тобой, — призналась я, загипнотизированная его взглядом.

Это ему сильно не понравилось, алебастровый лоб прорезала морщина. Он покачал головой, нахмурившись.

— Все еще хуже, чем я думал, — пробормотал он про себя.

Я взяла ломтик хлеба и стала откусывать от его края мелкие кусочки, изучая выражение его лица — хотела уловить момент, когда можно будет приступить к вопросам.

— Обычно ты в более хорошем настроении, когда у тебя такие светлые глаза, — заметила я, пытаюсь отвлечь его от мрачных мыслей.

Уловка удалась — он в изумлении уставился на меня.

— Что?

— Когда у тебя черные глаза, ты более раздражителен — поэтому

я и удивляюсь, — продолжала я с невинным видом. — У меня есть теория на этот счет.

Он прищурился.

— Опять теории?

— Угум, — я тщательно пережевывала маленький кусочек хлеба, стараясь не выдать волнения.

— Надеюсь, на этот раз ты выкажешь чуть больше независимости в суждениях... или ты опять комиксов начиталась? — на лице явилась тень насмешливой улыбки, но в глазах стояла тревога.

— Нет, она не из комиксов. Но я и не сама ее придумала, — призналась я.

— Ну и... — он ждал.

Но в этот момент официантка уже огибала перегородку, в руках у нее был поднос с моей едой. Мы оба одновременно выпрямились при ее приближении, и я поняла, что все это время мы сидели, неосознанно склонившись друг к другу через стол. Она поставила передо мной тарелку — выглядело блюдо весьма заманчиво — и быстро повернулась к Эдварду.

— Вы не передумали? — спросил она. — Неужели мы ничем не сможем Вас соблазнить?

Мне показалось, или в вопросе был подтекст?

— Нет, спасибо, ничего не нужно. Впрочем, еще колы не помешает.

Длиной белой кистью руки он указал на пустые стаканы передо мной.

— Конечно, — она забрала стаканы и ушла.

— Так что ты говорила? — спросил он.

— Я скажу тебе в машине. Если... — я сделала паузу.

— Выдвигаешь условия? — подняв бровь, зловеще спросил он.

— У меня появились вопросы, ты же понимаешь.

— Ну еще бы.

Официантка принесла еще две колы. На этот раз она молча поставила их на стол и удалилась.

Я отхлебнула глоток.

— Ну, начинай, — поторопил он. Голос звучал напряженно.

Я начала с самого жгучего. Или мне так казалось.

— Как ты оказался в Порт-Анджелесе?

Он опустил глаза и не торопясь положил свои большие руки на стол, одну на другую. Глаза вспыхнули на меня из-под опущенных ресниц, а на лице мелькнула ухмылка.

— Следующий вопрос.

— Но это же был самый легкий!

— Следующий вопрос, — повторил он.

В досаде и разочаровании я отступила. Развернула прибор, взяла вилку и бережно подцепила с тарелки равиоли. Затем медленно положила ее в рот и, не отрывая взгляда от тарелки, принялась жевать. Грибная начинка оказалась вкусной. Я проглотила равиоли и сделала еще глоток колы, прежде чем поднять глаза.

— Ладно. — Свирепо посмотрев на него, я вернулась к теме. — Предположим, чисто гипотетически, разумеется, что есть некто... кто знает то, что люди думают, как говорится, читает мысли — за некоторыми исключениями....

— Гипотетически, только за *одним* исключением, — поправил он.

— Ладно, за одним исключением, — мне стало страшно оттого, что он мне подыграл, но я старалась не показывать вида.

— Как это работает? Есть какие-нибудь ограничения? Как этот... некто... может найти кого-то другого ровно тогда, когда это очень нужно? Как он может знать, что она в беде? — я уже не понимала,

остался ли в моих косвенных вопросах хоть какой-то смысл.

— Чисто гипотетически? — спросил он.

— Да, разумеется.

— Ладно, если бы этот некто...

— Давай назовем его Джо, — предложила я.

Он криво усмехнулся.

— Пусть будет Джо. Если бы этот Джо не считал ворон, момент его появления не имел бы столь решающего значения. — Он покачал головой и возвел глаза к потолку. — Только *ты* умудряешься вляпаться в неприятности в таком месте, как это. Знаешь, ты, должно быть, исчерпала возможности преступного мира этого городка на полмесяца вперед.

— Мы вели беседу в чисто гипотетическом ключе, — ледяным тоном напомнила я.

Он засмеялся, глаза потеплели.

— Да, ты права. Так назовем тебя Джейн?

— Но как же ты узнал? — спросила я, уже не в силах сдерживать любопытство. Я поймала себя на том, что снова наклонилась к нему через стол.

Он колебался, не находя сил преодолеть внутренние противоречия. Не отрываясь, он смотрел мне в глаза, и я поняла, что настал решающий миг: он взвешивал, мог или нет просто сказать правду.

— Мне можно доверять, ты же знаешь, — прошептала я и невольно потянулась, чтобы коснуться его сплетенных рук. Он слегка отпрянул, и я отодвинулась.

— Не знаю, есть ли у меня теперь выбор, — тихо, почти шепотом сказал он. — Я ошибся — оказалось, что ты намного наблюдательнее, чем я мог бы предположить.

— Я думала, ты всегда прав.

— Почти всегда. — Он снова покачал головой. — И еще в одном я ошибся насчет тебя.

Ты притягиваешь не несчастные случаи — это недостаточно широкое определение. Ты притягиваешь любые неприятности. Если есть что-нибудь опасное в радиусе пяти километров от тебя, вы непременно встретитесь.

— Ты и себя включаешь в эту категорию? — догадалась я.

Его лицо, окаменев, потеряло всякое выражение.

— Без сомнения.

Я снова потянулась к нему через стол и на этот раз не стала обращать внимание на то, что он опять отодвинулся. Я положила кончики пальцев на его руку. Его кожа была холодной и твердой, как камень.

— Спасибо, — горячо сказала я. — Уже второе.

Его лицо смягчилось.

— Не надо третьего, ладно?

Я сердито глянула на него, но все же кивнула. Он убрал руки и спрятал их под стол, но наклонился ближе ко мне.

— Я ехал за тобой до Порт-Анджелеса, — торопливо заговорил он. — Я еще никогда раньше не следил за кем-то, охраняя его жизнь, и это оказалась невообразимая морока. Возможно, просто потому, что речь идет о тебе. Простые люди как-то умудряются прожить день без такого количества катастроф.

Он остановился. Я старалась понять, чувствую ли досаду оттого, что он следил за мной, но вместо этого вдруг ощутила странный прилив удовольствия. Он пристально смотрел на меня, должно быть, удивляясь, с чего бы это вдруг на моих губах появилась улыбка.

— Ты когда-нибудь думал о том, что, когда мой жребий выпал в первый раз, ну, тогда, с фургоном, ты вмешался в решение судьбы? — я попыталась переключиться на отвлеченные рассуждения.

— Это не был первый раз, — его голос был еле слышен. Я с удивлением уставилась на него, но он опустил глаза. — Первый раз был, когда ты встретила меня.

При этих словах я внезапно вспомнила его убийственный черный взгляд в мой первый день в школе и вздрогнула от ужаса. Но ощущение покоя и безопасности, которое окутывало меня со всех сторон, словно кокон, в его присутствии, заглушило воспоминание. Когда он поднял глаза, то не нашел в моем взгляде ни следа страха.

— Ты помнишь? — спросил он. Его лицо, лицо падшего ангела, было очень серьезно.

— Да, — спокойно ответила я.

— И ты все еще здесь? — В его голосе прозвучала нотка недоверия, и он поднял вверх одну бровь.

— Да, я здесь... из-за тебя. — Я сделала паузу и вернула его к теме: — Потому что ты как-то узнал, как меня найти...

Он сжал губы и снова принялся изучать меня прищуренным взглядом, стараясь принять какое-то решение. Его глаза скользнули по моей полной тарелке.

— Ты будешь есть, а я — рассказывать, — предложил он.

Я поспешно схватила вилку, взяла второй ravioli и отправила в рот.

— За тобой оказалось очень трудно уследить. Обычно мне легко найти кого-нибудь, чей внутренний голос я уже слышал раньше.

Он тревожно посмотрел на меня, и я поняла, что застыла без движения. Я заставила себя проглотить пищу и подцепить следующий кусок.

— Я прислушивался к Джессике, причем довольно небрежно — как я и говорил, только ты способна найти приключение в Порт-Анджелесе. Поэтому я не сразу обнаружил, что ты пошла бродить сама по себе. Когда

я понял, что ты уже не с ними, я поехал к книжному магазину, образ которого увидел в голове Джессики. Можно было точно сказать, что внутрь ты не заходила и пошла дальше на юг. Я знал, что через какое-то время ты вынуждена будешь повернуть назад, поэтому просто ждал тебя, просматривая мысли встречных прохожих на тот случай, если кто-то случайно видел тебя. У меня не было особого повода беспокоиться... но все равно было как-то не по себе...

Он глубоко задумался, глядя мимо меня и видя что-то такое, что я не смогла бы себе представить.

— Я стал ездить кругами и... прислушиваться. Солнце уже садилось, и я уже хотел выйти из машины и искать тебя пешком. Но тут... — он остановился, стиснув зубы в приступе внезапной ярости. Затем сделал усилие и взял себя в руки.

— Что? — прошептала я. Он смотрел куда-то поверх моей макушки.

— Я услышал их мысли, — прорычал он, и его верхняя губа изогнулась и поднялась, приоткрыв зубы. — Я увидел твоё лицо в его голове.

Он неожиданно подался вперед и поставил локоть на стол, прикрыв глаза рукой. Движение было настолько стремительным, что я вздрогнула.

— Было очень... трудно — ты даже не понимаешь, насколько трудно — просто уехать, забрать тебя и оставить их... в живых, — его голос прозвучал глухо из-за прикрывавшей лицо ладони. — Можно было отпустить тебя с Джессикой и Анджелой, но я боялся, что, если ты оставишь меня одного, я пойду искать их, — признался он шепотом.

Я сидела молча, ошеломленная, мои мысли смешались. Обхватив себя руками, я бессильно прислонилась к спинке скамьи. Он не отводил руки от лица и сидел неподвижно, словно был вырезан из камня, на который походила его кожа.

Наконец он убрал руку, и его взгляд нашел мой. В глазах теснились незадаанные вопросы.

— Ты готова ехать домой? — спросил он.

— Я готова ехать отсюда, — уточнила я, про себя радуясь тому, мы будем вместе еще целый час, всю дорогу до моего дома. Мне не хотелось расставаться с ним.

Официантка появилась в тот же миг, словно по вызову. Может, она подсматривала?

— Ну, как у нас дела? — спросила она Эдварда.

— Спасибо, можно чек?

Его голос был спокойным, но хрипловатым, со следами недавнего напряжения. Кажется, у нее голова от этого пошла кругом. Он выжидающе глянул на нее снизу вверх.

— К-к-конечно, — заикаясь, выдавила она. — Пожалуйста.

Она достала маленькую кожаную папку из переднего кармана черного передника и протянула ему.

В его руке уже была купюра. Он сунул ее в папку и вернул папку официантке.

— Сдачи не надо, — сказал он и улыбнулся. Затем он встал, и я неуклюже поднялась на ноги следом.

Она продолжала соблазнительно сиять.

— Желаю приятного вечера.

Он поблагодарил ее не глядя, потому что не сводил глаз с меня. Я подавила улыбку.

Пока мы шли к двери, он держался рядом, но все так же старался не коснуться меня даже случайно. Я вспомнила, что говорила Джессика про свои отношения с Майклом — они почти дошли до стадии первого поцелуя — и вздохнула. Эдвард, разумеется, услышал и вопросительно посмотрел на меня. Но я отвернулась и стала разглядывать тротуар — слава богу, что он не мог прочесть мои мысли.

Он открыл пассажирскую дверь, и я забралась внутрь. Дверь мягко захлопнулась. Я наблюдала, как он обходит капот машины, и в который раз поразились гибкой грации его движений. Наверное, мне следовало бы уже привыкнуть к этому — но я не могла. У меня было такое чувство, что Эдвард — вообще не из тех, к кому можно привыкнуть.

Он завел мотор и включил печку на полную мощность. На улице стало очень холодно, и я подумала, что хорошей погоде пришел конец. Но в кожаном пиджаке мне было тепло, и иногда украдкой я могла вдыхать его прекрасный запах.

Эдвард легко лавировал в плотном потоке машин, даже не следя за дорогой. Мы приближались к шоссе.

— Теперь твоя очередь, — сказал он со значением.

Глава 9. Теория

— Можно еще кое о чем тебя спросить? — взмолилась я, когда Эдвард, придав своему «болиду» страшное ускорение, пронесся по тихой городской улочке. Со стороны могло бы показаться, что водит он вообще не глядя.

Он вздохнул.

— Ладно, последний вопрос, — согласился он. Губы сжались в осторожную линию.

— В общем... как ты сказал, ты понял, что я не заходила в магазин и пошла на юг. Мне просто хотелось узнать, а как ты догадался?

Он не смотрел на меня, очевидно, опять взвешивая «за» и «против».

— Я полагала, что мы договорились не увиливать от ответа, — проворчала я.

Он почти улыбнулся.

— Ну хорошо. Я шел на твой запах.

Он смотрел на дорогу, давая мне время восстановить нормальное выражение лица. Я не смогла сходу придумать подходящий ответ, но занесла его фразу в протокол для дальнейшего изучения. И вновь попыталась сосредоточиться. Не хотелось отпускать его так просто, тем более, что он начал наконец отвечать на вопросы.

— Еще ты не ответил на один из моих первых вопросов... — напомнила я.

Он с неодобрением посмотрел на меня.

— Какой именно?

— Как ты читаешь мысли? Ты можешь мысли любого человека прочитать, где бы он ни находился? Как ты это делаешь? А остальные члены твоей семьи, они

тоже... — я чувствовала себя глупо, словно требовала отчета о работе Санта-Клауса.

— Это больше одного, — заметил он. Я просто сцепила пальцы и выжидающе смотрела на него долгим взглядом.

— Нет, только я. И я не могу слышать кого угодно где угодно. Мне надо быть довольно близко. Чем лучше я знаю... «голос», тем на большем расстоянии могу его услышать. Но все равно не дальше, чем в нескольких километрах от себя.

Он задумался.

— Это как если бы ты находилась в огромном зале, где полно людей, и все они разговаривали бы одновременно. Как «белый шум» — такое бессвязное жужжание голосов где-то на периферии сознания. Но если сосредоточиться на одном голосе, то его становится хорошо слышно... Обычно я просто «приглушаю звук», потому что иногда это сильно отвлекает. Легче выглядеть *нормальным*, — произнося это слово, он нахмурился, — когда отвечаешь на слова собеседника, а не на его мысли.

— А почему ты меня не слышишь? — с интересом спросила я.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Я не знаю, — тихо проговорил он. — Есть на этот счет одно предположение. Твой мозг, возможно, работает не так, как у остальных людей. Скажем, твои мысли передаются на АМ-частоте, а я принимаю только FM, — он широко ухмыльнулся, наконец-то повеселев.

— У меня что, какие-то неправильные мозги? Так что, значит, я — фрик?

Его слова задели меня сильнее, чем должны были, — наверное, потому, что он попал в точку. Я всегда подозревала за собой что-то подобное, и очень смутилась, неожиданно получив подтверждение.

— У меня голоса в голове, а ты считаешь, что фрик здесь — *ты*, — он рассмеялся. — Не волнуйся, это просто теория. — Он снова посерьезнел. — Так что давай наконец займемся теориями.

Я вздохнула. С чего начать?

— Помнишь, мы договорились не увиливать от ответа, — мягко напомнил он мне.

В первый раз за нашу поездку я оторвала взгляд от его лица, пытаюсь подобрать слова. И этот взгляд упал на приборную панель.

— Елкин хвост! — заорала я. — Сбавь скорость!

— Что случилось? — он перепугался, но тормозить не спешил.

— Ты же гонишь на ста шестидесяти! — я почти кричала.

Я испуганно посмотрела в окно, но там была сплошная тьма. Спереди был виден только кусок дороги в голубоватом свете фар. Лес с обеих сторон от нас стоял черной стеной — и он превратился бы в стену из стали, случись нам не вписаться в поворот на такой скорости.

— Расслабься, Белла, — он закатил глаза, не разделяя моих страхов.

— Ты что, хочешь, чтобы мы погибли? — истерично спросила я.

— Ничего с нами не будет.

Я постаралась овладеть собой.

— Куда ты так спешишь?

— Я всегда так езжу, — он повернулся ко мне и сверкнул кокетливой улыбкой.

— Смотри на дорогу!

— Я никогда не попадал в аварии, Белла. Мне даже штрафов за скорость ни разу не выписывали. — Он улыбнулся еще шире и постучал себя по лбу. — Встроенный детектор радаров.

— Очень смешно, — я буквально кипела. — Мой папа Чарли — полицейский, ты это помнишь? И у меня в крови уважение к правилам дорожного движения. Кроме того, если твой «Вольво» обовьется спиралью вокруг какого-нибудь дерева, ты, наверное, просто встанешь и пойдешь дальше пешком.

— Пожалуй, да, — с коротким мрачным смешком согласился он. — А вот ты — вряд ли.

Он вздохнул, и стрелка спидометра медленно подплыла к цифре «130» и остановилась.

— Довольна?

— Почти.

— Ненавижу медленную езду, — тихо сказал он как бы про себя.

— Это, ты считаешь, — медленно?

— Хватит обсуждать мое вождение, — оборвал он меня. — Я все еще жду твою новую теорию.

Я закусила губу. Он смотрел на меня, и в глазах медового цвета светилась неожиданная нежность.

— Я не буду смеяться, — пообещал он.

— Я больше боюсь, что ты рассердишься.

— Что, все так мрачно?

— Да, весьма.

Он ждал. Я смотрела на свои руки и не видела его лица.

— Ну же, вперед. — Его голос был спокойным.

— Я не знаю, как начать, — призналась я.

— Начни с начала. Ты сказала, что ты не сама это придумала.

— Нет.

— Что натолкнуло тебя на мысль — книга? Фильм? — угадывал он.

— Нет. Это было в субботу, на побережье, — я решилась взглянуть ему в лицо. У него явно пока не возникало никаких ассоциаций.

— Я встретила там друга детства — Джейкоба Блэка, — продолжила я. — Его отец и Чарли дружили еще с тех времен, когда я была младенцем.

Он все еще не видел связи.

— Его отец — один из квилеутских старейшин.

Я внимательно взглянула на него. Недоуменное выражение словно примерзло к его лицу.

— Мы пошли гулять, — я тщательно замалчивала все, что касалось моего женского коварства, — Он рассказывал мне старые легенды их племени — наверное, хотел попугать. И вот он рассказал мне... — я заколебалась.

— Продолжай, — сказал он.

— О вампирах, — услышала я свой шепот. Я не могла в тот момент смотреть ему в лицо. Но увидела, как его руки конвульсивно сжали руль.

— И ты сразу подумала обо мне? — Голос был спокоен.

— Нет. Джейкоб говорил... о твоей семье.

Он молчал, глядя на дорогу.

Я вдруг заволновалась — почувствовала, что надо защитить Джейкоба.

— Он думал, что это просто глупое суеверие, — быстро сказала я. — Он вовсе не хотел, чтобы я приняла это всерьез.

Кажется, этого было маловато. Я должна была признаться.

— Это была моя вина. Я заставила его говорить.

— Почему?

— Лорен сказала что-то о тебе — хотела меня спровоцировать. И тогда один парень постарше, тоже индеец, сказал, что твоя семья не бывает в резервации. Но мне показалось, что он имел в виду что-то другое. Поэтому я заманила Джейкоба в уединенное место и выжала из него все, — призналась я, повесив голову.

Его смех прозвучал так резко, что я вздрогнула и сердито уставилась на него. Он хохотал, вперив яростный взгляд в темноту.

— Каким образом? — спросил он.

— Я стала флиртовать — это сработало лучше, чем я ожидала.

Я вспомнила все, что было, и фраза прозвучала как-то неуверенно.

— Я бы с удовольствием на это посмотрел, — он мрачно фыркнул. — И еще после этого ты обвиняешь меня в том, что я кого-то жестоко охмуряю. Бедный Джейкоб Блэк.

Я покраснела и уставилась в темное боковое окно.

— Что же ты сделала потом? — спросил он после минутного молчания.

— Поискала информацию в интернете.

— И нашла подтверждения? — в его голосе сквозил разве что вежливый интерес, но пальцы впивались в руль железной хваткой.

— Нет. Никаких совпадений. В основном какая-то чушь. А потом...

Я остановилась.

— Что?

— Я решила, что это неважно, — прошептала я.

— Это *неважно*? — его тон заставил меня поднять глаза: наконец мне удалось заставить его сбросить маску. Его лицо выражало крайнее удивление и лишь слабую тень гнева, которого я так боялась.

— Нет, — сказала я мягко. — Мне не важно, кто ты.

В его голосе появилась жесткая насмешка:

— Тебе не важно, что я, может быть, монстр? Что я *не человек*?

— Нет.

Он молчал, снова глядя прямо перед собой. Вид у него был мрачный и неприступный.

— Ты сердишься, — я вздохнула. — Не надо было ничего говорить.

— Нет уж, — ответил он, но голос был так же холоден, как выражение лица. — Уж лучше мне знать, что ты думаешь, даже если это полный бред.

— Я снова не угадала? — с вызовом спросила я.

— Я не об этом. Это неважно, — передразнил он меня, заскрипев зубами.

— Так я угадала? — ахнула я.

— А это *важно*?

Я сделала глубокий вдох.

— Не очень, — я приостановилась. — Но *интересно*, — мой голос, по крайней мере, не дрожал.

Он неожиданно сдался.

— Что тебе интересно?

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — быстро ответил он.

— И давно тебе семнадцать?

Его губы вздрогнули, он смотрел на дорогу.

— Давно, — наконец признался он.

— Ладно.

Я улыбнулась, обрадованная тем, что он был все еще честен со мной. Он пристально и слегка тревожно посмотрел на меня, словно опять подумал, что у меня шок. Я улыбнулась шире, чтобы подбодрить его, и он нахмурился.

— Не смейся, но как тебе удастся выходить на улицу днем?

Он все равно засмеялся.

— Это все чушь.

— Сгоришь, если попадешь под солнце?

— Чушь.

— Спишь в гробу?

— Чушь.

Он немного поколебался, а потом добавил странным тоном:

— Я вообще не сплю.

Мне потребовалась минута, чтобы переварить сказанное.

— Как, совсем?

— Совсем, — еле слышно ответил он. Потом повернулся и посмотрел на меня с выражением странной тоски. Его золотистые глаза не отпускали мои, и все мысли рассыпались, как карточный домик. Я смотрела и смотрела на него, пока он не отвернулся.

— Ты еще не задала мне самый важный вопрос. — Его голос зазвучал тверже, а взгляд повеял холодом.

Я моргнула, не в силах стряхнуть его чары.

— Это который?

— Тебя разве не волнует моя диета? — саркастически спросил он.

— А, это, — пробормотала я.

— Да, это, — его голос был мрачен. — Хочешь узнать, пью ли я кровь?

Я вздрогнула.

— Ну, Джейкоб говорил мне кое-что об этом.

— Что именно? — решительно спросил он.

— Он сказал, что вы не... охотитесь на людей. Он сказал, квилеуты считают, что ваша семья не опасна, потому что вы охотитесь только на животных.

— Он сказал, что мы не опасны? — в его голосе звучал глубокий скептицизм.

— Не совсем так. Он сказал, что вы *не считаетесь* опасными. Но квилеуты все равно не хотят, чтобы вы приходили на их землю, так, просто на всякий случай.

Он смотрел вперед, но трудно было сказать, видел ли вообще дорогу.

— Ну что, он был прав? Вы не охотитесь на людей? — я старалась, чтобы мой голос звучал ровно.

— У квилеутов долгая память, — прошептал он.

Я приняла это как положительный ответ.

— Но не расслабляйся, пожалуйста, — предостерег он меня. — Они правы в том, что держатся от нас подальше. Мы все еще опасны.

— Не понимаю.

— Мы стараемся, — медленно объяснил он. — Обычно, если уж мы беремся что-то делать, то делаем это хорошо. Иногда бывают ошибки. Например, то, что я позволяю себе быть наедине с тобой.

— Это ошибка? — это прозвучало печально, уж не знаю, заметил он или нет.

— Да, и очень серьезная, — тихо проговорил он.

Мы замолчали. Я смотрела, как огни фар выхватывают из темноты повороты дороги. Все за окном двигалось слишком быстро, как в компьютерной игре. Я понимала, что время улетает так же стремительно, как черная дорога под нами. Мне было до тошноты страшно, что никогда больше мы не будем с ним так близки, как сейчас, когда разделявшая нас стена исчезла, пусть ненадолго. В его словах был намек на конец отношений, и я корчилась, как от боли, при одной мысли об этом. Я не хотела терять даром ни минуты из тех, что могла быть рядом с ним.

— Расскажи мне еще что-нибудь, — в панике попросила я. Мне не важно было, что именно, просто хотелось услышать его голос. Он быстро взглянул на меня, пораженный переменой.

— Что ты хочешь знать?

— Почему вы охотитесь на животных, а не на людей? — предложила я, мой голос звенел от отчаяния. Я почувствовала, что у меня навернулись слезы на глаза, и боролась с печалью, которая грозила вот-вот поглотить меня.

— Я *не* хочу быть чудовищем, — очень тихо ответил он.

— Но ведь животных недостаточно?

Он помедлил.

— Я, конечно, не уверен, но это все равно, что для тебя есть только тофу и соевое молоко. Мы называем себя вегетарианцами — такая милая корпоративная шутка. Это не насыщает нас полностью, но дает силы, чтобы сопротивляться жажде. Большую часть времени. — Зловеще добавил он. — Иногда держаться становится особенно трудно.

— Тебе сейчас очень трудно? — спросила я.

Он вздохнул.

— Да.

— Но сейчас ты не голоден, — уверенно заявила я.

— Почему ты так думаешь?

— Твои глаза. Я же говорила — у меня есть теория. Я заметила, что люди — особенно мужчины — куда злее, когда они голодны.

Он засмеялся:

— Ты очень наблюдательна, нет, правда!

Я не ответила, я просто слушала этот смех, старясь запомнить его навсегда.

— Ты в выходные ходил на охоту с Эмметтом? — спросила я, когда снова стало тихо.

— Да. — Он остановился, словно решая, сказать еще что-то или нет. — Мне не хотелось уезжать, но это было необходимо. Немного легче быть рядом с тобой, когда я не голоден.

— Почему тебе не хотелось уезжать?

— Мне... тревожно... когда я далеко от тебя. — Он смотрел на меня со страстью и нежностью, и от этого взгляда у меня внутри плавилась кость. — Я в прошлый четверг не шутил, когда просил тебя не свалиться в океан и не попасть под машину. Я был сам не свой все выходные — так

волновался за тебя. А после того, что случилось сегодня, я вообще удивляюсь, как тебе удалось пережить ту поездку целой и невредимой. — Он покачал головой, а потом вспомнил что-то: — Ну, правда, не вполне невредимой.

— Что?

— Руки, — напомнил он мне. Я посмотрела на свои ладони с почти зажившими ссадинами на запястьях. От его глаз ничего не скроешь.

— Упала, — вздохнула я.

— Так я и думал. — Уголки его губ изогнулись. — С тобой легко могло случиться что-то и похуже, и я мучился от разных мыслей все выходные. Это были страшно долгие три дня. Я порядком потрепал Эмметту нервы.

Он печально улыбнулся мне.

— Три дня? А разве ты не сегодня приехал?

— Нет, мы вернулись в воскресенье.

— А почему тогда никого из вас не было в школе?

Я почувствовала раздражение, даже злость при мысли о том, сколько напрасных мук принесло мне его отсутствие.

— Ну, ты вот спрашивала, сгорю ли я на солнце. Не сгорю, но все равно я не могу бывать на людях в солнечные дни.

— Почему?

— Когда-нибудь я тебе покажу, почему, — пообещал он.

Я немного поразмыслила над этим.

— Но ты мог позвонить, — решила я наконец.

Он был озадачен.

— Я же знал, что ты в безопасности.

— Но я не знала, где ты. Я....

Слова замерли у меня на губах, и я резко опустила глаза.

— Что? — его бархатный голос требовал ответа.

— Я так не могу. Не видеть тебя. Я тоже себе места не нахожу. — Я покраснела, сказав это вслух.

Он не издал ни звука. Я подняла глаза и увидела, что его лицо исказила боль.

— Нет, — со стоном тихо произнес он. — Это плохо.

Я не могла понять, о чем он.

— Я что-то не то сказала?

— Разве ты не понимаешь, Белла? Одно дело, когда я делаю самого себя несчастным, и совсем другое — когда ты вовлекаешься во все это до такой степени, — он отвел страдающий взгляд и смотрел на дорогу, а слова текли так быстро, что я почти не понимала его.

— Я не хочу еще раз услышать от тебя что-нибудь подобное. — Он сказал это тихо, но повелительно. Его слова больно ранили меня. — Это плохо, это неправильно. Это вредно, наконец. Я опасен, по-настоящему опасен, пойми это, Белла.

— Нет, — я изо всех старалась, чтобы это не прозвучало, как слова капризного ребенка.

— Я серьезно, — прорычал он.

— Я тоже. Я говорила, что мне не важно, кто ты. Уже слишком поздно.

— Никогда не говори так, — резко, почти грубо выпалил он.

Я закусила губу. Хорошо, что он не видит, как мне больно. Я уставилась на дорогу. Наверное, мы уже подъезжали. Он все равно ехал слишком быстро.

— О чем ты думаешь? — спросил он. Суровость еще звучала в его голосе. Я просто покачала головой — не уверена, что смогла бы что-то сказать. Я чувствовала его взгляд, но не отводила глаз от дороги.

— Ты плачешь? — с ужасом спросил он. Я даже не чувствовала, как слезы текли по моим щекам.

Я провела рукой по лицу — действительно, предательская жидкость была тут как тут.

— Нет, — сказала я, но голос дрогнул.

Я видела, как он неуверенно потянулся ко мне правой рукой, но остановился и медленно положил руку обратно на руль.

— Прости.

В его голосе звучало острое раскаяние. Я поняла, что он имеет в виду не только свои слова.

Мы молчали, и темнота медленно пролетала за окном.

— А скажи, пожалуйста, — начал он после паузы, и я слышала, как он старается придать голосу немного оживления.

— Что?

— О чем ты думала перед тем, как я вывернул из-за угла? Я никак не мог понять, что выражало твое лицо — оно не было испуганным, нет, скорее, ты очень напряженно о чем-то думала.

— Я старалась вспомнить, как обезвредить нападающего — ну знаешь, из уроков самообороны. Как раз собиралась вдавить носовую кость ему прямо в мозг.

Я почувствовала внезапную вспышку ярости, вспомнив о темноволосом.

— Ты собиралась драться? — мои слова обеспокоили его. — А почему ты не попробовала убежать?

— Я часто падаю на бегу, — призналась я.

— А закричать?

— Как раз собиралась перейти к этому пункту.

Он покачал головой.

— Ты права. Я определенно сражаюсь с судьбой, спасая тебя.

Я вздохнула. Мы уже добрались до границ Форкса, и автомобиль начал притормаживать. Дорога заняла меньше двадцати минут.

— А завтра я тебя увижу? — требовательно спросила я.

— Да, мне же тоже сдавать сочинение, — он улыбнулся. — Я займу тебе место за обедом.

Очень глупо, но после того, что мы сегодня пережили, от этого маленького обещания у меня все внутри затрепетало, и я на время лишилась дара речи.

Мы подъехали к дому Чарли. В окнах горел свет, мой пикап был на месте, и все выглядело до предела нормальным. Как будто я видела сон и вдруг проснулась. Он остановил машину, но я не двигалась с места.

— Ты *обещаешь*, что будешь завтра в школе?

— Обещаю.

Я остановилась на мгновение, взвешивая его слова, а затем кивнула. Стаскивая пиджак, я в последний раз вдохнула его запах.

— Оставь его — тебе будет не в чем завтра пойти, — напомнил он мне.

Я протянула ему пиджак.

— Не хочу объясняться с Чарли.

— А, и в самом деле, — он широко улыбнулся.

Я еще медлила, держа руку на ручке двери, стараясь растянуть последнее мгновение.

— Белла, — позвал он уже совсем другим тоном — серьезно, но неуверенно.

— Да? — Я обернулась — возможно, слишком поспешно.

— Можешь мне пообещать кое-что?

— Да, — сказала я, и тут же пожалела об этом. А если он попросит меня держаться от него подальше? Все равно не смогу.

— Больше не ходи в лес одна.

Я уставилась на него в полном недоумении.

— Почему?

Он нахмурился. Глаза сурово смотрели куда-то поверх моего плеча.

— Иногда я — не самое опасное из того, что может оказаться рядом с тобой. Можно, я не буду объяснять дальше?

Я слегка вздрогнула, услышав этот неожиданно мрачный тон, но почувствовала облегчение. Это обещание я смогу сдержать.

— Ладно, как скажешь.

— Увидимся завтра, — вздохнул он, и я поняла, что теперь мне уже точно пора было идти.

— Тогда до завтра, — я неохотно открыла дверь.

— Белла!

Я обернулась: он тянулся ко мне со своего места, прекрасное бледное лицо оказалось совсем рядом с моим. У меня сердце остановилось.

— Доброй ночи! — сказал он.

Его дыхание коснулось меня, лишая чувств. Это был тот же изумительный запах, которым пропитался его пиджак, но более сильный. Я невольно моргнула, как от вспышки света. Он снова откинулся назад.

Я сидела, не в силах шевельнуться, пока мысли кое-как приходили в порядок. Затем, держась за дверцу, неловко вывалилась из машины. Кажется, он засмеялся, но так тихо, что мне вполне могло это показаться.

Он подождал, пока я не доковыляла до дома, и завел машину. Я обернулась и увидела, как серебристый автомобиль вильнул за угол. Только тут я почувствовала, как холодно было на улице.

На автомате я достала ключ, открыла дверь и зашла в дом.

Чарли позвал меня из гостиной:

— Белла!

— Да, папа, это я.

Я зашла к нему поздороваться. Он смотрел бейсбол.

— Ты что-то рано.

— Правда? — Я удивилась.

— Еще даже восьми нет, — сказал он. — Ну как, хорошо повеселились?

— Да уж, веселье вышло что надо.

У меня кружилась голова, и я с трудом припомнила, что вообще-то изначально мы поехали с девочками по магазинам.

— Они обе нашли себе платья.

— С тобой все в порядке?

— Я просто устала. Мы очень долго гуляли.

— Наверное, тогда тебе лучше пойти прилечь, — в его голосе прорезалось беспокойство. Интересно было бы сейчас взглянуть в зеркало на мое лицо.

— Сейчас, только Джессике сначала позвоню.

— А разве вы не только что расстались? — удивленно спросил он.

— Да, но я забыла в ее машине свою куртку. Надо напомнить ей, чтобы привезла ее завтра в школу.

— Сперва дай ей шанс добраться до дому.

— И в самом деле, — согласилась я.

Я прошла в кухню и обессилено рухнула на стул. У меня и вправду, в буквальном смысле слова кружилась голова. Наверное, самое время выдать, наконец, реакцию на шок. Соберись, сказала я себе.

Неожиданно зазвонил телефон, заставив меня вздрогнуть. Я рывком сдернула трубку с рычага.

— Алло, — едва дыша, сказала я.

— Белла?

— Привет, Джесс, как раз собиралась тебе звонить.

— Ты уже дома? — в голосе слышалось облегчение и... удивление.

— Да. Я забыла у тебя в машине куртку — можешь завтра захватить ее с собой?

— Конечно! Но расскажи мне, как это было?

— Ох, завтра, на тригонометрии, ладно?

Она сразу все поняла.

— Папа дома, да?

— Да, точно.

— Ладно, тогда завтра поговорим. Пока! — в голосе звенело нетерпение.

— Пока, Джесс!

В состоянии тяжкого отупения я медленно поднялась вверх по лестнице. Машинально совершая обычный ежевечерний ритуал, я едва сознавала, что делаю. Но стоило только залезть под душ, как вода привела меня в чувство — она была такой горячей, что почти обжигала кожу. Теперь я поняла, как сильно на самом деле замерзла. Я жестоко дрожала под душем несколько минут, пока исходящий паром поток воды не расслабил сведенные мышцы. Не в силах шевельнуться от усталости, я стояла под душем очень долго — насколько хватило горячей воды.

Затем я вылезла и поплотнее завернулась в полотенце, стараясь сохранить как можно больше тепла и отогнать мучительный озноб, который грозил вернуться снова. В своей комнате я быстро переоделась в пижаму и, нырнув под одеяло, свернулась калачиком. Дрожь еще несколько раз волнами пробежала по телу.

Мои мысли беспорядочно кружились, в голове теснились образы — некоторые не получалось понять, а некоторые хотелось забыть. Поначалу все было как в тумане, но, по мере того, как медленно отключалось сознание, яснее становились простые истины. Я почувствовала, что твердо уверена в трех вещах. Первое: Эдвард был вампиром. Второе: часть его существа — и неизвестно, насколько она окажется быть сильна — жаждала моей крови. И третье: я окончательно и безнадежно влюбилась в него.

Глава 10. Расспросы

Утром мне с большим трудом удалось убедить разумное левое полушарие мозга, что вчерашний вечер не был сном. Логика и здравый смысл отказывались мне помогать. Пришлось опереться на аргументы, которые не могли быть порождением моей фантазии — его запах, например. Я была уверена, что никаким сном не под силу сотворить нечто подобное.

Снаружи было туманно и мрачно — абсолютно великолепно. Сегодня у него точно нет повода пропустить школу. Я надела свою самую теплую одежду, вспомнив про отсутствие куртки. Еще одно доказательство тому, что память не лгала.

Когда я спустилась, оказалось, что Чарли уже уехал — я и не понимала, что уже опаздываю. В три укуса расправившись с батончиком мюсли, я послала ему вдогонку молока прямо из пакета и молнией вылетела за дверь. Может быть, мне удастся перехватить Джессику еще до того, как начнется дождь.

Туман был необычайно густой, похожий на дымовую завесу. Ледяными иголочками он покалывал незащищенную кожу лица и шеи. Я предвкушала момент, когда доберусь наконец до пикапа и включу печку. Почти ничего не видя в молочно-белой мути, я пробежала несколько метров по подъездной дорожке, прежде чем поняла, что у меня на пути стоит машина — серебристая машина. Мое сердце упало куда-то вниз, затем беспорядочно затрепыхалось и наконец забилося ровно в удвоенном ритме.

Я не заметила, как и откуда он появился, но он стоял в паре шагов от меня, придерживая открытую пассажирскую дверь.

— Не хочешь сегодня прокатиться со мной? — спросил он, довольный тем, что снова поймал меня врасплох. Его голос звучал не совсем твердо — он и в самом деле давал мне шанс отказаться. И в глубине души, должно быть, надеялся на это. Но надежда была напрасной.

— Да, с удовольствием, — ответила я как можно спокойнее.

Садясь в теплую машину, я увидела на спинке переднего сиденья знакомый кожаный пиджак. Дверь за мной захлопнулась, и он возник на водительском месте быстрее, чем я успела моргнуть.

— Я принес тебе пиджак, чтобы ты не схватила простуду или не знаю что еще, — осторожно сказал он.

Я заметила, что на нем не было ничего теплого, только светло-серый вязаный свитер. Ткань мягко облегла великолепные мышцы груди. Насколько же прекрасно должно быть лицо, чтобы полностью отвлечь мое внимание от такого тела!

— Я не такое уж хрупкое создание, — сказала я. Но все же надела пиджак, засунув руки в слишком длинные рукава. Вправду ли запах так хорош, как мне вчера показалось? Нет, он еще лучше.

— Разве? — возразил он настолько тихо, что, возможно, эта фраза не предназначалась для моих ушей.

Мы неслись по окутанному туманом улочкам — как всегда, слишком быстро, — и ощущали неловкость. Я, по крайней мере. Вчера рухнули все стены... почти все. Я не знала, сможем ли мы сегодня быть столь же откровенны друг с другом. Это связывало мне язык. Я ждала, чтобы он заговорил первым.

Он повернулся ко мне с натянутой улыбкой.

— Как, сегодня не будет вопросов?

— Тебе не нравятся мои вопросы? — спросила я, оживляясь.

— Не столько твои вопросы, сколько твоя реакция на ответы.

Казалось, он шутил, но трудно было судить определенно. Я нахмурилась.

— Я тяжело реагирую?

— Нет, в том-то и дело. Ты воспринимаешь все настолько спокойно, что это кажется ненормальным. Приходится гадать, что ты на самом деле думаешь.

— Я всегда говорю тебе то, что на самом деле думаю.

— Ты подправляешь свои мысли, — обвинил меня он.

— Совсем чуть-чуть.

— Достаточно, чтобы сводить меня с ума.

— Ты просто не хочешь их слышать, — сказала я тихо, почти прошептала. И сразу пожалела о своих словах. Боль в моем голосе прозвучала очень призрачно, оставалось надеяться, что он ее не заметил.

Он не ответил, и мне пришлось гадать, не разрушила ли я общее настроение. Когда мы въезжали на парковку, ничего нельзя было прочесть на его лице. И вдруг до меня дошло:

— А где все ваши? — спросила я. Разумеется, я была рада поехать с ним, но обычно в его машине не было свободных мест.

— Они взяли машину Розали.

Он пожал плечами и припарковался рядом со сверкающим красным кабриолетом с поднятым верхом.

— Шикарно, правда?

— О-о-х, — выдохнула я. — Если у нее есть *это*, зачем она катается с тобой?

— Как я уже сказал, это шикарно. А мы стараемся не выделяться из толпы.

— У вас это плохо получается.

Я засмеялась и покачала головой, выходя из машины. Я не опоздала, он со своей сумасшедшей

ездой доставил меня в школу вовремя.

— Почему же Розали сегодня села за руль сама, если вы не хотите привлекать к себе внимание?

— Как, ты не заметила? Я сейчас нарушаю *все* правила.

Он обогнул машину и подошел ко мне, и мы направились к школе, держась очень близко друг к другу. Я хотела сократить и эту дистанцию, протянуть руку и коснуться его, но побоялась, что ему это не понравится.

— Почему вы вообще заводите себе такие машины, если заботитесь о конспирации? — спросила я.

— Потакаем своим слабостям, — признался он с озорной улыбкой. — Мы все любим быструю езду.

— Ну еще бы, — чуть слышно пробормотала я.

Под навесом возле столовой стояла Джессика, и казалось, что ее глаза вот-вот вылезут из орбит. У нее на руке висела моя куртка.

— Привет, Джессика, — сказала я, когда мы подошли поближе. — Спасибо, что не забыла.

Она молча протянула мне куртку.

— Доброе утро, Джессика, — вежливо произнес Эдвард. Он, конечно, не был виноват в том, что у него такой великолепный голос.

Или в том, на что способен его взгляд.

— Э-э-э... Привет, — Джессика перевела расширенные зрачки на меня, чтобы собраться с мыслями. — Увидимся на тригонометрии.

Она бросила мне многозначительный взгляд, и я подавила вздох. Что же, черт возьми, ей рассказать?

— Да, увидимся.

Она пошла прочь, но дважды оглядывалась, чтобы посмотреть на нас через плечо.

— И что ты ей расскажешь? — тихо спросил Эдвард.

— Эй, я думала, что ты не можешь читать мои мысли, — прошипела я.

— Не могу, — удивленно ответил он. Затем его глаза загорелись: у него явно появилась идея. — Но я могу читать ее мысли. А она караулит тебя в классе и готовит нападение.

Я застонала, сняла пиджак и протянула Эдварду. Тот повесил его на руку.

— Итак, что же ты ей расскажешь?

— Дай подсказку, — взмолилась я. — О чем она хочет спросить?

Он покачал головой и мерзко усмехнулся.

— Это нечестно.

— Нет, нечестно — не делиться информацией, если что-то знаешь.

Он колебался. Тем временем мы подошли к дверям третьего корпуса, где проходил мой первый урок.

— Она хочет знать, не встречаемся ли мы тайком от всех? И еще она хочет знать, что ты ко мне чувствуешь, — наконец, сказал он.

— Ой-е-ей. Ну и что мне сказать? — я постаралась придать лицу самое невинное выражение. Мимо нас шла масса народу, и наверняка все на нас глазели, но я ничего не замечала.

— Хммм...

Он остановился, чтобы поймать прядь волос, выбившуюся из моей прически, и заправил ее на место. Сердце у меня бешено заколотилось.

— Думаю, на первый вопрос ты могла бы ответить «да». Если, конечно, не возражаешь. Это самое простое объяснение.

— Не возражаю, — ответила я слабым голосом.

— Что касается второго вопроса... Я и сам с удовольствием послушаю ответ на него.

Край его рта пополз вверх, и он улыбнулся лучшей из своих улыбок. Я не смогла вовремя совладать с дыханием и быстро ответить на эту фразу, поэтому он развернулся и пошел прочь.

— Увидимся за обедом, — крикнул он через плечо.

Три человека, стоявшие у двери, обернулись и уставились на меня. Я побежала в класс, красная от гнева и смущения. Вот мошенник! Теперь я еще больше волновалась о том, что скажу Джессике. Я села на свое место, в раздражении швырнув сумку на пол.

— Привет, Белла! — сказал Майк, сидевший за соседним столом. Я подняла глаза и увидела на его лице странное, монашески-смирненное выражение. — Как Порт-Анджелес?

Невозможно было ответить честно одним словом.

— Отлично, — наконец, кое-как выдавила я. — Джессика купила себе очень красивое платье.

— Она что-нибудь говорила про вечер понедельника? — спросил он, и его глаза заблестели. Меня позабавило то, какой оборот принял наш разговор.

— Она сказала, что очень здорово провела время, — заверила я его.

— Правда? — радостно спросил он.

— Совершенно точно.

Мистер Мейсон призвал к тишине и попросил сдавать сочинения. Английский и обществознание прошло как в тумане, потому что я не переставая думала о том, как все объясню Джессике, и действительно ли Эдвард будет слушать наш разговор через призму ее мыслей. До чего же неудобный у него дар — правда, не тогда, когда спасает мою жизнь.

К концу второго урока туман практически рассеялся, но дневной свет оставался тускло-серым из-за низких, свинцовых туч. Я улыбнулась небу.

Эдвард, разумеется, оказался прав. Когда я вошла в класс на тригонометрии, Джессика сидела на последней парте и только что не подпрыгивала на месте от нетерпения. Я неохотно прошла на свое

место рядом с ней, убеждая себя, что надо покончить с этим, и чем скорее, тем лучше.

— Рассказывай все! — приказала она, едва я села на стул.

— Что ты хочешь знать? — задала я наводящий вопрос.

— Что случилось прошлым вечером?

— Он угостил меня ужином, а затем мы поехали домой.

Она смотрела на меня горящими глазами, лицо застыло от удивления.

— Как вы успели так быстро?

— Он водит, как маньяк. Мне было очень страшно, — надеюсь, он это слышал.

— Это было свидание — вы договаривались встретиться там?

Об этом я не подумала.

— Нет, я сама *очень* удивилась, увидев его.

Она сморщила губы в гримаске разочарования, уловив полную откровенность моего ответа.

— Но он подвез тебя сегодня до школы? — спросила Джессика, решив зайти с другой стороны.

— Да, и это тоже оказалось для меня полной неожиданностью. Он вспомнил, что вчера я была без куртки, — объяснила я.

— А вы еще будете встречаться?

— Он предложил подвезти меня до Сиэтла в субботу, потому что думает, что мой антикварный пикап не выдержит дороги. Это считается?

— Разумеется, — она кивнула.

— Ну, тогда да.

— Ва-а-у, — она умудрилась разбить это на три слога. — Эдвард Каллен.

— Да, знаю, — согласилась я. «Вау» для этого было маловато.

— Стой! — она подняла руки ладонями вверх, словно пытаюсь остановить машину. — Он тебя поцеловал?

— Нет, — пробормотала я. — Ничего такого даже близко не было.

На ее лице проступило разочарование. На моем, думаю, тоже.

— И ты думаешь, в субботу?.. — она подняла брови.

— Очень сомневаюсь.

Я даже не старалась скрыть досаду.

— О чем вы говорили? — она продолжала допрос шепотом.

Урок начался, но мистер Варнер не призывал еще к тишине, и болтали многие в классе.

— Не помню, Джесс, обсудили кучу тем, — зашептала я в ответ. — Например, сочинение по английскому.

Совсем мельком. Кажется, он что-то упомянул на ходу.

— Пожалуйста, Белла, — взмолилась она. — Расскажи подробнее!

— Ладно, вот одна деталь. Надо было видеть, как официантка строила ему глазки — это было просто нечто! Но он вообще не обращал на нее внимания, — пусть думает, что я хотела ему этим сказать.

— Это хороший знак, — она кивнула. — Она была красивая?

— Очень, к тому же лет девятнадцати или двадцати.

— Еще лучше. Тогда ты действительно ему нравишься.

— Думаю, да, но трудно сказать определенно. Он такой загадочный, — добавила я, чтобы польстить, и вздохнула.

— Не понимаю, как тебе хватает смелости оставаться с ним наедине? — выдохнула она.

— Ты о чем? — я вздрогнула, но она этого не заметила.

— Он какой-то... неприступный. Я всегда перед ним теряюсь и не знаю, что сказать.

Она скорчила рожицу, возможно, припомнив сегодняшнее утро или вчерашний вечер, когда Эдвард демонстрировал ей магическую силу своего взгляда.

— Мне тоже бывает трудно собраться с мыслями в его присутствии, — призналась я.

— Зато он просто *невероятный* красавец, — Джессика пожала плечами, как будто последнее качество извиняло любые недостатки. Возможно, в ее системе ценностей так оно и было.

— Но главное в нем — не это.

— Правда? А что?

Ой, лучше бы я этого не говорила. И лучше бы он просто пошутил насчет подслушивания.

— Не могу как следует объяснить... но *внутри* он еще невероятнее, что снаружи.

Вампир, который хочет творить добро — носится по округе и спасает человеческие жизни, чтобы не быть чудовищем... Я неподвижно уставилась в стену напротив.

— Разве это *возможно*? — хихикнула Джессика.

Я промолчала, стараясь сделать вид, что слушаю мистера Варнера.

— Так он тебе нравится? — не сдавалась она.

— Да, — коротко ответила я.

— Я имею в виду, нравится *по-настоящему*? — настаивала Джессика.

— Да, — ответила я и покраснела. Надеюсь, эта деталь не найдет отражения в ее мыслях.

Но Джессику перестали устраивать односложные ответы.

— А *насколько* сильно?

— Слишком сильно, — зашептала я в ответ. — Гораздо сильнее, чем я нравлюсь ему. Но не знаю, что с этим можно поделать.

И я вздохнула, краснея уже волнами.

Тут, на мое счастье, мистер Варнер вызвал Джессику к доске.

Во время урока ей больше не представилось возможности вернуться к теме, а затем прозвенел звонок, и я применила обходной маневр.

— На английском Майк спрашивал, что ты мне сказала по поводу вечера понедельника, — сообщила я.

— Ты шутишь! И что ты ответила? — выдохнула она, совершенно забыв об Эдварде.

— Я сказала, что тебе было очень приятно, а он прямо просиял.

— Так, теперь точно скажи мне, что он сказал, и повтори свой ответ слово в слово!

Остаток перемены ушел на детальный разбор структуры высказываний Майка, а большая часть урока — на подробнейшее описание движений его лицевых мускулов. Я не смогла бы выдержать это так долго, если бы не нужно было отвлекать ее внимание от себя.

А затем прозвенел звонок на большую перемену. Поскольку я резко дернулась со своего места, беспорядочно упихивая книги в сумку, мое сияющее лицо натолкнуло Джессику на мысль:

— Ты ведь не с нами будешь сидеть за обедом, да?

— *Думаю*, нет.

Я не была уверена, что он снова не исчезнет куда-нибудь.

Но он стоял прямо за дверью класса, прислонившись к стене — ни один человек на земле, кроме него, не имел права быть так похож на античного бога. Джессика глянула на него, закатила глаза и покинула нас.

— Пока, Белла, — сказала она с намеком. Наверное, придется вечером отключить звонок на телефоне.

— Привет, — в его голосе слышались и смех, и раздражение одновременно. Он подслушивал, это было ясно как день.

— Привет.

Я никак не могла придумать, что бы еще сказать, и он тоже молчал — тянул время, я полагаю. В молчании мы дошли до столовой. Идти рядом с Эдвардом в суетливой предобеденной толпе оказалось все равно, что в первый раз появиться в школе — на нас пялились все подряд.

Все так же молча он пристроился в конец очереди. То и дело пробегая взглядом по моему лицу, он словно строил какие-то отвлеченные умозаключения на мой счет. Судя по всему, раздражение в нем все-таки взяло верх. Я нервно дергала язычок молнии на жакете.

Он подошел к раздаче и стал заваливать едой свой поднос.

— Что ты делаешь? — запротестовала я. — Это что, все для меня?

Он покачал головой и пошел к кассе.

— Половина для меня, разумеется.

Я подняла бровь.

Он прошел сквозь толпу к тому самому столу, где мы сидели недавно. На противоположной стороне расположилась группа старшеклассников, и они с изумлением наблюдали, как мы заняли места друг напротив друга. Эдвард выглядел рассеянным.

— Выбирай что хочешь, — предложил он и подтолкнул ко мне поднос.

— Вот интересно, — начала я, взяв с подноса яблоко и вертя его в ладонях. — Что будет, если заставить тебя есть обычную пищу?

— Все-то тебе интересно, — он поморщился и покачал головой.

Не сводя с меня сердитого взгляда, он взял кусок пиццы, решительно откусил от него, быстро прожевал и проглотил. Я наблюдала за этим, широко раскрыв глаза.

— Если тебя заставить есть землю, ты ведь сможешь, правда? — снисходительно спросил он.

Я сморщила нос и призналась:

— Я пробовала... на спор. Не так уж и противно.

Он засмеялся.

— Кажется, я даже не удивлен.

Что-то за моей спиной привлекло его внимание.

— Джессика анализирует каждое мое движение и готовится потом выложить все это тебе.

Он подтолкнул ко мне остаток пиццы. При упоминании Джессики тень растаявшего было раздражения вновь появилась на его лице.

Я положила яблоко и взяла пиццу, откусила кусок и отвела глаза, понимая, что сейчас начнется допрос.

— Так официантка была красивая, да? — небрежно спросил он.

— А ты правда не заметил?

— Нет. Даже не обратил внимания. Мне и без того было о чем подумать.

— Бедная девушка! — сейчас я могла позволить себе немного великодушия.

— Кое-что из того, что ты сказала Джессике... мне не нравится.

Он не поддался на мою попытку отвлечь его от главного. В его голосе появились жесткие хрипловатые нотки, глаза тревожно смотрели на меня из-под ресниц.

— Неудивительно, что ты узнал нечто, что тебе не понравилось. Сам знаешь, что говорят о тех, кто подслушивает, — напомнила я ему.

— Я же предупреждал тебя, что буду подслушивать.

— А я тебе говорила, что на самом деле ты не хочешь знать всего, что я думаю.

— Говорила, — хотя он соглашался со мной, его голос не смягчился. — Но ты, пожалуй, не совсем права. Я на самом деле хочу знать все, что ты думаешь. Просто мне не хочется... чтобы некоторые вещи приходили тебе в голову.

Я смерила его сердитым взглядом:

— Вот в этом вся разница.

— Но сейчас меня волнует другое.

— Что именно?

Мы наклонились друг к другу через стол. Крупные белые кисти его рук подпирали подбородок сплетенными пальцами. Я, подавшись вперед, положила на шею ладонь правой руки. Мне приходилось постоянно напоминать себе, что мы находимся в людном месте, где за нами, возможно, наблюдает множество любопытных глаз. Было слишком легко нырнуть с головой в наш непростой интимный треп и забыть об окружающих.

— Ты на самом деле думаешь, что я значу для тебя больше, чем ты для меня? — тихо спросил он, наклоняясь ко мне ближе и пронзая взглядом золотисто-темных глаз.

Я снова забыла, как дышать. Пришлось отвернуться, чтобы вспомнить.

— Ты опять... — проворчала я.

Он раскрыл глаза от удивления.

— Что опять?

— Ты просто ослепляешь меня взглядом, — призналась я, и, стараясь не терять самоконтроль, снова взглянула на него.

— Хм, — он нахмурился.

— Ты не виноват, — вздохнула я. — Наверное, иначе просто не можешь.

— Так ты будешь отвечать?

Я опустила глаза.

— Да.

— Да, ты будешь отвечать, или да, ты так думаешь? — судя по раздраженному тону, у него кончалось терпение.

— Да, я так думаю.

Я смотрела на стол, следуя глазами за нарисованными изгибами древесных волокон на его пластиковой поверхности. Повисло молчание. Я упрямо не хотела нарушать его первой, жестоко подавляя искушение хоть мельком увидеть выражение его лица.

Он наконец заговорил, и в голосе больше не было ни гнева, ни суровости.

— Ты ошибаешься.

Я подняла голову — его взгляд был мягким и спокойным.

— Откуда ты знаешь? — шепотом возразила я, покачав головой.

Сердце у меня упало — так хотелось ему верить.

— Что заставляет тебя так думать?

Его глаза, в которых переливались жидкие топазы, проникали прямо в душу. Казалось, он пытался выудить правду из самых затаенных уголков моего сознания. Я с вызовом ответила на его взгляд.

Стараясь не терять ясность мысли при виде его лица, я искала правильные слова для объяснения. Ему становилось все труднее ждать ответа — мое молчание ранило его, взгляд стал колючим. Я отняла руку от шеи и подняла палец вверх.

— Дай мне подумать, — потребовала я.

Его лицо прояснилось: он был доволен тем, что я хотя бы собиралась отвечать. Я уронила руку на стол и сжала ладони вместе. Долго смотрела на свои руки, сплетая и расплетая пальцы, и наконец заговорила.

— Ну, если не брать во внимание очевидное, иногда... — я споткнулась. — Я не уверена... я же

не умею читать мысли. Но порой мне кажется, что ты словно навсегда прощаешься со мной, в то время как произносишь совсем другие слова.

Ничего лучшего я не смогла придумать, чтобы выразить ту острую мучительную тоску, которую иногда вызывали во мне его речи.

— Тонко, — прошептал он. И знакомая боль снова пронзила меня, стоило мне понять, что он подтвердил мои опасения.

— Но именно поэтому ты и не права... — он начал было объяснять, но вдруг сощурился. — Это какое такое «очевидное»?

— Ну, посмотри на меня, — сказала я, что было излишним, потому что он и так не отводил от меня глаз. — Я же самая обычная девушка, если не считать дурных качеств типа склонности к играм со смертью или неловкости, граничащей с инвалидностью. И посмотри на себя. — Я неопределенно махнула рукой в сторону его ослепительной персоны.

На мгновение его лоб прорезала сердитая складка, но тут же разгладилась, как только в глазах вспыхнуло понимание.

— Знаешь, ты просто не видишь себя со стороны. Ты абсолютно права насчет дурных качеств, — тут он цинично фыркнул, — Но, жаль, ты не слышала, о чем думали при виде тебя все эти человеческие самцы в твой первый день в школе.

— Не верю... — удивленно моргнув, пробормотала я себе под нос.

— Поверь мне хотя бы в этом: ты — антипод самой обычной девушки.

Мое смущение оказалось намного сильнее, чем удовольствие понаблюдать за выражением его глаз при этих словах. Я быстро вернула его к теме.

— А вот я не прощаюсь с тобой, — подчеркнула я.

— Разве ты не понимаешь? Это как раз и доказывает мою правоту. Я дорожу тобой гораздо сильнее. Потому что если я смогу сделать *это*, — он встряхнул головой, словно отгоняя тяжелую мысль, — если расстаться с тобой будет правильно, я причиню себе любую боль, лишь бы уберечь от боли тебя.

Я гневно посмотрела на него.

— Разве я не могу сделать то же самое?

— Тебе никогда не придется быть тем, кто должен сделать выбор.

Тут его непредсказуемое настроение совершило резкий скачок, и на лице расплылась злодейская ухмылка.

— Разумеется, оберегать тебя от опасностей — дело настолько серьезное, что от меня вот-вот потребуются неотлучно находиться при тебе полный рабочий день.

— Сегодня еще никто не пытался со мной покончить, — напомнила я ему, испытывая благодарность за переход на менее мрачную тему.

Мне не хотелось, чтобы он и дальше рассуждал о необходимости расстаться. Я даже могла бы нарочно поискать каких-нибудь опасностей только для того, чтобы он был рядом... Я изгнала эту мысль из головы прежде, чем его быстрые глаза уловили бы ее тень на моем лице. Вот эта идея точно не приведет к добру.

— Пока, — добавил он.

— Пока, — согласилась я. Хотелось поспорить, но теперь мне надо было постоянно держать его настороже.

— У меня к тебе есть еще один вопрос, — продолжил он с беспечным выражением на лице.

— Валяй.

— Тебе на самом деле надо в субботу в Сиэтл или это просто предлог, чтобы отвязаться от твоих воздыхателей?

Я скорчила рожу при одном воспоминании об этом.

— Помни, я еще не простила тебе заварушку с Тайлером, — предостерегла я. — Твоя вина, что он теперь питает иллюзии насчет того, что я иду с ним на выпускной.

— Он и без меня нашел бы повод подкатить к тебе с этим. А мне так хотелось увидеть, какое у тебя будет при этом лицо! — он рассмеялся.

Его смех был таким завораживающим, что я не смогла как следует рассердиться.

— А если бы я спросил тебя, *мне* бы ты тоже отказала? — спросил он, еще смеясь.

— Сразу, наверное, нет, — призналась я. — Но потом нашла бы какой-нибудь предлог — например, сказалась больной или симулировала растяжение лодыжки.

Он был озадачен.

— Но почему?

Я печально покачала головой.

— Кажется, ты еще не видел меня на физкультуре, но все равно мог бы сам догадаться.

— Ты хочешь сказать, что не можешь пройти по ровной устойчивой поверхности без того, чтобы не споткнуться?

— Точно.

— Тогда это не проблема, — заверил он. — Просто тебе нужен хороший партнер.

Он заметил, что я вот-вот начну возражать, и не дал мне возможности.

— Но ты так и не ответила: ты решительно хочешь в Сиэтл или мы можем заняться чем-нибудь еще?

Раз уж он сказал «мы», я была готова на все.

— Я открыта новым возможностям, — ответила я, — Но только при одном условии.

Он, как всегда, тут же насторожился:

— Каким?

— Можно, я сама поведу?

Он нахмурился.

— Почему?

— В основном потому, что, когда я сказала Чарли, что поеду в Сиэтл, он специально спросил меня, поеду ли я одна. Я сказала, что да. Если он спросит сейчас, я, наверное, не буду врать. Хотя не думаю, что он еще раз спросит. Но если я оставлю пикап на стоянке около дома, то точно дам ему повод. А еще потому, что твоя манера водить меня пугает.

Он закатил глаза.

— Из всего того, чем я мог бы тебя пугать, ты выбрала манеру водить? — Он осуждающе покачал головой, но потом снова посерьезнел. — Не хочешь ли ты все-таки сказать отцу, что собираешься провести день со мной?

В этом вопросе крылся какой-то подтекст, который я не уловила.

— С Чарли чем меньше, тем лучше, — тут я была непреклонна. — А куда мы поедем?

— Погоду обещают прекрасную, а значит, я буду прятаться где-нибудь в безлюдном месте. И ты сможешь прятаться вместе со мной, если захочешь, конечно.

Он снова предоставлял мне свободу отказаться.

— И ты покажешь мне то, что обещал, помнишь, насчет солнца? — спросила я, в восторге от идеи раскрыть еще одну тайну мироздания.

— Да, — он улыбнулся и, помедлив, добавил: — Но если ты не захочешь быть... наедине со мной, я все же попросил бы тебя не ездить одной в Сиэтл. Я не могу без ужаса думать о том, какие возможности откроются перед тобой в большом городе.

Я оскорбилась:

— Да Финикс в три раза больше Сиэтла — хотя бы по количеству жителей. Что касается размеров...

— Но это же очевидно — перебил он меня. — Пока ты была в Финиксе, твой жребий еще не выпал. Поэтому сейчас я предпочел бы, чтобы ты была при мне, — и его глаза снова коварно засияли.

Я была не в силах спорить, то ли с его глазами, то ли с его аргументами — хотя стоило бы.

— В любом случае, я не прочь побыть наедине с тобой.

— Знаю, — грустно вздохнул он. — Все равно, скажи Чарли.

— С какой стати мне нужно впутывать Чарли?

Вдруг его глаза дико сверкнули:

— Чтобы у меня появился хотя бы слабый мотив вернуть тебя назад.

Я судорожно сглотнула. Но после секунды колебания твердо ответила:

— Думаю, лучше я испытаю судьбу.

Он сердито фыркнул и отвернулся.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложила я.

— О чем ты хочешь поговорить? — спросил он. Раздражение еще владело им.

Я посмотрела вокруг, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. Обегая глазами зал, я встретила взгляд Элис, его сестры, — она пристально смотрела на меня. Все остальные смотрели на Эдварда. Я быстро отвернулась и выпалила первое, что пришло на ум:

— Зачем вы на той неделе ездили в Гут Рокс? Охотиться? Чарли сказал, что там не место для прогулок, много медведей.

Он уставился на меня так, словно я не понимала элементарных вещей.

— Медведи! — ахнула я, и он самодовольно усмехнулся. — Но ведь сейчас не сезон, — сурово добавила я, чтобы скрыть шок.

— Не сезон для охотников с ружьями, если внимательно почитать закон, — заметил Эдвард.

Он с удовольствием наблюдал за тем, как я потихоньку переваривала сказанное.

— Медведи, — с усилием повторила я.

— Эмметт больше всего любит гризли— он говорил светским тоном, но приглядывался ко мне очень внимательно. Я постаралась собраться.

— Хм-м, — сказала я, откусывая кусочек пиццы, чтобы иметь возможность отвести глаза. Покончив с пиццей, я взяла стакан с колой и отхлебнула глоток.

— Ну хорошо, — наконец выговорила я и посмотрела ему в лицо. Он был уже не на шутку встревожен. — А что любишь ты?

Он поднял бровь, и уголки его рта опустились в показном неодобрении.

— Горных львов.

— Вот как, — я изобразила вежливую незаинтересованность и снова нашла глазами стакан с колой.

— Разумеется, — продолжил Эдвард, подхватывая мой тон, — мы заботимся о том, чтобы не наносить вреда окружающей среде своей незаконной охотой. Мы ищем территории, перенаселенные хищниками, и ради этого иногда преодолеваем большие расстояния. В таких местах обычно водится много оленей и лосей, и они тоже годятся, но что за радость от такой охоты?

Он дерзко улыбнулся, явно дразня меня.

— Да, в самом деле, — пробормотала я сквозь очередной кусок пиццы.

— У Эмметта любимый сезон — ранняя весна. Медведи только-только выходят из спячки и поэтому страшно раздражительны, — он улыбнулся, вспомнив какую-то шутку.

— Нет большей радости, чем раздраженный гризли, — согласилась я, кивнув.

Он хохотнул и покачал головой.

— Скажи мне, пожалуйста, что ты на самом деле думаешь?

— Я стараюсь представить себе это, но не могу, — призналась я. — Как вы охотитесь на медведей без оружия?

— Ну, оружие-то у нас есть, — он обнажил ярко-белые зубы в быстрой угрожающей улыбке. Я подавила дрожь прежде, чем она выдала меня. — Правда, его не учитывали, когда писали законы об охоте. Если ты когда-нибудь видела по телевизору, как атакует медведь, можешь представить себе Эмметта в этой роли.

Я не смогла унять следующий приступ дрожи, и он пробежал по моей спине вдоль позвоночника. Я украдкой бросила взгляд на Эмметта, который, к счастью, не смотрел на меня. Толстые ленты мускулов, охватывавшие его руки и торс, выглядели теперь еще более угрожающими.

Эдвард проследил мой взгляд и коротко рассмеялся. Я уставилась на него, совершенно обессилев.

— А ты тоже как медведь? — тихо спросила я.

— Нет, как горный лев, — сказал он небрежно. — По крайней мере, мне так говорят. Наверное, наши предпочтения что-то значат.

— Наверное, — повторила я и попыталась улыбнуться. Но в моей голове теснились образы настолько противоречивые, что едва получалось сопоставить их друг с другом. — А я могу на это посмотреть?

— Нет, никогда, — его лицо вдруг побелело сильнее обычного, а взгляд полыхнул яростью. Я отодвинулась, потрясенная и — я никогда бы ему в этом не призналась — испуганная его реакцией. Он тоже откинулся назад и скрестил руки на груди.

— Слишком страшно? — спросила я, когда голос вновь стал меня слушаться.

— Если бы так, я взял бы тебя с нами хоть сегодня, — резко ответил он. — Тебе просто *необходима* хорошая доза здорового страха. Нет ничего полезнее в твоём состоянии.

— Тогда почему? — настаивала я, стараясь не замечать его гнева.

Долго, целую минуту, Эдвард смотрел на меня сердито сверкавшими глазами.

— Потом, — наконец, сказал он и одним гибким движением поднялся на ноги. — Пойдем, а то опоздаем.

Я оглянулась и с изумлением обнаружила, что он прав, и столовая почти пуста. Когда я с ним, пространство и время сливаются в расплывчатое пятно, и я теряю восприятие и того, и другого. Я вскочила и схватила со стула свою сумку.

— Ладно, потом, — согласилась я. Я не забуду.

Глава 11. Осложнения

Весь класс наблюдал, как мы вместе вошли в дверь и направились к лабораторному столу. Я заметила, что Эдвард не стал передвигать стул, чтобы оказаться подальше от меня. Напротив, он сел довольно близко, так, что наши локти почти соприкасались.

Мистер Беннер вскоре появился в классе (умеет же он вовремя готовиться к урокам!), пятясь задом в двери и затаскивая высокую металлическую раму на колесах. На ней стояли довольно древние на вид телевизор и видеоплеер. Будем смотреть кино, — ветерок оживления весело промчался по классу.

Мистер Беннер сунул кассету в сопротивляющийся плеер и выключил свет.

Как только в комнате воцарилась полная темнота, я вдруг с небывалой остротой ощутила присутствие Эдварда, сидящего совсем рядом со мной. Ошеломляющий поток электричества, внезапно пронзивший все тело, заставил меня поразиться: неужели возможно чувствовать его близость сильнее, чем я чувствовала до сих пор? Безумное желание протянуть руку и коснуться его, всего раз в темноте провести пальцами по его прекрасному лицу почти сокрушило мою волю. Плотно сложив руки на груди, я крепко сжала кулаки. Казалось, я вот-вот потеряю рассудок.

По экрану побежали начальные титры, и в комнате стало чуть светлее. Мои глаза сами собой скользнули к нему. Я слабо улыбнулась, увидев, что его поза зеркально повторяет мою — от сложенных на груди рук со стиснутыми кулаками до косящих в мою сторону глаз. Он усмехнулся в ответ, и даже в темноте было видно, как вспыхнул его взгляд. Я быстро, пока

не сбилось дыхание, отвернулась, — не хватало еще упасть в обморок прямо на уроке.

Биология тянулась бесконечно. Я не могла сконцентрироваться на фильме, даже не поняла, о чем он был вообще. Я старалась расслабиться, но тщетно. Поток электричества, который, казалось, шел откуда-то из глубин его тела, не отпускал меня. Иногда я позволяла себе быстрый взгляд в сторону — Эдвард был так же напряжен. Необоримое желание коснуться его не ослабевало, и я с такой силой прижимала к ребрам свои кулаки, что заболели пальцы.

Вздых облегчения вырвался у меня, когда мистер Беннер наконец включил свет. Я вытянула руки и растопырила пальцы, чтобы размять мышцы. Рядом раздался негромкий смешок Эдварда.

— Н-да, забавно... — мрачно пробормотал он с настороженным видом.

— Ум-м, — все, что я могла ответить.

— Ты уверена? — спросил он, поднимаясь с места неуловимым текучим движением.

Я почти застонала — неумолимо надвигалась физкультура. Я осторожно вылезла из-за стола, боясь, что после нового странного проявления нашего взаимного притяжения не удержусь на ногах.

Он молча проводил меня до дверей зала и замер. Я повернулась, чтобы попрощаться. Увидев его лицо, я вздрогнула — смятенное, почти истерзанное, оно было пронзительно, пугающе красиво. Страстное желание коснуться его вспыхнуло с прежней силой. Слова застряли у меня в горле.

Он нерешительно, еще колеблясь, поднял руку — в глазах бушевала буря — и вдруг провел кончиками пальцев вдоль моей щеки от скулы к подбородку. Его прикосновение было ледяным, как и в первый раз, но след, оставленный им, был странно

горячим — словно я обожглась, но не почувствовала боли.

Он молча повернулся и быстро пошел прочь. Как в бреду я двинулась в зал, голова шла кругом. Ноги отнесли меня в раздевалку, все в том же полусне я переоделась, не замечая никого вокруг. Сознание прояснилось только тогда, когда я почувствовала в своих руках ракетку. Она была не тяжелая, но в моей руке — все равно, что граната. Я заметила, как несколько человек в зале с опаской покосились на меня. Мистер Клапп велел разделиться на пары.

К счастью, Майк еще не полностью растерял рыцарское отношение ко мне — он подошел и встал рядом.

— Хочешь, будем играть вместе?

— Спасибо, Майк, но, знаешь, ты совсем не обязан делать это, — я состроила извиняющуюся гримаску.

— Не волнуйся, я буду держаться подальше, — усмехнулся он. Иногда он бывал таким милым.

Но все пошло не так уж гладко. Я каким-то образом умудрилась ударить себя ракеткой по лбу, а затем рикошетом оцарапать плечо Майка.

Остаток урока я провела в дальнем углу площадки, держа ракетку у себя за спиной от греха подальше. Майк, несмотря на полученные раны, держался превосходно и выиграл три гейма из четырех практически в одиночку. Благодаря ему мне поставили за этот урок незаслуженную пятерку.

— Ну, что? — начал он, когда мы шли с площадки.

— Что значит «что»?

— Ты и Каллен, да? — обличающим тоном спросил он. Нежность и благодарность к нему мигом испарились.

— Это не твое дело, Майк, — предупредила я, про себя предрекая Джессике семь кругов ада.

— Мне это не нравится, — упрямо продолжал он.

— Ну и подумаешь! — бросила я.

— Он смотрит на тебя так... так, словно хочет съесть! — закончил он, не обратив внимания на мою резкость.

Со мной едва не случилась истерика, но я задавила ее в зародыше. Только один маленький безумный смешок сумел выпрыгнуть наружу. Майк мрачно посмотрел на меня. Я помахала на прощанье и исчезла в раздевалке.

Я быстро оделась, и что-то более сильное, чем страх, заставляло мое сердце колотиться о ребра. Ссора с Майком уже стала воспоминанием. Я думала, будет ли Эдвард стоять здесь, или придется ждать его возле машины? Что, если его братья и сестры тоже окажутся там? Тут я почувствовала волну настоящего ужаса. Они знают, что я знаю? Они думают, что я знаю то, что они знают, что я знаю, или как?

Выходя из спортивного корпуса, я уже была готова идти домой пешком, даже не взглянув в сторону парковки. Но мое беспокойство оказалось напрасным. Эдвард ждал меня, небрежно прислонившись к стене, его невероятной красоты лицо было спокойным и умиротворенным. Подойдя к нему, я испытала странное чувство облегчения.

— Привет, — выдохнула я, широко улыбнувшись.

— Привет, — он белозубо улыбнулся в ответ. — Как физкультура?

Я слегка помрачнела и соврала:

— Просто отлично.

— В самом деле? — недоверчиво спросил он. Его взгляд слегка переместился за мое плечо, глаза прищурились. Я оглянулась и увидела удаляющуюся спину Майка.

— Что? — резко спросила я.

Он снова смотрел на меня, глаза были какие-то нехорошие.

— Ньютон действует мне на нервы.

— Ты что, опять подслушивал? — меня охватил ужас. Хорошее настроение исчезло без следа.

— Как твоя голова? — с невинным видом спросил он.

— Ты просто невозможен! — Я повернулась и зашагала более-менее в направлении парковки, в душе не исключая, что все-таки пойду пешком.

Он с легкостью меня догнал.

— Ты сама сказала, что я еще не видел тебя на физкультуре, вот мне и стало интересно.

Поскольку он даже не думал раскаиваться, эти слова я проигнорировала.

Мы молча — я не могла выдавить ни слова от гнева и смущения — шли к его машине. Но, не дойдя нескольких шагов, я остановилась: машину окружала толпа мальчишек.

Мгновение спустя я поняла, что объектом их внимания был не «Вольво», а красный кабриолет Розали. В устремленных на машину глазах горело вожделение. Никто даже не взглянул на Эдварда, когда тот проскользнул между ними к своей двери. Я быстро запрыгнула на пассажирское сиденье, также никем не замеченная.

— Шикарно, — тихо пробормотал он.

— Что это за машина? — спросила я.

— МЗ.

— Прости, но это совершенно чуждый мне язык.

— Это BMW, — он закатил глаза. Не глядя на меня, он старался выбраться с парковки так, чтобы не задеть никого из поклонников кабриолета.

Я кивнула — об этой марке я что-то слышала.

— Ты все еще сердисься? — спросил он, виртуозно выруливая на дорожку.

— Разумеется.

Он вздохнул.

— Простишь меня, если я извинюсь?

— Может быть... если не шутишь. *И* если пообещаешь больше так не делать, — железным голосом произнесла я.

Он хитро, как лис, посмотрел на меня и перебил он мою ставку:

— А если я очень искренне извинюсь *и* позволю тебе сесть за руль в субботу?

Я подумала и решила, что это предложение — лучшее из того, на что я могла рассчитывать.

— Идет, — согласилась я.

— Прости за то, что расстроил тебя, — его долгий взгляд, повергший в хаос ритм моего сердца, был сама искренность. Затем он игриво покосился на меня и заявил:

— И ясным ранним утром в субботу я буду у твоего порога.

— Знаешь, Чарли очень удивится, увидев непонятно чей «Вольво» брошенным у своего дома.

Он снисходительно улыбнулся:

— Я и не собирался брать машину.

— Но как...

Он перебил меня:

— Не волнуйся. Я буду без машины.

Я решила не углубляться. У меня был более важный вопрос.

— Скажи, «потом» уже наступило? — со значением спросила я.

Он нахмурился.

— Я думала, сейчас уже «потом», — с непроницаемо-вежливым выражением на лице я ждала его ответа.

Он остановил машину. Я удивленно посмотрела в окно — разумеется, мы уже подъехали к моему дому

и встали позади пикапа. Было гораздо легче ехать с ним, если не смотреть в окно. Я повернулась к нему и встретила его долгий испытующий взгляд.

— Ты все еще хочешь знать, почему тебе нельзя смотреть, как я охочусь? — с мрачноватой серьезностью спросил он, но мне показалось, что в глубине его глаз блеснули веселые искры.

— Признаться, меня больше озадачила твоя реакция, — пояснила я.

— Тебе стало страшно? — он определенно посмеивался надо мной.

— Нет, — солгала я. Но он не купился.

— Извини за то, что напугал тебя, — произнес он с легкой улыбкой, и следы издевки сразу исчезли.

— Просто я представил себе, что ты можешь оказаться там... где мы охотимся.

Он стиснул челюсти.

— Мне пришлось бы плохо?

— Не то слово, — проговорил он сквозь сжатые зубы.

— Потому что...?

Он сделал глубокий вдох и уставился в небо, на давящие клубы тяжелых темных туч, которые, казалось, можно было достать рукой.

— Когда мы охотимся, — медленно, неохотно заговорил он, — Мы забываем о разуме и целиком отдаемся чувствам. Особенно обонянию. Если бы ты оказалась где-нибудь рядом со мной, когда я не контролирую себя...

Он встряхнул головой, по-прежнему угрюмо глядя на серые тучи.

Я не дала дрогнуть ни единому мускулу на своем лице, потому что знала, что сейчас он быстро взглянет на меня — оценить мою реакцию. Мое лицо не выдало ничего.

Но наши взгляды зацепились друг за друга, и молчание стало еще тише — и глубже. Его требовательный упорный взгляд, казалось, заставил воздух потрескивать от знакомого электричества. И только когда все поплыло у меня перед глазами, я осознала, что перестала дышать. Когда я судорожно втянула в себя воздух, нарушая молчание, он закрыл глаза.

— Белла, я думаю, сейчас тебе лучше пойти домой. — Его голос был низким, хриплым, он снова смотрел в небо.

Я открыла дверь, и сухой холодный ветер, ворвавшийся внутрь, привел меня в чувство. Опасаясь, что из-за тумана в голове непременно упаду, я очень аккуратно вылезла из машины и, не глядя назад, захлопнула дверь. Стрекот опускающегося стекла заставил меня остановиться.

— Эй, Белла! — позвал он мне вслед. Голос был уже спокойнее. Он склонился к открытому окну со слабой улыбкой на губах.

— Что?

— Завтра моя очередь.

— Твоя очередь?..

Он улыбнулся шире, зубы сверкнули в полумраке:

— Задавать вопросы.

Он отвернулся, машина резко рванула с места и исчезла за углом прежде, чем я успела собраться с мыслями. Улыбаясь, я зашла в дом. Ясно было, что завтра мы увидимся.

Той ночью Эдвард, как обычно, царил в моих снах, но их атмосфера изменилась. Напоенная колдовским электричеством, непрочная ткань сновидений то и дело рвалась от напряжения, и я всю ночь ворочалась с боку на бок, постоянно просыпаясь. Только ближе к утру удалось провалиться в глухое, тяжелое забытие.

Проснулась я разбитая, но все с тем же ощущением нетерпеливого ожидания, с каким легла спать. Я натянула коричневую водолазку и неизбежные джинсы, вздыхая по открытым топам и коротким шортам. Завтрак, как и ожидалось, прошел тихо и спокойно. Чарли пожарил себе яичницу, я съела чашку овсянки. Казалось, он забыл про субботу. Но он встал из-за стола, понес тарелку в раковину и словно ответил на мой немой вопрос.

— Насчет субботы... — начал он, открывая воду.

Я съежилась.

— Что, пап?

— Ты все еще хочешь ехать в Сиэтл? — спросил он.

— Был такой план.

Я поморщилась. Только бы он не начал расспрашивать, а то придется на ходу сочинять непротиворечивую полуправду. Он выдавил немного жидкого мыла на тарелку и растер его щеткой.

— И ты уверена, что не успеешь вернуться до начала танцев?

— Я не иду на танцы, папа! — я сердито посмотрела на него.

— Тебя разве никто не пригласил? — спросил он, стараясь скрыть озабоченность тщательным мытьем тарелки.

Я обошла ловушку:

— На этот бал девушки сами приглашают парней.

— А-а. — Он нахмурился и взялся за полотенце.

Я посочувствовала Чарли. Должно быть, трудно быть отцом: постоянно боишься, что твоя дочь встретит парня своей мечты, и еще больше боишься, что этого не случится. Он бы испугался до смерти, вздрогнув, подумала я, получи он хоть намек на то, кто нравится его дочери.

Чарли ушел, помахав мне на прощанье рукой. Я пошла наверх, чтобы почистить зубы и собрать книги.

После того, как стих шум отъезжающей патрульной машины, понадобилось подождать всего пару секунд перед тем, как снова выглянуть в окно. Серебристый «Вольво» уже стоял на подъездной дорожке вместо машины Чарли. Я кувырком скатилась по лестнице и выпрыгнула за дверь, размышляя, сколько еще раз мы исполним этот странный утренний ритуал. Хоть бы он стал вечным и неизменным, как восход солнца.

Эдвард ждал в машине. Казалось, он не глядел на меня, пока я закрывала дверь, не потрудившись даже запереть ее на замок. Я подошла к машине и смущенно остановилась, прежде чем залезть внутрь. Он спокойно улыбался мне — как всегда, безупречный и прекрасный, восторг и мука одновременно.

— Доброе утро, — промурлыкал он. — Как себя чувствуешь?

Его глаза изучающе пробежались по моему лицу, словно вопрос содержал в себе нечто большее, чем простую вежливость.

— Хорошо, спасибо.

Мне всегда было хорошо — и даже лучше, чем просто хорошо, — когда он был рядом.

Его взгляд упал на круги у меня под глазами.

— У тебя усталый вид.

— Никак не могла заснуть, — призналась я, неосознанным движением перебрасывая волосы на плечо, чтобы было за чем спрятаться.

— Я тоже, — поддел он меня, заводя двигатель. Я уже начала привыкать к тихому урчанию «Вольво». Наверняка рев мотора пикапа здорово меня напугает, когда придется снова сесть за руль самой.

Я засмеялась.

— Не сомневаюсь. Но все же я спала чуть дольше, чем ты.

— Бьюсь об заклад, что да.

— Так что ты делал этой ночью?

Он засмеялся.

— Даже не думай. Сегодня я задаю вопросы.

— Да, правда. И что ты хочешь узнать?

Я наморщила лоб. Никак не могла понять, что было такого интересного в моей скромной персоне?

— Какой твой любимый цвет? — с убийственной мрачностью спросил он.

Я закатила глаза.

— Каждый день по-разному.

— Какой твой любимый цвет сегодня? — на его лице застыло торжественно-строгое выражение.

— Наверное, коричневый.

Я часто одевалась по настроению.

Он фыркнул, растеряв всякую серьезность.

— Коричневый? — недоверчиво спросил он.

— Конечно. Он теплый. И, знаешь, мне его не хватает. Все, что должно быть коричневым — земля, скалы, стволы деревьев — здесь покрыто какой-то хлюпающей зеленой кашей, — пожаловалась я.

Казалось, мой короткий монолог его очаровал. Он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ты права, — снова серьезно сказал он. — Коричневый действительно теплый.

Он быстро, но все равно как-то нерешительно протянул руку и убрал волосы мне обратно за спину.

Мы уже подъехали к школе. Он развернулся ко мне, загоня машину на парковку.

— Какой диск сейчас у тебя в CD-плеере? — спросил он с таким лицом, словно хотел вырвать у меня признание в убийстве.

Я поняла, что так и не вынула диск, подаренный Филом. Когда я назвала имя группы, он немного странно улыбнулся краем губ и открыл ящик под CD-плеером в машине. Там в страшной тесноте лежали десятка три дисков. Он выудил один и протянул мне.

— Дебюсси и это? — он поднял вверх одну бровь.

Такой же диск, как у меня. Я разглядывала знакомый рисунок на обложке, не поднимая глаз.

Так продолжалось весь день. Провожая меня на английский, встречая после испанского, сидя рядом в столовой, он не переставая расспрашивал обо всех, даже самых незначительных, подробностях моей жизни. Какие фильмы я люблю, а какие терпеть не могу, места, где я побывала и мечтаю побывать, и книги — бесконечно, книги.

Я не помню, когда последний раз мне пришлось так много говорить. Чаще всего я смущалась, уверенная в том, что мои ответы навевают скуку. Но его сосредоточенность и неиссякающий интерес вынуждали меня продолжать. Обычно вопросы были легкими, но некоторые вгоняли меня в краску. Если удавалось поймать меня на этом, Эдвард не трогался с места до тех пор, пока не добирался до сути при помощи нового шквала вопросов.

Например, он спросил меня, какой мой любимый драгоценный камень, и я без размышлений ляпнула: «Топаз». Он сыпал вопросами с такой скоростью, что я не успевала обдумать ответ — словно заставлял пройти психологический тест, когда надо отвечать первое, что приходит в голову. Наверняка он продолжил бы в прежнем темпе — похоже, у него был какой-то список в голове — если бы я не покраснела. Потому что до недавнего времени моим любимым камнем был гранат. Невозможно было, глядя в его глаза цвета жидких топазов, не понять, почему я сбилась. И он терзал меня до тех пор, пока не выжал признание.

— Ну же, говори, — велел он после того, как загипнотизировать меня не удалось (главным образом потому, что я благоразумно отвернулась и не смотрела ему в лицо).

— Твои глаза сегодня такого цвета, — вздохнула я, сдаваясь и неотрывно глядя на свои руки, которые играли с завитком волос. — Наверное, две недели назад я сказала бы «оникс».

Он заставил меня выдать слишком многое, и я боялась, что моя невольная честность вызовет в нем давно знакомый странный гнев. Так бывало всякий раз, когда я забывалась и откровенно показывала, насколько сильно увлечена им.

Но пауза оказалась очень короткой.

— Какие цветы ты любишь? — выпалил он.

Я вздохнула с облегчением, и игра в психоанализ продолжилась.

Биология снова оказалась мучением. Эдвард продолжал свои расспросы до тех пор, пока мистер Беннер не вошел в класс, опять волоча за собой видеосистему. Когда учитель подошел к выключателю, Эдвард быстро отодвинул свой стул подальше от меня. Но это не помогло. Как только комната погрузилась в темноту, та же невидимая электрическая дуга пролегла между нами, и неумолимое страстное желание протянуть руку и коснуться его холодной кожи скрутило меня вновь.

Я склонилась вперед и опустила подбородок на сплетенные руки. Спрятав таким образом пальцы, я крепко вцепилась в край стола. Это позволяло не поддаваться неразумным импульсам, бередившим душу. Я не смотрела на него, так как боялась, что встречу его взгляд, и это усугубит проблему. Я честно пыталась сосредоточиться на фильме, но к концу урока опять не могла вспомнить, о чем он был. Когда мистер Беннер включил свет, я опять, как вчера, вздохнула с облегчением и наконец взглянула на Эдварда — в его глазах отражалась борьба противоречий.

Он молча поднялся и стоял неподвижно, ожидая меня. Мы молча дошли до спортзала. И, как вчера,

он без слов коснулся моего лица — на этот раз провел тыльной стороной руки от виска к подбородку — повернулся и пошел прочь.

Физкультура прошла быстро — снова Майк показывал «театр одного актера», играя за двоих. Сегодня он не заговаривал со мной, то ли из-за отсутствующего выражения моего лица, то ли еще злился на меня за вчерашнее. Где-то в уголке сознания тлело раскаяние, но мне было не до Майка.

Я поспешила в раздевалку и лихорадочно переоделась, понимая, что чем быстрее я буду двигаться, тем быстрее окажусь рядом с Эдвардом. Разумеется, в спешке я стала еще более неуклюжей, чем обычно. Наконец я все-таки вывалилась за дверь. Он, как вчера, стоял на том же месте, и дурацкая улыбка снова расползлась во всю ширь моего лица. Он улыбнулся в ответ, а потом возобновил допрос.

Теперь вопросы стали другими, на них было сложнее ответить. Он хотел знать, как именно я скучаю по дому, чего из прежней жизни мне не хватает, требовал подробных описаний. Мы долго сидели в машине перед домом Чарли, небо успело потемнеть, и неожиданный дождь забарабанил по крыше.

Я старалась описать невозможное: запах креозота — горьковатый, немного смолистый, но очень приятный, острый треск цикад в июле, легкую перистую сухость древесных ветвей, саму огромность белоголубого покрова небес, раскинутого от горизонта до горизонта и лишь кое-где пронзенного невысокими шпильями пурпурных вулканических скал. Труднее всего было объяснить, почему все это так прекрасно, почему так действует на меня — оправдать красоту, не связанную со скудной, колючей, часто полумертвой растительностью. Красоту, суть которой — скорее в самой обнаженности формы земли, открыто тянущейся к солнцу своими неглубокими чашами долин

и скалистыми холмами. Я поймала себя на том, что использую жесты, стараясь точнее донести до него свои мысли.

Его спокойные пытливые расспросы наконец развязали мой язык, и я заговорила свободно, забыв о смущении от того, что весь разговор вертелся вокруг меня. Но вот, когда я окончила детальное описание своей вечно неприбранной комнаты в Финиксе, он не задал очередного вопроса.

— Ты закончил? — с облегчением спросила я.

— Даже до середины еще не дошел. Просто твой отец скоро будет дома.

— Чарли! — я неожиданно вспомнила о его существовании и вздохнула. Я взглянула в темное от дождя небо, но оно молчало.

— Ого, как поздно! — вслух удивилась я, посмотрев на часы.

Поразительно, как долго мы проговорили — Чарли уже должен был вот-вот приехать домой.

— Сумерки, — тихо проговорил Эдвард, глядя на западный горизонт, затянутый темными тучами. Его голос был задумчив — мыслями он витал где-то далеко, устремив вперед невидящий взгляд.

Я не отрываясь смотрела на него. Он вдруг обернулся ко мне.

— Для нас это самое безопасное время суток, — сказал он, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Самое легкое время. Но в каком-то смысле и самое печальное. Еще один день закончился, и снова наступает ночь. Темнота так предсказуема, правда?

Он тоскливо улыбнулся.

— Я люблю ночь. Если бы все время было светло, мы никогда не увидели бы звезды. — Я нахмурилась. — Хотя здесь их все равно почти не видно.

Он засмеялся, и атмосфера внезапно разрядилась.

— Чарли будет здесь с минуты на минуту. Поэтому, если ты не хочешь дать ему понять, с кем проведешь субботу... — он поднял одну бровь.

— Нет уж, увольте. — Я подхватила книги, почувствовав, как онемело все тело от долгой неподвижности. — Так значит, завтра моя очередь?

— Конечно, нет! — он изобразил шутливое негодование. — Я же говорил, что еще не закончил!

— Ну о чем еще можно меня спрашивать?

— Завтра узнаешь.

Он протянул руку к моей двери, чтобы открыть ее, и его неожиданная близость заставила мое сердце выделять сумасшедшие кульбиты.

Но его рука так и застыла на ручке двери.

— Вот черт, — тихо пробормотал он.

— Что случилось? — я с удивлением увидела, как его челюсти сжались, а глаза зажглись беспокойным огнем.

Он коротко взглянул на меня и мрачно ответил:

— Просто еще одна проблема.

Быстрым движением он распахнул дверь и резко отпрянул назад.

Свет фар, вспыхнувший сквозь пелену дождя, привлек мое внимание, и какая-то темная машина припарковалась у бордюра напротив нас.

— Чарли уже за углом, — предупредил Эдвард, неподвижно глядя на эту неизвестную машину сквозь мутный поток воды на ветровом стекле.

Я мигом выпрыгнула наружу, несмотря на смущение и любопытство. Дождь громко забарабанил по моей куртке.

Я постаралась разглядеть силуэты на переднем сидении той машины, но было слишком темно. Я видела Эдварда, ярко освещенного встречным светом фар — он не двигался и упорно смотрел вперед, не сводя глаз с кого-то или чего-то, что я не могла

различить в темноте. На его лице застыла странная смесь вызова и безысходности. Затем он завел двигатель, раздался скрип мокрого гравия под колесами, и за пару секунд «Вольво» скрылся из виду.

— Привет, Белла! — водитель черной машины позвал меня знакомым хрипловатым голосом.

— Джейкоб? — спросила я, вглядываясь в мутную пелену дождя. И в этот момент патрульная машина Чарли вылетела из-за угла, и ее фары осветили место действия.

Джейкоб уже вылезал наружу, мерцая в темноте широкой улыбкой. На пассажирском сидении остался грузный мужчина постарше. Его лицо было из тех, что не забудешь, хоть раз увидев: широкое, красновато-коричневое, покрытое глубокими морщинами, как старая кожаная куртка, оно словно растекалось в стороны, так что щеки казались продолжением плеч. А главное — поразительно знакомые черные глаза, одновременно слишком юные и слишком древние для человека этого возраста. Отец Джейкоба, Билли Блэк. Я моментально узнала его. Хотя за те пять лет, что мы с ним не виделись, я умудрилась забыть даже его имя. Он пристально смотрел на меня, изучая мое лицо, и я попробовала улыбнуться. Его глаза были широко раскрыты, словно от страха или потрясения, ноздри трепетали. Моя улыбка погасла.

Еще одна проблема, сказал Эдвард.

Билли не сводил с меня напряженного тревожного взгляда. Я про себя застонала. Мог ли Билли узнать Эдварда в такой темноте? Верил ли он в сказки, над которыми смеялся его сын? Ответ ясно читался во взгляде старого индейца. Да. Конечно же, да.

Глава 12. Точка равновесия

— Билли! — воскликнул Чарли, выходя из машины.

Я повернулась к дому и взбежала на крыльцо, жестом пригласив Джейкоба под крышу. За своей спиной я слышала голос Чарли, громко приветствовавшего обоих гостей.

— Я притворюсь, что не заметил тебя за рулем, Джейк, — неодобрительно сказал он.

— Мы в резервации рано получаем права, — ответил тот, пока я открывала дверь и включала свет над крыльцом.

— Ну разумеется, — засмеялся Чарли.

— Надо же мне *как-то* передвигаться! — несмотря на прошедшие годы, я легко узнала гулкий голос Билли. Казалось, его звуки возвращали меня в детство.

Я вошла внутрь, не закрывая двери, включила свет в коридоре и повесила куртку. Потом, выйдя на крыльцо, с некоторой тревогой наблюдала, как Чарли и Джейкоб переносят Билли из машины в инвалидное кресло.

Я посторонилась, пропуская их, а они ввалились в дом, разбрызгивая вокруг себя капли дождя.

— Какой сюрприз, — сказал Чарли.

— Да уж, долгонько не видались, — ответил Билли. — Надеюсь, не помешаем?

Он снова стрельнул в мою сторону непроницаемыми темными глазами.

— Да нет, конечно, я страшно рад. Надеюсь, вы останетесь посмотреть игру?

Джейкоб усмехнулся.

— Думаю, это и был наш план. У нас на прошлой неделе как раз телевизор сломался.

Билли грозно посмотрел на сына.

— И, разумеется, Джейкоб очень рвался увидеть Беллу, — добавил он.

Джейкоб сердито глянул на отца и повесил голову, а я ощутила укол совести. Кажется, тогда на пляже я несколько переиграла.

— Хотите перекусить? — спросила я, направляясь на кухню. Очень хотелось сбежать куда-нибудь от настойчивых взглядов Билли.

— Не-а, мы поели как раз перед тем, как ехать к вам, — ответил Джейкоб.

— А ты, Чарли? — спросила я через плечо, поворачивая за угол на кухню.

— Разумеется, — ответил он. Его голос двигался в сторону гостиной, где стоял телевизор. Скрип кресла Билли перемещался следом.

Сандвичи с жареным сыром уже лежали на сковородке, а я нарезала помидор, когда кто-то неожиданно возник у меня за спиной.

— Ну что, как дела? — спросил Джейкоб.

— Очень хорошо, — улыбнулась я. Он был явно рад встрече, и это было очень заразительно. — А ты как? Уже собрал машину?

— Нет, — он нахмурился. — Пока не хватает деталей. Эту мы одолжили.

Он ткнул большим пальцем в сторону двора.

— Извини. Нигде не встретила этого... что ты там искал?

— Центральный цилиндр, — он усмехнулся. — Пикап что, сломался? — неожиданно добавил он.

— Нет.

— Я спросил, потому что ты не на нем приехала.

Я перевела взгляд на сковородку и подняла сандвич за краешек, чтобы посмотреть, насколько прожарилась нижняя сторона.

— Меня подвез приятель.

— У него отличная тачка! — в голосе Джейкоба звучало восхищение. — Хотя я не понял — кто был за рулем? Я думал, что в этом городе всех ребят знаю.

Я неопределенно кивнула, внимательно поглядывая на сэндвичи.

— Папа, кажется, откуда-то знает его.

— Джейкоб, ты не мог бы дать мне пару-тройку тарелок? Они в шкафчике над раковиной.

— Конечно.

Он молча достал тарелки. Я надеялась, что он не станет возвращаться к теме.

— Так кто это был? — спросил он, поставив две тарелки на столешницу рядом со мной.

Я вздохнула и сдалась.

— Эдвард Каллен.

К моему удивлению, он рассмеялся. Я заглянула снизу вверх ему в лицо — он был слегка растерян.

— Кажется, теперь все ясно, — сказал он. — А то никак не мог понять, почему отец повел себя так странно.

— Ну да, — я напустила на себя невинный вид. — Он же не любит Калленов.

— Суеверный старик, — чуть слышно пробормотал Джейкоб.

— Как ты думаешь, он расскажет Чарли? — не удержалась я. Слова сами вылетели изо рта тихой скороговоркой.

Джейкоб секунду неподвижно смотрел на меня, и мне не удалось определить выражение его темных глаз.

— Вряд ли, — наконец, проговорил он. — Думаю, Чарли проел его до печенок в прошлом споре. С тех пор они почти не разговаривали, а сегодня вроде как помирились. Едва ли он захочет снова поднимать эту тему.

— А, тогда ладно, — ответила я, стараясь не выдать заинтересованности.

Я принесла Чарли бутерброды и осталась в гостиной, делая вид, что смотрю телевизор. Хотя Джейкоб развлекал меня болтовней, на самом деле я прислушивалась к разговору мужчин. Я рассчитывала вмешаться при первом же намеке на то, что Билли готов меня выдать.

Это был бесконечный вечер. Пришлось пожертвовать кучей домашних заданий, которые так и остались несделанными, но я боялась оставить Билли наедине с Чарли. Наконец, игра закончилась.

— Вы с друзьями не собираетесь снова навестить побережье? — спросил Джейкоб, поднимая отца на переднее сиденье.

— Не знаю, — уклончиво ответила я.

— Отличная была игра, Чарли! — сказал Билли.

— Приходите на следующую, — пригласил Чарли.

— Конечно, конечно, — ответил Билли. — Будем обязательно. Спокойной ночи. Его глаза скользнули ко мне, и улыбка исчезла.

— Береги себя, Белла, — серьезно добавил он.

— Спасибо, — ответила я, глядя в сторону.

Я пошла было к себе наверх, пока Чарли махал гостям с крыльца.

— Постой, Белла! — вдруг окликнул он меня.

Я сжалась. Неужели Билли успел что-то сказать ему, пока я готовила сэндвичи?

Но Чарли был спокоен и расслаблен, он улыбался после приятных гостей.

— Мы с тобой сегодня еще не разговаривали. Как прошел день?

— Хорошо. — Поставив ногу на первую ступеньку лестницы, я вспоминала события сегодняшнего дня, выбирая что-то, чем могла бы поделиться. — Моя команда выиграла в бадминтон четыре раза.

— Ух ты, а я не знал, что ты умеешь играть в бадминтон.

— Я и не умею, это мой партнер играл за двоих, — призналась я.

— А кто твой партнер? — спросил он с деланным интересом.

— Хмм... Майк Ньютон, — неохотно ответила я.

— Ах да, ты же говорила, что подружилась с младшим Ньютоном. — Он оживился. — Прекрасная семья. — С минуту он молчал, размышляя о чем-то. — А почему ты не пригласила его на танцы?

— Папа! — простонала я. — Он вообще-то встречается с моей подругой Джессикой. Кроме того, ты же знаешь, я не танцую.

— А, ну да, — пробормотал он. Потом виновато улыбнулся. — Знаешь, хорошо, что ты поедешь в субботу развлекаться. Я тут договорился на работе с парнями пойти порыбачить. Обещают, что будет очень тепло. Но если вдруг ты отложишь поездку, чтобы кто-нибудь мог присоединиться к тебе в следующие выходные, я останусь дома. Слишком уж часто я оставляю тебя тут совсем одну.

— Папа, не волнуйся, ты прекрасный отец, — я улыбнулась, надеясь не выдать своего облегчения. — Я совершенно не страдаю от одиночества — в этом мы с тобой даже слишком похожи.

Я подмигнула ему, и на его лице появилась лучистая улыбка.

В ту ночь я спала гораздо лучше — наверное, от усталости.

Я проснулась в блаженном настроении, за окном стояло жемчужно-серое утро. Напряженный вечер с Билли и Джейкобом казался сейчас безобидной чепухой, и я решила его просто забыть. Я поймала себя на том, что то и дело принималась

насвистывать — убирала ли я волосы со лба заколкой или бежала вниз по лестнице. Чарли отметил это.

— У тебя сегодня отличное настроение, — сказал он за завтраком.

Я пожала плечами.

— Сегодня же пятница.

Я страшно спешила, готовая выскочить из дому через секунду после того, как уедет Чарли. Сложила сумку, надела туфли, почистила зубы, но, хотя оказалась снаружи сразу же, как только Чарли скрылся за горизонтом, Эдвард все равно меня опередил. Серебристая машина уже стояла у дома, окна опущены, двигатель выключен.

На этот раз я не колебалась ни минуты и быстро залезла внутрь, желая поскорее увидеть его лицо. Он улыбался одним уголком рта, и от этой улыбки у меня перехватило дыхание. Как ангелы небесные могут быть прекраснее? Я не находила в нем ничего, что несло бы на себе печать земного несовершенства.

— Как спала? — спросил он. Интересно, сам он понимает, какой чарующей силой обладает его голос?

— Отлично. А как ты провел ночь?

— С удовольствием, — в его улыбке таилась легкая насмешка — словно какая-то шутка ускользала от моего понимания.

— Можно спросить, чем ты занимался?

— Нет, — он усмехнулся. — Сегодня *мой* день.

Теперь он расспрашивал меня о людях. О Рене, ее хобби, о том, чем мы с ней занимались в свободное время. О единственной бабушке, которую я знала, о моих немногих школьных друзьях, о мальчиках, с которыми я встречалась. Отвечая на этот вопрос, я смутилась, но, так как я не встречалась ни с кем, эта часть разговора оказалась короткой. Как Джессика

и Андже́ла до него, он изумился скудости моего романтического опыта.

— Ты никогда не встречалась с тем, с кем хотела? — серьезным тоном спрашивал он меня, а я гадала, о чем он думал на самом деле.

— В Финиксе — нет, — неохотно призналась я.

Его губы тут же сжались в линию.

К этому моменту мы уже сидели в столовой. День прошел в угаре, который начал становиться чем-то привычным. Я воспользовалась короткой паузой в потоке вопросов и откусила кусок бублика.

— Тебе придется самой доехать до дома, — объявил он вдруг ни с того ни с сего, пока я пережевывала добычу.

— Почему? — возмутилась я.

— После обеда я уезжаю с Элис.

— А-а. Понятно, — я моргнула, сбита с толку и разочарованная. — Ладно, тут идти недалеко.

Он нетерпеливо нахмурился.

— Никто не заставляет тебя идти домой пешком. Мы съездим за пикапом, подгоним его и оставим возле школы.

— У меня нет с собой ключей, — вздохнула я. — Мне правда несложно прогуляться.

Что было сложно — так это расстаться с ним.

Он покачал головой.

— Твой пикап будет на стоянке, а ключ — в замке зажигания. Если, конечно, ты не боишься, что его кто-нибудь угонит, — он засмеялся при мысли об этом.

— Ну ладно, — согласилась я, поджав губы.

Я была совершенно уверена, что ключи лежат в кармане моих джинсов, которые я носила в среду, а джинсы — под кучей грязного белья возле стиральной машины. Даже если он проникнет в дом, он никогда их не найдет. Кажется, он почувствовал вызов

и самодовольно усмехнулся, уверенный в себе, как никогда.

— И куда же вы поедете? — спросила я со всей небрежностью, на какую была способна.

— На охоту, — мрачно ответил он. — Если мы с тобой завтра останемся наедине без свидетелей, надо принять все меры предосторожности. — Его лицо вдруг стало угрюмым и... каким-то умоляющим: — Ты можешь передумать, сама знаешь.

Я опустила глаза, страшась гипнотической силы его взгляда. Я не хотела, чтобы он внушал мне страх перед собой, независимо от того, насколько велика была реальная опасность. *Это не важно*, повторяла я про себя.

— Нет, — прошептала я, снова взглянув ему в лицо. — Не могу.

— Возможно, ты и права, — тихо и сурово ответил он. Мне показалось, что его глаза потемнели.

Я решила сменить тему.

— Когда ты завтра приедешь? — спросила я, подавленная мыслью о том, что он вот-вот покинет меня.

— Это зависит от тебя. Завтра суббота, не хочешь поспать подольше? — предложил он.

— Нет, — ответила я. Он спрятал улыбку.

— Тогда как обычно, — решил он. — Чарли будет дома?

— Нет, завтра он уезжает на рыбалку.

Я просияла при мысли о том, как чудесно все сложилось.

— А если ты не приедешь домой, что он подумает? — резко спросил он.

— Понятия не имею, — холодно ответила я. — Я сказала ему, что останусь дома и буду стирать. Может быть, он решит, что я упала в стиральную машину.

Мы сурово уставились друг на друга. Его гневный взгляд, надо признать, был гораздо более впечатляющим.

— На кого будете охотиться? — спросила я, когда поняла, что эту игру проиграла.

— Неважно, выследим кого-нибудь в ближайшем лесу, далеко не поедем, — кажется, он был слегка ошарашен столь небрежным упоминанием тайной стороны его жизни.

— Почему ты едешь с Эллис? — поинтересовалась я.

— Она — самая... понимающая.

Он нахмурился.

— А остальные? — робко спросила я. — Они какие?

На мгновение он сморщил лоб.

— В массе своей настроены скептически.

Я быстро глянула на членов его семьи. Они сидели за столом и смотрели в разные стороны, как в первый раз, когда я их увидела. Только теперь их было четверо — их прекрасный медноволосый брат сидел рядом со мной, и в его золотистом взгляде сквозила тревога.

— Я им не нравлюсь, — догадалась я.

— Не в этом дело, — возразил он, сделав подозрительно невинные глаза. — Они не могут понять, почему бы мне просто не оставить тебя в покое.

Я скорчила рожицу.

— Кстати, я тоже.

Эдвард медленно покачал головой и закатил глаза к потолку.

— Я же говорил тебе, ты совсем не видишь себя со стороны. Ты ни на кого не похожа. Ты меня очаровываешь.

Я рассердилась — опять он дразнился.

Он расшифровал выражение моего лица и улыбнулся.

— Принимая во внимание мои возможности, — тихо проговорил он, скромно касаясь своего лба, — могу предположить, что я обладаю более богатым пониманием человеческой натуры, чем большинство окружающих. Люди предсказуемы. Но ты... ты никогда не делаешь того, чего я от тебя жду. Тебе всегда удастся застать меня врасплох.

Я смотрела в сторону, мои глаза то и дело возвращались к его родным. Я была расстроена и смущена. Он говорил обо мне как об объекте научного наблюдения. Мне захотелось посмеяться над собой за то, что я ожидала чего-то большего.

— Этот аспект, положим, объяснить довольно легко, — продолжал он.

Я чувствовала его взгляд на своем лице, но у меня не было сил посмотреть ему в глаза — я боялась показать ему свое разочарование.

— Но есть еще что-то, и это что-то трудно выразить словами...

Пока он говорил, я не сводила взгляд с Калленов. Неожиданно Розали, его ослепительно красивая светловолосая сестра, повернулась и посмотрела на меня. Не просто посмотрела — обожгла гневным взглядом холодных черных глаз. Я хотела отвернуться, но не смогла — ее взгляд не отпускал меня до тех пор, пока Эдвард, бросив предложение на полуслове, не издал какой-то еле слышный сердитый шипящий звук.

Розали повернула голову, и я наконец освободилась. Я посмотрела на Эдварда — он не мог не заметить смущения и страха в моих широко раскрытых глазах.

С застывшим лицом он проговорил:

— Извини, она просто очень нервничает. Видишь ли... все это может иметь дурные последствия не только для меня. После того, как мы с тобой привлекли к себе столько внимания...

Он опустил глаза.

— Если?

— Если это... плохо кончится.

Он закрыл лицо ладонями, как тогда, в Порт-Анджелесе. Его страдание было настолько явным, что мне захотелось как-то утешить его, но я совершенно растерялась. Я невольно протянула руку и тут же опустила ее на стол, из боязни, что мое прикосновение только ухудшит дело. Постепенно до меня дошло, что его слова должны были напугать меня. Я ждала, когда придет страх, но все, что я чувствовала, была только боль — его боль, ставшая моей.

А еще я чувствовала досаду на Розали, которая прервала его в тот момент, когда он собирался сказать что-то важное. Я не знала, как опять навести его на этот разговор. Он по-прежнему сидел, закрыв лицо руками.

— Тебе, наверное, уже пора, — я постаралась говорить обычным тоном.

— Да.

Он поднял голову и еще мгновение оставался серьезен. Затем его настроение изменилось, и он улыбнулся:

— Это все к лучшему. Иначе пришлось бы выдержать еще пятнадцать минут этого дурацкого фильма на биологии, а у меня больше нет на это сил.

Я вздрогнула. За спиной Эдварда неожиданно появилась Элис. Короткие черные волосы, небрежно торчавшие в разные стороны, ореолом окружали ее утонченно-красивое лицо эльфа. Стройная, как деревце, она была грациозна даже в полной неподвижности.

Он, не оглядываясь, поздоровался с ней.

— Здравствуй, Элис.

— Здравствуй, Эдвард, — ответила она высоким сопрано, звучащим почти так же красиво, как голос

ее брата.

— Элис — Белла, Белла — Элис, — представил он нас друг другу небрежным жестом руки и криво улыбнулся.

— Здравствуй, Белла. — Мне не удалось понять, что отражалось в блестящих обсидианово-черных глазах, но улыбка была дружественной. — Рада наконец-то познакомиться с тобой.

Эдвард бросил на нее тяжелый взгляд.

— Привет, Элис, — робко пролепетала я в ответ.

— Ты готов? — спросила она его.

— Почти. Подожди меня в машине. — Его голос звучал отчужденно.

Не сказав больше ни слова, она удалилась. Ее движения были гибки и текучи, как вода. Я почувствовала острый укол зависти.

— Можно сказать «желаю повеселиться», или это не соответствует моменту? — спросила я, повернувшись к нему.

— Наверное, для такого момента не придумано подходящего пожелания, так что «желаю повеселиться» вполне сойдет, — он широко ухмыльнулся.

— Тогда желаю как следует повеселиться.

Я постаралась, чтобы это прозвучало искренне, но его не проведешь.

— Постараюсь, — ухмылка осталась на месте. — А ты постарайся не вляпаться ни в какие неприятности.

— Не вляпаться в неприятности в Форксе — невозможное дело.

— Для тебя это действительно невозможное дело, — он посуровел. — Обещай мне.

— Я обещаю, что постараюсь не вляпаться ни в какие неприятности, — торжественно

провозгласила я. — Я вечером буду стирать — смертельно опасное занятие.

— Не упади в стиральную машину, — поддел меня он.

— Приложу все усилия.

Он поднялся, и я тоже встала со своего места.

— До завтра, — вздохнула я.

— Для тебя это целая вечность, да? — задумчиво проговорил он.

Я уныло кивнула.

— Утром я буду на месте, — пообещал он, улыбнувшись одним краем губ. Он протянул руку и кончиками пальцев провел вдоль моей щеки, как в прошлый раз. Затем развернулся и ушел прочь. Я проводила его глазами.

Я чувствовала безумное искушение прогулять весь остаток дня или хотя бы физкультуру, но какой-то внутренний голос остановил меня. Я поняла, что если сейчас исчезну, Майк и остальные решат, что я с Эдвардом. А Эдвард и так беспокоился, что мы у всех на виду... Если все плохо кончится... Я запретила себе думать об этом. Надо отвести все возможные подозрения от него.

Интуитивно я знала (и чувствовала — он тоже знал), что завтрашний день должен был стать решающим. Наши отношения не могли бесконечно балансировать на острие ножа. Нам неизбежно придется скатиться на ту или другую сторону. Все зависело теперь от Эдварда, от его решения — или от его инстинктов. Я свое решение уже приняла, приняла, не успев даже сделать сознательный выбор, и отступить не собиралась. Потому что ничто не пугало меня сильнее, ничто не причиняло горшей муки, чем мысль о расставании с ним. Для меня эта возможность была закрыта.

Из чувства долга я пошла на биологию. Не могла бы сказать уверенно, что было в тот день на уроке — мои мысли целиком занимало то, что будет завтра.

На физкультуре Майк снова заговорил со мной — пожелал удачной поездки в Сиэтл. Я осторожно объяснила, что никуда не поеду, потому что пикап, кажется, не совсем здоров.

— Так ты пойдешь на танцы с Каленом? — неожиданно кислым голосом спросил он.

— Нет, на танцы я тоже не пойду.

— Что же ты тогда будешь делать? — он выглядел весьма заинтересованным.

Я подавила естественное желание отбрить его, сказав, что он лезет не в свое дело, но вместо этого придумала вдохновенную версию:

— Займусь стиркой, а в перерывах буду готовиться к контрольной по тригонометрии. Иначе я просто получу по ней «двойку».

— А Каллен будет тебе помогать?

— *Эдвард*, — я особо выделила голосом это слово, — мне помогать не будет. Он уезжает куда-то на все выходные.

Получилось настолько натурально, что я просто поразились.

— Ах, вот как! — он воспрянул духом. — Знаешь, можешь все равно пойти на танцы с нами со всеми, будет просто здорово. Мальчики будут танцевать с тобой по очереди, — пообещал он.

Перед моим внутренним взором предстала Джессика, и я резковато ответила:

— Майк, я *не* иду на танцы, договорились?

— Ладно, — он снова скис. — Я же просто предложил.

Когда школьный день наконец закончился, я без энтузиазма пошла на парковку. Не то чтобы мне сильно хотелось идти домой пешком — я просто не понимала,

как они смогут пригнать сюда пикап. Но в глубине души я верила, что для него нет ничего невозможного.

Вера не подвела — пикап стоял на том же месте, куда он поставил «Вольво» этим утром. Дверь была открыта, ключ торчал в замке зажигания. Я потрясла головой — наваждение какое-то. На водительском сидении лежал свернутый пополам клочок белой бумаги. Я залезла внутрь и закрыла дверь, прежде чем развернуть записку. Там было всего два слова, написанных его элегантным почерком: «Береги себя».

Двигатель завелся с таким рыком, что я вздрогнула. Самой стало смешно.

Когда я вернулась домой, дверь оказалась просто захлопнута, но не закрыта на замок — все было точно так, как я оставила этим утром. Я вошла и направилась прямо к подвал, где у нас стояла стиральная машина. Там тоже ничего не изменилось. Порывшись в куче белья, я достала джинсы — карманы были пусты. Может быть, я все-таки повесила ключ на крючок, подумала я, покачав головой.

Под влиянием того же вдохновения, которое помогло мне в разговоре с Майком, я позвонила Джессике под предлогом пожелать ей удачно провести завтрашний вечер. Она, как и Майк, предложила мне пойти на танцы с Эдвардом. Как и Майку, я изложила ей версию с отменой поездки. Кажется, она была разочарована гораздо сильнее, чем было бы естественно для незаинтересованного лица. Я быстро попрощалась.

Чарли за ужином выглядел рассеянным. Может быть, что-то случилось на работе, может быть, он переживал за результат баскетбольного матча, а может, просто наслаждался вкусом лазаньи — с Чарли никогда не знаешь наверняка.

— Знаешь, пап... — начала я, вторгаясь в его грезы.

— Что такое, Белла?

— Я подумала, ты был прав насчет Сиэтла. Пожалуй, я подожду, пока Джессика или кто-нибудь еще не сможет поехать со мной.

— Вот как? — удивился он. — Может, мне тогда остаться?

— Нет, пап, не надо менять планы. У меня полно дел. Домашняя работа, стирка... Еще надо сходить в магазин и в библиотеку. Я буду страшно занята весь день, а ты поезжай, куда тебе хочется.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Кроме того, в морозильнике угрожающе понизился уровень рыбы — нам хватит на два, от силы на три года.

— Ты — просто подарок, Белла.

— Ты тоже, — засмеялась я. Мой смех звучал странновато, но он не обратил внимания. Мне было так стыдно его обманывать, что еще чуть-чуть — и я последовала бы совету Эдварда и рассказала ему, куда и с кем поеду на самом деле. Еще чуть-чуть.

После обеда я свернула высохшие вещи и закинула в сушилку следующую партию.

К несчастью, эта работа занимала руки, но не голову, и мой разум, оставшись без дела, начал выходить из-под контроля. От исступленного предвкушения, граничащего с настоящим страданием, я незаметно сползала к приступам коварного страха, подтачивавшего мою отвагу. Мне приходилось постоянно напоминать себе, что я приняла решение и не намерена от него отступить. Я то и дело доставала из кармана его маленькую записку и впивалась глазами в два коротких слова, написанных его рукой. Он хочет, чтобы я берегла себя, чтобы со мной ничего плохого не случилось, снова и снова говорила я себе. Мне надо просто верить в то, что это желание в конце концов победит все остальные. И что мне еще оставалось — выбросить его из своей жизни?

Я этого не выдержу. Мне иногда казалось, что, с тех пор как я приехала в Форкс, все мое существование сосредоточилось вокруг него.

Но тоненький голосок где-то в глубине сознания волновался: интересно, если все это... плохо кончится, мне будет *очень* больно?

Даже этот бесконечный вечер подошел к тому моменту, когда можно было без особого внутреннего протеста отправиться спать. Я понимала, что едва ли смогу уснуть из-за нервного напряжения, и сделала то, чего никогда не делала раньше. Я приняла лекарство от простуды, которое обычно вырубало меня на добрых восемь часов. Подобные поступки были мне совершенно несвойственны, но я подумала, что завтрашний день и так будет сложным, так не хватало еще и носом клевать от недосыпа.

В ожидании, когда начнет действовать лекарство, я разгладила свои чистые волосы до идеально прямого состояния и прикинула, что я завтра надену. Наконец, все было готово, и я легла в постель. Меня била нервная дрожь от перевозбуждения. Тогда я встала, порылась в коробке из-под обуви, где хранила свои диски, и нашла сборник ноктюрнов Шопена. Я включила музыку и снова легла в постель, старательно расслабляя по очереди разные части тела. Где-то в середине этого упражнения навалилась сонливость, и я с охотой провалилась в забытие.

Благодаря лекарству я спала крепко, без снов. Проснулась я довольно рано и, хотя хорошо отдохнула за ночь, тут же вернулась во вчерашнее состояние лихорадочного перевозбуждения. Я очень быстро оделась, разгладила воротничок на шее и поправила бежевый свитер так, чтобы он красиво лег поверх джинсов. Затем тайком бросила взгляд в окно, чтобы убедиться, что Чарли уже уехал. Тонкие ватные тучки

бежали по небу, но вряд ли они явились всерьез и надолго.

Я съела завтрак, не чувствуя вкуса пищи, и в спешке вымыла посуду. Я снова выглянула в окно, но там ничего не изменилось. Только-только я почистила зубы и уже собиралась спуститься вниз, как раздался тихий стук в дверь. Мое сердце начало с глухим стуком биться о ребра.

Я подлетела к двери и не сразу справилась с простым замком. Наконец, дверь распахнулась — он стоял на пороге. При взгляде на его лицо лихорадочное возбуждение тут же испарилась, и на меня нахлынуло ощущение покоя. Я вздохнула с облегчением — когда он был рядом, вчерашние страхи казались такими дурацкими.

Когда я открыла дверь, вид у Эдварда был мрачноватый, но, стоило ему взглянуть на меня, как его лицо просветлело.

— Доброе утро! — со смехом произнес он.

— Что случилось? — я посмотрела вниз, чтобы убедиться, не забыла ли я чего-нибудь важного, например, застегнуть джинсы.

— Мы одинаковые, — он снова засмеялся.

Я вдруг заметила, что на нем тоже длинный тонкий бежевый свитер, из-под которого высывался белый воротничок рубашки, и синие джинсы. Я смеялась вместе с ним, скрыв укол тайной досады: ну почему только он выглядел при этом, как модель на подиуме?

Он пошел к пикапу, а я закрыла дверь на замок. Он ждал меня возле пассажирской двери с мученическим выражением на лице — нетрудно было догадаться, почему.

— Сделка есть сделка, — самодовольно напомнила я, залезая на водительское сидение и открывая ему замок двери. — Куда едем?

— Пристегнись — а то я уже нервничаю.

Я бросила на него уничижительный взгляд и подчинилась.

— Куда едем? — повторила я со вздохом.

— Сто первое шоссе, на север, — скомандовал он.

Было невероятно трудно сконцентрироваться на дороге, ощущая его взгляд на своем лице. Я в отместку ехала еще осторожнее, чем обычно, по мирно спящему городку.

— Ты рассчитываешь выбраться из Форкса до темноты?

— Мой пикап вполне может пригодиться твоему «Вольво» дедушкой — имей уважение, — отрезала я.

Несмотря на его скептицизм, мы вскоре покинули пределы Форкса. Мелколесье и поросшие мхом толстые стволы деревьев пришли на смену домам и газонам.

— Поверни направо, на сто десятое, — выдал он ровно в тот момент, когда я собиралась спросить. Я молча подчинилась.

— А теперь прямо, пока не кончится асфальт.

Я услышала в его голосе легкую насмешку, но слишком боялась вождения по пересеченной местности, чтобы воевать с ним за право уверенно смотреть свысока.

— А что там дальше, когда кончится асфальт? — спросила я.

— Тропинка.

— Мы что, пойдем пешком? — слава богу, я надела кроссовки.

— А это что, проблема? — кажется, он ожидал чего-то подобного.

— Нет, — я постаралась врать уверенно. Но если уж он думает, что мой пикап еле тащится, то что он подумает обо мне?..

— Не волнуйся, там всего километров восемь, а время у нас есть.

Восемь километров. Я не ответила, чтобы он не услышал, как мой голос дрожит от страха. Восемь километров по неровной тропинке, где ждут в засаде толстые древесные корни и непрочные лежащие камни, чтобы вывернуть мне лодыжки или как-нибудь еще покалечить. Впереди маячила масса унижений.

Некоторое время мы ехали в молчании, так как я мысленно настраивала себя на то, как пережить весь этот ужас.

— О чем ты думаешь? — нетерпеливо спросил он через некоторое время.

Я снова солгала.

— Думаю о том, куда мы едем.

— В одно мое любимое место — я часто там бываю в хорошую погоду.

Мы одновременно посмотрели на тающие в небе облака.

— Чарли сказал, что сегодня будет тепло.

— Ты сказала Чарли, куда собираешься? — спросил он.

— Нет.

— Но Джессика думает, что мы вместе едем в Сиэтл? — ему явно нравилась эта идея.

— Нет, я сказала ей, что ты из-за меня не поехал, и это, кстати, правда.

— И никто не знает, что ты уехала со мной? — теперь уже сердито.

— Ну, это... Ты же, кажется, сказал Элис?

— Ты просто умница, Белла! — бросил он.

Я сделала вид, что не слышала.

— У тебя что, началась суицидальная депрессия от жизни в Форксе? — мое молчание только раззадорило его.

— Ты сказал, что у тебя могут быть проблемы... оттого, что нас часто видят вместе, — напомнила я.

— Так ты заботишься о том, чтобы у *меня* не было проблем, если *ты* не вернешься домой? — теперь в его голосе помимо гнева звучал еще и едкий сарказм.

Я кивнула, не отрывая глаз от дороги.

Он пробормотал что-то чуть слышно, причем так быстро, что я не смогла разобрать.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Я чувствовала тяжелые волны яростного осуждения, исходящие от него, и не могла придумать, что сказать.

Асфальтовая дорога закончилась, переходя в тонкую пешеходную тропу, помеченную деревянным указателем. Я припарковалась на узкой обочине и вышла из машины. Мне было не по себе — он был сердит на меня, а мне некуда было спрятать глаза, потому что больше не нужно следить за дорогой.

Стало совсем тепло. Наверное, это был самый теплый день в Форксе с тех пор, как я сюда приехала. Было влажно, почти душно. Я стянула свитер, радуясь, что под ним была легкая рубашка, и завязала его узлом на талии.

Я услышала, как грохнула его дверь и, оглянувшись, увидела, что он тоже снял свитер. Он стоял спиной ко мне и смотрел на непроницаемую стену леса позади пикапа.

— Нам сюда, — сказал он и оглянулся на меня через плечо — в глазах еще сверкала досада. Он сделал пару шагов по направлению к лесу.

— А тропинка? — в моем голосе звучал неприкрытый ужас. Я быстро обошла пикап, чтобы не отстать от него, и спросила:

— Мы не по тропинке пойдём?

— Не бойся, со мной не потеряешься.

Он еще раз обернулся, на этот раз с насмешливой улыбкой, и я подавила восхищенный вздох. Его белая рубашка без рукавов была расстегнута, и гладкая белая кожа шеи без помех перетекала на мраморные контуры

груди. Великолепные мускулы, обычно лишь смутно видневшиеся под одеждой, теперь явились взору во всей красе. Он слишком хорош, поняла я, почувствовав, как меня пронзает отчаяние. Разве может это богоподобное создание быть предназначено для меня?

Сбитый с толку моим несчастным лицом, Эдвард внимательно смотрел на меня.

— Ты хочешь домой? — спокойно спросил он, и мука, так непохожая на мою, прозвучала в его голосе.

— Нет.

Я подошла к нему ближе, не желая терять ни секунды драгоценного времени, которое судьба позволила мне провести с ним рядом.

— Что случилось? — мягко спросил он.

— Я — плохой ходок. Тебе придется запастись терпением, — тоскливо призналась я.

— Я могу быть терпеливым — ценой невероятных усилий, — он улыбнулся, ловя мой взгляд и стараясь вытащить меня из состояния необъяснимого внезапного уныния.

Я попыталась улыбнуться в ответ, но получилось неубедительно. Он вгляделся в меня еще пристальнее.

— Я отвезу тебя домой, — пообещал он.

Я не поняла, намерен он сделать это вообще или прямо сейчас. Ему, очевидно, казалось, что я сама не своя от страха. Как удачно, что я была единственным человеком, чьи мысли он не мог читать!

— Если ты хочешь, чтобы я прошла восемь километров сквозь эти джунгли до заката солнца, пора выступать, — ядовито сказала я. Он сдвинул брови, пытаюсь расшифровать мой тон и тайный смысл этих слов.

Но вскоре, оставив попытки, просто повел меня вперед.

Мои страхи оказались сильно преувеличенными. В основном дорога шла ровно. Если встречались

высокие мокрые папоротники или повисшие с деревьев борода мха, Эдвард отодвигал их в сторону с моего пути. Когда попадались валуны или стволы упавших деревьев, он помогал мне, поднимая за локоть, и отпускал немедленно, как только препятствие было позади. От его холодного прикосновения к моей коже каждый раз начинало гулко биться сердце. Он каким-то образом слышал это — я не сомневалась, потому что дважды видела его лицо в такие моменты.

Я старательно отводила глаза от его груди, но взгляд то и дело срывался. И каждый раз его красота пронзала меня печалью, как острым ножом.

По большей части мы шли молча, лишь иногда он задавал мне какой-нибудь случайный вопрос, очевидно, что-нибудь из того, о чем забыл в предыдущие два дня.

Он спрашивал о том, как я справляла дни рождения, об учителях в начальной школе, о моих домашних животных. Пришлось признать, что после того, как я загубила трех золотых рыбок подряд, я отказалась от идеи в целом. Он вдоволь посмеялся над этим, и его смех был громче обычного — звенящее колокольчиками эхо долетело до нас, отраженное пустым гулким лесом.

Мы шли почти все утро, но он не выказывал признаков нетерпения. Лес расстилался вокруг нас бесконечным лабиринтом из древних деревьев, и я начала бояться, что мы никогда не найдем дороги назад. А он был совершенно спокоен: похоже, он был как дома в этой зеленой чащобе и точно знал, куда идти.

Наконец, свет, сочившийся сквозь густой полог леса, изменился: его мрачно-оливковый тон сменился на золотистый нефрит. День оказался солнечным, как мы и предполагали. Впервые после того, как мы ступили под полог леса, я почувствовала дрожь предвкушения, которая становилась все сильнее.

— Ну что, долго еще? — ворчливо спросила я, попытавшись изобразить недовольный взгляд.

— Почти пришли, — он улыбнулся смене моего настроения. — Видишь просвет там, впереди?

Я вперила взгляд в густую чащу.

— А что, я должна?

Он самодовольно улыбнулся.

— Наверное, тебе пока рановато.

— Пора к офтальмологу, — пробормотала я. Самодовольная улыбка расплылась еще шире.

Но, пройдя сотню метров, я ясно увидела впереди просвет — солнечный свет там мерцал не зеленым, а желтым. Я прибавила шагу, нетерпение росло с каждой секундой. Он позволил мне пойти вперед, а сам бесшумно следовал сзади.

Я достигла границы солнечного круга и, пройдя сквозь последний заслон из папоротников, оказалась в самом красивом месте из тех, что я когда-либо видела.

Это была маленькая, совершенно круглая полянка, сплошь покрытая лесными цветами — лиловыми, желтыми, белыми... Где-то неподалеку музыкально журчал ручей. Солнце стояло прямо над головой, заливая пространство ослепительным желтым светом. Медленно, благоговейно я прошла по мягкой траве, по пути наклоняя головки цветов и приводя в движение теплый золотистый воздух.

Я полуобернулась, чтобы поделиться с Эдвардом своим восхищением, но его рядом не оказалось. Я стала тревожно озираться вокруг и наконец заметила его — он стоял в густой тени под пологом леса и настороженно смотрел на меня оттуда. Только тут я вспомнила, что он обещал мне раскрыть сегодня одну из своих тайн — показать, каков он на солнце. Красота места напрочь вытеснила это из моей головы.

Я шагнула к нему, мои глаза загорелись от любопытства. Он выглядел отчужденным и недоверчивым. Я ободряюще улыбнулась и поманила его, сделав еще шаг. Он в предостережение поднял руку, давая знать, чтобы я остановилась, и я замерла, качнувшись назад.

Эдвард сделал глубокий вдох и вышел из тени под слепящее сияние полуденного солнца.

Глава 13. Признания

Для меня это был шок. Я никак не могла привыкнуть к его виду, хотя мы провели на поляне весь день. Его кожа — белая, несмотря на слабый румянец, окрасивший лицо после вчерашней охоты, — искрилась так, словно ее покрывали мириады крошечных бриллиантов. Он лежал передо мной на траве, совершенно неподвижный, в расстегнутой рубашке. Скульптурных очертаний грудь светилась, как раскаленный металл, обнаженные руки сверкали на солнце. Блестящие бледно-сиреневые веки были прикрыты, хотя он, разумеется, не спал. Великолепная статуя, высеченная из неизвестного камня, гладкого, словно мрамор, и горящего, как хрусталь.

Время от времени его губы начинали двигаться, но так быстро, что это напоминало трепет крыльев колибри. Я спросила, и он ответил, что поет про себя, но так тихо, что мне не слышно.

Я тоже наслаждалась солнцем, хотя, на мой вкус, воздух был слишком влажным. Мне тоже хотелось растянуться на траве и подставить лицо теплым лучам. Но я сидела, подтянув колени к подбородку, и не отводила от него глаз. Легкий ветерок ворошил мои волосы и пробегал волнами по траве, колыхавшейся вокруг его неподвижного тела.

Поляна, поначалу поразившая меня земной красотой, меркла на фоне его сверкающего великолепия.

Нерешительно, боясь, что он исчезнет, как наваждение, потому что такая красота не могла принадлежать бренному миру... очень несмело, кончиком пальца я коснулась мерцающей кисти его руки. И снова восхитилась совершенной текстурой его

плоти — гладкой, как шелк, и холодной, как камень. Когда я снова взглянула ему в лицо, его глаза были открыты — он смотрел на меня. Сегодня они были светлые, теплого цвета сливочной тянучки. Быстрая улыбка тронула уголки безупречных губ.

— Я тебя пугаю? — игриво спросил он, но в голосе звучал неподдельный интерес.

— Не более, чем обычно.

Он улыбнулся шире, и его зубы сверкнули на солнце.

Я придвинулась ближе и чуть смелее провела рукой по его предплечью. Я видела, что мои пальцы дрожат, и знала, что он заметил это.

— Ты не против? — спросила я, так как он снова закрыл глаза.

— Нет, — ответил он, не открывая глаз. — Ты даже представить себе не можешь, какое это ощущение...

Он вздохнул.

Я легонько провела рукой по мускулистому плечу, затем проследовала вдоль линий голубоватых вен на сгибе локтя. Я протянула вторую руку, чтобы повернуть его кисть ладонью кверху. Поняв, чего я хочу, он быстро перевернул руку одним из своих стремительных, незаметных глазу движений, которые приводили меня в замешательство. Я вздрогнула, мои пальцы на миг замерли на его предплечье.

— Прости, — пробормотал он. Я взглянула на него как раз вовремя — золотистые глаза уже закрывались. — Когда ты рядом, мне так легко быть собой.

Я подняла его руку и смотрела, как солнце играло на ладони. Я поднесла ее ближе к лицу, чтобы приглядеться, нет ли на коже скрытых граней.

— Скажи, о чем ты думаешь? — прошептал он. Я подняла голову и встретила его неожиданно

напряженный взгляд. — Я так странно себя чувствую, когда ничего не слышу.

— Знаешь, все человечество постоянно чувствует себя именно так.

— Тяжелая жизнь. — Мне показалось, или в его голосе мелькнула тень сожаления? — Но ты не ответила.

— Я думала, что хорошо бы узнать, о чем думаешь ты, — я колебалась.

— А еще?

— А еще мне хотелось бы поверить в то, что ты — не мираж. И хотелось бы перестать бояться.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. — Его голос был похож на слабый шелест. Я поняла, что у него не повернулся язык сказать, что мне нечего бояться.

— Я не имела в виду именно страх, хотя тут есть о чем подумать...

Быстро, так, что я даже не уловила его движения, он приподнялся и сел, опершись о правую руку, оставив мне левую. Лицо ангела придвинулось вплотную к моему. Я, возможно — и даже наверняка — отпрянула бы назад от его неожиданной близости, если бы могла пошевелиться. Но переливы жидкого золота в его глазах околдовали меня.

— Чего же тогда ты боишься? — неистово прошептал он.

Я не смогла ответить. Такое уже было однажды — я почувствовала, как его холодное дыхание коснулось моего лица. Сладкий восхитительный аромат заставил мой рот наполниться слюной. Это было не с чем сравнить. Без единой мысли в голове, инстинктивно, как животное, я качнулась вперед, вдыхая его.

И тут он исчез, вырвав руку из моих ладоней. Через несколько секунд я, приглядевшись, увидела его метрах в шести от себя, на самом краю поляны, в густой

тени огромной ели. Он смотрел на меня, не отрываясь, и его глаза в этом мраке казались темными.

Я почувствовала, как на моем лице проступили боль и потрясение, мои внезапно опустевшие руки больно саднили.

— Прости меня... Эдвард, — прошептала я. Я знала, что он услышит.

— Подожди немного, — сказал он чуть громче, чтобы уловили мои менее чувствительные уши. Я замерла.

Прошло десять мучительно долгих секунд, прежде чем он медленно вернулся назад и изящно опустился на траву в паре шагов от меня, скрестив ноги. Он смотрел мне в глаза, не отрываясь. Сделав два глубоких вдоха, он виновато улыбнулся.

— Прости меня, пожалуйста, — нерешительно произнес он. — Ты поймешь, если я скажу, что поддался простой человеческой слабости?

Я кивнула, не в силах смеяться его шутке. До меня понемногу доходило, в какой опасности я была только что, и адреналин бешено несся по венам. Он, наверное, мог почувствовать его запах даже оттуда. Его улыбка стала насмешливой.

— Я лучший хищник в мире, не так ли? Все во мне привлекает тебя — мой голос, мое лицо, даже мой запах. Как будто я не могу обойтись без этого!

Он неожиданно вскочил на ноги, отпрыгнул куда-то и исчез из виду, чтобы в следующий миг оказаться под той же елью — пересечь поляну заняло у него полсекунды.

— Как будто ты смогла бы от меня убежать, — горько засмеялся он.

Он протянул руку и легкостью отломил от ели сук полуметровой толщины. Подержав в руке, он с невероятной силой метнул сук в толстый ствол

огромного дерева напротив — оно сотряслось и закачалось.

И снова встал в полуметре от меня, неподвижный, как камень.

— Как будто ты смогла бы меня победить, — мягко проговорил он.

Я застыла на месте — никогда еще он меня так не пугал. Никогда еще так свободно не проявлял он свою сущность, не сбрасывал свой тщательно сработанный защитный покров. Никогда еще не был он менее человечен... и более прекрасен. С пепельно-серым лицом и широко открытыми глазами, я сидела, замерев, как кролик перед удавом.

Его глаза горели от бешеного возбуждения. Но постепенно оно стало гаснуть, лицо превращалось в античную трагическую маску.

— Не бойся, — проговорил он тихо, и его бархатный голос прозвучал против воли обольстительно. — Обещаю... — Он колебался. — Клянусь — я не трону тебя.

Казалось, он старался убедить прежде всего самого себя.

— Не бойся, — прошептал он снова и очень-очень медленно сделал шаг ко мне. Так же медленно, тягучим гибким движением, он уселся рядом на траву. Наши лица оказались на одном уровне, близко одно от другого.

— Пожалуйста, извини меня, — церемонно сказал он. — Я *могу* держать себя в руках. Просто ты застала меня врасплох. Но теперь я буду паинькой.

Он ждал ответа, но я не могла выдать ни слова.

— Я сегодня не голоден, честное слово, — он подмигнул.

Я заставила себя засмеяться, хотя получилось довольно жалко.

— С тобой все в порядке? — нежно спросил он, медленно и осторожно протянул мраморную руку и вложил ее в мои ладони.

Я посмотрела на его гладкую холодную кисть, потом подняла глаза. Его теплый взгляд светился раскаянием. Я снова опустила глаза и принялась осторожно водить пальцем по линиям на его руке. Потом робко улыбнулась, вновь посмотрев ему в глаза.

Он просиял в ответ.

— Итак, о чем мы говорили перед тем, как я вздумал явить тебе свою brutальную сторону? — спросил он с мягкой интонацией благовоспитанного юноши прошлого столетия.

— Я, если честно, не помню.

Он улыбнулся, но на лице мелькнул стыд.

— Думаю, мы хотели поговорить о том, чего ты боишься, если исключить очевидное.

— Да, правда.

— И что скажешь?

Я опустила глаза и принялась бесцельно водить пальцем по его гладкой сверкающей ладони. Шло время, но я молчала.

— Как легко я теряю уверенность в себе, — вздохнул он.

Я посмотрела ему в глаза и вдруг осознала, что он, так же как и я, ступал по неизведанной земле. Каков бы ни был его прошлый опыт, сейчас ему было так же трудно, как и мне. Это придало мне мужества.

— Мне было страшно оттого, что, по очевидным причинам, я не смогу *остаться* с тобой насовсем. И я боюсь, что хочу быть с тобой гораздо сильнее, чем имею право себе позволить.

Я не поднимала глаз — такое очень трудно высказать вслух.

— Да, — произнес он медленно. — Этого действительно стоит бояться. Желания быть со мной.

Это не к добру.

Я нахмурилась.

— Мне давно следовало бы уйти, — вздохнул он. — И сейчас мне следовало бы уйти. Но я не знаю, смогу ли.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — жалобно пробормотала я, не поднимая глаз.

— Именно поэтому мне нужно уйти. Но не бойся — я, в сущности, большой эгоист. Я слишком сильно жажду твоего общества, чтобы делать то, что должен.

— Я рада.

— И напрасно, — он отнял руку, на этот раз более бережно, его голос звучал резче, чем обычно. Резкий для него, он все равно был красивее любого человеческого голоса. Было так трудно успевать за сменой его настроений — я вечно тащилась на полшага позади.

— Я ведь жажду *не только* твоего общества, никогда не забывай об этом. Никогда не забывай, что я гораздо опаснее для тебя, чем для любого человека.

Он замолчал и невидящим взором уставился в темноту леса.

Я немного поразмыслила над его словами.

— Кажется, я не очень понимаю, что ты имеешь в виду. Особенно последнюю часть, — сказала я.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Как бы мне это объяснить? — задумчиво проговорил он, — Чтобы не напугать тебя снова? Хммм.... — Он, не думая, снова вложил свою руку в мою, и я крепко сжала его кисть обеими руками. Он посмотрел вниз, на наши руки, и вздохнул:

— Знаешь, тепло — это так приятно...

Постепенно он собрался с мыслями.

— У каждого человека есть свои любимые запахи, — начал он. — Кто-то любит шоколадное

мороженое, а кто-то — клубничное. Прости за пищевые ассоциации — не смог придумать ничего получше.

Я улыбнулась, и он покаянно улыбнулся в ответ.

— Каждый человек пахнет по-разному, у каждого своя неповторимая сущность. Если запереть алкоголика в комнате, полной прокисшего пива, он охотно его выпьет. Но может и удержаться, особенно если намерен бросить пить. А теперь представь себе, что вместо пива в этой комнате — стакан столетнего бренди, редчайшего, прекрасного коньяка, и вся комната наполнена его теплым ароматом. Как по-твоему, сможет он устоять?

Мы сидели молча, глядя друг другу в глаза, и старались прочесть мысли друг друга. Он нарушил молчание первым.

— Кажется, это не вполне верное сравнение. Наверное, отказаться от бренди слишком легко. Давай заменим алкоголика героиновым наркоманом.

— Так ты хочешь сказать, что я для тебя — что-то вроде героина? — поддела я его, чтобы разрядить обстановку.

Он быстро улыбнулся, оценив мое намерение.

— Да, причем ты — *самый мой* сорт.

— Такое часто бывает? — спросила я.

Он смотрел на вершины деревьев, обдумывая ответ.

— Я говорил об этом с братьями, — по-прежнему глядя в пространство, начал он. — Для Джаспера вы все одинаковы. Он совсем недавно вступил в нашу семью. Ему вообще пока трудно держаться. Он еще не дорос до того, чтобы различать оттенки вкуса.

Он быстро взглянул на меня с извиняющимся выражением лица и добавил:

— Прости.

— Ничего страшного. Пожалуйста, не думай о том, как бы не обидеть меня, или не напугать меня, или еще что-то там. Это твой образ мышления. Я смогу понять,

или, по крайней мере, попытаюсь понять. Просто объясняй так, как можешь.

Он сделал глубокий вдох и снова посмотрел в небо.

— Так что Джаспер вообще не был уверен, что когда-либо встречал кого-то, кто бы так... — он заколебался, пытаюсь подобрать подходящее слово, — *притягивал* его, как ты меня. Поэтому можно уверенно сказать, что не встречал. Эмметт пробыл «в завязке» дольше, и он понял, что я имею в виду. Он сказал, что с ним такое было дважды, и во второй раз сильнее, чем в первый.

— А с тобой?

— Никогда.

Это слово на мгновение повисло в теплом потоке воздуха.

— И что сделал Эмметт? — спросила я, чтобы поддержать разговор.

Это был плохой вопрос. Его лицо потемнело, а рука в моей руке сжалась в кулак.

Он отвернулся. Я ждала, но он не собирался отвечать.

— Кажется, догадываюсь, — наконец, сказала я.

Он поднял тоскливые, умоляющие глаза.

— Даже самые сильные из нас порой срываются, ведь так?

— Так чего ты просишь? Моего разрешения? — мой голос прозвучал резче, чем мне того хотелось. Я постаралась смягчить тон — можно было представить себе, чего стоила ему его честность.

— Я имею в виду — надежды нет? — Как спокойно я обсуждала собственную гибель!

— Нет, нет, — в порыве внезапного раскаяния воскликнул он. — Конечно, есть надежда! Я имею в виду, я не... — он не закончил. Его взгляд обжигал меня. — У нас все по-другому. Эмметт... это были для него просто случайные люди. И это было очень давно,

он тогда не был таким... опытным, таким осторожным, как сейчас.

Он замолчал и напряженно смотрел на меня, пока я обдумывала его слова.

— Так если бы мы встретились... где-нибудь в темном переулке... — я смолкла.

— Мне пришлось собрать все свои силы, все, что у меня было, чтобы не прыгнуть на тебя прямо в этом классе, полном детей, и не... — он резко замолчал и отвел глаза. — Когда ты прошла мимо меня, я готов был в единый миг разрушить все, что создал для нас Карлайл. Если бы я не сдерживал жажду на протяжении, скажем так, очень многих лет, я не мог бы остановиться.

Он затих, сжигая взглядом деревья вокруг.

Затем посмотрел на меня — оба мы вспомнили тот день.

— Ты, наверное, решила, что я одержимый.

— Я не могла понять, что случилось. Как ты мог с первого взгляда так возненавидеть меня...

— Я думал, что ты — демон, вызванный прямоком из моего личного ада, чтобы сгубить меня. Аромат твоей кожи... В тот день мне казалось, что он вот-вот доведет меня до буйного помешательства. За час я придумал сто способов выманить тебя из класса и увести туда, где никто не помешает. И каждый из них я загнал обратно, стараясь думать о своей семье, о том, что делаю это ради них. Я должен был убежать, исчезнуть прежде, чем смогу произнести слова, которые заставят тебя следовать за мной...

Я старалась впитать эти его горькие воспоминания, а он смотрел в мое потрясенное лицо, и его золотистые глаза пылали из-под ресниц, гипнотические и смертоносные.

— И ты пошла бы, — пообещал он.

— Без сомнения. — Я старалась говорить спокойно.

Он нахмурился и посмотрел на мои руки, освобождая от давящей силы своего взгляда.

— А потом я решил поменять расписание в бессмысленной попытке избегать тебя. И, как нарочно, встретил снова. В этой тесной, теплой комнатке твой запах был настолько силен, что я едва не обезумел. Я чуть не схватил тебя прямо там. Кроме нас, там был всего один жалкий человечиска, с которым ничего не стоило разобраться.

Я дрожала на жарком солнце. Заново увидев события прошлого его глазами, я только сейчас почувствовала, что была на волосок от смерти. Бедная мисс Коуп. Я вздрогнула снова, подумав о том, что могла бы быть вечно виновата в ее гибели.

— Но я выдержал. Не знаю, как мне это удалось. Я заставил себя *не* ждать тебя возле школы и *не* следить за тобой до самого дома. Снаружи, где я смог вдохнуть свежего воздуха, мне полегчало, ум прояснился, и я пришел к правильному решению. Я высадил наших недалеко от дома — мне было настолько стыдно признаться им в своей слабости, что я ничего не рассказал. Они только поняли, что со мной творится что-то неладное. Я поехал прямо в больницу к Карлайлу, чтобы сообщить, что я уезжаю.

Я уставилась на него в удивлении.

— Мы поменялись машинами — у него был полный бак, а я не хотел останавливаться по дороге. Я не посмел явиться домой, к Эсме. Она не отпустила бы меня просто так, устроила бы сцену, только бы не дать мне уехать... Следующим утром я уже был на Аляске.

Казалось, он стыдился этого, как трусости.

— Я провел там два дня со старыми знакомыми... но очень скучал по дому. Я боялся подумать о том, как расстроил Эсме и всех остальных — мою названную семью. Подышав чистым горным воздухом, я уже с трудом верил в твою неотразимость. Я убеждал себя,

что сбежать было постыдной слабостью. Мне и раньше приходилось бороться с искушениями, правда, не настолько мощными, но я был сильным. Да и кто ты была, маленькая жалкая девчонка, — он неожиданно усмехнулся, — чтобы гнать меня из любимого дома? И вот я вернулся.

Он уставился в пространство.

Я молчала.

— Я подготовился к встрече с тобой — охотился больше, чем обычно, чтобы полностью насытиться. Я думал, что у меня хватит силы общаться с тобой так же, как с любым другим человеком. Но я был слишком самоуверен. Разумеется, дело здорово осложняло то, что я не мог читать твои мысли и не мог толком понять, как ты реагируешь на меня. Я не привык к такому количеству обходных маневров. Пришлось слушать твои слова через мысли Джессики, а, так как существо она примитивное, было довольно неприятно лезть в ее голову. Кроме того, я не понимал, всегда ли ты говорила искренне. Все это меня просто бесило.

Он нахмурился при этом воспоминании.

— Я хотел, чтобы ты забыла, как я вел себя в первый день, и попытался поговорить с тобой так, как поговорил бы с любым другим человеком на твоём месте. Я старался расшифровать хоть что-то из твоих мыслей. Но ты оказалась очень интересным созданием, и я увлекся разгадыванием выражений твоего лица... И еще ты часто рукой или волосами приводила в движение воздух вокруг себя, и твой запах снова и снова ошеломлял меня, лишая воли и способности мыслить...

— Разумеется, через некоторое время ты чуть не погибла прямо у меня на глазах. Я потом придумал отличное объяснение, почему спас тебя: если бы я этого не сделал, твоя кровь разлилась бы на асфальте прямо передо мной, и тогда я точно не удержался бы

и выдал бы нас всех с головой. Но это я придумал потом. А в тот момент у меня была лишь одна мысль: «Нет, только не она!»

Он закрыл глаза, измученный своей исповедью. Я слушала, как замороженная. Здравый смысл подсказывал мне, что надо испугаться, но вместо этого я чувствовала облегчение — наконец-то я поняла, что тогда происходило. Меня переполняло сочувствие — даже сейчас, несмотря на то, что он признался, как жаждал отнять у меня жизнь.

Наконец, я слабым голосом смогла произнести хоть что-то:

— А в больнице?

Его глаза сверкнули.

— Я был в ужасе. Я не мог поверить, что в конце концов все равно подверг нас всех опасности, дал тебе власть надо мной — тебе, единственной из всех людей. Словно мне был нужен мотив, чтобы убить тебя.

Мы оба отпрянули назад, когда это слово сорвалось с его губ.

— Но все пошло по-другому, — быстро продолжил он. — Я поругался с Эмметтом, Розали и Джаспером, когда они сказали, что сейчас — самое время... Это была худшая ссора в нашей жизни. На мою сторону встали Карлайл и Элис.

Он поморщился, произнося ее имя, и я не могла понять, почему.

— Эсме сказала, что я могу делать что угодно, только бы остаться с ними.

Он снисходительно покачал головой.

— На следующий день я подслушивал мысли всех, с кем ты говорила. Я был потрясен тем, что ты держала слово. Я тебя совсем не понимал. Но я знал, что у меня нет права развивать отношения с тобой. И поэтому я изо всех сил старался держаться подальше. Но каждый день изумительный запах твоей кожи,

твоего дыхания, твоих волос... валил меня с ног так же властно, как вначале.

Он снова поймал мой взгляд, и его глаза засветились неожиданной нежностью.

— И поэтому, — продолжал он, — для меня было бы лучше подставить семью еще в первый день, чем сделать что-нибудь сейчас, когда никто и ничто не может мне помешать.

Я очень по-человечески спросила:

— Почему?

— Изабелла, — он медленно, отчетливо произнес мое полное имя и взъерошил мне волосы. От этого небрежного прикосновения дрожь прошла по моему телу. — Белла, я не смогу жить, если причиню тебе боль. Ты не знаешь, какая это пытка для меня.

Он снова опустил глаза от стыда.

— Стоит представить себе, как ты лежишь неподвижная, белая, холодная... И я никогда больше не увижу, как ты краснеешь. Никогда не увижу, как вспыхивают твои глаза, когда тебе удастся разглядеть меня насквозь... этого мне не выдержать. — Он поднял свои страдающие, самые прекрасные в мире глаза и посмотрел на меня. — Теперь для меня нет ничего важнее тебя. И никогда не будет.

У меня закружилась голова от столь резкого разворота нашего разговора. От жизнерадостных размышлений о нависшей надо мной жестокой угрозе мы перешли к признаниям в нежных чувствах. Он ждал, и, хотя я не сводила глаз с наших сплетенных рук, я ощущала его взгляд на своем лице.

— Ты, конечно, уже знаешь, что я чувствую, — наконец сказала я. — Я здесь, а это означает, говоря по-простому, что я лучше умру, чем покину тебя. — Я нахмурилась. — Я идиотка.

— Точно, идиотка, — согласился он со смешком. Наши глаза встретились, и я тоже засмеялась.

Мы вместе смеялись над идиотизмом и чистой абсурдностью нашего положения.

— И вот лев влюбился в агнца, — тихо пропел он. От этого слова трепет пробежал по моему телу, и я отвернулась, чтобы он не увидел моих глаз.

— Какой глупый агнец, — вздохнула я.

— И лев — нездоровый мазохист.

Он долго смотрел в глубину темной чащи леса, и я гадала, куда увели его мысли.

— Почему?.. — начала я и остановилась, не зная, как продолжить. Он посмотрел на меня и улыбнулся, солнце сверкало на его лице, его зубах.

— Что?

— Скажи, почему ты убежал от меня?

Улыбка погасла.

— Ты же знаешь, почему.

— Нет, я спросила, что *именно* я сделала не так? Мне надо быть осторожнее, и я хочу понять, чего мне не следует делать. Это, например, — я погладила тыльную сторону его руки, — кажется, можно.

Он снова улыбнулся:

— Ты ничего не делала «не так». Я сам был виноват.

— Но я хочу помочь тебе, если это в моих силах. Хочу, чтобы тебе было легче.

— Ну... — он остановился и подумал. — Ты оказалась очень уж рядом. Большинство людей нас инстинктивно сторонятся, они чувствуют в нас чужих ... Я не ожидал, что ты придвинешься так близко. И еще запах твоего *горла* ...

Он оборвал себя на полуслове и с тревогой взглянул на меня.

— Ну ладно, — весело сказала я, стараясь разрядить неожиданно сгустившуюся атмосферу, и втянула голову в плечи. — Горло больше не показываю.

Сработало — он рассмеялся.

— Нет, правда, это было больше от неожиданности...

Он поднял свободную руку и бережно положил ее сбоку на мою шею. Я замерла, холод от его прикосновения словно предупреждал о том, что надо бы испугаться. Но во мне не было страха. Напротив, забурлили совсем другие чувства.

— Вот видишь, — сказал он. — Просто великолепно.

Моя кровь бешено неслась по жилам, и мне хотелось замедлить ее бег. Я чувствовала, что глухие удары моего пульса — это то, что ему трудно выдержать. Разумеется, он их слышал.

— Ты очаровательно краснеешь, — тихо проговорил он и осторожно высвободил свою вторую руку. Мои кисти безвольно упали на колени. Он нежно погладил мою щеку, а потом взял мое лицо в свои мраморные ладони.

— Не шевелись, — прошептал он, словно я и так уже не окаменела от волнения.

Медленно, не отпуская моего взгляда, он наклонился ко мне. Затем быстро, но очень нежно приложил холодную щеку к ямке посередине моих ключиц. Я не смогла бы двинуться, даже если бы захотела. Я слушала ровный звук его дыхания и смотрела, как солнце и ветер играют в его медно-каштановых волосах — самой человеческой части его существа.

Очень медленно его руки скользнули ниже и легли на мою шею. Я вздрогнула и почувствовала, как он задержал дыхание. Но руки не прервали движения, они мягко опустились мне на плечи.

Его голова двинулась в сторону, он провел носом вдоль моей ключицы. Затем нежно прижался щекой к левой стороне моей груди и замер. Слушая мое сердце.

— Ах, — вздохнул он.

Я не знала, сколько времени мы просидели вот так, без движения. Может быть, долгие часы. Постепенно мой пульс успокоился, но он не отпускал меня, не говорил со мной. Я знала, что в любой момент он мог не выдержать, и моя жизнь оборвалась бы так быстро, что я даже не успела бы ничего почувствовать. Но я не могла заставить себя испугаться. Я не могла думать ни о чем, кроме того, что он прикасался ко мне.

И вдруг, слишком быстро, он отстранился.

Его глаза были полны покоя.

— В следующий раз будет не так трудно, — с удовлетворением сказал он.

— А было очень трудно?

— И вполтину не так ужасно, как я себе воображал. А тебе?

— Нет, мне... совсем не ужасно.

Он улыбнулся, услышав мою интонацию.

— Ты же знаешь, о чем я.

Я тоже улыбнулась.

— Смотри, — он взял мою руку и приложил к своей щеке. — Ты чувствуешь, какая теплая?

Да, она была почти теплой, его всегда ледяная кожа. Но я едва обратила внимание, потому что случилось то, о чем я грезила с первого дня, как увидела его — я прикасалась к его лицу.

— Не двигайся, — прошептала я.

Никто больше не смог бы замереть так, как Эдвард. Он закрыл глаза и стал неподвижен, как камень, — статуя под моей рукой.

Я двигалась еще медленнее, чем он, стараясь не допустить ни одного неожиданного жеста. Я нежно тронула рукой по его щеку, бережно погладила кончиками пальцев веко и лиловую впадину под глазом. Я обвела контуры его великолепного носа и затем, очень осторожно, его безупречные губы. Они раскрылись под моей рукой, и я почувствовала, как

холодное дыхание коснулось моих пальцев. Мне захотелось наклониться вперед, чтобы вдохнуть его запах. Но я уронила руку и отстранилась, чтобы не заходить слишком далеко.

Он открыл глаза — в них был голод. Не тот, что вызвал бы у меня страх, а тот, что заставил сжаться мускулы где-то в области солнечного сплетения и бешено погнал кровь по венам.

— Я хотел бы, — прошептал он, — Хотел бы, чтобы ты смогла ощутить всю сложность... и запутанность моих чувств. Чтобы ты смогла меня понять.

Он поднял руку и коснулся моих волос, потом осторожно провел ею по лицу.

— Объясни мне, — выдохнула я.

— Не думаю, что смогу. Я говорил тебе, что, с одной стороны, голод — жажда — это то, что я, жалкое создание, чувствую рядом с тобой. Думаю, до некоторой степени ты можешь себе это представить. Хотя, — он почти улыбнулся, — раз ты не питаешь пагубного пристрастия к запрещенным веществам, вряд ли можешь сопереживать в полной мере.

— Но, — тут его пальцы легонько прикоснулись к моим губам, и я задрожала. — Есть и другой голод, другая жажда. Желания, которых я не понимаю, которые чужды мне.

— Это мне яснее, чем ты думаешь.

— Я не привык чувствовать себя настолько человеком. Это всегда так?

— Для меня? — я помедлила. — Нет, никогда. Никогда еще так не было.

Он взял мои руки в свои. Я знала, какая железная сила таится в его руках, и мои собственные показались мне такими слабыми.

— Я не знаю, как стать тебе ближе, — признался он. — Не знаю, смогу ли.

Я наклонилась вперед очень медленно, предупреждая его взглядом, и прижалась щекой к его каменной груди. Я слышала только его дыхание и больше ничего.

— Этого достаточно, — вздохнула я, закрывая глаза.

Очень человеческим жестом он обнял меня обеими руками и прижался лицом к моим волосам.

— У тебя получается лучше, чем ты думаешь, — отметила я.

— У меня есть человеческие инстинкты — может быть, они зарыты где-то глубоко, но они остались.

Мы сидели так еще какое-то время — невозможно было понять, насколько долго. Мне не хотелось двигаться — интересно, ему тоже? Но я заметила, что дневной свет померк, а тени деревьев почти доползли до нас, и вздохнула.

— Тебе пора.

— Я думала, ты не можешь читать мои мысли.

— Это становится все легче, — я услышала его улыбку.

Он взял меня за плечи и заглянул в лицо.

— Можно, я тебе кое-что покажу? — спросил он, и его глаза вдруг возбужденно загорелись.

— Что покажешь?

— Покажу тебе, как я передвигаюсь по лесу. — Он заметил выражение моего лица. — Не волнуйся, с тобой решительно ничего не случится, зато мы доберемся до твоего пикапа намного быстрее.

Тут он улыбнулся одним уголком рта, и от этой улыбки мое сердце чуть не остановилось.

— Собираешься превратиться в летучую мышь? — с опаской спросила я.

Он захохотал — такого громкого смеха я еще от него не слышала.

— Можно подумать, я *такого* еще не слышал!

— Разумеется, тебе это каждый день говорят.

— Давай, маленькая трусиха, лезь ко мне на спину.

Я помедлила — может быть, он шутит? Но он даже и не думал. Он улыбнулся, поняв причину моих колебаний, и протянул ко мне руку. Мое сердце тут же забилось быстрее, и хотя он не мог читать мои мысли, мой пульс все равно меня выдал. Легко, без малейшего участия с моей стороны, он закинул меня за спину, и я изо всех сил обхватила его руками и ногами — обычный человек на его месте уже хрипел бы, задыхаясь. Это было все равно, что держаться за скалу.

— Я потяжелее, чем твой обычный рюкзак, — предупредила я.

— Ха, — фыркнул он, и я почти почувствовала, как он закатил глаза. Еще никогда я не видела его в таком воодушевлении.

Внезапно, так, что я вздрогнула, он схватил мою руку, прижал ладонь к своему лицу и сделал глубокий вдох.

— С каждым разом все легче, — пробормотал он.

И побежал.

Если раньше мне и случалось испытывать страх смерти возле Эдварда, то это было просто ничто по сравнению с тем, что меня, оказывается, ожидало сейчас.

Он несся по темному густому подлеску как пуля, как привидение. Невозможно было уловить ни звука, ни другого признака того, что его ноги касались земли. Ритм его дыхания не изменился, словно он вообще не трогался с места. Но деревья пролетали мимо, как смертоносные снаряды, всего в каких-то сантиметрах от нас. Мне было страшно закрыть глаза, хотя встречный поток прохладного лесного воздуха хлестал меня по лицу и жег, как огнем. Я будто высунула голову

в иллюминатор летящего самолета. Первый раз в жизни я почувствовала, что меня укачало.

И вдруг все это кончилось. Мы шли почти все утро, чтобы добраться до поляны Эдварда, а вернулись обратно меньше, чем за полчаса.

— Весело, да?

Его голос звенел от радостного возбуждения.

Он встал неподвижно, ожидая, когда я слезу. Я попробовала, но мышцы не подчинялись мне. Мои руки и ноги словно приклеились к нему, а голова отчаянно кружилась.

— Белла, — уже встревожено окликнул он.

— Кажется, мне надо прилечь, — прохрипела я.

— Ой, прости.

Он подождал еще, но я не могла двинуться.

— Кажется, мне нужна помощь, — призналась я.

Он тихонько засмеялся и мягко распутал мои руки, обвившиеся удавкой вокруг его шеи. Мое тело не оказало никакого сопротивления его железной силе. Он повернул меня лицом к себе и взял на руки, словно маленького ребенка. Подержав так немного, он осторожно посадил меня на пружинистый папоротник.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Я не могла понять, как я себя чувствую, потому что в моей голове вертелась сумасшедшая карусель.

— Голова кружится...

— Опусть голову между колен.

Я попробовала, и это немного помогло. Я дышала очень медленно, стараясь не двигать головой. Я ощущала, как он сидел рядом со мной. Прошло какое-то время, и я наконец смогла потихоньку поднять голову. В ушах раздавался гулкий звон.

— Кажется, это была не лучшая идея, — задумчиво произнес он.

Я постаралась сказать ему что-нибудь хорошее и слабо пискнула:

— Нет, что ты, было очень интересно.

— Ха! Да ты белая, как привидение — нет, еще хуже, ты белая, как я!

— Думаю, надо было закрыть глаза.

— В следующий раз не забудь.

— В следующий раз! — простонала я.

Он засмеялся, настроение у него было лучезарное.

— Пижон, — пробурчала я.

— Открой глаза, Белла, — спокойно сказал он.

Оказалось, он сидел очень близко, его лицо было совсем рядом с моим. Его красота ошеломила меня — ее было слишком много, и к этой чрезмерности я никак не могла привыкнуть.

— Знаешь, я думал, пока бежал... — он умолк.

— Надеюсь, о том, как бы не врезаться в дерево.

— Глупая Белла, — он сдавленно фыркнул. — Да я бегаю, как ты дышишь, мне не надо об этом думать.

— Пижон, — снова пробормотала я.

Он улыбнулся.

— Нет, — продолжил он. — Я думал, что хотел бы кое-что попробовать.

Он снова взял мое лицо в ладони. Я перестала дышать.

Он колебался — и в этом не был похож на человека.

Он колебался не так, как обычно колеблется мужчина перед тем, как поцеловать женщину, стараясь предвидеть ее реакцию, стараясь понять, как он будет принят. Или, возможно, желая продлить миг предвкушения, этот идеальный миг, который иногда лучше, чем сам поцелуй.

Эдвард же словно испытывал себя, оценивал, какова опасность, хотел удостовериться, что сможет удержать себя в узде.

И вот его холодные мраморные губы очень мягко и нежно прижались к моим.

Чего ни один из нас не ожидал, так это реакции моего тела.

Кровь вскипела у меня под кожей, обожгла губы. Легкие с диким всхлипом втянули воздух. Пальцы вцепились в его волосы, руки крепко сжали его тело. Губы раскрылись, жадно впивая его пьянящий запах.

И тотчас же я ощутила в своих объятиях бесчувственный камень. Его руки нежно, но с неодолимой силой отвели назад мое лицо. Я открыла глаза и встретила его настороженный взгляд.

— Упс, — выдохнула я.

— И это еще мягко сказано.

Его глаза горели диким огнем, челюсти были отчаянно сведены, но он все так же прекрасно владел своим безупречным старомодным произношением. Его лицо было на расстоянии ладони от моего — оно ослепляло меня.

— Может?.. — Я попыталась высвободиться, чтобы дать ему немного свободного пространства. Но его руки не позволили мне отодвинуться ни на йоту.

— Не надо, все терпимо. Подожди чуть-чуть, пожалуйста. — Голос звучал вежливо и твердо.

Я смотрела ему в глаза и видела, как из них понемногу уходит возбуждение, и взгляд светлеет.

И вдруг он улыбнулся, совсем как озорной мальчишка.

— Есть, — сказал он, совершенно довольный собой.

— Терпимо? — спросила я.

Он громко рассмеялся.

— Я сильнее, чем я думал. Как приятно узнать это.

— Жаль, что я не могу сказать того же о себе. Прости меня, пожалуйста.

— Ну, ты *все*го лишь человек.

— Вот спасибо, — ядовито ответила я.

Он уже поднялся на ноги одним из своих гибких неуловимых движений и теперь протягивал мне руку. Это было неожиданно, ведь я успела привыкнуть к его чопорной отстраненности. Я ухватилась за его ледяную ладонь — оказалось, что мне очень нужна поддержка, меня еще пошатывало.

— Тебе плохо после пробежки или от моих опытов с поцелуями?

Он смеялся и казался сейчас таким беззаботным, таким близким. Его ангельское лицо выражало полный покой. Это был совсем другой Эдвард, непохожий на того, кого я знала раньше. И я чувствовала, что еще больше теряю голову от него. Наверное, теперь мне будет физически больно, если придется расстаться с ним.

— Что-то я не понимаю, я все еще не в себе, — я как-то ухитрилась ответить. — Наверное, от всего понемногу.

— Давай я поведу?

— Ты что, с ума сошел? — запротестовала я.

— Да я вожу лучше, чем ты в свой самый удачный день, — поддел он меня. — У тебя реакция намного хуже.

— Наверняка так, но вряд ли мои нервы и мой пикап смогут тебя выдержать.

— Чуть-чуть доверия, Белла, пожалуйста.

Но моя рука уже была в кармане и крепко держала ключи. Я поджала губы, подумала мгновение, а затем с натянутой улыбкой покачала головой.

— Нет. Ни в коем случае.

Он недоуменно поднял брови.

Я попыталась обойти его, чтобы влезть на водительское место. Он, может быть, и пустил бы меня, но тут меня слегка качнуло. Теперь шансов

не было — он тут же обхватил меня за талию железной рукой.

— Белла, я затратил немало сил на то, чтобы ты дожила до этого дня. И я не склонен давать тебе управлять опасным транспортным средством, когда ты не в состоянии управлять собственным телом. И вообще, друг не даст другу сесть пьяным за руль, — со смешком процитировал он знаменитый антиалкогольный лозунг 50-х. Я ощущала невыразимо сладкий и свежий аромат, исходящий от его груди.

— Пьяным? — возразила я.

— Само мое присутствие опьяняет тебя, — его губы растянулись в знакомую игриво-самодовольную усмешку.

— Не могу с тобой спорить, — вздохнула я. Переубедить его было невозможно, я не в силах была ни в чем ему сопротивляться. Я подняла руку с ключами и расцепила пальцы — в воздухе мелькнула, как молния, белая ладонь и беззвучно подхватила их.

— Ты уж полегче, мой пикап — гражданин весьма преклонных лет.

— Очень разумное замечание, — одобрил он.

— А на тебя мое присутствие никак не действует? — из последних сил поддела его я.

Его подвижные черты снова изменились — лицо приняло спокойное, теплое выражение. Он ответил не сразу — сначала просто наклонился ко мне и медленно, легко провел губами от моего уха к подбородку и обратно. Я задрожала.

— Несмотря ни на что, — наконец пробормотал он, — реакция у меня лучше.

Глава 14. Победа духа

Надо было честно признать — когда скорость оставалась в разумных пределах, вел он отлично. Как и многое другое, это давалось ему совершенно без труда. Он почти не следил за дорогой, но шины ни на сантиметр не отклонялись от центра полосы. Он придерживал руль одной рукой, а другой держал за руку меня. Иногда он смотрел на заходящее солнце, иногда на меня — на мое лицо, мои волосы, которые трепал ветер из окна, на наши сплетенные вместе руки.

Он поймал какую-то «пензионерскую» волну и принялся подпевать песне, которую я ни разу в жизни не слышала. А он помнил каждую строчку.

— Тебе нравится музыка пятидесятых? — спросила я.

— В пятидесятые была хорошая музыка. Намного лучше, чем в шестидесятые. Или в семидесятые, бр-р-р! — Он передернул плечами. — А в восьмидесятые опять стало ничего.

— Ты мне когда-нибудь скажешь, сколько тебе лет? — осторожно спросила я. Мне не хотелось омрачать его прекрасное настроение.

— А это очень важно? — К моему облегчению, улыбка была безоблачной.

— Нет, но мне все равно интересно, — я скорчила рожицу. — Ничто так не мешает спать ночью, как неразгаданная тайна.

— Интересно то, насколько тебя это расстроит, — ответил он сам себе. Не говоря ни слова, он долго смотрел на заходящее солнце.

— Попробуй и узнаешь, — наконец, сказала я.

Он вздохнул и пристально взглянул мне в глаза, забыв на время о дороге. Что бы он там ни увидел, это

его обнадежило. Он снова повернул голову вперед, к солнцу, — красные лучи заходящего светила сверкали на его коже рубиновыми искрами — и заговорил.

— Я родился в Чикаго в 1901.

Сделав паузу, он покосился на меня краешком глаза. Я тщательно убрала с лица любые признаки удивления, терпеливо ожидая подробностей. Он чуть улыбнулся и продолжил.

— Карлайл нашел меня в больнице летом 1918, мне тогда было семнадцать. Я умирал от «испанки».

Он уловил мой тихий вздох, еле слышный даже моему уху, и снова посмотрел мне в глаза.

— Я сам плохо все помню — это было очень давно, а человеческие воспоминания имеют свойство стираться и блекнуть. — Он ненадолго погрузился в свои мысли, а затем продолжил. — Зато я помню, что чувствовал, когда Карлайл спас меня. Это непростое переживание, такое не забывается.

— А твои родители?

— Они к тому времени умерли от той же болезни. Я был один. Поэтому он и выбрал меня. В том хаосе, который творился во время эпидемии, никто бы и не заметил, что я исчез.

— А как он... спас тебя?

Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил. Казалось, он выбирал слова особенно тщательно.

— Это было трудно. Немногие из нас обладают достаточной силой воли, чтобы сделать такое. Но Карлайл всегда был самым человечным из нас, самым сострадающим... Не думаю, что можно найти в истории вторую такую личность. — Он сделал паузу. — Что же касается меня, мне просто было очень, очень больно.

Судя по тому, как сжались его губы, он не хотел больше говорить об этом. Я подавила любопытство, хотя оно было далеко не праздным. Нужно было

обдумать все это как следует, а сведений у меня были лишь жалкие крохи. Без сомнений, от его быстрого ума не укрылся мой особый интерес к предмету разговора.

Спокойный голос Эдварда прервал мои размышления.

— Он сделал это от одиночества. Обычная причина поступков такого рода. Я стал первым членом его семьи, затем, чуть позже, он нашел Эсме. Она упала со скалы. Ее привезли прямо в морг, хотя ее сердце каким-то непостижимым образом еще продолжало биться.

— Так значит, только умирающий может стать... — Мы никогда не произносили этого слова, и я не смогла договорить.

— Нет, просто таков Карлайл. Он никогда не сделал бы этого с человеком, у которого есть выбор. — Когда он говорил о названном отце, в его голосе неизменно звучало глубокое уважение. — Хотя, он говорил, что сделать это легче, когда кровь слабая.

Он смотрел на потемневшую дорогу, и я снова почувствовала, что больше он не скажет ничего.

— А Эмметт и Розали?

— Розали была третьей, кого Карлайл привел в нашу семью. Лишь много позже я понял: Карлайл надеялся, что Розали станет для меня тем же, чем стала для него Эсме. Он всегда был очень осторожен в мыслях на мой счет. — Он закатил глаза. — Но для меня она всегда была сестрой, и только. Два года спустя она нашла Эмметта. Она была на охоте — тогда мы жили в Аппалачах, — когда наткнулась на человека, которого собирался прикончить медведь. Она более ста миль несла его домой к Карлайлу, опасаясь, что не сможет сделать это сама. Только теперь я начинаю понимать, насколько трудным был для нее этот путь.

Он со значением посмотрел на меня и поднял свою руку, сплетенную с моей, чтобы погладить мою щеку

тыльной стороной своей ладони.

— Но она справилась, — продолжила я, глядя на дорогу, чтобы спрятаться от непереносимой красоты его глаз.

— Да, — тихо проговорил он. — Что-то было в его лице, что придало ей сил. И с тех пор они вместе. Иногда они живут отдельно от нас, как женатая пара. Но, чем более юными мы притворяемся поначалу, тем дольше можем оставаться на одном месте. Форкс нам очень подходит, и поэтому мы все поступили в старшие классы школы. — Он засмеялся. — Думаю, через несколько лет мы опять погуляем на их свадьбе.

— Элис и Джаспер?

— Элис и Джаспер — очень необычные создания. Они оба пришли к осознанию — как мы это называем — без посторонней помощи. Джаспер происходит из другой... семьи, *очень* непохожей на нас. Он впал в депрессию и бродил сам по себе. Элис нашла его. Как и я, она наделена особым даром помимо обычных способностей.

— В самом деле? — перебила я, крайне заинтересованная. — Но ты сказал, что только ты читаешь мысли.

— Так и есть. Она умеет другое. Она видит разные вещи — то, что может произойти, события, которые уже готовы случиться. Но это очень субъективно. Будущее не вырезано на каменных скрижалях. Оно меняется.

Когда он произнес это, его челюсть затвердела, а острый взгляд метнулся на мое лицо и обратно так быстро, что, возможно, мне это вообще показалось.

— Что же она видит?

— Она видела Джаспера и знала, что он ищет ее, еще до того, как познакомилась с ним. Она увидела Карлайла и нашу семью, и они вместе стали искать нас. Лучше всего она чувствует то, что связано с не-людьми. Например, она всегда знает, когда другая группа таких,

как мы, оказывается неподалеку. И может понять, опасны ли они.

— А много... таких, как вы? — я была удивлена. Сколько же их бродит среди нас неузнанными?

— Нет, немного. Но почти все ведут кочевую жизнь. Только те, кто перестал охотиться на вас, славный народец, — хитрый взгляд в мою сторону, — могут подолгу жить среди людей. Мы нашли одну такую семью в маленькой деревне на Аляске. Какое-то время мы жили с ними, но оказалось, что нас скопилось слишком много в одном месте, и мы стали привлекать к себе внимание. Те из нас, кто живет... по-другому, склонны собираться в группы.

— А остальные?

— В основном бродяги. Все мы прошли через это. Это надоедает, как и все остальное. Но мы все время натываемся на других, потому что большинство из нас предпочитает север.

— Почему север?

Мы уже стояли перед моим домом, и он выключил двигатель. Было очень тихо и темно, на небе не было луны. Свет на крыльце не горел, поэтому я знала, что отец еще не вернулся.

— Ты что, проспала весь сегодняшний день? — поддел он меня. — Неужели ты думаешь, что я мог бы пройти по солнечной стороне дороги, не вызвав десятка дорожно-транспортных происшествий? Поэтому мы выбрали Олимпийский полуостров, одно из самых сумрачных мест на планете. Очень приятно, когда можно днем выйти на улицу. Ты не представляешь себе, как может надоесть постоянная ночь за восемьдесят с лишним лет!

— А-а, отсюда и возникла легенда?

— Наверное.

— А Элис тоже пришла из другой семьи, как Джаспер?

— Нет, и это — большая загадка. Элис совсем не помнит себя человеком. И она не знает, кто ее создал. Она проснулась совсем одна. Тот, кто ее сделал, ушел, и никто из нас не может понять, как и почему. Если бы у нее не было ее дара, если бы она не увидела Джаспера и Карлайла и не знала точно, что когда-нибудь станет одной из нас, она могла бы превратиться в полную дикарку.

Мне нужно было еще так много обдумать, так много узнать у него. Но тут, к моему смущению, у меня заурчало в желудке. Я была настолько поглощена разговором, что даже не замечала, что мне хочется есть. А теперь поняла, что голодна, как волк.

— Извини. Я не даю тебе поесть.

— Я в порядке, не волнуйся.

— Я еще никогда не проводил столько времени рядом с кем-то, кому нужна человеческая еда. Я забыл.

— Хочу, чтобы ты остался.

Было гораздо легче сказать это в темноте, потому что я знала: мой голос выдаст и меня, и мою безнадежную наркотическую тягу к нему.

— Я мог бы войти? — спросил он.

— А ты хотел бы?

Я не представляла себе, как это богоподобное создание усядется в обшарпанное кухонное кресло моего отца.

— Да, если ты не против.

Я услышала, как тихо закрылась водительская дверь, и почти в тот же миг он открыл пассажирскую дверь для меня.

— Очень по-человечески, — похвалила я его.

— Да, что-то определенно всплывает.

Он шел рядом со мной в ночи так тихо, что я все время косилась в его сторону — убедиться, что он здесь.

В темноте он был гораздо больше похож на человека. По-прежнему бледный и прекрасный, как видение, он уже не был тем сверкающим фантастическим существом, которое я видела в полуденном солнечном свете.

Он обогнал меня и открыл передо мной входную дверь. Я остановилась в проеме.

— Дверь была не заперта?

— Нет, я взял ключ под карнизом.

Я вошла в прихожую, включила свет на крыльце и повернулась к нему с поднятыми от удивления бровями. Я совершенно точно не пользовалась ключом в его присутствии.

— Мне хотелось узнать о тебе побольше.

— Ты шпионил за мной! — мне не удалось пропитать этот возглас должным количеством негодования. Я была польщена.

Он даже не думал раскаиваться.

— Что еще делать по ночам?

Я решила пока смолчать и отправилась на кухню. Он был уже там — показывать дорогу ему явно не требовалось. Он сел в то самое кресло, в котором еще пару минут назад я тщетно пыталась его себе представить. От его красоты в кухне словно стало светлее. Я мгновение полюбовалась этой картиной, а потом занялась ужином.

Достав из холодильника вчерашнюю лазанью, я отрезала кусок и поставила его разогреваться в микроволновку. Тарелка завертелась, наполняя кухню запахом томатов и орегано.

— И часто? — небрежно спросила я, не сводя глаз с тарелки с лазаньей.

— А-а... что? — кажется, я оторвала его от каких-то важных мыслей.

— Часто ты сюда приходил?

— Почти каждую ночь.

Я резко развернулась и удивленно спросила:

— Но почему?

— Ты очень интересная, когда спишь, — спокойно произнес он. — Ты разговариваешь.

— Нет, — выдохнула я и покраснела до корней волос. Чтобы не упасть, я схватилась за кухонную столешницу. Я знала, что разговариваю во сне, из-за этого мама часто дразнила меня. Хотя мне и в голову не могло прийти, что придется волноваться из-за этого здесь, в Форксе.

Он огорчился.

— Ты сильно на меня сердишься?

— Смотря что... — словно от удара в солнечное сплетение, у меня прервалось дыхание, и я не смогла договорить.

Он ждал.

— Что? — подтолкнул он меня.

— Смотря что ты слышал! — взвыла я.

В тот же миг, не произнеся ни единого слова, он оказался рядом со мной и осторожно взял мои руки в свои.

— Только не расстраивайся, — взмолился он. Он наклонился ко мне и попытался поймать мой взгляд. Я смутилась и упорно отводила глаза.

— Ты скучаешь по маме, — зашептал он, — И очень за нее волнуешься. Тебе не дает покоя шум дождя. Раньше ты много говорила о доме, сейчас уже меньше. Однажды ты сказала: «Слишком зелено».

Он тихо рассмеялся, стараясь не задеть меня еще сильнее.

— Что еще? — требовательно спросила я.

Он знал, к чему я клоню.

— Ты произносила мое имя, — признался он.

Я беспомощно вздохнула.

— Часто?

— А «часто» — это сколько раз?

— О, нет! — я повесила голову.

Он прижал меня к своей груди, так нежно, так естественно.

— Не смущайся, — зашептал он в мое ухо. — Если бы я мог видеть сны, они были бы только о тебе. И мне не было бы стыдно в этом признаться.

Тут мы услышали, как зашуршали шины по кирпичной подъездной дорожке и увидели через окна передней вспышки света фар. Я застыла в его руках.

— Твой отец должен знать, что я здесь? — спросил он.

— Не уверена... — я старалась побыстрее сообразать.

— Тогда в другой раз...

И внезапно я осталась одна.

— Эдвард! — прошептала я.

Я услышала призрачный смешок, и все стихло.

Мой отец поворачивал ключ в двери.

— Белла? — позвал он.

Меня раньше это смешило: ну кого еще он ожидал здесь увидеть? Но сегодня он неожиданно попал в точку.

— Я здесь.

Надеюсь, он не услышал истерических ноток в моем голосе. Пока он входил в дом, я быстро выхватила свой ужин из микроволновки и уселась за стол. После целого дня, проведенного с Эдвардом, шаги Чарли отдавались в ушах, как грохот военного парада.

— Поделишься лазаньей? Я просто с ног валюсь.

Держась за спинку эдвардова кресла, он наступил на пятки ботинок и стянул их с ног.

Я подхватила со стола тарелку с лазаньей, и, пока разогревала порцию для Чарли, судорожно заглотила свою, обжигая язык. После этого я налила два стакана молока и залпом выпила один, чтобы потушить пожар

во рту. Когда я ставила второй стакан на стол, поверхность молока пошла кругами — у меня дрожали руки. В заветном кресле сидел теперь Чарли, являя собой комический контраст с предшественником.

— Спасибо, — сказал он, когда я поставила на стол его ужин.

— Как съездил? — спросила я. Слова выскочили скороговоркой: я умирала от желания оказаться в своей комнате.

— Хорошо. Клев был отличный. А как ты? Ты все сделала, что хотела?

— Нет, не все — была такая погода, что мне не сиделось дома.

Я снова набила рот лазаньей.

— Да, отличный был день, — согласился он.

Ты даже не знаешь, насколько ты прав, папа, — подумала я.

Покончив с лазаньей, я быстро допила остатки молока. Чарли весьма удивил меня своей наблюдательностью:

— Ты спешишь?

— Да, очень устала. Хочу пораньше лечь спать.

— Вид у тебя какой-то взвинченный, — отметил он. Почему, ну почему он решил проявить ко мне внимание именно сегодня?

— Да? — вот все, что я смогла придумать в ответ.

Я быстро помыла в раковине тарелки и положила их вверх дном на кухонное полотенце, чтобы обсохли.

— Сегодня суббота, — размышлял он вслух.

Я промолчала.

— Никаких планов на вечер? — вдруг спросил он.

— Нет, пап, я хочу немного поспать.

— Никто из мальчиков в городе тебе не подошел, да? — его снедали подозрения, но он старался не показать и виду.

— Нет, никто из мальчиков меня заинтересовал.

Я постаралась не ставить слишком сильного ударения на «мальчиках», чтобы быть честной с Чарли и в то же время не выдать себя.

— Я подумал, может, Майк Ньютон... ты сказала, что ты ему понравилась.

— Папа, Майк — *просто друг*.

— Ну ладно, все равно ты слишком хороша для всех них. Подожди, пока поступишь в колледж, а там можно начинать приглядываться.

Мечта каждого отца — отправить дочь из дома до того, как взиграют гормоны.

— Мне кажется, хорошая идея, — согласилась я и пошла вверх по лестнице.

— Спокойной ночи, солнышко, — крикнул он вслед.

Не сомневаюсь, что он будет прислушиваться всю ночь и караулить, не собираюсь ли я тайком улизнуть.

— Увидимся утром, пап.

Увидимся, когда ты заглянешь в полночь ко мне в комнату, чтобы убедиться, что я на месте.

Нарочито медленно, шаркая от притворной усталости, я поднялась по лестнице. Закрыв дверь с громким стуком, чтобы слышал Чарли, я на цыпочках подскочила к окну, рывком открыла его и выглянула наружу. Мои глаза обшаривали темноту, непроницаемую под сенью деревьев.

— Эдвард? — прошептала я, чувствуя себя дурочкой.

Тихий сдавленный смех раздался где-то позади меня.

— Что?

Я развернулась и прижала ладонь к горлу от неожиданности.

Он лежал, улыбаясь до ушей, на моей кровати, руки под головой, длинные ноги свешиваются с края — воплощение расслабленности и покоя.

— Ой! — воскликнула я и, не в силах стоять, сползла на пол

— Прости, — он сжал губы, чтобы не рассмеяться.

— Подожди, я сейчас, надо только снова запустить сердце.

Он медленно сел, чтобы снова не испугать меня, а затем наклонился и поднял меня с пола за подмышки, как ребенка. Потом он пристроил меня на кровать рядом с собой.

— Почему бы нам не посидеть рядом? — предложил он и положил свою холодную руку на мою. — Как там твое сердце?

— Тебе лучше знать — ты слышишь его лучше, чем я.

От его беззвучного смеха затряслась кровать.

Мы посидели тихо пару минут, прислушиваясь к тому, как затихает биение моего сердца. Я раздумывала над тем, как сочетать Эдварда в моей комнате и отца внизу в гостиной.

— Дашь мне еще минутку на человеческие слабости? — спросила я.

— Разумеется. — Он милостиво махнул рукой.

— Замри! — строго посмотрев на него, приказала я.

— Да, мэм.

И он снова продемонстрировал превращение в статую.

Я вскочила, схватила с пола пижаму, а со стола — сумку с туалетными принадлежностями. Не включая свет, я выскользнула на лестницу и закрыла за собой дверь.

В гостиной бормотал телевизор. Я со стуком, чтобы слышал Чарли, открыла дверь в ванную.

Я хотела сделать все побыстрее. Зверски работая щеткой, почистила зубы, стараясь быстро и тщательно убрать все следы лазаньи. Но горячий душ — это то, с чем спешить нельзя. Он распустил тугий узел мышц на спине, замедлил пульс. Знакомый запах шампуня заставил меня на минуту почувствовать себя той же

Беллой, что мылась здесь сегодня утром. Я старалась не думать об Эдварде, сидящем у меня в комнате, потому что тогда пришлось бы начинать саморелаксацию сначала. Наконец, терпеть стало невозможно. Я выключила воду и быстро вытерлась, снова начав суесться. Я натянула дырявую футболку и серые трикотажные штаны. Слишком поздно сожалеть об оставленной дома шелковой пижаме из «Виктория'с Секрет», которую мама подарила мне на день рождения два года назад — я даже бирки с нее тогда не сняла и засунула куда-то в ящик.

Я снова вытерла волосы и быстро разодрала их расческой. Бросив полотенце в плетеную корзину для белья, я сунула обратно в сумку зубную щетку и пасту, а затем сбегала вниз по лестнице, чтобы показаться Чарли в пижаме и с мокрыми волосами.

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи, Белла.

Он даже вздрогнул, увидев меня. Возможно, это удержит его от ночного обхода.

Перескакивая через ступеньку, я бесшумно взбежала вверх по лестнице и влетела в комнату.

Эдвард сидел в той же позе, не сдвинувшись ни на миллиметр — мраморный Адонис на выцветшем лоскутном покрывале. Я улыбнулась, и его губы дрогнули в ответ — статуя ожила.

Он оценивающе посмотрел на меня, окидывая взглядом мокрые волосы и драную футболку, и поднял одну бровь.

— Мило.

Я поморщилась.

— Нет, тебе правда идет.

— Спасибо, — прошептала я. Я подошла к кровати, уселась рядом, скрестив ноги, и принялась изучать древесные узоры на полу.

— Зачем все эти уловки?

— Чарли думает, что я собираюсь смыться ночью.

— Ох, — сочувственно сказал он. — Почему?

Словно мысли Чарли не были для него более прозрачны, чем для меня.

— У меня перевозбужденный вид.

Он поднял мой подбородок и вгляделся в мое лицо.

— На самом деле у тебя очень теплый вид.

Он медленно наклонился и прижался ко мне щекой.

— Ммм... — простонал он, делая глубокий вдох.

Когда он касался меня, было очень трудно сформулировать внятный вопрос, и пришлось с минуту собирать раскатившиеся, как горошины, слова.

— Мне кажется... что тебе сейчас проще быть рядом со мной, чем раньше.

— Тебе правда так кажется? — пробормотал он, а его нос скользил от моего подбородка к уху. Я почувствовала, как его руки, легкие, как крылья бабочки, отодвинули назад мои мокрые волосы, чтобы губы смогли добраться до впадинки пониже уха.

— Намного проще, — сказала я, стараясь вытолкнуть воздух из груди.

— Хмм...

— Так мне интересно, — не унималась я, но тут его пальцы медленно прошлись вдоль моей ключицы, и я потеряла нить.

— Что? — выдохнул он.

— Почему так, — мой голос дрогнул, выдавая меня. — Как ты думаешь?

Я почувствовала дрожь его дыхания на моей шее — он смеялся.

— Победа духа.

Я отодвинулась назад, и он застыл. Я перестала слышать звук его дыхания.

Мы с секунду осторожно смотрели друг на друга, а потом, когда его крепко сведенные челюсти

понемногу расслабились, на лице проступило удивление.

— Я сделал что-то не так?

— Нет, ровно наоборот. Я только что чуть с ума не сошла, — объяснила я.

Он быстро оценил мое высказывание и польщенно спросил:

— Правда?

Его лицо медленно осветила триумфальная улыбка.

— Ждешь аплодисментов? — саркастически спросила я.

Он ухмыльнулся.

— Просто я приятно удивлен, — объяснил он. — За последние сто лет или что-то около того, — в голосе прозвучала ирония, — я не мог себе даже представить ничего подобного. Я не верил, что смогу найти кого-то, с кем захочется быть... по-другому, чем с братьями и сестрами. А сейчас, когда нашел, хотя я никогда ничего такого раньше не делал... у меня получается... быть с тобой.

— У тебя всегда все получается, — заметила я.

Он пожал плечами в знак согласия, и мы оба тихо засмеялись.

— Но почему тебе сейчас так легко? — продолжала я допытываться. — Сегодня днем...

— Мне *не* легко, — вздохнул он. — Но сегодня днем я еще... пребывал в неопределенности. Мне стыдно, было непростительно вести себя так.

— Вполне простиительно, — не согласилась я.

— Спасибо, — он улыбнулся. — Видишь ли, — продолжал он, опустив глаза в пол, — Я не был уверен, что выдержу... — Он взял мою руку и легонько прижал ее к лицу. — И пока я допускал для себя возможность... сорваться с катушек, — он вдохнул запах моего запястья, — я был слишком...

впечатлителен. Но когда я твердо решил, что ни за что, никогда... что *не позволю* ...

Я еще никогда не видела, чтобы он так мучительно подбирал слова. Это было так... по-человечески.

— Значит, теперь это невозможно?

— Победа духа, — повторил он, улыбаясь, и его зубы ярко сверкнули в темноте.

— Ну и ну, как просто, — сказала я.

Он откинул назад голову и беззвучно захохотал.

— Для *тебя* просто! — поправил он, касаясь моего носа кончиком пальца.

И вдруг его лицо посерьезнело.

— Я стараюсь, — прошептал он с болью в голосе. — Но если это станет... выше моих сил, я уверен, что смогу уйти.

Я нахмурилась. Эти разговоры об уходе мне очень не нравились.

— Даже завтра мне будет уже труднее, — продолжал он. — Сегодня я дышал твоим запахом целый день и стал на удивление нечувствителен. Если я побуду хотя бы недолго вдали от тебя, мне придется привыкать заново. Хотя, конечно, не совсем с нуля.

— Тогда не уходи, — откликнулась я, стараясь скрыть страстное желание в своем голосе.

— Эта идея мне нравится, — ответил он, и нежная улыбка стерла напряжение с его лица. — Принеси кандалы — я твой пленник.

Но его длинные пальцы вместо этого крепко обхватили *мои* запястья. Он засмеялся своим тихим мелодичным смехом. Он вообще смеялся сегодня больше, чем за все время нашего знакомства.

— Сегодня ты выглядишь... веселее, чем обычно, — отметила я. — Я тебя таким еще не видела.

— А разве не должно быть так? — он улыбнулся. — Свет первой любви и все такое.

Просто невероятно, насколько отличается все, что читаешь в книгах или видишь в кино, от того, что испытываешь в реальной жизни.

— Правда, отличается, — согласилась я. — В жизни все гораздо сильнее.

— Вот, например, ревность, — его речь полилась так быстро, что я едва успевала следить за смыслом. — Я читал о ней сто тысяч раз, тысячи раз видел, как изображают ее актеры в театре или в кино. Мне казалось, что я четко понимаю, что это такое. Но когда почувствовал сам, это был шок...

И он сделал страшное лицо.

— Помнишь день, когда Майк пригласил тебя на танцы?

Я кивнула, хотя запомнила тот день совсем по другой причине.

— Это был день, когда ты снова заговорил со мной.

— Я был поражен вспышкой негодования, почти бешенства, которая охватила меня — сперва я даже не понял, что это такое. Я был почти зол оттого, что не слышу твоих мыслей, и не мог понять, почему ты ему отказала. Просто ради подруги? Или у тебя на примете был другой? Я знал, что у меня нет права думать об этом. И *старался* не думать. А потом их выстроилась целая очередь, — он хихикнул.

Я сердито посмотрела на него в темноте.

— Я ждал и глупо переживал, что ты им скажешь, какое у тебя будет при этом лицо. Я не мог отрицать, что твое раздражение меня успокоило. Но мне нужна была полная уверенность.

— В ту ночь я в первый раз пришел сюда. Я смотрел на тебя, спящую, до утра, и отчаянно пытался стянуть разрыв между тем, что считал *правильным*, моральным, этичным и тем, чего действительно хотел. Я знал, что если продолжу не замечать тебя или сбегу на пару лет, пока ты не уедешь в колледж, то рано или поздно

ты скажешь «да» Майку или такому, как он. Эта мысль поднимала во мне бурю гнева.

— И вдруг, — прошептал он. — Ты во сне произнесла мое имя. Таким ясным голосом, что я подумал, что ты проснулась. Но ты беспокойно повернулась на другой бок, еще раз пробормотала мое имя и вздохнула. От потрясения, которое я испытал в тот момент, все благие намерения разлетелись в пух и прах. И я понял, что не смогу больше тебя игнорировать.

Он немного помолчал — наверное, слушал мое сердце, которое вдруг забилось с перебоями.

— Но ревность... это такое странное чувство. Оно такое сильное, никогда бы не подумал. И совершенно иррациональное! Вот прямо сейчас, когда твой отец спросил тебя об этом гнусном Майке Ньюtone... — он сердито потряс головой.

— Надо было догадаться, что ты подслушиваешь, — простонала я.

— Разумеется.

— И что, даже *это* заставило тебя ревновать?

— Все так ново и необычно для меня. Во мне просыпается человек, и я чувствую все очень остро, потому что мои чувства только что родились.

— Но честно, — я решила подразнить его, — зачем так себя мучить, если Розали — прекрасная Розали, материальное воплощение чистой красоты, — как я слышала, была предназначена тебе? Эмметт — не Эмметт, но разве я могу с ней сравниться?

— Не может быть никакого сравнения между вами.

Его зубы засветились в темноте. Он обернул мои плененные руки вокруг себя и прижал меня к груди. Я старалась не дрогнуть ни единым мускулом, даже дышала осторожно.

— Я *знаю*, что между нами не может быть никакого сравнения— пробубнила я, уткнувшись носом в его

холодное тело. — В этом-то и проблема.

— Конечно, Розали на свой манер очень красива. Но даже если бы она не была мне сестрой, даже если бы с ней рядом не было Эмметта, она не обладала бы для меня и десятой, нет, сотой долей твоего очарования. — Он говорил вдумчиво и серьезно. — Почти девяносто лет я бродил среди подобных себе, бродил и среди людей. И мне всегда казалось, что я самодостаточен, я не понимал, что чего-то ищущу. И ничего не находил, потому что ты еще не родилась.

— Кажется, это нечестно, — сказала я, по-прежнему прижимаясь лицом к его груди и слушая его дыхание. — Мне совсем не пришлось ждать. И как это мне удалось так легко заполучить тебя?

— Ты права, — весело согласился он. — Мне надо было тебя помучить, это точно.

Он высвободил одну руку, бережно перехватил оба моих запястья второй и мягко погладил мои влажные волосы от макушки до талии.

— А так тебе просто приходится каждую секунду рисковать жизнью, чтобы побыть со мной, а это сущие пустяки. Тебе просто приходится жертвовать своей человеческой природой, а чего она стоит?

— Немногого — я не чувствую себя обделенной ничем.

— Это пока.

В его голосе неожиданно прозвучала древняя скорбь.

Я старалась откинуться назад, чтобы взглянуть ему в лицо, но его рука крепко держала мои запястья.

— Что... — начала я и внезапно почувствовала, как он напрягся. Я застыла на месте, но он неожиданно освободил мои руки и исчез. Я чуть не упала лицом вперед.

— Ложись, — прошипел Эдвард откуда-то из темноты.

Я быстро влезла под одеяло и свернулась клубком — так я обычно сплю. Я услышала, как со скрипом отворилась дверь, и Чарли заглянул в комнату, чтобы убедиться: я там, где и положено мне быть. Я дышала медленно, даже слишком.

Прошла томительная минута. Я прислушивалась, не уверенная, что дверь закрылась и опасность миновала. Тут холодная рука Эдварда обвилась вокруг меня под одеялом, а губы зашептали в самое ухо:

— Ты отвратительная актриса — я бы сказал, что эта карьера не для тебя.

— Ну и к черту ее — пробормотала я. Мое сердце тем временем пыталось сокрушить грудную клетку.

Он мурлыкал какую-то мелодию, которую я не узнала. Она показалась мне похожей на колыбельную.

Он остановился.

— Хочешь, я убаюкаю тебя?

— Конечно, — засмеялась я. — Словно я смогу спать, пока ты здесь.

— До последнего времени тебе это удавалось, — напомнил он.

— Но я же ни о чем *не знала*, — ледяным тоном ответила я.

— Ну, раз ты не хочешь спать... — предложил он, не обращая внимания на мой тон. У меня перехватило дыхание.

— Если я не хочу спать...?

Он тихо рассмеялся:

— То что тогда ты хочешь делать?

Сначала я не нашлась, что ответить.

— Пока не знаю, — наконец, сказала я.

— Скажи, когда придумаешь.

Я чувствовала его прохладное дыхание на своей шее, его нос скользил вдоль края моей челюсти — он вдыхал мой запах.

— Я думала, ты потерял чувствительность.

— То, что я не пью вина, еще не значит, что я не могу насладиться букетом, — прошептал он. — У тебя очень цветочный запах. Похоже на лаванду... или фрезю. Слюнки текут.

— Да, можно считать, день не удался, если *кое-кто* не напомнит мне о том, как аппетитно я пахну.

Он тихо засмеялся, а потом вздохнул.

— Я поняла, чего хочу, — сказала я. — Хочу услышать еще что-нибудь о тебе.

— Спрашивай, о чем хочешь.

Из всех своих вопросов я выбрала самый важный.

— Почему ты это делаешь? Я до сих пор не понимаю, зачем ты так ожесточенно борешься с собой, чтобы не быть тем, что ты *есть*? Пожалуйста, не воспринимай мои слова превратно, я очень рада, что ты это делаешь. Просто скажи, зачем так мучить себя?

Он ответил не сразу.

— Это хороший вопрос, и не ты первая его задаешь. Большинство нам подобных совершенно довольны своим жребием — они тоже не понимают, зачем мы так живем. Но, знаешь, то, что нам... выпал такой расклад, еще не значит, что у нас нет права выбора... что мы не можем подняться и вырваться за рамки судьбы, которую никто из нас не выбирал. Попытаться сохранить в себе хотя бы главное из того, что делает человека человеком.

Я лежала не шевелясь, онемев в благоговейном молчании.

— Ты спишь? — прошептал он спустя пару минут.

— Нет.

— Вопросы иссякли?

Я закатила глаза.

— Нет, конечно.

— Что еще хочешь узнать?

— Почему ты можешь читать мысли — только ты один? А Элис — видеть будущее... почему так случилось?

В темноте я почувствовала, как он пожал плечами.

— Мы сами не знаем. У Карлайла есть теория... он думает, что мы приносим в следующую жизнь какие-то преобладающие в нас человеческие черты, и они многократно приумножаются — так же, как обостряются, например, наши слух и обоняние. Он думает, что человеком я уже был восприимчив к мыслям окружающих, а Элис обладала даром предвидения.

— Что он сам и остальные принесли в следующую жизнь?

— Карлайл — сострадание. Эсме — способность страстно любить. Эмметт принес силу, Розали... — негибаемость. Ну или можешь назвать это ослиным упрямством, — коротко засмеялся он. — Вот Джаспер — очень интересный экземпляр. Он был очень харизматичен в прошлой жизни, мог влиять на окружающих так, что они начинали видеть мир его глазами. А сейчас он может управлять эмоциями тех, кто рядом с ним — например, утихомирить массовую драку или наоборот, завести сонную толпу. Это очень изысканный дар.

Я размышляла о невозможных вещах, которые он описывал, стараясь понять. Он терпеливо ждал.

— А с чего все это началось? Я имею в виду — Карлайл изменил тебя, кто-то, должно быть, изменил его, и так далее...

— Ну, а ты как появилась? Эволюция? Или акт творения? Не могли ли мы возникнуть в результате эволюции, как другие виды хищников и жертв? Или, если ты, как и я, не склонна верить, что этот мир вдруг

взял и возник сам по себе, так ли сложно предположить, что одна и та же сила создала нежную рыбу-ангела и акулу, детеныша тюленя и касатку-убийцу, то есть, оба вида вместе?

— Давай скажем прямо — это я детеныш тюленя, да?

— Да.

Он засмеялся, и что-то коснулось моих волос — его губы?

Я хотела повернуться к нему, чтобы точно убедиться, что это были губы, но нужно было вести себя хорошо. Мне не хотелось доставлять ему новые неудобства.

— Ты уже готова заснуть? — спросил он, прерывая короткое молчание. — Или есть еще вопросы?

— Еще пара миллионов.

— У нас есть завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... — напомнил он мне. Я улыбнулась, погрузившись в эйфорию от этой мысли.

— Ты уверен, что не исчезнешь утром? — мне хотелось быть уверенной. — В конце концов, ты же просто миф.

— Я тебя не покину.

Кажется, он обещал это.

— Можно еще вопрос, последний?

Я покраснела. И темнота бы не помогла — он, должно быть, ясно ощутил внезапный жар моей кожи.

— Что такое?

— Нет, забудь. Я передумала.

— Белла, ты можешь спрашивать меня о чем угодно.

Я не ответила, и он застонал.

— Знаешь, я думал, что со временем привыкну не слышать твои мысли и перестану переживать по этому поводу. Но становится все хуже и хуже.

— Это очень хорошо, что ты не слышишь мои мысли. С меня хватит того, что ты подслушиваешь меня

по ночам.

— Ну пожалуйста! — в его голосе было столько убеждения, что трудно было устоять.

Я помотала головой.

— Если ты мне не скажешь, я буду думать, что это гораздо хуже, чем оно, возможно, есть на самом деле, — зловеще предупредил он.

— Пожалуйста! — снова умоляющим тоном.

— Ну ладно, — начала я, довольная, что он не может видеть мое лицо.

— Да, что?

— Ты говорил, что Розали и Эмметт скоро поженятся... Это значит... то же самое, что у людей?

Он не на шутку развеселился.

— Так ты про *это*?

Я заерзала, не в силах отвечать.

— Да, думаю, в общем, то же самое, — ответил он. — Я говорил тебе, что у нас остались все человеческие желания, просто другие желания, более мощные, заглушают их.

— А-а, — все, что я смогла сказать.

— Ты с какой-то целью спросила об этом?

— Да, мне хотелось знать... когда-нибудь ты и я... мы сможем...?

Он вдруг посерьезнел, судя по внезапной неподвижности его тела. Я, его зеркальное отражение, замерла тоже.

— Не думаю... что это для нас возможно.

— Потому что ты можешь не выдержать, если мы будем... так близки?

— Это, разумеется, тоже проблема, но я подумал о другом. Просто ты очень мягкая, очень хрупкая. Я вынужден просчитывать каждое свое движение, когда мы вместе, чтобы не поранить тебя. Я мог бы легко убить тебя просто по нелепой случайности. — Его голос превратился в тихий шепот. Он положил свою

ледяную ладонь на мою щеку. — Если я что-то сделаю второпях... если хоть чуть-чуть ослаблю внимание, может оказаться, что я захочу прикоснуться к твоему лицу, а по ошибке проломлю тебе череп. Ты не понимаешь, до чего ты *ломкая*. С тобой рядом мне нельзя будет забыться ни на секунду.

Он ждал моего ответа, и, поскольку я молчала, встревожился.

— Ты испугалась? — спросил он.

Я подождала с минуту, чтобы не сказать неправды.

— Нет, все в порядке.

Он, казалось, что-то обдумывал.

— Знаешь, мне тоже интересно... — начал он, голос его зазвучал более легкомысленно. — Ты когда-нибудь?.. — он оборвал фразу, надеясь, что я и так пойму.

— Конечно, нет. — Я покраснела. — Я же говорила, что еще никогда у меня не было таких чувств ни к кому, даже близко.

— Я знаю. Я спрашиваю потому, что читаю мысли других и знаю, что любовь и желание не всегда ходят рука об руку.

— Для меня всегда. Именно в таком сочетании они для меня и существуют, — вздохнула я.

— Это прекрасно. У нас есть, по крайней мере, одна общая черта.

Он действительно был очень доволен.

— Твои человеческие инстинкты... — начала я. — Ты вообще находишь меня привлекательной в *этом* смысле?

Он засмеялся и слегка потрепал мои почти высохшие волосы.

— Я же мужчина, хоть и не человек, — заверил он меня.

Я невольно зевнула.

— Теперь я ответил на все вопросы, давай спи, — велел он.

— Не знаю, смогу ли.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Нет! — почти вскрикнула я.

Он засмеялся и вновь принялся мурлыкать ту самую незнакомую колыбельную — глас архангела, еле слышно трубящего в мое ухо.

Небывало длинный день, полный эмоционального и умственного напряжения, вымотал меня гораздо сильнее, чем я смела признаться самой себе. Я тут же провалилась в сон в холодных объятиях Эдварда.

Глава 15. Каллены

Неяркий свет еще одного пасмурного утра в конце концов разбудил меня. Я проснулась с мутью в голове, моя рука неловко лежала на лице, прикрывая глаза. Что-то властно пыталось ворваться в мое сознание — может быть, недосмотренный сон? Я со стоном повернулась на другой бок, надеясь еще поспать. Вдруг неожиданно нахлынули воспоминания о вчерашнем дне, и я окончательно проснулась.

— О-ох! — я села в постели так быстро, что закружилась голова.

— У тебя волосы торчат, как солома, но мне нравится, — раздался из кресла-качалки в углу его невозмутимый голос.

— Эдвард! Ты остался!

Я обрадовалась и без всякой задней мысли прыгнула через всю комнату прямо к нему на колени. В тот момент, когда я поняла, что наделала, я застыла на месте, проклиная свой неуместный энтузиазм. Уверенная, что пересекла границу дозволенного, я испуганно посмотрела на него.

Но он смеялся.

— Разумеется, — ответил он. Хотя моя реакция заставила его вздрогнуть, ему было приятно. Он потрепал меня по спине. Я осторожно положила голову ему на плечо, вдыхая запах его кожи.

— Я думала, это был сон.

— Для таких снов у тебя маловато фантазии, — насмешливо произнес он.

— Чарли! — внезапно вспомнила я и снова бездумно вскочила, устремившись к двери.

— Он уехал час назад — надо добавить, подключив сперва аккумулятор твоего пикапа. Должен признаться,

я был разочарован. Неужели этим нехитрым приемом можно тебя остановить, если ты решила смыться?

Я жестоко колебалась — мне очень хотелось немедленно вернуться к нему, но я была уверена, что сначала стоило почистить зубы.

— Обычно по утрам ты так не топчешься на одном месте, — заметил он и гостеприимно распахнул мне свои объятия. Еще немного, и я не выдержу.

— Можно мне отлучиться на минутку? — спросила я.

— Я подожду.

Я бросилась в ванную, не в состоянии понять, что сейчас чувствую. Я перестала узнавать себя — изнутри и снаружи. Лицо в зеркале было словно не мое: горящие глаза, красные пятна лихорадочного румянца на щеках. Я почистила зубы и попыталась превратить «взрыв на макаронной фабрике» во что-нибудь попримечнее. Плеснув себе в лицо холодной воды, я попробовала дышать ровнее, но без особого успеха. Обратно в комнату я почти вбежала.

О чудо — он по-прежнему был там, и его раскрытые объятия по-прежнему ждали меня. Он протянул ко мне руки, и мое сердце неровно забилось.

— С возвращением, — негромко произнес он, обнимая меня.

Он молча держал меня на руках, и мы тихо качались в кресле, пока я не заметила, что на нем другая одежда, а волосы причесаны.

— Ты уходил? — упрекнула я, проводя пальцем по воротничку чистой рубашки.

— Разве я могу выйти из дому в том же, в чем приехал — что скажут соседи?

Я надулась.

— Ты к тому времени уже крепко спасла, и все самое интересное закончилось. — Он просиял. — Даже разговоры.

Я застонала.

— Что я говорила?

Его золотые глаза мягко смотрели на меня.

— Ты сказала, что любишь меня.

— Ты это уже знаешь, — напомнила я, уронив голову.

— Все равно было приятно услышать.

Я уткнулась лицом в его плечо.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

— Ты теперь — моя жизнь, — просто ответил он.

Больше ничего не нужно было говорить.

Мы качались в кресле, а за окном понемногу светлело.

— Пора завтракать, — наконец, сказал он небрежно, чтобы — я была уверена — дать мне понять, что не забыл о моих человеческих слабостях.

Я обеими руками схватилась за горло и выпучила на него страшные глаза. Его лицо перекосилось от ужаса.

— Шутка! — захохотала я. — А еще говорил, что я ужасная актриса!

Он поморщился от отвращения.

— Это не смешно.

— А вот и смешно, и ты это знаешь.

Но я внимательно посмотрела ему в глаза, чтобы убедиться, что прощена. Разумеется, он тут же простил.

— Давай перефразирую, — предложил он. — Человеку пора завтракать.

— Ну хорошо.

Он перекинул меня через свое каменное плечо — нежно, но так быстро, что у меня сбилось дыхание. Не обращая внимания на мои протесты, он легко стащил меня вниз по лестнице и усадил в кресло на кухне. Головой вверх.

Кухня, словно в унисон моему настроению, выглядела яркой и праздничной.

— Что на завтрак? — миролюбиво спросила я.

Он вдруг растерялся.

— Не знаю. Что ты любишь?

Мраморное чело прорезала морщина.

Я усмехнулась и вскочила.

— Не волнуйся, я сумею прокормиться сама. Смотри, как я охочусь.

Я достала глубокую тарелку и коробку хлопьев. Он не отрываясь смотрел, как я наливала молоко и искала ложку. Я поставила еду на стол и спросила из вежливости:

— Тебе чего-нибудь положить?

Он закатил глаза.

— Белла, ешь.

Я села за стол и, глядя на него, отправила в рот первую ложку хлопьев. Он пристально наблюдал за каждым моим движением. Мне стало неловко. Я прочистила горло, чтобы как-то его отвлечь.

— Чем займемся сегодня? — спросила я.

— Хм-м-м... — он явно думал над тем, как правильно сформулировать. — Как насчет того, чтобы познакомиться с моей семьей?

Я судорожно сглотнула.

— Ты что, боишься? — с надеждой спросил он.

— Да, — призналась я. Все равно отрицать не получится — он все понял по глазам.

— Не беспокойся. — Он самодовольно усмехнулся. — Я тебя защищу.

— Я не боюсь *их*, — объяснила я. — Я боюсь, что я им... не понравлюсь. Да и потом, разве они не удивятся, если ты приведешь... кого-то вроде меня... с ними знакомиться? Они знают, что я знаю про них?

— О, да, они все уже знают. Не поверишь, они вчера делали ставки, — он улыбался, но голос был резок от сарказма, — привезу ли я тебя домой. Хотя не могу понять, зачем ставить против Элис. В любом случае, у нас в семье секретов нет. Это просто бессмысленно,

с моим умением читать мысли и умением Элис видеть будущее.

— И с умением Джаспера заставить тебя мурлыкать от удовольствия, выворачивая душу наизнанку, не забывай.

— А ты все схватываешь! — одобрительно улыбнулся он.

— Друзья и соседи очень ценят во мне это качество, — я скорчила рожицу. — Элис видела меня у вас дома?

Он отреагировал как-то странно.

— Что-то вроде того, — неохотно ответил он и отвернулся, чтобы спрятать от меня глаза. Я с удивлением уставилась на него.

— Это что, вкусно? — спросил он, резко поворачиваясь ко мне и скептически разглядывая содержимое моей тарелки. — Если честно, выглядит не слишком аппетитно.

— Конечно, это же не злобный гризли, — тихо проговорила я, игнорируя его сверкнувший взгляд. Я все еще размышляла над тем, почему он так странно повел себя при упоминании Элис. Я быстро глотала овсянку и строила разные гипотезы.

Он стоял посреди кухни, обернувшись мраморным Адонисом, и с отсутствующим выражением лица смотрел в окно на задний двор.

Вдруг он повернулся ко мне и обезоруживающе улыбнулся.

— Я думаю, ты тоже должна представить меня отцу.

— Вы с ним уже знакомы, — напомнила я.

— Я имею в виду, как своего *близкого* друга.

Я подозрительно посмотрела на него.

— Зачем?

— А разве так не принято? — спросил он с невинным видом.

— Не знаю, — призналась я.

Мало того, что у меня еще ни с кем не было близких отношений, обычные правила казались мне мало применимыми к нашему случаю.

— Думаю, нет необходимости. Мне не хочется, чтобы ты... притворялся ради меня.

Он терпеливо улыбнулся.

— Я не собираюсь притворяться.

Я прикусила губу и размазала остатки овсянки по краям тарелки.

— Так ты скажешь Чарли, что я твой парень, или нет? — решительно спросил он.

— Так ты, значит, мой парень? — я представила себе в этой кухне Эдварда, Чарли и повисшее между ними в воздухе слово «парень», и содрогнулась.

— Ну, готов признать, что «парнем» меня можно было назвать разве что в прошлой жизни.

— Мне казалось, что ты для меня нечто большее, — призналась я, уставившись на скатерть.

— Не знаю, стоит ли посвящать Чарли во все кровавые подробности. — Он протянул руку через стол и мягко приподнял мой подбородок холодным длинным пальцем. — Но придется как-то объяснить ему, почему я постоянно дежурю возле его дочери. Я не хочу, чтобы шеф полиции Свон наложил на меня свое запретительное постановление.

— А ты будешь? — спросила я в неожиданной тревоге. — Будешь постоянно дежурить рядом со мной?

— Пока ты этого хочешь, — заверил он меня.

— Я всегда буду этого хотеть, — предупредила я. — Вечно.

Он медленно обошел вокруг стола и, остановившись в нескольких шагах от меня, вытянул руку и погладил меня по щеке кончиками пальцев. Я не смогла определить, что выражало его лицо.

— Тебе грустно? — спросила я.

Он не ответил, только очень долго смотрел мне в глаза.

— Ты поела? — наконец спросил он.

Я вскочила.

— Да.

— Тогда одевайся, а я подожду здесь.

Я никак не могла решить, что мне одеть. Вряд ли хоть в одной книге по этикету написано, что делать, когда твой миленок-вампир приглашает тебя в гости, чтобы представить своей вампирской семейке. Я испытала облегчение, хотя бы про себя назвав вещи своими именами. Я понимала, что сознательно пряталась от этого слова. Наконец, я надела свою единственную юбку — длинную, цвета хаки, простую, но нарядную. К ней в пару я выбрала темно-синюю блузку, которую он однажды похвалил. Быстрый взгляд в зеркало ясно дал понять, что сегодня мои волосы безнадежны, и я стянула их в «хвост».

— Все, — я вприпрыжку понеслась вниз. — Вполне приличная девушка.

Он ждал меня прямо внизу у лестницы и стоял ближе, чем я думала, так что я с размаху влетела в него. Он поймал меня и поставил перед собой, придерживая вытянутыми руками. Несколько секунд он разглядывал меня с этого безопасного расстояния, а потом неожиданно притянул к себе.

— Снова ошиблась, — прожурчал он мне в ухо. — Ты до предела неприличная девушка. Нельзя выглядеть так соблазнительно, это просто бессовестно.

— Соблазнительно в каком смысле? Я могу переодеться...

Он вздохнул и покачал головой.

— Ты *такая* нелепая.

Он мягко прижался прохладными губами к моему лбу, и комната завертелась. Запах его дыхания отключил все мысли в голове.

— Тебе объяснить, в каком смысле? — спросил он. Это был чисто риторический вопрос. Его пальцы медленно спустились вниз вдоль моего позвоночника, и я кожей почувствовала, как участилось его дыхание. Мои руки бессильно лежали на его груди, и я снова почувствовала головокружение. Он медленно наклонил голову и очень осторожно прикоснулся своими прохладными губами к моим. Его губы слегка раздвинулись, и я потеряла сознание.

— Белла! — встревожено позвал он, подхватив меня под руки.

— Ты... довел меня... до обморока, — упрекнула я его заплетающимся языком.

— *Ну что мне с тобой делать?* — яростно простонал он. — Вчера я поцеловал тебя — и ты на меня кинулась! А сегодня — отключилась!

Я вяло рассмеялась, позволив ему поддерживать меня, пока не прошло головокружение.

— Многовато проколов для того, у кого все получается, — вздохнул он.

— В этом вся проблема, — меня еще шатало. — У тебя все *слишком хорошо* получается. Слишком-слишком-слишком хорошо.

— Тебя тошнит? — спросил он, вспомнив про «группу крови».

— Нет — это что-то другое. Я не знаю, что случилось. — Я смущенно покачала головой. — Кажется, я забыла дышать.

— Тебе нельзя никуда ехать в таком состоянии.

— Я в порядке, — не согласилась я. — Твои родственники все равно решат, что я больная, так что какая разница?

Он долгим взглядом попытался оценить выражение моего лица.

— Мне безумно нравится сочетание этого оттенка синего с твоей кожей, — неожиданно выдал он.

Я покраснела от удовольствия и отвернулась.

— Слушай, я правда очень стараюсь не думать о том, что сейчас собираюсь сделать. Так что давай уже поедem, ладно? — попросила я.

— И ты волнуешься не потому, что тебя тащат в дом, полный вампиров, а потому, что ты боишься этим вампирам не понравиться, верно?

— Да, ты прав, — немедленно ответила я, желая скрыть свое удивление тем, как небрежно произнес он запретное слово.

Он покачал головой.

— Что-то невероятное.

Пока он вел пикап в сторону выезда из города, я вдруг осознала, что не знаю, где он живет. Мы миновали мост через реку Калауах, и дорога повернула на север. Мелькавшие мимо дома располагались все дальше от дороги и становились все больше по размеру. Потом ряд домов закончился, и с обеих сторон потянулся влажный лес. Я все думала, начать ли задавать вопросы или посидеть тихо, как вдруг он свернул на проселок. Дорога, еле различимая в зарослях густого папоротника, была без указателя. Лес наступал с обеих сторон, и дорога, которая вилась змеей, огибая огромные древние деревья, была видна лишь на несколько метров вперед.

Наконец, в густых лесных зарослях показался просвет, и мы неожиданно выехали на небольшой луг (или, возможно, газон). Лесной сумрак царил даже здесь, на открытом пространстве, так как шесть первобытных кедров своими широкими кронами закрывали от солнца целый акр. Деревья простирали ветви прямо к стенам дома, и благодаря постоянной тени и сырости портик, огибавший первый этаж, пришел в полную негодность.

Не знаю, что я ожидала увидеть, но только не это. Изящному трехэтажному дому могло быть лет

сто — он принадлежал к той породе вещей, что неподвластны течению времени. Простой прямоугольной формы и прекрасных пропорций, дом был окрашен в мягкий, словно выцветший белый цвет. Его двери и окна были такими же старыми, как стены (или, возможно, искусно отреставрированными). Я не видела поблизости ни одной машины, кроме своего пикапа. Где-то рядом слышался шум реки, скрытой темным пологом леса.

— Вот это да...

— Нравится? — он улыбнулся.

— Да, есть определенный шарм....

Он дернул меня за кончик собранных в «хвост» волос и фыркнул.

— Ну что, готова? — спросил он, открывая дверь машины.

— Ничуть — но пойдём. — Я постаралась засмеяться, но смех застрял в горле.

Я нервно пригладила причёску.

— Ты отлично выглядишь.

Он легко и естественно, не задумываясь, взял меня за руку.

Под густой тенью кедров мы прошли к портику. Я знала, что он чувствует мое напряжение, его большой палец чертил успокаивающие круги на тыльной стороне моей ладони.

Он открыл мне дверь.

То, что я увидела внутри, удивило меня еще сильнее. Огромный просторный холл первого этажа был залит светом. Наверное, изначально здесь было несколько комнат, но потом перегородки убрали, чтобы создать единое пространство. Заднюю стену дома, выходящую на юг, целиком заменили стеклянной панелью. Сквозь кедровые ветви был виден газон, полого спускавшийся к широкой реке. Массивная витая лестница занимала западную часть холла. Стены,

высокий сводчатый потолок, деревянный пол и толстые ковры на полу были разных оттенков белого.

Слева от двери на возвышении, занятом большим роялем, нас ждали родители Эдварда. Разумеется, я уже встречалась с доктором Калленом, но меня снова потрясли его молодость и невероятная красота. Рядом с ним стояла, по-видимому, Эсме — единственная, кого я еще не видела. Она была так же бледна и прекрасна, как остальные члены этой семьи. Что-то в ее лице сердечком и мягких волнах волос цвета карамели напоминало инженеру эпохи немого кино. Она была небольшого роста, хрупкая, но не худая, ее тело было более округлым, чем у остальных. Они оба были одеты просто, в одежду светлых тонов, что прекрасно гармонировало с внутренним убранством дома. Карлайл и Эсме приветственно улыбались, но не сделали ни шага навстречу. Очевидно, чтобы не напугать гостью, решила я.

— Карлайл, Эсме, — голос Эдварда прорезал мгновение тишины, — Это Белла.

— Мы очень рады, Белла.

Карлайл сделал осторожный, точно отмеренный шаг ко мне. Он нерешительно поднял руку, и я подошла к нему, чтобы пожать ее.

— Рада снова видеть Вас, доктор Каллен.

— Пожалуйста, зови меня Карлайл.

— Карлайл.

Я улыбнулась ему и вдруг ощутила спокойствие и уверенность, поразившие меня саму. Мне показалось, что Эдвард рядом со мной тоже почувствовал облегчение.

Эсме улыбнулась и выступила вперед, протягивая мне руку. Ее холодно каменное пожатие оказалось таким, каким я его себе представляла.

— Очень приятно познакомиться, — искренне сказала она.

— Спасибо. Я тоже очень рада.

Это на самом деле было так — я словно видела перед собой сказочную Белоснежку.

— А где Элис и Джаспер? — спросил Эдвард, но ответа не получил, потому что в тот же миг они сами появились на верхней ступени широкой лестницы.

— Привет, Эдвард! — звонко воскликнула Элис.

Она сбежала по лестнице — хаотическое мельтешение черных волос и белой кожи — и резко, но грациозно остановилась рядом со мной. Карлайл и Эсме предостерегающе покосились на нее, но мне это понравилось. Так было естественно — для нее, во всяком случае.

— Привет, Белла, — сказала Элис, скакнула вперед и поцеловала меня в щеку.

Если Карлайл и Эсме до этого выглядели настороженными, то теперь просто оторопели. У меня тоже, наверное, глаза округлились, но мне было очень приятно, что Элис так недвусмысленно проявила симпатию по отношению ко мне. Изумило только то, что Эдвард рядом со мной напрягся. Я взглянула на его лицо, но не смогла понять, о чем он думал.

— А ты и вправду хорошо пахнешь, я раньше не замечала, — к моему крайнему замешательству сказала Элис.

Никто не нашелся, что сказать, но тут на лестнице появился Джаспер — высокий и благородный, как лев. Меня неожиданно охватило чувство легкости, и мне стало очень комфортно находиться в доме Калленов. Эдвард пристально посмотрел на Джаспера, подняв одну бровь, и я тут же вспомнила о его «утонченном» даре.

— Привет, Белла! — сказал Джаспер. Он держался на расстоянии и не протянул мне руки. Но все равно было невозможно чувствовать неловкость в его присутствии.

— Привет, Джаспер. — Я робко улыбнулась ему и обернулась к остальным. — Очень приятно познакомиться со всеми вами. У вас очень красивый дом, — добавила я, следуя общепринятой схеме.

— Спасибо, — сказала Эсме. — Мы так рады, что ты пришла.

Она говорила с чувством, и я поняла, что она считает меня храброй девушкой.

Я вдруг заметила, что не хватало Розали и Эмметта, и вспомнила, как Эдвард старательно отрицал то, что в его семье я кому-то не нравлюсь.

Меня отвлекло от этих мыслей движение лица Карлайла — они с Эдвардом многозначительно переглянулись. Краем глаза я увидела, как Эдвард кивнул.

Я вежливо отвернулась. Мой взгляд снова упал на прекрасный инструмент, стоявший на возвышении возле двери. Я вдруг вспомнила свою детскую мечту: выиграть в лотерею и купить маме огромный рояль. Она была невеликим музыкантом — играла только для себя на нашем подержанном пианино — но я любила смотреть на нее во время игры. Счастливая, всецело поглощенная своим занятием — она казалась мне каким-то невиданным загадочным существом, не имеющим ничего общего с привычной, близкой и родной мамой. Она, разумеется, была бы не прочь учить меня музыке, но я, как и большинство детей, сопротивлялась и хныкала до тех пор, пока она не оставила эту затею. Эсме заметила, куда я смотрю.

— Ты играешь? — спросила она, кивнув в сторону рояля.

Я покачала головой.

— Увы, нет. Но он такой красивый. Это Ваш?

— Нет, — засмеялась она. — Эдвард разве не говорил тебе, что у него есть слух?

— Нет. — Я, прищурившись, строго посмотрела ему в глаза, которые вдруг приняли невинное выражение. — Но мне стоило бы догадаться.

Эсме, не понимая, подняла свои нежные брови.

— Эдвард ведь может все, правда? — пояснила я.

Джаспер засмеялся, а Эсме бросила на Эдварда осуждающий взгляд.

— Надеюсь, ты не слишком распускал хвост — это невежливо, — с укором произнесла она.

— Так, слегка, — он весело засмеялся. При звуке его смеха лицо Эсме смягчилось, и они обменялись быстрыми взглядами, значения которых я не поняла. Эсме даже слегка надулась от самодовольства.

— На самом деле, он был чересчур скромн, — поправила я.

— Тогда сыграй для нее, — предложила Эсме.

— Ты только что сказала, что невежливо распускать хвост, — возразил он.

— Для всякого правила есть исключения, — парировала она.

— Мне хотелось бы послушать, — вставила я.

— Тогда решено, — Эсме подтолкнула Эдварда к роялю. Он потянул меня за руку и усадил на скамью рядом с собой.

Одарив меня долгим сердитым взглядом, он повернулся к роялю.

Его пальцы быстро побежали по клавишам, и комнату наполнили роскошные звуки. Композиция была настолько богатой и сложной, что казалось невозможным сыграть это одной парой рук. Я почувствовала, как мой рот приоткрылся от удивления, и услышала рядом с собой легкий смешок — он заметил мою реакцию.

Эдвард мельком взглянул на меня, не прерывая игры, и подмигнул.

— Тебе нравится?

Внезапно меня осенило.

— Это ты сочинил? — выдохнула я.

Он кивнул.

— Любимая вещь Эсме.

Я закрыла глаза и покачала головой.

— Что такое?

— Я чувствую себя полным ничтожеством.

Музыка стала медленнее, спокойнее, и, к своему удивлению, я услышала, как сквозь щедрую россыпь нот постепенно пробивается мелодия знакомой колыбельной.

— Это — твоя часть, — мягко сказал он. Музыка стала невыразимо нежной

Я потеряла дар речи.

— Знаешь, а ты им понравилась, особенно Эсме, — как ни в чем ни бывало заметил Эдвард.

Я оглянулась, но комната оказалась пуста.

— Куда они ушли?

— Тактично оставили нас наедине, я полагаю.

Я вздохнула.

— Им я понравилась, но Розали и Эмметт... — я не смогла закончить предложение, не зная, как выразиться поточнее.

Он нахмурился.

— Не беспокойся насчет Розали, — сказал он, успокаивающе глядя на меня. — Она появится.

Я с сомнением поджала губы.

— А Эмметт?

— Он, разумеется, считает меня чокнутым, но ничего не имеет против тебя. Он, должно быть, сейчас успокаивает Розали.

— Чем она так недовольна? — я не была уверена, что на самом деле хочу знать ответ.

Он глубоко вздохнул.

— Розали больше всех несчастна от того... чем стала. И ей тяжело сознавать, что кто-то

из посторонних знает правду. И еще она немного ревнует.

— *Розали* ревнует ко мне? — недоверчиво спросила я. Как бы отыскать ту вселенную, в которой сногшибательное существо вроде Розали имеет хоть малейший повод ревновать к кому-то вроде меня?

— Ты человек, — он пожал плечами. — Она тоже хотела бы быть человеком.

— Вот как? — пробормотала я, все еще не оправившись от удивления. — Но даже Джаспер...

— На самом деле, это моя вина, — сказал он. — Я тебе говорил, что он не так давно начал жить так, как мы. Я попросил его сохранять разумную дистанцию.

Я подумала о причине этой просьбы, и меня передернуло.

— Эсме и Карлайл... — быстро продолжила я, чтобы он не заметил.

— Счастливы тем, что я счастлив. На самом деле, Эсме было бы все равно, будь у тебя хоть третий глаз или лапы с перепонками. Она всегда волновалась за меня, считала, что я упустил какой-то важный человеческий опыт, что Карлайл изменил меня слишком юным. Сейчас она в экстазе. Каждый раз, когда я касаюсь тебя, она млеет от восторга.

— Элис, кажется... очень рада.

— У Элис свой взгляд на вещи, — сказал он, почти не разжимая губ.

— И ты не станешь объяснять подробности, не так ли?

Между нами произошел бессловесный диалог. Он понял: я догадалась, что он что-то от меня скрывает. А я поняла, что он мне ничего не расскажет. По крайней мере, сейчас.

— Что Карлайл тебе сказал?

Его брови сошлись на переносице:

— Ты заметила, да?

Я пожала плечами:

— Конечно.

Он несколько секунд смотрел на меня в раздумье, прежде чем ответить.

— Он намеревался сообщить мне новости, но не знал, захочу ли я посвящать в это тебя.

— А ты захочешь?

— Придется, потому что я собираюсь... довольно назойливо опекать тебя следующие несколько дней — или недель. Не хочется, чтобы ты сочла это тиранией.

— Что случилось?

— Ничего плохого, на самом деле. Элис только что увидела, как сюда собираются гости. Они знают про нас и полны любопытства.

— Гости?

— Да. Они, разумеется, не такие, как мы — в том, что касается охотничьих пристрастий. Возможно, они и носа не покажут в городе, но я решительно не хочу терять тебя из виду до тех пор, пока они не уйдут.

Я вздрогнула.

— О, наконец-то вижу нормальную реакцию, — проворчал он. — Я уж боялся, что у тебя начисто отсутствует инстинкт самосохранения.

Я пропустила это мимо ушей и, не глядя на него, снова стала рассматривать комнату. Он проследил направление моего взгляда.

— Ты такого не ожидала, правда? — горделиво спросил он.

— Нет, — признала я.

— Ни гробов, ни свалки черепов по углам. Кажется, даже паутины у нас нет. Должно быть, ты страшно разочарована? — лукаво продолжал он.

Я не обратила внимания на его подначки.

— Здесь так светло... так просторно.

Он ответил уже серьезно:

— Это единственное место, где нам не надо прятаться.

Песня, которую он играл все это время — моя песня — подошла к концу, ее финальные аккорды прозвучали печальнее. Последняя нота мучительно повисла в воздухе.

— Спасибо, — тихо проговорила я.

Я почувствовала, что в моих глазах стоят слезы. Смущенная, я неловко вытерла их. Он прикоснулся к моему веку и поймал маленькую каплю влаги, которую я упустила. Подняв палец, какое-то время он задумчиво ее разглядывал, а затем быстро, так что я едва успела заметить его движение, сунул палец в рот и попробовал ее на вкус.

Я вопросительно посмотрела на него, и он ответил мне долгим взглядом, прежде чем наконец улыбнуться.

— Хочешь посмотреть дом?

— Гробов нет? — на всякий случай спросила я, и сарказм в моем голосе едва ли смог скрыть легкое, но отчетливое беспокойство по этому поводу.

Он засмеялся, взял меня за руку и повел прочь от рояля.

— Гробов нет, — заверил он меня.

Мы пошли вверх по ступеням широкой лестницы, и моя рука заскользила по гладким, как атлас, перилам. Длинный коридор, начинавшийся от площадки второго этажа, был облицован деревянными панелями медового оттенка. Такого же цвета были доски пола.

— Комната Розали и Эмметта.. кабинет Карлайла... комната Элис...

Он показывал на двери, мимо которых мы проходили.

Наверное, мы обошли бы так весь дом, если бы я не остановилась, как вкопанная, в конце коридора. Мой взгляд приковало украшение на стене, висевшее

прямо над моей головой. Эдвард с удовольствием наблюдал за выражением моего лица.

— Можешь смеяться, — сказал он. — В этом и вправду есть своя ирония.

Но я не стала смеяться. Я невольно потянулась рукой к большому деревянному кресту, чья темная патина контрастировала со светлой стеной. Я не коснулась его, хотя было интересно — действительно ли благородное дерево такое шелковистое на ощупь, как мне кажется?

— Должно быть, он очень старый, — догадалась я. Эдвард пожал плечами.

— Примерно тысяча шестьсот тридцатый год или чуть больше.

Я перевела на него оторопевший взгляд.

— Почему вы держите это здесь? — спросила я.

— Ностальгия. Он принадлежал отцу Карлайла.

— Отец Карлайла собирал предметы старины? — с сомнением спросила я.

— Нет. Он сам его вырезал когда-то. Этот крест висел над кафедрой церкви, с которой он проповедовал.

Не уверенная, что мне удалось скрыть свое потрясение при этих словах, я отвела глаза и стала смотреть на простой старинный крест на стене. Я быстро прикинула: ему было более трехсот семидесяти лет. В молчании я пыталась представить себе такой длинный отрезок времени.

— Ты в порядке? — забеспокоился он.

— Сколько лет Карлайлу? — спокойно спросила я, не ответив на его вопрос.

— Он недавно отпраздновал триста шестьдесят второй день рождения, — сказал Эдвард. Я оглянулась на него, и он понял, что у меня наготове еще миллион вопросов.

Он начал рассказывать, внимательно следя за моей реакцией.

— Карлайл родился в Лондоне, как он думает, где-то в тысяча шестьсот сороковых годах. Даты рождения тогда толком не записывали, по крайней мере, даты рождения обычных людей. В любом случае, это произошло незадолго до начала правления Кромвеля.

Под пристальным взглядом Эдварда я старалась не терять невозмутимости. Хотя это было бы легче, не пытайся я верить в то, что он рассказывал.

— Он был единственным сыном англиканского пастора. Его мать умерла родами. Отец был нетерпимым человеком. Когда протестанты пришли к власти, он принялся рьяно преследовать адептов других религий, например, католиков. И еще он свято верил в существование дьявола. Он возглавлял охоту на ведьм, оборотней и... вампиров.

При этом слове я застыла. Он, конечно, заметил, но продолжил рассказывать.

— Они сожгли массу невинных людей — тех, кого они на самом деле искали, поймать было намного труднее. Когда пастор состарился, он поставил во главе обличителей зла своего послушного сына. Поначалу Карлайл разочаровал его, потому что не спешил с обвинениями и не желал видеть демонов там, где их не было. Но он был последователен и отличался большей проницательностью, чем отец. Он и в самом деле обнаружил стаю вампиров, которые скрывались в городской канализации и выходили на охоту только по ночам. В те дни, когда чудовища не были мифами и легендами, этот образ жизни был уделом многих.

— Народ, разумеется, тут же вооружился вилами и факелами, — Эдвард издал желчный смешок, — и устроил засаду неподалеку от того места, где Карлайл видел монстров, выходящих на улицу. Наконец, один появился.

Он заговорил тише, и мне приходилось напрягать слух, чтобы разбирать его слова.

— Он казался древним, слабым от голода существом. Карлайл услышал, как он, почуяв запах толпы, принялся на латыни призывать остальных. Потом он бросился прочь, и Карлайл — ему было двадцать три, и бегал он очень быстро — возглавил погоню. Он мог бы легко уйти от преследователей, но, как сейчас думает Карлайл, был слишком голоден, а потому остановился и напал на них. Сначала он кинулся на Карлайла, но, поскольку толпа была уже близко, то развернулся и начал защищаться. Он убил двух человек и погнался за третьим, оставив Карлайла истекать кровью на улице.

Эдвард остановился. У меня было чувство, что он мысленно подправляет свой рассказ, стараясь утаить от меня какие-то важные детали.

— Карлайл знал, что сделает его отец. Тела убитых сожгут — все, чего коснулась зараза, должно быть уничтожено. Карлайл действовал инстинктивно, пытаюсь спасти свою жизнь. Когда люди вновь устремились вслед за чудовищем и его жертвой, он уполз с улицы подальше. Три дня он прятался в погребе, зарывшись в гнилую картошку. Каким-то чудом за эти три дня он сумел не издать ни звука и не выдал себя.

— Затем все было кончено, и он понял, во что превратился.

Не знаю, что было написано у меня на лице, но на этом месте Эдвард не выдержал.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил он.

— Я в порядке, — заверила я. И, хотя я нерешительно прикусила губу, по моим глазам он ясно понял, как сильно жгло меня любопытство.

Он улыбнулся.

— Наверное, у тебя осталась еще парочка вопросов.

— Да уж, парочка найдется.

Его улыбка расплылась еще шире, он сверкнул великолепными зубами и потянул меня за руку.

— Тогда пойдём, я тебе кое-что покажу, — позвал он.

Глава 16. Карлайл

Он повел меня обратно, к кабинету Карлайла. На мгновение мы замерли возле закрытой двери.

— Входите, — раздался голос хозяина. Эдвард открыл дверь, и я увидела комнату с высоким потолком и большими окнами, выходящими на запад. Стены, как и в коридоре, были облицованы панелями, на этот раз более темного оттенка. Правда, этих панелей почти не было видно — их скрывали от глаз огромные, как башни, книжные шкафы. Ни разу в жизни я не видела, чтобы кто-то держал в доме столько книг. Комната походила скорее на библиотеку.

Карлайл сидел за столом красного дерева в кожаном кресле. Когда мы вошли, он помещал закладку между страниц толстого фолианта, который держал в руках. Именно так я всегда воображала себе кабинет декана университета — разве что Карлайл выглядел слишком молодо.

— Чем могу помочь? — радушно спросил он, поднимаясь со своего места.

— Я хотел показать Белле кое-что из нашей истории, — ответил Эдвард. — Твоей истории, на самом деле.

— Простите, мы не хотели Вам мешать, — извинилась я.

— Вы мне не помешали. С чего думаешь начать?

— С Возничего, — ответил Эдвард, мягко положил руку мне на плечо и развернул к двери, в которую мы только что вошли. Каждое, даже самое легкое, его прикосновение вызывало у меня громкий стук сердца. Теперь и Карлайл мог это слышать, и я отчаянно смутилась.

Стена, на которую мы смотрели, отличалась от остальных. Ее заслоняли не книжные шкафы, а картины в рамах самых разных размеров — одни радовали глаз яркими цветами, другие были тусклыми, монохромными. Я попыталась найти какую-то логику, связующий мотив в этой коллекции, но с беглого взгляда не поймала ничего.

Эдвард потянул меня влево, и мы остановились перед маленьким квадратным полотном, написанным маслом, в простой деревянной раме. Эта картина выглядела очень скромно на фоне больших красочных холстов — исполненная в разных оттенках сепии, она изображала маленький город: круто наклоненные крыши, несколько башен с острыми шпилями наверху. Весь передний план занимала широкая река, ее пересекал мост, на котором располагались строения, похожие на крохотные соборы.

— Лондон в тысяча шестьсот пятидесятых, — пояснил Эдвард.

— Да, Лондон моей юности, — добавил Карлайл, неожиданно возникая за нашими спинами.

Я невольно отшатнулась — я не слышала, как он подошел. Эдвард сжал мою руку.

— Хочешь сам рассказать? — спросил он. Я чуть развернулась, чтобы видеть реакцию Карлайла.

Он встретил мой взгляд и улыбнулся.

— Я бы рассказал, но сейчас мне надо идти, я даже слегка опаздываю. Доктор Сноу взял больничный, и меня вызвали на дежурство. Кроме того, все эти истории ты знаешь не хуже меня, — добавил он, широко улыбнувшись Эдварду.

Это странное сочетание с трудом укладывалось в голове — повседневные заботы местного городского врача, прервавшие рассказ о его юных днях в средневековом Лондоне.

К тому же, мне стало неловко оттого, что он заговорил вслух только ради меня.

Тепло улыбнувшись мне напоследок, Карлайл вышел из комнаты.

Я долго разглядывала портрет его «малой родины».

— И что потом? — наконец, спросила я, поднимая глаза на Эдварда, который не отрываясь смотрел мне в лицо. — Когда он понял, что с ним случилось?

Он перевел взгляд на картины, и я тоже повернулась к ним. Он обратил мое внимание на картину побольше — пейзаж в скучных красках поздней осени. На нем была изображена пустая тенистая поляна в лесу, в отдалении виднелся скалистый утес.

— Когда он понял, чем стал, — спокойно продолжал Эдвард, — он восстал против судьбы. Он попытался уничтожить себя. Но это оказалось не так-то просто.

— Как? — я не хотела произносить это слово, но оно невольно вырвалось от потрясения.

— Прыгал с высоких скал, — ответил Эдвард бесстрастным голосом. — Пытался утопиться в океане. Но он совсем недавно пришел к новой жизни и был слишком силен. Просто удивительно, как он мог не... питаться... будучи новообращенным. Инстинкт в это время поработает все чувства и мысли. Но он был настолько отвратителен самому себе, что попытался уморить себя голодом.

— А это возможно? — еле слышно спросила я.

— Нет. Таким способом — нет. Способов убить нас вообще очень немного.

Я открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но он опередил меня.

— По мере того, как рос его голод, он постепенно слабел. Он старался держаться подальше от мест, населенных людьми, понимая, что его сила воли тоже

слабеет. Много месяцев он скитался ночами по самым глухим уголкам, ненавидя себя.

— И вот однажды мимо него прошло стадо оленей. К тому времени жажда настолько измучила его, что он напал без размышлений. Силы вернулись к нему, и он понял, что можно поддерживать свое существование, не становясь подлым чудовищем. Разве не ел он оленину в прошлой жизни? В течение нескольких следующих месяцев родилась его новая философия. Он мог остаться в этом мире, не превращаясь в дьявола во плоти. Он заново обрел себя.

— Он стал лучше использовать свое время. Он всегда был умен и любил учиться, а теперь перед ним открывались совершенно безграничные возможности. Он учился ночью и планировал днем. Он вплавь добрался до Франции и...

— *Вплавь?*

— Во все времена находились люди, способные переплыть Ла-Манш, Белла— терпеливо напомнил он.

— Думаю, ты прав, просто в данном контексте звучит странновато.

— Нам плавать легко ...

— *Вам* все легко, — съязвила я.

Он изобразил на лице вежливое удивление и помолчал.

— Больше не буду перебивать, обещаю.

Он мрачно хмыкнул и закончил фразу:

— Потому что, чисто технически, нам не нужно дышать.

— Ты...

— Ну нет, ты обещала. — Он засмеялся и легонько прижал холодный палец к моим губам. — Так ты хочешь узнать, чем все кончилось?

— Ты же не можешь одарить меня откровением вроде этого и ждать, что я промолчу! — пробубнила

я из-под его пальца.

Он убрал палец и положил ладонь на мою шею. Сердце у меня забилося, но я не поддавалась.

— Ты можешь *не дышать*? — требовательно спросила я.

— Нет необходимости. Просто привычка.

Он пожал плечами.

— И как долго ты можешь... без воздуха?

— Думаю, до бесконечности. Точно не знаю. Мне становится слегка не по себе, когда я не слышу запахов.

— Слегка не по себе... — эхом повторила я.

Я не следила за лицом, и он увидел в нем что-то, что заставило его помрачнеть. Его рука упала вниз, он стоял, не двигаясь, впившись в меня глазами. Между нами повисло молчание. Его черты словно окаменели.

— Что с тобой? — спросила я, касаясь застывшего лица Эдварда.

Оно оттаяло под моей рукой, и он вздохнул.

— Я все ждал, когда это случится.

— Ждал чего?

— Я знал, что настанет момент, и я что-то скажу или ты что-то увидишь, что окажется уже за гранью приемлемого. И ты побежишь прочь с громкими воплями. — Он слегка улыбнулся, но глаза оставались серьезными. — Я не буду тебя удерживать. Я даже хочу, чтобы это произошло, потому что тогда я перестану быть угрозой для тебя. Но еще я хочу быть с тобой. Два желания, которые примирить невозможно...

Он замолчал, пристально глядя мне в лицо. Ожидая чего-то.

— Никуда я не побегу, — пообещала я.

— Посмотрим, — ответил он и снова улыбнулся.

Я сердито сдвинула брови.

— Ладно, поехали дальше: Карлайл переплыл Ла-Манш...

Он помедлил, возвращаясь к рассказу. Его глаза невольно скользнули к другой картине. Самая яркая, в самой роскошной раме, она была и самой большой — в два раза шире двери в кабинет, рядом с которой висела. Толпам ярких фигур в развевающихся одеждах казалось, не хватало пространства огромного холста — они извивались вокруг высоких колонн, свешивались с мраморных балконов. Я не смогла определить, относился ли сюжет к греческой мифологии, или фигуры, плывшие высоко в облаках, были какими-то библейскими персонажами.

— Карлайл приплыл во Францию, потом отправился в путешествие по Европе, по тамошним университетам. Ночами он изучал музыку, науки, медицину — и нашел свое призвание, свое искупление в том, чтобы спасти человеческие жизни.

На его лице появилось восхищенное, почти молитвенное выражение.

— Мне не под силу описать, как ему пришлось бороться с собой. Он потратил два века мучительных усилий на то, чтобы отточить свой самоконтроль. Сейчас он почти не реагирует на запах человеческой крови и может полностью отдаваться любимой работе, не испытывая страданий. Его душа находит в больнице мир и покой...

Эдвард замер, глядя прямо перед собой. Затем неожиданно вернулся к теме. Он коснулся пальцем одной из фигур на полотне.

— Он учился в Италии, когда обнаружил там себе подобных. Они были культурными и образованными, не то, что призраки из лондонской канализации.

Он указал на четыре невозмутимые фигуры, изображенные на самом высоком балконе. Они спокойно смотрели на царящий внизу хаос. Внимательно рассматривая странную четверку,

я с истерическим смешком осознала, что узнаю мужчину с золотистыми волосами.

— Друзья Карлайла очень вдохновляли Солимену. Он часто изображал их богами, — коротко засмеялся Эдвард в ответ. — Это Аро, Марк и Кай, — сказал он, указывая на трех мужчин — двух черноволосых и одного седого, как лунь. — Ночные покровители искусств.

— Что с ними случилось? — спросила я, водя пальцем в сантиметре от фигур на холсте.

— Ничего. — Он пожал плечами. — Они все еще там. Там, где пробыли уже много тысяч лет. Карлайл оставался с ними недолго, всего несколько десятилетий. Он восхищался их культурой, их утонченностью, но они упорно старались вылечить его от отвращения к «естественному источнику питания», как они выражались. Они старались переубедить его, он — их, и все кончилось обоюдным разочарованием. Тогда Карлайл решил перебраться в Новый Свет. Он мечтал найти таких же, как он. Видишь ли, он был очень одинок.

— Но за долгое время так никого и не встретил. По мере того как чудовища все больше отходили в мир детских сказок, он обнаружил, что может общаться с ничего не подозревающими людьми так, словно он — один из них. И он начал работать врачом. Но, как ему ни хотелось сблизиться с кем-нибудь, он не мог — это был слишком большой риск.

— Когда началась эпидемия «испанки», он работал по ночам в госпитале в Чикаго. К тому времени он уже несколько лет вынашивал в голове идею и наконец почти решился действовать: раз у него нет друга, он сам создаст его. Он не вполне понимал, как произошла его собственная трансформация, и потому колебался. Кроме того, ему была отвратительна мысль о том, чтобы украсть чью-нибудь жизнь так, как была

украдена его собственная. В этом состоянии духа он и наткнулся на меня. У меня не было надежды, я был в палате умирающих. Он лечил моих родителей и знал, что я остался один. Он решил попробовать...

Его голос, и так уже почти шепот, замер совсем. Невидящим взглядом он смотрел в окно. Я пыталась понять, чьи воспоминания заполняли сейчас его память — Карлайла или его собственные, и просто тихо ждала.

Наконец, он обернулся ко мне, и его лицо осветила кроткая ангельская улыбка.

— И вот, круг замкнулся, и мы вернулись к началу, — заключил он.

— Ты все время был с Карлайлом? — поинтересовалась я.

— Почти все время.

Он легко положил руку на мою талию и потянул меня следом за собой. Когда мы выходили из комнаты, я оглянулась на картины, гадая, услышу ли когда-нибудь остальные истории. Так как Эдвард ничего не сказал в продолжение, я переспросила:

— Почти?

Он вздохнул и неохотно ответил:

— Через десять лет после того, как я был рожден... ну или создан, как тебе больше нравится... у меня случился приступ типичного подросткового бунтарства. Я был не в восторге от перспективы вечного поста и бесился оттого, что он сдерживал мой аппетит. Поэтому я ушел от него и какое-то время жил один.

— Правда? — я была скорее заинтригована, чем испугана, хотя, возможно, мне следовало бы испугаться.

От него это не укрылось. Я смутно видела краем глаза, что мы уже поднимались по лестнице на следующий этаж, но мне было не до того.

— Разве ты не чувствуешь отвращения?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю... это как-то... естественно.

Он хрипло засмеялся, громче, чем обычно. Мы были уже наверху, там, где начинался еще один облицованный панелями коридор.

— С момента моего второго рождения, — тихо проговорил он, — я обладал преимуществом видеть мысли любого существа рядом со мной, будь то человек или нет. Именно поэтому лишь через десять лет я восстал против влияния Карлайла — я видел его безупречную искренность и отлично понимал, почему он живет так, как живет.

— Однако всего несколько лет спустя я вернулся к нему, чтобы полностью принять его точку зрения. Я думал, что меня не коснется... депрессия, которая сопровождает муки совести. Поскольку я видел мысли своих жертв, я мог оберегать невинность и преследовать зло. Если я гнался за убийцей по темной аллее, где он выслеживал юную девушку — если я спасал ее жизнь, я был, без сомнения, не так ужасен.

Меня передернуло — слишком уж отчетливо я представила себе эту картину. Темная аллея, дрожащая девушка и черный силуэт мужчины позади нее. И Эдвард, Эдвард на охоте, страшный, неумолимый и прекрасный, как молодой бог. Эта девушка, была она благодарна или испугалась еще сильнее?

— Но пришло время, и я начал видеть монстра в своих глазах. Я не мог избежать расплаты за то, что забрал так много человеческих жизней, несмотря на все соображения справедливости. И я вернулся к Карлайлу и Эсме. Они с радостью приняли меня, как блудного сына. Это было больше, чем я заслуживал.

Меж тем коридор кончился, и мы остановились перед последней дверью.

— Моя комната, — сообщил он, открыл дверь и провел меня внутрь.

Комната выходила на юг, и, как на первом этаже, здесь всю южную стену занимало огромное окно. Должно быть, была застеклена вся задняя сторона дома. Из окна комнаты Эдварда была видна река Сол Дюк, прихотливыми изгибами пробиравшаяся сквозь нетронутые леса в сторону Олимпийской гряды. Горы оказались намного ближе, чем я думала.

Западную стену комнаты целиком занимали полки с дисками. Здесь выбор был богаче, чем в музыкальном магазине. В углу стоял пугающе сложный на вид музыкальный центр. К таким штукам я обычно боялась даже прикоснуться, потому что была уверена, что непременно что-нибудь сломаю. Кровати не было, зато стоял широкий гостеприимный диван из черной кожи. На полу лежал толстый золотистый ковер, стены были занавешены тяжелой тканью чуть более темного оттенка.

— Хорошая акустика? — догадалась я.

Он засмеялся и кивнул.

Он нашел пульт и включил систему. Музыка была тихой, но нежная джазовая композиция звучала так, словно музыканты находились в этой комнате. Я подошла ближе, чтобы получше рассмотреть его умопомрачительную коллекцию.

— Как ты в них не путаешься? — спросила я, не в силах найти какую-либо систему в расстановке дисков. Он, казалось, не слушал.

— Мм-м-м... они расположены сначала по годам, а потом по личным предпочтениям, которые менялись год от года, — рассеянно ответил он.

Я обернулась — он глядел на меня со странным выражением в глазах.

— Что?

— Я был готов к тому, что испытаю... облегчение. Когда ты обо всем узнаешь, когда больше не нужно будет прятать от тебя свои тайны. Но я не ожидал, что это будет более сильное чувство. И оно мне не просто *нравится*. Оно делает меня... счастливым.

— Я рада, — сказала я, улыбнувшись в ответ. Я волновалась, что он, может быть, сожалеет о своей откровенности. Хорошо, что это было не так.

Но, когда он отпрепарировал глазами выражение моего лица, его улыбка погасла, а лоб прорезала морщина.

— Ты все еще ждешь побега с воплями, да? — догадалась я.

Слабая улыбка тронула губы, и он кивнул.

— Мне жаль разрушать твои радужные иллюзии, но ты даже отдаленно не такой страшный, как тебе хотелось бы. Мне даже кажется, что ты совсем не страшный, — небрежно солгала я.

Он замер и картинно поднял брови, изображая недоверие, затем его рот растянулся в широкой злодейской ухмылке.

— Тебе *вообще* не стоило так говорить, — усмехнулся он.

Он зарычал — этот низкий звук исходил откуда-то из глубины горла, из гортани. Губы изогнулись и приподнялись, обнажая великолепные зубы. Тело внезапно напряглось, согнулось чуть ли не в дугу, он весь подобрался, как готовый к атаке лев.

Я отступила назад, не сводя с него глаз.

— Не смей.

Я не увидела его прыжка — он был слишком стремителен. Я внезапно почувствовала, что лечу в воздухе, и в следующее мгновение мы с грохотом врезались в диван, который отбросило к противоположной стене. Все это время его руки защищали меня, как стальной каркас, так что я ощутила

только несильный толчок. Но все равно я стала хватать ртом воздух, пытаюсь выпрямиться.

Он этого не позволил. Он свернул меня в комочек у себя на груди и сковал объятиями крепче, чем железными цепями. Я в смятении взглянула на него, но его лицо вновь обрело человеческое выражение, челюсть расслабилась, он улыбался. Глаза сверкали, но в них не было возбуждения — только смех.

— Так что ты сказала? — игриво прорычал он.

— Что ты очень-очень страшное чудовище, — ответила я, правда, срывающийся голос немного подпортил мой сарказм.

— Это уже намного лучше, — одобрил он.

— Умм... Позволишь встать?

Он только засмеялся.

— Можно нам войти? — раздался нежный голос из-за двери.

Я попыталась высвободиться, но он лишь пристроил меня поудобнее у себя на коленях. Я увидела, что за дверью стоит Элис, а за ее спиной маячит Джаспер. Мои щеки пылали, а Эдварду было хоть бы что.

— Заходите, — он тихонько засмеялся.

Элис, кажется, ничуть не удивилась нашим объятиям. Она танцующей походкой вошла в комнату и, остановившись в центре, изящно и гибко опустилась на пол. Джаспер, однако, застыл в дверях, его лицо выражало шутливое негодование. Он внимательно смотрел на Эдварда, и мне стало интересно: неужели он старается прощупать атмосферу своими чувствительными «усиками»?

— Был такой шум, словно ты собирался съесть Беллу на обед. Так мы зашли узнать: может, и нам чего достанется? — объявила Элис.

Я застыла, но тут же поняла, что Эдвард улыбается — то ли ее шутке, то ли моей реакции на нее.

— Прости, но боюсь, что мне самому не хватит, — ответил он, а его безрассудные руки тесно прижимали меня к его груди.

— На самом деле, — сказал Джаспер, входя в комнату и невольно улыбаясь, — Элис сказала, что сегодня вечером будет настоящая буря. Эмметт предложил сыграть. Ты как?

Он сказал совершенно обычные слова, но в сочетании они прозвучали очень странно. Хотя я понимала, что Элис надежнее, чем прогноз погоды по телевизору.

Глаза Эдварда загорелись, но он колебался.

— Разумеется, захвати с собой и Беллу, — прощebetала Элис. Кажется, я заметила быстрый взгляд, который бросил на нее Джаспер.

— Хочешь поехать? — живо спросил меня Эдвард, сияя воодушевлением.

— Конечно, — я не смогла разочаровать его. — А куда?

— Нам приходится ждать грозы каждый раз, когда мы хотим поиграть в мяч. Ты увидишь, почему, — пообещал он.

— Мне понадобится зонтик?

Они все трое громко рассмеялись.

— Понадобится? — спросил Джаспер у Элис.

— Нет, — уверенно ответила она. — Гроза пройдет над городом, а на поляне будет достаточно сухо.

— Тогда отлично.

Энтузиазм в голосе Джаспера захватил и меня. Я почувствовала себя скорее готовой к подвигам, чем испуганной до потери пульса.

— Пойдем узнаем, поедет ли Карлайл.

Элис вскочила и пошла к двери походкой, которая разбила бы сердце любой балерины.

— Словно ты уже не знаешь, — зацепил ее Джаспер, и они быстро удалились восвояси. При этом Джаспер

умудрился незаметно закрыть за собой дверь.

— Во что мы будем играть? — спросила я.

— *Ты* будешь смотреть, — пояснил Эдвард. — А мы будем играть в бейсбол.

Я закатила глаза.

— Вампиры любят бейсбол?

— Это же главное американское развлечение! — с карикатурной торжественностью ответил он.

Глава 17. Игра

Когда Эдвард свернул на нашу улицу, уже начинался мелкий дождик. До последнего момента я не сомневалась, что те несколько часов, что мне предстояло провести в реальном мире, он побудет со мной.

И вдруг я увидела черную машину — выдавший виды «Форд», — припаркованную на подъездной дорожке перед домом и услышала, как Эдвард резким тоном пробормотал что-то нечленораздельное.

Отклоняясь от брызжущих дождевых капель, Джейкоб Блэк стоял на нашем узком крыльце, позади кресла своего отца. В лице Билли не дрогнул ни один мускул, пока Эдвард парковал мой пикап около бордюра. Джейкоб, понурившись, не поднимал глаз.

— Это переходит всякие границы, — в голосе Эдварда слышалось бешенство.

— Он приехал предупредить Чарли? — догадалась я, скорее испуганная, чем рассерженная.

Эдвард лишь кивнул, глядя на Билли сузившимися глазами.

Я почувствовала слабость от облегчения: Чарли еще не было дома.

— Давай, я разберусь с этим, — предложила я. От черного взгляда Эдварда мне стало не по себе.

К моему удивлению, он согласился.

— Наверное, это лучшее решение. Но будь осторожна. Ребенок ничего не знает.

При слове «ребенок» я вскинулась.

— Джейкоб не намного младше меня, — напомнила я ему.

Он посмотрел на меня, и его гнев тут же улетучился.

— Да, знаю, — ухмыльнувшись, заверил он.

Я вздохнула и взялась за ручку двери.

— Проведи их внутрь, — сказал он, — А я смогу тем временем спокойно удалиться. Вернусь, когда начнет темнеть.

— Возьмешь пикап? — предложила я, одновременно продумывая, как буду объяснять Чарли отсутствие машины.

Он закатил глаза.

— Да я *пешком* быстрее доберусь, чем на твоём пикапе.

— Тебе совсем не надо уезжать, — с тоской сказала я.

Он улыбнулся при виде моего уныния.

— На самом деле, надо. После того, как ты от них отделаешься, — он бросил мрачный взгляд в направлении Блэков, — Тебе придется подготовить Чарли к встрече со своим новым бойфрендом.

Он щедро показал в улыбке полный ряд зубов.

Я застонала.

— Вот спасибо.

Он улыбнулся одним уголком рта — так, как я больше всего любила.

— Скоро вернусь, — пообещал он. Стрельнув глазами в сторону Блэков, он быстро наклонился и поцеловал меня в шею под самым подбородком. Мое сердце скакнуло, как сумасшедшее, и я тоже взглянула в сторону крыльца. Лицо Билли потеряло всякие признаки невозмутимости, его руки с силой сжали подлокотники кресла.

— *Скоро*, — подчеркнула я, открыла дверь и вылезла под дождь.

Пробегая сквозь брызги дождя к крыльцу, я чувствовала его взгляд, направленный мне в спину.

— Привет, Билли, привет, Джейкоб! — я поздоровалась со всем радушием,

на которое была способна. — Чарли уехал на весь день. Надеюсь, вы не слишком долго его ждали?

— Не слишком, — спокойно сказал Билли. Его черные глаза, казалось, прожигали меня насквозь. — Я только хотел завезти это.

Он указал на коричневый бумажный пакет, лежавший у него на коленях.

— Спасибо, — ответила я, хотя не имела понятия, что там лежит. — Не хотите зайти и обсушиться?

Я старалась не замечать его упорного испытующего взгляда. Открыв дверь, я жестом пригласила их следовать за собой.

— Заходите, давайте, я возьму пакет, — предложила я, закрывая входную дверь.

Я позволила себе бросить один прощальный взгляд на Эдварда. Он все еще ждал — мраморная статуя с тяжелым взглядом.

— Наверное, это надо бы положить в холодильник, — заметил Билли, протягивая мне пакет, — Домашняя жареная рыба, Гарри Клиаруотер передал. Чарли ее очень любит. Хотя в холодильнике она подсохнет, — с сожалением пожал он плечами.

— Спасибо, — повторила я, на этот раз с чувством. — У меня уже ум за разум заходит, когда я пытаюсь измыслить еще какой-нибудь способ приготовления рыбы. А Чарли сегодня вечером принесет очередной улов.

— Снова ушел на рыбалку? — спросил Билли, и в его глазах загорелся слабый огонек. — Ниже по течению от нашего обычного места? Может, я буду проезжать мимо и застану его там.

— Нет-нет, — быстро соврала я, и мое лицо посуровело. — Он куда-то еще поехал... но понятия не имею, куда.

Он уловил перемену во мне и призадумался.

— Джейк, — произнес он, все еще изучая меня, — Будь другом, пойдя принеси фотографию Ребекки из машины. Я оставлю ее для Чарли.

— Где она? — угрюмо спросил Джейкоб. Я посмотрела на него: он стоял, уставившись в пол, брови сведены на переносице.

— Кажется, я видел ее где-то в машине, — ответил Билли. — Боюсь, придется поискать.

Джейкоб зашлепал по лужам обратно к машине.

Билли и я остались молча смотреть друг на друга. Через несколько секунд, когда пауза затянулась, я повернулась и пошла в кухню. Я слышала, как мокрые колеса его кресла скрипели по линолеуму — он следовал за мной.

— Чарли еще долго не приедет, — почти грубо сказала я.

Он кивнул в знак согласия, но ничего не ответил.

— Еще раз спасибо за рыбу, — намекнула я.

Он кивнул еще раз. Я вздохнула и сложила руки на груди.

Он понял, что я сдалась перед необходимостью поговорить.

— Белла, — начал он и замялся.

Я ждала.

— Белла, — повторил он, — Чарли — один из моих лучших друзей.

— Да.

Он тщательно выговаривал каждое слово своим рокошущим голосом.

— Я заметил, что ты проводишь много времени с одним из Калленов.

— Да, — коротко повторила я.

Он сощурил глаза.

— Может быть, это не мое дело, но мне кажется, что это плохая идея.

— Вы правы, — согласилась я. — Это действительно не Ваше дело.

От моего тона он поднял седеющие брови.

— Возможно, ты этого не знаешь, но семья Калленов имеет дурную репутацию в резервации.

— Я это знаю, причем уже давно, — резко ответила я. Он удивился. — Но ведь такую репутацию они ничем не заслужили, не так ли? Потому что нога Калленов не ступала на ваши земли, правда?

Я заметила, что мой скромный намек на договор, который не только защищал их, но и связывал им руки, подействовал на Билли, как ушат холодной воды.

— Да, правда, — настороженно признал он. — Кажется, ты много знаешь о Калленах. Больше, чем я предполагал.

Я чуть не пробуравила его глазами.

— Возможно, больше, чем Вы.

Он поджал губы, размышляя об услышанном.

— Возможно, — согласился он, но по глазам было видно, что он еще поборется. — Чарли знает столько же, сколько и ты?

Он нашел брешь в моей обороне.

— Чарли очень нравятся Каллены, — осторожно сказала я.

Он тут же понял, что я увиливаю. Он не удивился и погрузился.

— Это, конечно, не мое дело. Но Чарли это касается.

— И все равно, прежде всего это касается меня, независимо от того, считаю я или нет, что это касается Чарли, верно?

Интересно, уловил ли он смысл в этом нагромождении слов? Я очень старалась не выдать ничего компрометирующего.

Но кажется, он уловил. Пока он размышлял, дождь начал вновь барабанить по крыше, и это был единственный звук, нарушавший тишину.

— Хорошо, — наконец, сдался он. — Я тоже думаю, что это твое дело.

Я вздохнула с облегчением.

— Спасибо, Билли.

— Просто хорошо подумай о том, что ты делаешь, Белла, — настоятельно добавил он.

— Ладно, — я быстро согласилась.

Он нахмурился.

— Вообще-то, я имел в виду, — не делай того, что ты делаешь.

Я посмотрела ему в глаза и не увидела ничего, кроме заботы обо мне. Я не нашлась, что ответить.

Тут дверь оглушительно хлопнула, и я подскочила от неожиданности.

— Нет в машине никаких фотографий, — долетел до нас обиженный голос Джейкоба, и он сам явился на пороге. Плечи его рубашки промокли от дождя, с волос капало.

— Хмм... — пробурчал Билли и невозмутимо повернулся к сыну. — Наверное, я забыл ее дома.

Джейкоб театрально закатил глаза.

— Супер.

— Ну хорошо, Белла, скажи Чарли, — Билли сделал выразительную паузу, — Что мы заходили.

— Хорошо, — тихо ответила я.

Джейкоб удивился.

— Мы что, уже уходим?

— Чарли еще не скоро вернется, — пояснил Билли, проезжая в своем кресле мимо Джейкоба.

— Вот как, — Джейкоб не скрывал разочарования. — Надеюсь, еще увидимся, Белла.

— Конечно, — согласилась я.

— Береги себя, — предостерег Билли. Я не ответила.

Джейкоб помог отцу спуститься с крыльца. Я коротко помахала им, быстро взглянула на свой уже пустой пикап и закрыла дверь еще до того, как они

отъехали. С минуту я стояла в прихожей, прислушиваясь к затихающим звукам мотора их машины. Я не двигалась, позволяя улечься тревоге и раздражению. Когда напряжение немного спало, я поспешила наверх, чтобы сменить свой выходной наряд.

Я неуверенно примерила пару блузок, не зная, к чему готовиться. По мере того, как я погружалась в мысли о предстоящем вечере, только что случившееся исчезало из памяти. Сейчас, вдали от Джаспера и Эдварда, я стала уговаривать себя не бояться ничего заранее. Наконец я сдалась и натянула старые джинсы и фланелевую рубашку — скорее всего, мне вообще не придется снимать плащ.

Зазвонил телефон, и я ринулась вниз, чтобы взять трубку. Был лишь один голос, который мне действительно хотелось услышать, все остальные голоса мне были ни к чему. Но я понимала, что, если он захочет мне что-то сказать, то просто материализуется у меня в комнате.

— Алло, — проговорила я в трубку, на секунду перестав дышать.

— Белла? Это я, — раздался голос Джессики.

— А, привет, Джесс. — Я с трудом нырнула обратно в реальную жизнь. Казалось, с момента моего последнего разговора с Джессикой миновали месяцы, а не дни. — Как прошли танцы?

— Было так здорово! — зафонтанировала Джессика.

Не нуждаясь в наводящих вопросах, она принялась расписывать прошедший вечер минута за минутой. Я вздыхала и ахала в нужных местах, но сосредоточиться было непросто. Джессика, Майк, танцы, школа — все это было словно на другой планете. Мои глаза то и дело возвращались к окну, пытаюсь определить, насколько близки сумерки.

— Ты слышала, что я сказала, Белла? — раздраженно спросила Джесс.

— Прости, что?

— Я говорю, Майк меня поцеловал! Ты можешь поверить?

— Это замечательно, Джесс, — ответила я.

— Ну, а *ты* -то что делала вчера? — допытывалась Джессика, явно уязвленная недостатком внимания с моей стороны. Или, возможно, огорченная тем, что я не захотела узнать подробности.

— Да почти ничего. Просто слонялась вокруг дома и грелась на солнышке.

Из гаража донесся шум мотора патрульной машины.

— Какие новости от Эдварда Каллена?

Хлопнула входная дверь, и я услышала, как Чарли чем-то гремит внизу, распутывая свою амуницию.

— Хм-м.

Я колебалась, раздумывая, что из событий прошедших дней можно представить как новости.

— Привет, доча! — воскликнул Чарли, входя в кухню. Я помахала в ответ.

Джесс услышала его голос.

— Ясно, отец дома. Ничего, завтра поговорим. Увидимся на тригонометрии.

— Пока, Джесс.

Я повесила трубку.

— Привет, пап, — сказала я. Он отскребал руки в раковине. — Где рыба?

— Я положил ее в морозильник.

— Пойду достану несколько штук, пока они не замерзли. Кстати, днем Билли привез тебе жареной рыбы от Гарри Клиаруотера. — Я постаралась придать голосу радостную нотку.

— Правда? — глаза Чарли загорелись. — Я ее очень люблю!

Пока я готовила ужин, Чарли вымылся. Вскоре мы уже сидели за столом и молча ели. Чарли наслаждался вкусом любимого блюда, а я в отчаянии ломала голову над тем, как мне выполнить обещание, данное Эдварду. Надо было с чего-то начать...

— Ну, и что ты делала здесь целый день одна? — спросил он, неожиданно прерывая мои мрачные размышления.

— Да так, побродила вокруг дома... — на самом деле, всего несколько минут перед его приездом. Я старалась, чтобы голос звучал твердо, хотя в желудке зависла пустота. — А утром съездила в гости к Калленам.

Чарли даже вилку уронил.

— В дом доктора Каллена? — в изумлении спросил он.

Я сделала вид, что не заметила его реакции.

— Да.

— И что ты там делала? — он так и не поднял свою вилку.

— Ну, знаешь, у меня что-то вроде свидания с Эдвардом сегодня вечером, и он хотел представить меня своим родителям... папа?

Казалось, Чарли сейчас хватит удар.

— Папа, с тобой все в порядке?

— У тебя свидание с Эдвардом Каленом? — прогремел он.

Охо-хо.

— Мне казалось, что они тебе нравятся.

— Да он же стар для тебя! — взревел он.

— Мы учимся на одной параллели, — поправила я, хотя отец был ближе к истине, чем мог бы себе представить.

— Подожди... — он примолк. — Это который из них Эдвин?

— *Эдвард* — самый младший, такой, знаешь, с рыжевато-каштановыми волосами.

Такой, знаешь, прекрасный, как божество...

— Ладно, — он явно боролся с собой. — Это еще ничего. Мне с виду не нравится этот их здоровяк. Понимаю, что он хороший парень и все такое, но вид у него... слишком уж взрослый для тебя. Этот Эдвин — твой бойфренд?

— Он Эдвард, пап.

— В самом деле?

— Вроде да.

— Вчера вечером ты сказала, что тебе не нравится ни один парень в городе.

Но он снова взял в руку вилку, и я поняла, что худшее позади.

— А Эдвард и не живет в городе, пап.

Он бросил на меня уничижительный взгляд, не переставая работать челюстями.

— И еще. У нас все только началось, так что не смущай меня разговорами о бойфрендах, хорошо?

— Когда он заедет?

— С минуты на минуту.

— Куда вы поедете?

Я застонала.

— Я думала, ты не станешь прибегать к методам испанской инквизиции. Мы будем играть в бейсбол с его семьей.

Он сморщился и наконец фыркнул от смеха.

— *Ты* ...едешь играть в бейсбол?

— Я, скорее всего, буду просто смотреть.

— Да, тебе, наверное, очень нравится этот парень, — подозрительно заключил он.

Я вздохнула и, к его удовольствию, закатила глаза.

Тут я услышала снаружи рев мотора. Вскочив, я принялась быстро мыть свою тарелку.

— Оставь мне посуду, я помою попозже. Ты и так со мной как нянька.

Зазвонил дверной звонок, и Чарли с важным видом пошел открывать. Я держалась на полшага сзади.

Я даже не понимала, какой на улице ливень. Эдвард стоял на крыльце в ореоле неяркого света и выглядел, как модель с рекламы дождевиков.

— Заходи, Эдвард!

Я вздохнула с облегчением — Чарли все-таки запомнил его имя.

— Спасибо, шеф Свон, — почтительно ответил Эдвард.

— Проходи сюда. Можешь звать меня Чарли. Давай я возьму твою куртку.

— Спасибо, сэр.

— Садись, Эдвард.

Я состроила рожу.

Эдвард гибким движением опустился в единственное кресло, предоставив мне место рядом с «шефом Своном» на узком диване. Я с негодованием смерила его быстрым взглядом, а он подмигнул мне, стоило Чарли отвернуться.

— Я так понял, что ты везешь мою дочь смотреть бейсбол?

Только в штате Вашингтон проливной дождь не считается препятствием для спортивных игр на свежем воздухе.

— Да, сэр, план таков.

Он совсем не удивился тому, что я сказала отцу правду. Хотя, возможно, он просто подслушивал.

— Ну что ж, флаг тебе в руки, — Чарли засмеялся, и Эдвард последовал его примеру.

— Ладно, — я встала. — Хватит шуток на мой счет. Поехали.

Я вышла в коридор и надела куртку. Они проследовали за мной.

— Не слишком поздно, Белл.

— Не волнуйтесь, Чарли, я доставлю ее домой пораньше, — пообещал Эдвард.

— Позаботься о моей девочке, хорошо?

Я застонала, но они меня не замечали.

— Со мной она будет в полной безопасности, я обещаю, сэр.

Чарли не мог бы усомниться в искренности Эдварда, она так и сквозила в каждом его слове.

Я гордо выпрямилась и направилась к наружной двери. Оба они засмеялись, и Эдвард двинулся следом. Не успела я выйти на крыльцо, как застыла на месте от изумления. Позади моего пикапа был припаркован чудовищный джип. Колеса метрового диаметра заканчивались выше уровня моей талии. Передние фары и задние фонари защищали металлические решетки, на кенгурятнике красовались еще четыре прожектора, съемная крыша была ярко-красного цвета.

Чарли издал тихий восхищенный свист.

— Не забудьте пристегнуть ремни, — сдавленным голосом выдохнул он.

Эдвард подвел меня к пассажирской двери, находившейся с другой стороны, и открыл ее. Я прикинула расстояние до сиденья и уже готовилась подпрыгнуть, чтобы попасть внутрь. Эдвард, вздохнув, легко поднял меня одной рукой. Надеюсь, Чарли не заметил.

Пока он нормальной человеческой походкой обходил вокруг машины, чтобы вернуться к водительскому месту, я попыталась пристегнуть ремень. Но пряжек на нем оказалось многовато.

— Для чего это все? — спросила я, когда он открыл дверь.

— Чтобы не биться головой о потолок на каждой кочке.

— О-хо-хо.

Я постаралась найти все соответствия между пряжками и замками, но на это требовалось время. Эдвард снова вздохнул и перегнулся ко мне со своего сиденья. Хорошо еще, что сплошная пелена дождя почти скрывала Чарли, стоящего на крыльце. Это значило, что он, возможно, не мог видеть, как Эдвард легко дотрагивался до моей шеи и проводил кончиками пальцев по моим ключицам. Я даже не делала попыток помочь ему с ремнями и сосредоточилась на том, чтобы не потерять сознание от слишком глубокого и частого дыхания.

Наконец, Эдвард завел машину, и двигатель оглушительно взревел. Мы отъехали от дома.

— Какой... *большой* джип.

— Это Эмметта. Я подумал, что ты вряд ли захочешь бежать всю дорогу.

— А где вы его держите?

— Мы переделали одну из дворовых построек под гараж.

— Ты сам не хочешь пристегнуться?

Он бросил на меня изумленный взгляд.

И тут кое-что стало до меня доходить.

— Бежать *всю* дорогу? Значит, часть дороги мы собираемся бежать? — я почти перешла на визг.

Он сурово усмехнулся.

— Тебе бежать не придется.

— *Мне* придется мучиться от дурноты.

— Если ты закроешь глаза, все будет хорошо.

Я закусила губу, пытаюсь справиться с приступом паники.

Он наклонился, чтобы поцеловать мою макушку, и застонал. Я вопросительно посмотрела на него.

— Как же ты пахнешь в дождь!... — произнес он.

— В хорошем смысле или в плохом? — осторожно спросила я.

Он вздохнул.

— В обоих, всегда в обоих сразу.

Не знаю, как он мог видеть хоть что-то в темноте под проливным дождем, но вскоре мы съехали на боковую дорогу, которая скорее напоминала горную тропу. Разговор надолго замолк, потому что я тряслась, как отбойный молоток. А Эдварду все это даже нравилось, во всяком случае, он улыбался до ушей всю дорогу.

Но вот дорога кончилась — деревья стеной обступили джип с трех сторон. Дождь превратился в легкую морось и с каждой минутой все слабел, сквозь тучи кое-где проглядывало небо.

— Прости, Белла, дальше на своих двоих.

— Знаешь что? А давай, я тебя здесь подожду?

— Куда делось все твое мужество? Сегодня утром ты была неподражаема.

— Я еще не забыла прошлый раз.

Неужели это было только вчера?

Расплывчатым силуэтом он моментально переместился к моей двери и начал расстегивать многочисленные пряжки.

— Я сама, а ты иди вперед, — запротестовала я.

— Хммм... — задумчиво протянул он, расправившись с последней застежкой, — Кажется, все идет к тому, что мне придется подчистить твою память.

Не успела я пискнуть, как он вытащил меня из машины и поставил на землю. Дождь уже превратился во влажный туман — Элис не ошиблась.

— Подчистить мою память? — нервно спросила я.

— Что-то вроде того.

Он очень внимательно стал смотреть мне в лицо, но в глубине его глаз посверкивали смешинки. Положив руки на борта джипа с обеих сторон от моей головы, он нагнулся ко мне. Мне пришлось плотно прижаться спиной к двери. Он придвинулся настолько близко, что

его лицо оказалось почти вплотную к моему — спрятаться мне было некуда.

— Так, — выдохнул он, и от его дыхания мысли тут же смешались у меня в голове, — чего именно ты боишься?

— Ну, мм-м, удариться о дерево, — я сглотнула, — и умереть. И что меня вырвет.

Он подавил улыбку. Наклонившись еще ниже, он нежно прижал прохладные губы к ямке между моими ключицами.

— Все еще боишься? — прошептал он прямо мне в шею.

— Да, — ответила я, стараясь не терять нить. — Удариться о дерево. И что вырвет.

Его нос прочертил линию вверх по моему горлу от ключиц до подбородка. Холодное дыхание покалывало кожу.

— А теперь, — прошептал он, не отрывая губ от моего лица.

— Дерево, — я сделала судорожный вдох, — Вырвет.

Он поднял голову и поцеловал мои веки.

— Белла, ты же не думаешь, что я могу удариться о дерево, правда?

— Ты нет, а я да, — неуверенным голосом сказала я. Он почуял скорую победу.

Его губы целовали мои щеки, медленно продвигаясь вниз, и остановились у самого уголка рта.

— Как по-твоему, я смогу сделать так, чтобы ты не ударилась о дерево?

Он нежно, так, что я едва чувствовала это, водил губами вдоль моей дрожащей нижней губы.

— Сможешь, — выдохнула я. Я знала, что у меня был еще какой-то отличный аргумент, но никак не могла его вспомнить.

— Вот видишь, — прошептал он, не отрывая губ от моего рта, — Нечего бояться, правда?

— Да, — вздохнула я и сдалась.

Тогда он резко сжал руками мое лицо и стал целовать по-настоящему, его настойчивые губы жадно ловили мои.

Тому, что я сделала, не было оправданий. Я не смогла обуздать себя и совершила ту же ошибку, что в первый раз. Вместо того, чтобы замереть и не двигаться, я изо всех сил обхватила его шею руками и припала к его каменному телу. Я вздохнула, и мои губы раскрылись.

Он отшатнулся, без труда разжав мои руки.

— Черт возьми, Белла, — почти выкрикнул он, — Ты смертью моей станешь, клянусь!

Я скользнула на землю и обхватила колени руками.

— Ты неуязвим, — пробормотала я, стараясь восстановить дыхание.

— Пока я не встретил *тебя*, в это еще можно было верить. А теперь давай пойдем отсюда, пока я не наделал глупостей, — прорычал он.

Он закинул меня за спину, и я заметила, что ему пришлось сделать усилие, чтобы обращаться со мной так же нежно и осторожно, как раньше. Я обхватила ногами его талию и не хуже удава вцепилась в шею.

— Не забудь закрыть глаза, — грозно напомнил он.

Я быстро уткнула лицо ему в лопатку, поближе к собственной подмышке, и зажмурила глаза. Как он тронулся с места, я почти не почувствовала. Его тело подо мной плавно скользило вперед, но движение было таким ровным, словно он шел прогулочным шагом по тротуару. Мне захотелось посмотреть, на самом ли деле он летел по лесу так же стремительно, как в первый раз, но я поборола искушение. Это не стоило ужасающего головокружения, которое неминуемо

пришлось бы испытать. Я удовлетворилась тем, что слушала мерный звук его дыхания.

Я даже не заметила, как мы прибыли на место, пока он не коснулся рукой моих волос.

— Уже все, Белла.

Я нерешительно открыла глаза. Действительно, мы остановились. Я с трудом расцепила затекшие руки и ноги, онемевшие от напряжения, и тяжело свалилась вниз, плюхнувшись на бок.

— Ох, — удар о землю выбил воздух из моих легких.

Он смотрел на меня удивленными глазами, словно спрашивал: уж не сошел ли он с ума, если находит мой вид забавным? Озадаченное выражение моего лица добило его окончательно: он разразился громовым хохотом.

Не обращая на него внимания, я поднялась на ноги и принялась счищать грязь и листочки папоротника со своей куртки. Он захохотал еще отчаяннее. Я вышла из себя и большими шагами направилась в сторону леса.

Тут я почувствовала, как его рука обвилась вокруг моей талии.

— Куда ты идешь, Белла?

— Смотреть бейсбол. Тебе, кажется, расхотелось играть, но я уверена, что остальные отлично развлекутся и без тебя.

— Ты идешь в другую сторону.

Не глядя на него, я развернулась и гордо пошла в противоположном направлении. Он снова поймал меня.

— Не злись, у меня просто не было сил сдержаться. Видела бы ты свое лицо, — он еще раз прыснул напоследок.

— Ах да, это ведь только тебе позволено злиться, не так ли? — спросила я, подняв брови.

— Я совсем не злился на тебя.

— Белла, ты смертью моей станешь, — обиженно передразнила я.

— Это была простая констатация факта.

Я попыталась отвернуться от него, но он тут же поймал меня.

— Ты точно злился, — не сдавалась я.

— Да, правда.

— А ты сказал...

— Что не злился на *тебя*. Ты разве не видишь, Белла? — Неожиданно все следы издевки исчезли, он напряженно смотрел мне в лицо. — Не понимаешь?

— Что я должна видеть? — резко спросила я, озадаченная сменой его настроения не меньше, чем его словами.

— Что я не никогда не сержусь на тебя — разве можно? На тебя — такую храбрую, доверчивую, открытую...

— Тогда почему? — прошептала я, вспоминая ту убийственную мрачность, с которой он всегда отшатывался от меня. Я без тени сомнения считала это разочарованием — в моей слабости, в моей глупости, в моей человеческой необузданности.

Он бережно обхватил ладонями мое лицо.

— Я бываю в бешенстве от самого себя, — мягко объяснил он. — От того, что снова и снова не могу удержаться и подвергаю тебя опасности. Само мое существование — угроза для тебя. Иногда я просто ненавижу себя. Я должен быть сильнее, должен научиться...

Я приложила ладонь к его губам.

— Хватит.

Он взял мою руку и прижал к лицу.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Конечно, это слабое оправдание тому, что я делаю, но все равно это правда.

Он в первый раз сказал, что любит меня — и так многословно. Возможно, он и сам этого не заметил,

но я-то заметила.

— А теперь постарайся вести себя хорошо, — попросил он и наклонился, чтобы нежно потереться губами о мои губы.

Я держалась безупречно, а потом вздохнула.

— Ты обещал шефу Свону привезти меня домой пораньше, помнишь? Давай пойдем уже.

— Да, мэм.

Эдвард грустно улыбнулся и предоставил свободу всем частям моего тела, кроме руки. Он повел меня в лес, сквозь высокие мокрые папоротники и свисающие с деревьев лишайники. Мы обошли толстый ствол тсуги и оказались прямо на краю огромного открытого поля, окруженного со всех сторон пиками Олимпийских гор. Оно было раза в два больше любого бейсбольного стадиона. Я увидела всех остальных: Эсме, Эмметт и Розали сидели на краю скального выступа в ста шагах от нас. Намного дальше, примерно метрах в четырехстах отсюда, Элис и Джаспер что-то перекидывали друг другу, но мяча не было видно. Карлайл, казалось, был занят тем, что размечал базы, но не могли же они находиться так далеко друг от друга?

Когда мы вышли из леса, сидевшая на камнях троица поднялась на ноги.

Эсме направилась к нам. Розали грациозно развернулась и решительно пошла прочь, даже не взглянув в нашу сторону. Эмметт проводил ее долгим взглядом и присоединился к Эсме. От реакции Розали у меня внутри что-то мелко задрожало.

— Что это мы слышали, Эдвард? — спросила Эсме, приближаясь к нам.

— Шум был такой, словно медведь хрипел от удушья, — добавил Эмметт.

Я нерешительно улыбнулась Эсме.

— Это был он.

— Белла невольно меня насмешила, — пояснил Эдвард, моментально сравнивая счет.

Элис покинула Джаспера и направилась в нашу сторону — это был то ли бег, то ли танец. Стремительная, как вихрь, она резко, но изящно остановилась прямо перед нами.

— Пора, — сказала она.

Одновременно с ее словами раздался мощный удар грома. Он потряс лес позади нас и прокатился по небу на запад в сторону города.

— Жуть, а? — Эмметт дружески подмигнул мне.

— Пошли.

Элис взяла его за руку, и они вместе рванули к огромному полю. Она бежала, как газель, он несся почти так же легко и без труда поспевал за ней — правда, уж его-то никак нельзя было сравнить с газелью.

— Готова к игре? — с горящими глазами спросил меня Эдвард.

Я постаралась выдать должную порцию энтузиазма:

— Команда, вперед!

Он хохотнул и, потрепав меня по волосам, бросился вслед за остальными. Он двигался более агрессивно — скорее гепард, чем газель, — и быстро обогнал брата и сестру. Мощь и грация его бега заворожили меня.

— Наверное, пора спускаться вниз, — услышала я мелодичный голос Эсме и осознала, что стою и смотрю вслед Эдварду, открыв рот. Быстро приведя лицо в порядок, я кивнула. Эсме держалась метре-полутора от меня, и я думала: неужели она все еще осторожничает, боится напугать? Она легко приноровилась к моему шагу и не казалась недовольной моей медлительностью.

— А Вы с ними не будете играть? — робко спросила я.

— Нет, я предпочитаю быть судьей — люблю честную игру.

— Они что, часто жульничают?

— О, да! Слышала бы ты, как они иногда ругаются! Я вообще-то надеюсь, что не услышишь, а то еще подумаешь, что их воспитывала стая волков.

— Вы говорите совсем как моя мама, — засмеялась я, немало удивленная.

Она тоже рассмеялась.

— Я и правда во многих смыслах считаю их своими детьми. Я так и не переросла свои материнские инстинкты. Эдвард рассказывал тебе, что я потеряла ребенка?

— Нет, — тихо проговорила я, пытаюсь поскорее сообразить, которую из жизней она вспоминает.

— Своего первого и единственного ребенка. Он умер всего через несколько дней после рождения, бедный крошка, — вздохнула она и спокойно добавила: — Это разбило мне сердце — поэтому я и прыгнула со скалы.

— Эдвард сказал, что Вы уп-пали, — заикаясь, проговорила я.

— Джентльмен, как всегда, — она просияла. — Эдвард был первым из моих новых сыновей. Я всегда именно так о нем и думала, хотя в каком-то смысле он старше меня.

Она тепло улыбнулась мне.

— Поэтому я так счастлива, что он нашел тебя, дорогая.

Это слово прозвучало в ее устах очень естественно.

— Он слишком долго был... ничей, и мне было больно видеть его одиночество.

— Так Вы не против? — снова колеблясь, спросила я. — Я ведь ему... совсем не пара?

— Я не против, — задумчиво ответила она. — Ты — это то, чего он хочет. Как-нибудь все образуется, — добавила она, хотя нахмуренный лоб выдавал ее беспокойство. Раздался еще один раскат грома.

Эсме остановилась — мы достигли кромки поля. Кажется, они уже разбились на команды: Эдвард стоял далеко от нас в левом квадрате, Карлайл занял место между первой и второй базами, а Элис с мячом в руке взобралась на возвышение, которое должно было служить питчерской горкой.

Эмметт размахивал алюминиевой битой, и она, почти невидимая, свистела в воздухе. Я ждала, что он пойдет к «дому», но, когда он поднял биту наизготовку, мне пришлось осознать, что он уже был на позиции — просто «дом» находился на таком расстоянии от питчерской горки, что человек едва ли мог бы добросить туда мяч. Джаспер стоял в нескольких метрах позади Эмметта на позиции кэтчера. Разумеется, перчаток ни на ком из них не было.

— Начали! — ясным голосом крикнула Эсме так, что наверняка услышал бы даже Эдвард на дальнем конце поля. — Бьющий готов.

Элис стояла выпрямившись, замерев в обманчивой неподвижности. Наверное, она скорее нападет исподтишка, чем будет демонстрировать бурю и натиск. Она держала мяч обеими руками на уровне талии, и вдруг со стремительностью атакующей кобры ее правая рука метнулась вперед, и мяч со звонким шлепком оказался в руке Джаспера.

— Это был страйк? — шепотом спросила я Эсме.

— Раз они не отбили, значит, страйк, — ответила она.

Джаспер швырнул мяч в протянутую руку Элис. Она позволила себе быструю усмешку и сделала новый бросок.

На этот раз бита в руках Эмметта каким-то чудом успела оказаться в нужном месте и встретить невидимый мяч. Треск от удара был оглушительнее, чем гром, он эхом отозвался в горах. Теперь я понимала, зачем нужна была гроза.

Мяч метеором пронесся над полем и угодил далеко в лес за пределами площадки.

— Ну все, хоум ран, — пробормотала я.

— погоди, — остановила меня Эсме, и, подняв руку, стала напряженно прислушиваться. Эмметт неясной вспышкой несся по базам, за ним тенью следовал Карлайл. Я вдруг поняла, что не вижу Эдварда.

— Аут, — крикнула Эсме ясным голосом.

Не веря собственным глазам, я увидела, как из-за кромки леса появляется Эдвард, держа мяч в высоко поднятой руке. Широкая ухмылка на его лице была видна даже мне.

— Эмметт самый сильный, — объяснила Эсме, — Зато Эдвард самый быстрый.

Невероятный иннинг продолжался. Невозможно было уследить ни за полетом мяча, ни за бегом игроков по полю.

Вскоре выяснилась еще одна причина, почему они дожидались грозы. Джаспер, стремясь обойти непробиваемого Эдварда, послал граунд-бол Карлайлу, тот наскочил на мяч, а затем бросился наперерез Джасперу к первой базе. Когда они столкнулись, раздался такой грохот, словно врезались друг в друга две каменные глыбы. Я подпрыгнула на месте от ужаса, но никто из них не пострадал.

— Сейф, — объявила Эсме спокойным голосом.

Команда Эмметта была впереди на одно очко — Розали благодаря дальнему флаю Эмметта умудрилась облететь все базы, — когда Эдвард поймал третий аут. Весь искрясь от возбуждения, он подбежал ко мне.

— Ну и как тебе? — спросил он.

— В одном я уверена — никогда больше мне не высидеть до конца ни одного скучного матча Первой лиги.

— словно тебе часто приходилось это делать! — засмеялся Эдвард.

— Хотя я немного разочарована, — поддела я его.

— Почему? — не понял он.

— Знаешь, мне так хотелось найти хоть что-нибудь, в чем ты не был бы лучше всех.

Он одарил меня моей любимой улыбкой и, оставив бездыханной, направился к «дому».

— Готов, — сказал он, занимая позицию.

Он играл очень тонко, все время посылая низкие мячи, которые не давались цепким рукам Розали в аутфилде. Прежде, чем Эмметт мог вернуть мяч в игру, Эдвард с быстротой молнии обегал две базы.

Один раз Карлайл с пушечным грохотом, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, выбил мяч так далеко за пределы поля, что оба они с Эдвардом сделали по очку. Элис изящно хлопнула их по высоко поднятым вверх ладоням.

Игра шла своим ходом, счет то и дело менялся. Те, чья очередь была наслаждаться недолгим лидерством, дразнили проигрывающих, как дворовые мальчишки. Иногда Эсме приходилось призывать всех к порядку. Гром рокотал где-то рядом, но на нас не упало ни капли, как Элис и предсказывала.

Карлайл готовился бить, а Эдвард — ловить мяч, как вдруг Элис вскрикнула. Я, как обычно, не сводила глаз с Эдварда. Он резко вскинул голову и посмотрел на Элис. Стоило им обменяться взглядами, как он оказался рядом со мной прежде, чем остальные начали выяснять, что случилось.

— Элис? — напряженно спросила Эсме.

— Я не увидела, не смогла предупредить, — прошептала она.

Все уже столпились возле нее.

— Что случилось, Элис? — спокойным тоном лидера спросил Карлайл.

— Они приближались гораздо быстрее, чем я думала. Кажется, перспектива была неправильная, — тихо проговорила она.

Джаспер склонился над ней, словно стараясь защитить от чего-то.

— Что изменилось? — спросил он.

— Они слышали, как мы играем, и поменяли направление, — сокрушенно ответила она, словно была виновата в том, чего сама испугалась.

Семь пар быстрых глаз метнулись к моему лицу и обратно.

— Скоро? — спросил Карлайл, повернувшись к Эдварду.

Тот собрался, напряженно вслушиваясь в себя.

— Меньше, чем через пять минут. Они бегут, тоже хотят поиграть.

Он бросил сердитый взгляд в сторону леса.

— Ты успеешь?... — спросил Карлайл, снова указывая на меня глазами.

— Нет, только не с... — он оборвал фразу. — Кроме того, нам не надо, чтобы они почуяли запах и начали охоту.

— Сколько? — просил Эмметт у Элис.

— Трое, — лаконично ответила она.

— Трое! — он презрительно усмехнулся. — Да пусть приходят.

На его руках заиграли стальные мускулы.

Какую-то долю секунды, показавшуюся слишком долгой, Карлайл колебался. Все с тревогой смотрели на него, и лишь Эмметт не выказывал ни малейших признаков беспокойства.

— Продолжаем игру, — наконец, решил Карлайл. Он говорил спокойно и твердо. — Элис сказала, что их ведет простое любопытство.

Вся эта фраза прозвучала как стремительный поток слов, не занявший и пары секунд. Тщательно прислушавшись, я уловила большую часть смысла. Но вот что Эсме одновременно спросила у Эдварда беззвучной вибрацией губ, я понять не смогла. Лишь заметила, как он почти незаметно покачал головой, и ее лицо облегченно расслабилось.

— Побудь кэтчером, Эсме, а я буду судить, — сказал Эдвард и расположился прямо передо мной.

Остальные вернулись к игре, зорко поглядывая на темный лес своими острыми глазами. Элис и Эсме держались поблизости от меня.

— Распусти волосы, — попросил Эдвард тихим ровным голосом.

Я послушно стянула резинку и встряхнула волосами так, что они рассыпались по плечам.

— Сюда идут другие, — озвучила я очевидное.

— Да. Стой спокойно, старайся не двигаться и, пожалуйста, не отходи от меня.

Он хорошо замаскировал напряжение в своем голосе, но я все равно услышала его. Перекинув вперед мои длинные волосы, он окружил ими мое лицо.

— Бесполезно, — мягко сказала Элис. — Я чувствовала ее запах даже на краю поля.

— Знаю, — легкий оттенок безысходности окрасил его голос.

Карлайл занял «дом», и Каллены без энтузиазма возобновили игру.

— О чем тебя спросила Эсме? — прошептала я.

Он помедлил, прежде чем ответить:

— Голодны ли они, — неохотно пробормотал он.

Время тянулось медленно, игра шла еле-еле. Никто не осмеливался на дальние удары, Эмметт, Розали

и Джаспер мотались по инфилду. То и дело, несмотря на отупляющий страх, я замечала на себе взгляд Розали. Она смотрела вполне нейтрально, но что-то в складке ее губ заставляло меня думать, что она злится.

Эдвард вообще не обращал внимания на игру, все его внимание было приковано к лесу.

— Прости, Белла, — в приступе острого раскаяния проговорил он. — Верх идиотизма и безответственности — так подставлять тебя! Я не должен был этого делать.

Я услышала, как он задержал дыхание, и его глаза впились в правый край поля. Он отступил чуть вбок, заслонив меня собой от того, что надвигалось с той стороны.

Карлайл, Эмметт и остальные тоже повернулись в этом направлении, уловив слишком слабый для моего уха шум чьих-то шагов.

Глава 18. Охота

Они появились один за другим на краю леса, держась на расстоянии дюжины метров друг от друга. Мужчина, первым вышедший на опушку, сразу отступил, пропуская вперед второго — высокого и темноволосого. Первый держался так, что сразу становилось ясно — именно второй был лидером группы. Третьей шла женщина. Все, что я могла разглядеть с такого расстояния — это ее волосы поразительного ярко-рыжего цвета.

Они сомкнулись в шеренгу и стали осторожно приближаться к Калленам, демонстрируя естественное почтение стаи хищников к незнакомому, но явно более сильному клану своего вида.

Когда они подошли достаточно близко, я увидела, насколько сильно они отличались от семьи Эдварда. Они передвигались мягкой кошачьей походкой, и все их движения говорили о том, что в любой момент их тела готовы сжаться для прыжка. На них была одежда обычных туристов — джинсы и рубашки из грубого хлопка. Вещи, однако, были изношены чуть ли не до дыр, а ноги — босы. Оба мужчины были небрежно острижены, в прекрасных волосах женщины запутались мелкие веточки, прелые листья и прочая лесная труха.

Они ощупали острыми взглядами по-городскому элегантно Карлайла, который в окружении Джаспера и Эмметта выступил им навстречу. Несмотря на то, что между ними еще не было сказано ни слова, гости выпрямились и приняли более непринужденные позы. Мужчина, шедший первым, был красивее остальных. Его кожа из-под привычной бледности просвечивала оливковым, черные волосы блестели. Он был среднего

телосложения и очень мускулист (хотя, конечно, не чета Эмметту). Он светски улыбался, обнажив блестящие белые зубы.

У женщины был одичалый вид. Ее глаза безостановочно бегали по лицам стоявших напротив, спутанные волосы дрожали при малейшем дуновении ветра. Ее движения поразительно напоминали кошачьи. Второй мужчина незаметно держался позади лидера, он был тоньше, его русые волосы и неброские черты лица были маловыразительны. Но взгляд его был самым настороженным, хотя он и не стрелял глазами из стороны в сторону.

Цветом глаз они также отличались от Калленов. Это был не привычный мне черный или золотистый, а глубокий цвет красного вина, жутковатый и зловещий.

Темноволосый, все еще улыбаясь, подошел к Карлайлу.

— Нам показалось, что, судя по звукам, здесь шла игра, — непринужденно сказал он. В его речи слышался легкий французский акцент. — Я Лоран, а это Виктория и Джеймс, — он указал на вампиров, стоявших рядом с ним.

— Я Карлайл. Это моя семья: Эмметт и Джаспер, Розали, Эсме и Элис, Эдвард и Белла.

Он называл нас группами, намеренно не привлекая внимание ни к кому в отдельности. Я испытала настоящее потрясение, услышав свое имя.

— Не откажетесь ли принять еще нескольких игроков? — любезно спросил Лоран.

Карлайл ответил ему в тон:

— Вообще-то, мы уже закончили. Но в следующий раз обязательно присоединяйтесь. Вы планируете задержаться здесь?

— На самом деле, мы идем на север, но было интересно посмотреть, кто здесь живет. Мы уже давно ни с кем не встречались.

— В этом районе обычно пусто — никого, кроме нас и случайных гостей, таких, как вы.

Напряженная атмосфера понемногу разрядилась. Возможно, не обошлось без участия Джаспера с его особенным даром.

— Где ваши охотничьи территории? — небрежно спросил Лоран.

Карлайл не стал вдаваться в детали.

— Обычно это Олимпийские горы, иногда побережье. Мы живем здесь постоянно. Кроме нас, есть еще одна семья, которая не кочует. Они живут около Денали.

Лоран слегка качнулся назад на пятках.

— Постоянно? Как вам это удается? — в его голосе звучало искреннее любопытство.

— Почему бы вам не зайти к нам в дом и не поговорить без спешки? — пригласил Карлайл. — А то это долгая история.

При слове «дом» Джеймс и Виктория обменялись удивленными взглядами. Лоран гораздо лучше владел своим лицом.

— Звучит очень заманчиво, — добродушно улыбнулся он. — Мы охотились весь путь от Онтарио, и у нас еще не было возможности помыться.

Он оценивающе оглядел хорошо одетого Карлайла.

— Пожалуйста, не считите за оскорбление, но мы были бы очень благодарны, если бы вы воздержались от охоты в ближайших окрестностях. Нам не хотелось бы попасть под подозрение, — объяснил Карлайл.

— Разумеется, — Лоран кивнул. — Мы не будем посягать на вашу территорию. Мы все равно только что поели неподалеку от Сиэтла, — засмеялся он. По моей спине пробежала дрожь.

— Если вы принимаете приглашение, мы покажем вам дорогу. Эмметт и Элис, можете присоединиться

к Эдварду и Белле и поехать на джипе, — небрежно добавил он.

И тут случилось три события, как мне показалось, одновременно. Легкий ветерок подул сквозь мои волосы, Эдвард застыл на месте, а второй кочевник, Джеймс, стремительно повернул голову и цепко ощупал меня взглядом, раздувая ноздри.

Все замерли, когда Джеймс прынул вперед и по-кошачьи собрался, готовясь к прыжку. Эдвард оскалил зубы и скопировал его стойку, издав дикий, звериный рык.

Этот звук ничем не напоминал то игривое ворчание, которое он демонстрировал мне сегодня утром. Ничего более угрожающего я не слышала ни разу за свою жизнь. Дрожь пробежала у меня по телу от макушки до самых пяток.

— Что это? — с неприкрытым изумлением воскликнул Лоран. Ни Джеймс, ни Эдвард не поменяли враждебных поз. Джеймс еле заметно сдвинулся в сторону, и Эдвард ответил тем же.

— Она с нами, — резкая фраза Карлайла была обращена непосредственно к Джеймсу. Лорана, казалось, мой запах поразил не так сильно, но и в его лице проступила заинтересованность.

— Принесли с собой закуску? — не веря себе, спросил он и непроизвольно сделал шаг вперед.

Эдвард зарычал еще яростнее, его верхняя губа высоко изогнулась, обнаженные зубы сверкнули.

Лоран отступил.

— Я же сказал, она с нами, — жестко повторил Карлайл.

— Но она — человек! — возразил Лоран. Это прозвучало не агрессивно, скорее, с выражением крайнего удивления.

— Да, верно. — Эмметт, пристально глядя на Джеймса, весомым аргументом стоял на стороне

Карлайла. Джеймс медленно распрямился, но не отвел от меня взгляда. Ноздри его еще трепетали. Эдвард рядом со мной был напряжен, как лев.

Лоран заговорил вновь, и, судя по его миролюбивому тону, он хотел разрядить обстановку:

— Кажется, нам предстоит еще многое узнать друг о друге.

— Так и есть, — холодно ответил Карлайл.

— Но все же мы хотели бы принять ваше приглашение. — Глаза Лорана, скользнув по мне, вновь обратились к Карлайлу. — Разумеется, мы не причиним девушке вреда. Как я уже сказал, мы не будем охотиться на вашей территории.

Джеймс бросил на Лорана взгляд, полный недоумения и тяжелой досады, а затем коротко переглянулся с Викторией. Ее глаза по-прежнему напряженно бегали от одного лица к другому.

Карлайл на мгновение замешкался, затем внимательно посмотрел на Лорана и принял решение:

— Мы покажем вам дорогу. Джаспер, Эсме, Розали, — позвал он.

Они подошли к нему ближе и сбились вместе, загораживая меня от гостей. Рядом со мной тут же оказалась Элис, а затем, медленно пятясь и не сводя глаз с Джеймса, отошел назад и Эмметт.

— Пойдем, Белла, — тихим бесцветным голосом произнес Эдвард.

Страх словно пригвоздил меня к месту, я не смогла даже шевельнуться. Эдварду пришлось резко дернуть меня за локоть, чтобы привести в чувство. Элис и Эмметт шли следом, прикрывая меня. Я неловко ковыляла рядом с Эдвардом, все еще не владея собой от испуга. Я даже не слышала, ушли ли уже Карлайл и его спутники. Пока мы медленным человеческим шагом шли к кромке леса, нетерпение Эдварда словно потрескивало в воздухе.

Как только мы скрылись под деревьями, Эдвард, не сбавляя шага, закинул меня за спину. Я вцепилась в него изо всех сил, и он побежал вперед, Элис и Эмметт — за нами. Я опустила голову, но мои глаза, все еще вытаращенные от страха, никак не хотели закрываться.

Они неслись по окутанному темнотой лесу, как призраки. От опьяняющего веселья, которое обычно охватывало Эдварда от быстрого бега, не осталось и следа. Сейчас им владела ярость, которая гнала его вперед еще быстрее. Даже со мной на спине он бежал впереди остальных.

За невозможно короткий промежуток времени мы оказались возле джипа, и Эдвард, едва притормозив, забросил меня на заднее сиденье.

— Пристегни ее, — велел он Эмметту, скользнувшему на соседнее место.

Элис уже сидела впереди, а Эдвард заводил мотор. Он бешено взревел, мы резко развернулись, и машина понеслась по извилистой лесной дороге.

Эдвард рычал сквозь зубы что-то неразборчивое, сильно напоминавшее непрерывный поток ругательств.

Болтанка на этот раз была еще ужаснее, темнота вокруг пугала меня. Эмметт и Элис, не отрываясь, смотрели каждый в свое окно.

Мы, наконец, достигли шоссе, и я смогла определить, куда мы направляемся. А направлялись мы на юг, прочь от Форкса.

— Куда мы едем? — спросила я.

Никто не ответил. Никто даже не посмотрел на меня.

— Черт возьми, Эдвард, куда ты меня везешь?

— Нам надо убраться отсюда — как можно дальше и как можно быстрее.

Он не обернулся — не отрываясь, он глядел на дорогу. Спидометр показывал сто семьдесят

километров в час.

— Поворачивай! Вези меня домой! — закричала я и стала бешено вырываться, стремясь освободиться от дурацких ремней.

— Эмметт, — мрачно произнес Эдвард.

Эмметт зажал мне руки своей железной хваткой.

— Нет! Эдвард! Нельзя этого делать!

— Так надо, Белла, сиди спокойно.

— Не буду! Ты должен вернуть меня назад — а то Чарли вызовет ФБР! За твоей семьей придут — за Карлайлом и Эсме! Им придется уехать, скрываются навсегда!

— Успокойся, Белла, — холодно ответил он. — Это все мы уже проходили.

— Нет, только не из-за меня! Не смей ломать вашу жизнь из-за меня! — я боролась отчаянно, но совершенно впустую.

Тут в первый раз подала голос Элис.

— Эдвард, притормози.

Он бросил на нее тяжелый взгляд и прибавил скорость.

— Эдвард, давай все обсудим.

— Ты не понимаешь! — в отчаянии взревел он. Я еще никогда не слышала, чтобы он так орал, в замкнутом пространстве кабины его голос оглушил меня. Спидометр подполз к ста восьмидесяти. — Он же охотник, Элис, разве ты этого не *видела*? Он ищейка!

Я почувствовала, как рядом со мной застыл Эмметт, и поразила его реакция на это слово. Для них троих оно значило что-то другое, чем для меня. Мне хотелось понять, что именно, но мой вопрос никто бы не услышал.

— Тормози, Эдвард.

Голос Элис звучал спокойно, но в нем прорезалась нотка властности, которую я никогда раньше не слышала.

Стрелка спидометра медленно перевалила за сто девяносто.

— Давай, Эдвард.

— Послушай, Элис. Я видел, что у него в голове. Загонять добычу — это его страсть, он просто одержим этим. И он хочет ее, Элис, именно ее и никого другого. Сегодня ночью он начинает охоту.

— Он не знает, где...

Он перебил.

— Как ты думаешь, сколько времени у него займет прочесать город в поисках ее запаха? Да он все решил еще до того, как Лоран открыл рот.

Я ахнула, поняв, куда приведет мой запах.

— Чарли! Его нельзя там оставлять! Его нельзя оставлять!

И я снова принялась рвать ремни, как смирительную рубашку.

— Она права, — сказала Элис.

Машина слегка замедлила ход.

— Давай просто рассмотрим наши возможности, — уговаривала Элис.

Скорость снова упала, на этот раз более ощутимо, и вдруг неожиданно завизжали тормоза. Мы остановились на обочине. Ремни врезались мне в тело, и меня резко отбросило назад, на сиденье.

— Нет у нас никаких возможностей, — прошипел Эдвард.

— Я не брошу Чарли! — заорала я.

Он меня даже не услышал.

— Надо везти ее назад, — наконец заговорил и Эмметт.

— Нет.

Эдвард был непоколебим.

— Он против нас никто, Эдвард. Он и пальцем ее не тронет.

— Он будет ждать.

Эмметт улыбнулся.

— Я тоже подожду.

— Ты не видел его мыслей и не можешь понять. Если уж он начал охоту, его ничто не остановит. Нам придется его убить.

Эмметта это не слишком опечалило.

— Вот тебе возможность номер раз.

— И женщина. Она с ним. А если начнется драка, их вожак тоже присоединится.

— И все равно нас будет больше.

— Есть еще одна возможность, — спокойно сказала Элис.

Эдвард в бешенстве повернулся к ней и яростно прорычал:

— Нет — никакой — другой — возможности!..

Эмметт и я уставились на него в изумлении, но Элис и бровью не повела. Целую минуту они с Эдвардом буравили друг друга глазами.

Я нарушила молчание.

— Может, кто-нибудь меня послушает?

— Нет, — огрызнулся Эдвард. Элис наконец проняло, и ее взгляд загорелся гневом.

— Слушайте же, — взмолилась я. — Вы меня везете назад.

— Нет, — перебил он.

Я зло посмотрела на него и продолжила.

— Вы везете меня назад. Я говорю папе, что уезжаю домой в Финикс. Пакую вещи. Мы ждем, пока этот охотник увидит меня, а затем убегаем. Он идет за нами и оставляет в покое Чарли. Чарли не вызовет ФБР, ФБР не придет за вашей семьей. А потом можешь тащить меня в любую чертову дыру, куда только пожелаешь.

Они в изумлении воззрились на меня.

— А ведь неплохая идея!

Удивление в голосе Эмметта было прямо-таки оскорбительно.

— Это может сработать. Мы не можем просто взять и оставить ее отца без защиты. Ты сам это понимаешь, — сказала Элис.

Все смотрели на Эдварда.

— Это слишком опасно. Я хочу, чтобы он к ней и на сто километров не приближался.

— Эдвард, через нас он не прорвется.

В голосе Эмметта не было ни тени сомнения.

Элис подумала с минуту.

— Я не вижу, чтобы он атаковал. Он будет ждать момента, когда нас не будет рядом.

— Он быстро поймет, что не дождется этого никогда.

— Я *требую*, чтобы ты отвез меня домой. — Я постаралась сказать это как можно тверже.

Эдвард сжал пальцами виски и зажмурился.

— Прошу тебя, — сказала я тише и мягче.

Он, не открывая глаз, сказал устало:

— Ты уедешь сегодня независимо от того, увидит это ищейка или нет. Скажи Чарли, что ты в Форксе больше ни минуты не выдержишь. Скажи ему все, что угодно, лишь бы он поверил. Сложи то, что под руку подвернется, и беги к пикапу. Мне не важно, как и чем он будет пытаться тебя остановить. У тебя пятнадцать минут. Ты поняла? Пятнадцать минут с того момента, как ты переступишь порог.

Мотор джипа снова взревел, взвизгнули шины, и мы устремились к Форксу. Стрелка спидометра снова поползла к правому краю шкалы.

— Эмметт, — я указала глазами на свои руки.

— Ой, прости.

Он разжал хватку.

Несколько минут прошло в молчании, был слышен только шум двигателя. Затем Эдвард заговорил.

— Мы сделаем так. Подъедем к дому, и, если его там еще нет, я провожу ее до дверей. Потом ждем

пятнадцать минут. — Он грозно взглянул на меня в зеркало заднего вида. — Эмметт, ты наблюдаешь за домом снаружи. Элис, караулишь пикап. Я буду внутри. Когда она выйдет, вы двое берете джип и едете домой к Карлайлу.

— Ну уж нет, — вмешался Эмметт. — Я с тобой.

— Подумай как следует, Эмметт. Я не знаю, на сколько мне придется исчезнуть.

— Пока мы не поймем, насколько далеко это может зайти, я с тобой.

Эдвард вздохнул.

— Но если ищейка там, — мрачно продолжил он. — Мы, не останавливаясь, едем дальше.

— Мы будем там раньше него, — уверенно сказала Элис.

Эдвард без колебаний поверил ее словам. В чем бы ни была причина его размолвки с сестрой, сейчас он не сомневался в ней.

— Что мы сделаем с джипом? — спросила Элис.

— Ты поедешь на нем домой, — жестко ответил Эдвард.

— Нет, не поеду, — спокойно возразила она.

Поток неразборчивых ругательств возобновился.

— В мой пикап мы все не влезем, — прошептала я.

Эдвард сделал вид, что не слышал меня.

— Думаю, мне надо будет ехать одной, — как можно спокойнее сказала я.

Это он уже услышал.

— Белла, давай хотя бы раз сделаем по-моему. Только один раз, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Слушай, Чарли не дурак, — возразила я. — Если ты сегодня исчезнешь из города, у него возникнут подозрения.

— Это неважно. Мы позаботимся о его безопасности, а остальное не имеет значения.

— А как насчет этого ищейки? Он же видел тебя сегодня, он подумает, что ты со мной, где бы ты ни был.

Эмметт снова посмотрел на меня с обидным изумлением.

— Эдвард, слушай. Мне кажется, она права.

— Конечно, права, — согласилась Элис.

— Я не могу пойти на это, — ответил Эдвард ледяным тоном.

— Эмметт тоже должен остаться, — продолжала я. — Ищейка успел его слишком хорошо разглядеть.

— Что? — Эмметт повернулся ко мне.

— Так ты быстрее до него доберешься, — согласилась Элис.

Эдвард изумленно посмотрел на нее.

— Тебе кажется, что я должен отправить ее одну?

— Разумеется, нет, — ответила Элис. — Мы с Джаспером поедem с ней.

— Я не могу пойти на это, — повторил он, но на этот раз в его голосе появилась легкая тень сомнения. Логика делала свое дело.

Я постаралась говорить убедительно.

— Поторчишь здесь с неделку... — увидев его лицо в зеркале заднего вида, я поправилась. — Несколько дней. Дай Чарли понять, что ты меня не похищал, а этого Джеймса отправь гоняться за призраками. Убедись, что он потерял мой след, а затем приезжай за мной. Доберешься каким-нибудь окольным путем и отпустишь домой Элис и Джаспера.

Я заметила, что он начал обдумывать мое предложение.

— Приехать за тобой? Куда?

— В Финикс. — Разумеется.

— Нет. Он же услышит, куда ты уезжаешь, — нетерпеливо ответил он.

— А ты заставишь его поверить, что это очевидная уловка. Он поймет, что мы знаем, что он подслушивает.

Он никогда не поверит, что я на самом деле еду туда, куда сказала.

— Да она — дьявол! — фыркнул Эмметт.

— А что, если это не сработает?

— В Финиксе несколько миллионов человек, — сообщила я ему.

— Найти телефонную книгу ему будет нетрудно.

— А я не поеду домой.

— Как это? — грозно и придирчиво спросил он.

— Я уже достаточно большая, чтобы жить отдельно от родителей.

— Эдвард, мы же будем с ней, — напомнила Элис.

— А что *вы* собираетесь делать в Финиксе? — ядовито спросил он.

— Сидеть за закрытой дверью и не высовываться.

— А мне это даже нравится.

Эмметт, видимо, уже начал прикидывать, как прижмет Джеймса к стенке.

— Заткнись, Эмметт.

— Слушай, если мы попробуем взять его, пока она здесь, кто-нибудь *непременно* пострадает — или она сама, или ты, если будешь ее защищать. Но если мы застанем его одного... — по его лицу расплзлась улыбка. Я явно не ошибалась.

Джип, не торопясь, въезжал в город. Несмотря на смелые речи, у меня мурашки по спине бежали. Я думала о Чарли, который был дома совсем один, и старалась набраться храбрости.

— Белла. — Голос Эдварда прозвучал очень мягко. Элис и Эмметт отвернулись и стали глядеть в свои окна. — Если ты позволишь, чтобы с тобой хоть что-нибудь случилось — все равно что, — я возложу на тебя личную ответственность за это. Ты понимаешь?

Я сглотнула.

— Да.

Он повернулся к Элис.

— Джаспер справится?

— Доверься ему, Эдвард. Он очень и очень неплохо держится последнее время. Я все учитываю.

— А *ты* справишься? — спросил он.

И утонченная крошка Элис в жуткой гримасе обнажила зубы и издала такой утробный рев, что я от страха вжалась в сиденье.

Эдвард улыбнулся ей.

— Но все-таки держи свое мнение при себе, — неожиданно пробормотал он.

Глава 19. Прощания

Чарли не спал и ждал меня. Свет горел во всех окнах. Несмотря на мои отчаянные усилия, в голове по-прежнему звенела пустота — я не могла вообразить, что такого можно наговорить Чарли, чтобы он отпустил меня из дому. Похоже, дело предстояло трудное.

Эдвард медленно припарковал джип на солидном расстоянии позади пикапа. Все трое насторожились и замерли на своих местах. Они прислушивались к каждому доносившемуся из леса звуку, высматривали каждую тень, ловили каждый запах, замечали все, что было не так, как обычно. Мотор смолк, я сидела неподвижно, а они все выискивали ведомые им одним знаки.

— Его здесь нет, — наконец, напряженно сказал Эдвард. — Пошли.

Эмметт нагнулся ко мне, чтобы освободить от ремней.

— Не волнуйся, Белла, — бодрым шепотом сказал он. — Мы здесь быстро все наладим.

Я почувствовала, как слезы навернулись на глаза. Я только-только познакомилась с Эмметтом, а уже с тоской думала о том, доведется ли нам вновь увидеться. Осознание того, что это — лишь начало, первый привкус расставаний, которые мне предстоит пережить в течение следующего часа, заставило слезы градом посыпаться из глаз.

— Элис, Эмметт, — скомандовал Эдвард.

Они беззвучно скользнули в темноту и внезапно исчезли. Эдвард открыл мою дверь и, взяв меня за руку, вытащил из машины. Он обнял меня за плечи и довел до двери, не переставая ни на секунду вглядываться в ночь.

— Пятнадцать минут, — еле слышно напомнил он.

— Я справлюсь, — прошелестела я. Слезы неожиданно дали мне вдохновение.

Я остановилась на крыльце и, взяв его лицо в свои ладони, заглянула ему в глаза.

— Я люблю тебя, — тихо проговорила я. — И всегда буду любить, что бы ни случилось.

— Ничего с тобой не случится, Белла, — со страстной убежденностью ответил он.

— Просто следуй нашему плану, хорошо? Сохрани Чарли для меня. Наверное, после всего этого он знать меня не захочет, так что у меня должен быть шанс извиниться.

— Иди скорее, Белла, — поторопил меня он. — Время не ждет.

— И еще, — бешено зашептала я. — Не слушай ничего, что я сейчас буду говорить.

Он склонился ко мне, и все, что я могла сделать, — это встать на цыпочки и поцеловать его застывшие от неожиданности губы со всей силой, на какую только была способна. Затем я развернулась и пинком открыла дверь.

— Убирайся, Эдвард! — заорала я, метнулась внутрь и с грохотом захлопнула дверь прямо перед его все еще оторопелым лицом.

— Белла? — Чарли, который нес неусыпную вахту в гостиной, вскочил на ноги.

— Оставь меня в покое! — завизжала я сквозь слезы, которые теперь непрерывным потоком лились из моих глаз.

Взбежав по лестнице в свою комнату, я с силой ударила дверью о косяк и закрылась на ключ. Подбежав к кровати, я бросилась на пол, чтобы вытащить свою шерстяную дорожную сумку. Потом быстро сунула руку под матрас и достала старый носок, завязанный узлом — там хранился мой тайный запас наличности.

Чарли тем временем колотил в дверь.

— Белла, ты в порядке? Что случилось? — судя по голосу, он был страшно напуган.

— Я уезжаю *домой!* — заорала я, и мой голос сорвался как раз в нужном месте.

— Он что, приставал к тебе? — в его голосе прорезался гнев.

— Нет! — взвизгнула я на пару октав выше.

Я обернулась к комоду — Эдвард уже стоял там и молча обеими руками вытаскивал какие-то вещи и швырял их в мою сторону.

— Он что, бросил тебя? — Чарли совсем запутался.

— Нет! — заорала я.

Мне не хватало дыхания, потому что одновременно я пихала вещи в сумку. Эдвард стал кидать мне содержимое следующего ящика. Сумка была уже набита под завязку.

— Что происходит, Белла? — закричал Чарли, снова начиная колотить в дверь.

— Я бросила *его!* — крикнула я в ответ, судорожно дергая замок. Сильные руки Эдварда отвели мои в сторону и плавно застегнули молнию. Он аккуратно повесил сумку мне на плечо.

— Я буду в пикапе — поторопись! — прошептал он и, подтолкнув меня к двери, тут же испарился через окно.

Я открыла дверь и как ураган пронеслась мимо Чарли, стараясь справиться с тяжелой сумкой.

Чарли рванул следом за мной.

— Как так? Он же тебе вроде нравился.

Он поймал меня за локоть уже на кухне. Несмотря на то, что он по-прежнему ничего не понимал, хватка у него была крепкой.

Он развернул меня к себе, и я убедилась, что у него не было ни малейшего намерения просто так взять и отпустить меня.

Я понимала, что у меня есть лишь один способ вырваться — причинить ему такую боль, что за одну лишь мысль об этом я готова была себя возненавидеть. Но мое время истекало, а я должна была думать прежде всего о его безопасности.

Я зло посмотрела на отца, и от мысли о том, что я сейчас сделаю, свежие слезы затопили мои глаза.

— Да, он мне нравится — и в этом проблема. Я больше не могу! Я увязаю здесь все сильнее и сильнее, а я не хочу! Не хочу застрять в этом тупом городишке на всю жизнь! Не хочу совершить ту же идиотскую ошибку, что и мама. Я ненавижу Форкс — и не желаю здесь оставаться больше ни минуты!

Его рука отпустила мой локоть, словно он получил удар электрическим током. Я повернулась спиной к его опрокинутому, искаженному болью лицу и бросилась к двери.

— Беллз, ты не можешь ехать прямо сейчас. Ведь ночь на дворе, — прошептал он мне вслед.

Я не обернулась.

— Посплю в пикапе, когда устану.

— Подожди еще недельку! — взмолился он. — Рене скоро вернется за тобой.

Это меня совершенно сбило с толку.

— Что?

Чарли торопливо продолжал, почти ликуя от облегчения при виде моего колебания.

— Она звонила, пока тебя не было. Что-то у них не заладилось во Флориде, и они возвращаются в Аризону. Младший тренер «Сайдуиндерс» говорил, что, может быть, в команде найдется место запасного шорт-стопа.

Я тряхнула головой, пытаюсь собрать рассыпавшиеся мысли. Каждая секунда промедления увеличивала опасность для Чарли.

— У меня есть ключ, — пробормотала я, поворачивая дверную ручку.

Он стоял совсем близко, с растерянным лицом протягивая ко мне одну руку. Нельзя было терять более ни секунды. И я решилась на еще один болевой прием.

— Просто отпусти меня, Чарли, — я произнесла ровно ту же фразу, что и Рене много лет назад, когда уходила от него. Произнесла со всей злостью, на которую была способна, и рывком открыла дверь. — Все равно ничего не вышло, да? Я правда ненавижу Форкс!

Жестокие слова сделали свое дело — Чарли застыл в дверном проеме, не в силах двинуться с места, а я выскочила в ночь. Пустой двор окатил меня волной ужаса. Я бежала к пикапу, чувствуя спиной, как сзади сгущается черная тень. Забросив сумку в кузов, я дернула на себя дверь машины. Ключ уже торчал в замке зажигания.

— Я тебе завтра позвоню, — крикнула я.

Больше всего на свете мне хотелось объяснить ему все прямо сейчас, но я точно знала, что не должна этого делать. С ревом завелся двигатель, и я понеслась прочь.

Эдвард накрыл мою руку своей.

— Остановись на минутку, — попросил он, когда дом и Чарли остались далеко позади.

— Я умею водить машину, — проговорила я сквозь потоки слез.

Тогда он обхватил мою талию своими длинными пальцами, а его нога толкнула мою с педали газа. Он перетащил меня к себе на колени, так что мои руки оторвались от руля, и через мгновение уже сидел сам на водительском месте. Пикап ни на градус не отклонился от прямой траектории.

— Ты не найдешь наш дом, — объяснил он.

Вдруг я увидела яркий свет фар, бивший в зеркало заднего вида. Я развернулась и круглыми от страха глазами уставилась назад.

— Это Элис, — успокоил меня он, снова беря за руку.

У меня из головы никак не шел Чарли, неподвижно стоящий в дверном проеме.

— А ищейка?

— Он застал конец твоего представления, — мрачно ответил Эдвард.

— Чарли? — в страхе спросила я.

— Ищейка там не задержался. Он бежит за нашей машиной.

Я похолодела.

— Мы можем оторваться?

— Нет, — ответил он, но прибавил скорость. Двигатель протестующе взвыл на высокой ноте.

Мой план вдруг перестал мне казаться таким уж хитроумным.

Я все еще смотрела назад, на огни джипа, как вдруг пикап тряхнуло, а за окном неожиданно выросла какая-то темная тень.

Мой безумный вопль длился долю секунды — пока рука Эдварда не зажала мне рот.

— Это Эмметт!

Он убрал руку и обнял меня за талию.

— Все в порядке, Белла, — твердо сказал он. — Тебе нечего бояться.

Мы мчались сквозь спящий город, устремляясь к шоссе на север.

— Я и не знал, что тебе успела так наскучить жизнь в маленьком городке, — светским тоном заговорил он, пытаясь отвлечь меня. — Мне казалось, что ты начала неплохо приспосабливаться, особенно последнее время. Наверное, я просто льстил себе, считая, что сделал твою жизнь немного интереснее.

— Я поступила жестоко, — призналась я, опустив голову и не обращая внимания на его попытку шутить. — Я сказала ему те же слова, что и мама много лет назад, когда уходила от него. Ты сказал бы, что я ударила ниже пояса.

— Не переживай. Он простит тебя.

Он улыбнулся одними губами.

Я с отчаянием взглянула на него, и он увидел в моих глазах неприкрытую панику.

— Белла, все будет хорошо.

— Не будет, если я буду не с тобой, — прошептала я.

— Мы будем вместе через несколько дней, — ответил он, крепче обнимая меня. — Не забудь, это была твоя идея.

— Это была лучшая из наших идей — разумеется, она оказалась моей.

В ответ я получила бледную улыбку, которая почти сразу исчезла.

— Почему это случилось? — спросила я. — Почему именно со мной?

Он не отводил мрачных глаз от дороги.

— Это моя ошибка. Я подставил тебя, как последний дурак.

Гнев в его голосе был явно направлен внутрь.

— Я не об этом, — остановила я его. — Подумаешь, ну наткнулся он на человека. Ведь остальных двоих это не зацепило. Почему же Джеймс решил убить *меня*? Тут кругом полно людей, почему именно я?

Он подумал, прежде чем ответить.

— Я заглянул в его голову — начал он тихо. — Не уверен, что я смог бы что-то предотвратить после того, как он увидел тебя. Частично тут есть и *твоя* вина, — в его голосе появилась сухая ирония. — Если бы ты не пахла настолько сладко, он, возможно, и не повелся бы. А уж когда я встал у него на пути, стало... совсем худо. Он не переносит, когда

ему перечат, и неважно, насколько ничтожен повод. Он считает себя охотником и больше ничем. Выслеживание добычи — цель и смысл его существования, все, чего он хочет от жизни — это побольше азарта. Мы же невольно предложили ему трудную задачу: одолеть крупный клан сильных бойцов, сосредоточенный на защите единственного уязвимого звена. Не поверишь, но сейчас он в экстазе: мало того, что началась его любимая игра — в этот раз она обещает стать лучшей в его жизни!

Голос Эдварда дрогнул от отвращения.

Он мгновение помолчал, а потом продолжил с горькой безнадежностью:

— Но если бы я стоял сложа руки, он убил бы тебя прямо на месте.

— Я думала... что для других пахну не так, как для тебя, — нерешительно сказала я.

— Так и есть. Но это не значит, что ты перестаешь быть для них искушением. Если бы на него — или любого другого — твой запах действовал так же, как на меня, драка началась бы сразу.

Я вздрогнула.

— Боюсь, что теперь у меня нет другого выбора, кроме как убить его, — тихо проговорил он. — Карлайлу это не понравится.

Я услышала шорох шин по мосту, хотя в темноте река была не видна. Я понимала, что мы уже подъезжаем. Надо было спрашивать немедленно.

— Как можно убить вампира?

Он без выражения посмотрел на меня и ответил с неожиданной резкостью:

— Если хочешь наверняка, надо разорвать на куски и сжечь.

— Остальные двое тоже будут драться?

— Женщина — да. Насчет Лорана я не уверен. Связь между ними не очень сильна — Лоран с ними просто

потому, что ему так удобно. Он был смущен поведением Джеймса на поле...

— Но Джеймс и женщина — они попытаются убить тебя? — с болью спросила я.

— Белла, *не смей* тратить время на беспокойство обо мне. Твоя единственная забота — думать о своей безопасности. И еще: прошу, умоляю — хотя бы *постарайся* не кинуться сломя голову в какую-нибудь авантюру.

— Он по-прежнему преследует нас?

— Да. Хотя в доме он напасть не решится. По крайней мере, сегодня.

Эдвард свернул на невидимый проселок, и Элис последовала за нами.

Мы подъехали вплотную к дому. Все окна были освещены, но этот свет не мог разогнать тьму надвигающегося леса. Эмметт открыл мою дверь еще до того, как пикап остановился. Он вынул меня из машины, прижал к своей широкой груди, как куклу, и бегом пронес во входную дверь. Мы вихрем ворвались прямо в просторный белый холл, с двух сторон от Эмметта бежали Эдвард и Элис. Карлайл, Эсме, Розали и Джаспер были уже здесь — наверняка они вскочили на ноги, едва раздался шум моторов. Между ними стоял Лоран. Я услышала, как Эмметт тихо зарычал, ставя меня на пол рядом с Эдвардом.

— Он преследует нас, — зло глядя на Лорана, сказал Эдвард.

Лоран был печален.

— Я этого боялся.

Элис танцующей походкой подошла к Джасперу и что-то зашептала ему на ухо — ее губы быстро затрепетали. Потом они вдвоем взлетели вверх по лестнице. Розали посмотрела на них и быстро встала рядом с Эмметтом. Иногда ее напряженный взгляд

случайно падал на меня, и тогда прекрасные глаза вспыхивали яростью.

— Что он будет делать? — ледяным тоном спросил Карлайл у Лорана.

— Мне жаль, — ответил тот. — Я очень испугался, когда Ваш мальчик кинулся ее защищать. Я подумал, что его это только раззадорит.

— Вы сможете остановить его?

Лоран покачал головой.

— Если уж Джеймс начал охоту, его ничто не остановит.

— Мы остановим, — пообещал Эмметт. Не было никаких сомнений в том, что конкретно он имел в виду.

— Его не запугать. Я не видел никого равного ему за мои триста лет. Он — как сама смерть. Поэтому я и стал членом его стаи.

Его стаи, подумала я. Ну разумеется. Демонстрация почтения к лидеру на поле была просто игрой на публику.

Лоран покачал головой. Он бросил на меня недоуменный взгляд и обернулся к Карлайлу.

— Вы уверены, что оно того стоит?

Гневный рык Эдварда сотряс стены. Лоран попятился.

Карлайл серьезно посмотрел на него.

— Боюсь, Вам придется сделать выбор сейчас.

Лоран понял. Мгновение он колебался. Он пристально взгляделся в каждое лицо, затем быстро обежал глазами светлую комнату.

— Интересную жизнь вы здесь создали. Я заинтригован. Но в эту драку я не полезу. Я ничего не имею против вас всех, но и с Джеймсом связываться не хочу. Пожалуй, я пойду на север — повидать клан в Денали.

Он немного помолчал и добавил:

— Не надо недооценивать Джеймса. У него блестящий ум и необычайно острая восприимчивость. Он так же комфортно чувствует себя в человеческом мире, как вы, и никогда не кинется в прямую атаку. Мне жаль, что заварилась такая каша... Правда, очень жаль.

Он поклонился, но я заметила еще один брошенный искоса беглый недоуменный взгляд.

— Идите с миром, — строго ответил Карлайл.

Лоран еще раз напоследок оглядел всех и выскочил за дверь.

Молчание длилось не более секунды.

— Далеко отсюда? — Карлайл посмотрел на Эдварда.

Эсме не теряла времени даром. Ее рука привела в действие какую-то незаметную панель управления в стене, и металлические ставни с грохотом опустились, закрывая огромные окна. Я едва не открыла рот от изумления.

— Километрах в пяти отсюда, на той стороне реки. Он ходит кругами — ждет женщину.

— Каков план?

— Мы уведем его подальше отсюда, а Элис и Джаспер увезут ее на юг.

— И потом?

— Как только Белла будет далеко, мы его загоним, — жестко сказал Эдвард.

— Пожалуй, у нас нет иного выбора, — помрачнев, отозвался Карлайл.

Эдвард обернулся к Розали.

— Возьми ее наверх, поменяйтесь одеждой, — скомандовал он. Она окатила его холодным взглядом, словно отказываясь верить своим ушам.

— Это еще почему? — прошипела она. — Да кто она такая? Для меня — не более чем угроза, которую ты решил обрушить на наши головы!

Я невольно отпрянула, пораженная ядом, которым сочилась ее речь.

— Роуз...— тихо проговорил Эмметт и положил руку ей на плечо. Она стряхнула ее.

Зная характер Эдварда, я с беспокойством смотрела на него, ожидая взрыва. Но он удивил меня. Он просто отвернулся, словно Розали вообще не было в комнате.

— Эсме? — спокойно спросил он.

— Конечно, — ответила Эсме.

Она мгновенно оказалась рядом со мной, схватила на руки и взлетела вверх по лестнице. Я и ахнуть не успела.

— Что мы делаем? — чуть слышно спросила я, когда мы оказались в какой-то темной комнате на втором этаже.

— Попробуем запутать его, сбить со следа. Надолго это не поможет, но даст вам немного форы, — я слышала, как падает на пол ее одежда. — Боюсь, это не подойдет...

Я колебалась, но ее руки уже резко стягивали нерасстегнутую рубашку с моей головы. Я быстро скинула джинсы. Она сунула мне что-то, что на ощупь напоминало блузку. Я с трудом отыскала в темноте нужные отверстия и засунула руки в рукава. Как только я покончила с этим, она протянула мне широкие брюки. Я стала их натягивать, но штанины никак не кончались. Она проворно подвернула их несколько раз, чтобы я смогла хотя бы стоять. Каким-то чудом на Эсме уже была моя одежда. Она потянула меня в сторону лестницы, где нас ждала Элис с маленькой кожаной сумкой в одной руке. Они подхватили меня под локти и понесли вниз, на первый этаж.

Оказалось, что там уже все было готово. Эдвард и Эмметт собрались в дорогу, на плече Эмметта болтался тяжелый на вид рюкзак. Карлайл протянул Эсме какой-то небольшой предмет, затем обернулся

к Элис и дал ей такой же — это оказался серебристого цвета мобильник.

— Эсме и Розали поедут на твоём пикапе, — сообщил он мне, проходя мимо. Я кивнула и с опаской покосилась на Розали. Та гневно и возмущенно смотрела на Карлайла.

— Элис, Джаспер — «Мерседес» ваш. На юге вам понадобятся тонированные стекла.

Они тоже кивнули.

— Мы берем джип.

Я поразились тому, что Карлайл едет с Эдвардом. Внезапно меня пронзил страх — я осознала, что они трое составляют силовую группу.

— Элис, — спросил Карлайл. — Они клюнут?

Все взгляды обратились к ней, а она закрыла глаза и застыла, как камень.

Наконец, она посмотрела на нас.

— Он пойдет за вами. Женщина — за пикапом. После этого мы сможем уехать.

Ее голос прозвучал уверенно.

— Пошли.

Карлайл направился к выходу.

Но Эдвард в один миг оказался рядом со мной. Он схватил меня в железные объятия и крепко прижал к себе. Казалось, он не замечал никого вокруг, когда поднял меня в воздух, чтобы наши лица оказались рядом. На долю секунды я почувствовала его жадный ледяной поцелуй, а затем он сразу отпустил меня. Взяв мое лицо в ладони, он посмотрел на меня обжигающим взглядом.

Когда он отвернулся, его глаза были пустыми, странно мертвыми.

Все трое вышли.

Мы остались стоять, и никто не смотрел на меня, потому что по моему лицу потоком лились слезы. В молчании медленно тянулось время, как вдруг

телефон Эсме завибрировал в ее руке. Молниеносным движением она поднесла его к уху.

— Пора, — сказала она. Розали гордо вышла за дверь, даже не взглянув на меня, но Эсме остановилась, чтобы на миг коснуться моей щеки.

— Береги себя, — ее шепот повис в воздухе, когда они выскользнули наружу. Я услышала, как с оглушительным ревом завелся мотор пикапа, а затем звук медленно стих.

Джаспер и Элис ждали. Вдруг телефон Элис оказался возле ее уха прежде, чем успел зазвонить.

— Эдвард говорит, что женщина следует за Эсме. Пойду возьму машину.

Она исчезла в темноте точно так же, как Эдвард чуть раньше.

Джаспер и я посмотрели друг на друга. Он стоял наискосок от меня через холл — очевидно, из осторожности.

— Знаешь, ты ошибаешься, — вдруг совершенно спокойно сказал он.

— Что? — воскликнула я.

— Я чувствую сейчас то же, что и ты. Так вот — ты *стоишь* того.

— Нет, — пробормотала я. — Если с ними что-нибудь случится, то все будет зря.

— Ты ошибаешься, — повторил он и по-доброму улыбнулся мне.

Я не слышала ни звука, но вдруг в холле появилась Элис. Протянув ко мне руки, она подошла ближе.

— Можно?

— Ты первая, кто сегодня спрашивает разрешения, — криво улыбнулась я.

Ее тонкие и нежные руки подняли меня так же легко, как внушительные руки Эмметта. Она склонилась надо мной, прикрывая телом от возможной опасности,

и мы вылетели за дверь, оставляя позади яркие огни
дома Калленов.

Глава 20. Нетерпение

Проснувшись, я никак не могла понять, что со мной и на каком я свете. Мысли с трудом выкарабкались из липких сетей ночных кошмаров. Дольше обычного мне пришлось прислушиваться к себе, чтобы прорваться в реальность.

Интерьер комнаты был совершенно безликим — такие встречаются только в отелях. Прикроватные настольные лампы, привинченные к тумбочкам, длинные драпированные шторы из той же ткани, что покрывала на кроватях, и характерные акварельные репродукции на стенах выдавали это место с головой.

Я старалась вспомнить, как сюда попала, но поначалу ничего не приходило на ум.

Я помнила элегантный черный автомобиль, окна которого были затонированы сильнее, чем у представительского лимузина. Двигатель работал почти неслышно, хотя мы неслись по ночному шоссе со скоростью под двести километров в час.

Я помнила, как Элис сидела рядом со мной на темном кожаном сидении. Каким-то образом к концу этой долгой ночи моя голова оказалась на ее каменном плече. Моя близость совсем не была ей в тягость, прикосновение ее твердого холодного тела странным образом успокаивало меня. Весь перед ее хлопковой рубашки был мокрым от моих слез. Они текли не переставая до тех пор, пока в моих покрасневших воспаленных глазах оставалась хоть капля влаги.

Сон упорно бежал от меня. Зудящие, словно присыпанные песком веки никак не могли сомкнуться, хотя ночь уже кончилась, и над низкими горами где-то в Калифорнии занимался рассвет. Серый свет,

заливающий безоблачное небо, ранил мои глаза. Но стоило мне их закрыть, как в голове будто наяву начинали мелькать яркие немые образы. Опрокинутое лицо Чарли — жуткий оскал Эдварда — презрительное лицо Розали — острый взгляд ищейки — мертвые глаза Эдварда, когда он целовал меня в последний раз... Невозможно было это выдержать. Поэтому я боролась с усталостью и наблюдала все сильнее разгоравшийся восход.

Я не спала, когда мы миновали узкий горный перевал. Солнце, отражаясь от черепичных крыш Солнечной Долины, теперь смотрело нам в спину. Мы за один день проделали путь, на который у обычных путешественников уходит дня три, но у меня не было сил даже удивиться. Я тупо смотрела на уходящую вдаль широкую плоскую равнину. Вот и Финикс — пальмы, низкорослые кусты креозота, беспорядочные пересечения автострад, зеленые ленты полей для гольфа и бирюзовые пятна бассейнов; все это затянуто тонкой пеленой смога и окружено невысоким каменистыми пиками, которые и горами-то не назовешь.

Острые тени пальм пересекали шоссе — странно, но я помнила их более густыми и широкими. А оказалось, тут совсем негде спрятаться. Ярко освещенное, открытое плотно дороги выглядело вполне радушно, но я не ощущала облегчения, не чувствовала, что вернулась домой.

— Где дорога в аэропорт, Белла? — спросил меня Джаспер, и я вздрогнула всем телом, хотя его голос прозвучал мягко и спокойно. Это был первый звук, помимо негромкого урчания двигателя, нарушивший долгое молчание прошедшей ночи.

— Оставайся на 1-10, — автоматически ответила я. — Мы проедем мимо него.

Мой мозг медленно стряхнул сонное оцепенение.

— Мы куда-то летим? — спросила я Элис.

— Нет, но неплохо быть где-то рядом с аэропортом, просто на всякий случай.

Я помнила, как мы выехали на объездную дорогу... но не помнила, как мы оттуда свернули. Должно быть, примерно тогда я и уснула.

Теперь я смогла поймать смутное воспоминание о том, как в густых сумерках мы выходили из машины: моя рука на плече Элис, она крепко держит меня за талию и тащит куда-то сквозь сухую теплую тень, а я ковыляю за ней на заплетающихся ногах.

Но эту комнату я не помнила.

Я взглянула на часы, стоявшие на ночном столике. Красные цифры показывали три часа, непонятно только, дня или ночи. Ни одного луча света не проникало сквозь плотные занавеси, но комната была ярко освещена электрическими лампами.

Я неловко поднялась и, слегка пошатываясь, пошла к окну, чтобы отдернуть шторы.

Снаружи было темно. Значит, три часа ночи. Окна выходили на пустынный отрезок шоссе и новый гараж для длительного хранения машин, принадлежащий аэропорту. Определив свои пространственно-временные координаты, я почувствовала себя немного увереннее.

Я оглядела себя. На мне все еще была одежда Эсме, и сидело все это не лучшим образом. Я посмотрела вокруг и с облегчением обнаружила свою дорожную сумку, стоящую на низком комод. Роясь в ней в поисках смены одежды, я услышала легкий стук в дверь и подпрыгнула от неожиданности.

— Можно войти? — спросила Элис.

Я сделала глубокий вдох:

— Конечно.

Она вошла и осторожно оглядела меня с ног до головы.

— Кажется, тебе не мешало бы еще поспать, — сказала она. Я покачала головой.

Она молча проплыла к окну и тщательно занавесила все щели, затем повернулась ко мне.

— Придется сидеть в номере и не высовываться, — сказала она.

— Ладно, — хрипло ответила я. Голос дрогнул.

— Хочешь пить?

Я пожала плечами.

— Нет, все нормально. А ты?

— В разумных пределах, — она улыbnулась. — Я заказала тебе еды, она в гостинной. Эдвард сказал, что тебе надо есть намного чаще, чем нам.

Я сразу вскинулась:

— Он звонил?

— Нет, — ответила она, наблюдая, как грустнеет мое лицо. — Он мне еще дома все объяснил.

Она бережно взяла меня за руку и провела в общую комнату гостиничного номера. Я услышала негромкий гул телевизора. Джаспер сидел неподвижно за столом в углу и без малейшего интереса смотрел новости.

Я опустилась на пол у кофейного столика, на котором меня дожидался поднос с едой, и принялась вяло жевать что-то, не чувствуя вкуса.

Элис присела на подлокотник дивана и невидящим взглядом уставилась в телевизор вместе с Джаспером.

Я медленно ела и смотрела на нее, иногда мельком оглядываясь на Джаспера. Внезапно до меня дошло, что они были как-то неестественно неподвижны — ни на секунду не отрывали глаз от экрана, даже во время рекламы. Я отодвинула поднос, ощущая неприятную тяжесть в желудке. Элис посмотрела на меня.

— Элис, что не так? — спросила я.

— Все в порядке.

Я заглянула в ее честные глаза и не поверила.

— Что мы теперь будем делать?

— Ждать звонка от Карлайла.

— А разве он не должен был уже позвонить? — кажется, я почти попала в цель. Взгляд Элис метнулся к мобильнику, лежащему поверх ее кожаной сумочки.

— И что это значит? — мой голос задрожал, и я постаралась справиться с собой. — То, что он еще не звонил?

— Это значит, что пока им нечего сказать.

Но ее голос был преувеличенно спокойным. Мне стало трудно дышать.

Неожиданно Джаспер оказался рядом с Элис. Так близко ко мне он еще ни разу не подходил.

— Белла, — сказал он подозрительно мягким тоном. — Тебе не о чем волноваться, ты здесь в полной безопасности.

— Я знаю.

— Тогда чего ты боишься? — он не понимал. Видимо, Джаспер чувствовал мои эмоции, но не мог уловить, что за ними стояло.

— Ты же слышал, что сказал Лоран, — я говорила сдавленным шепотом, но была уверена, что они меня слышат. — Что Джеймс — как сама смерть. А если что-то пойдет не так, и им придется разделиться? Если что-то случится, все равно с кем — с Карлайлом, Эмметтом... Эдвардом... — я судорожно сглотнула. — Если эта дикая кошка ранит Эсме?.. — Мой голос стал громче, в нем проклюнулись истерические нотки. — Как я буду жить, зная, что это случилось по моей вине? Нельзя было никому рисковать собой из-за меня...

— Белла, Белла, стоп! — прервал меня Джаспер. Его речь текла так быстро, что я едва успевала улавливать смысл. — Ты не о том волнуешься, Белла. Поверь мне, я знаю, что говорю — никому из нас не угрожает опасность. Тебе и так труднее, чем всем нам, так что

береги силы и не трать их на ненужные переживания. Послушай меня, — приказал он, потому что я отвела глаза в сторону. — Мы — очень сильная семья. Единственное, чего мы боимся — это потерять тебя.

— Но почему вы должны...

На этот раз меня прервала Элис. Она дотронулась холодными пальцами до моей щеки:

— Эдвард почти сто лет был один. А теперь у него есть ты. Ты не видишь в нем перемен, которые видим мы. А мы были с ним очень, очень долго. Неужели ты думаешь, что хоть один из нас сможет взглянуть ему в лицо в следующие сто лет, если он потеряет тебя?

Я смотрела в ее темные глаза, и чувство вины медленно покидало меня. И хотя меня охватило спокойствие, не стоило полагаться на собственные ощущения в присутствии Джаспера.

Это был очень длинный, тягучий день.

Мы не выходили из номера. Элис позвонила в службу сервиса, чтобы отменить уборку на сегодня. Окна оставались закрытыми, а телевизор работал, хотя никто его не смотрел. Через равные промежутки времени мне приносили еду. Серебристый телефон, лежавший поверх сумочки Элис, казалось, становился все больше час от часа.

Мои няньки переносили мучительное ожидание гораздо лучше, чем я. Я слонялась по комнате взад-вперед, а они просто замерли на месте — две статуи, глаза которых незаметно следили за моими движениями. Я старалась занять себя, запоминая детали интерьера, например, порядок расположения полосок на обивке дивана: бежевая, розовая, сливочно-белая, золотистая и снова бежевая. Иногда я погружалась в созерцание абстрактных узоров на обоях, пытаюсь отыскать в них другие образы — так в детстве мы подолгу смотрим на облака. Мне удалось разглядеть синюю руку, женщину, расчесывающую

волосы, и потягивающуюся кошку. Но когда вместо блекло-красного круга я увидела уставившийся на меня кровавый глаз, пришлось прервать это развлечение.

Когда начали опускаться сумерки, я отправилась в постель, просто чтобы хоть что-нибудь сделать. Я надеялась, что в темноте и одиночестве смогу дать волю страхам, которые рыскали по задворкам моего сознания, не в силах одолеть бдительную защиту Джаспера.

Но Элис как бы ненароком последовала за мной, словно ее тоже утомило долгое сидение в общей комнате. Интересно, какие именно инструкции относительно меня оставил ей Эдвард? Я легла поперек широкой кровати, а она уселась рядом по-турецки. Сначала я не обращала на нее внимания, потому что мне вдруг на самом деле захотелось спать. Но спустя несколько минут панические мысли, не смевшие и близко подобраться в присутствии Джаспера, взяли свое. Я оставила попытки уснуть и свернулась калачиком на кровати.

— Элис?

— Да?

Я постаралась говорить спокойно.

— Как ты думаешь, что они сейчас делают?

— Карлайл хотел увести ищейку подальше на север, а потом подпустить поближе и устроить засаду. Эсме и Розали надо было двигаться на запад до тех пор, пока женщина идет за ними. Если бы она оставила след, они должны были вернуться в Форкс и держаться поблизости от твоего отца. Я думаю, раз они не звонят, все идет хорошо. Это значит, что ищейка достаточно близко и может их услышать.

— А Эсме?

— Думаю, она уже в Форксе. Она тоже не станет звонить, если нет уверенности, что женщина не услышит ее. Наверное, они просто осторожничают.

— Так ты действительно считаешь, что с ними все хорошо?

— Белла, сколько еще раз повторить тебе, что никому из нас не угрожает опасность?

— И ты скажешь мне правду?

— Да. Я всегда скажу тебе правду.

Она говорила совершенно серьезно. Я немного поколебалась, но потом решила, что она имела в виду и *это* тоже.

— Скажи мне тогда... как стать вампиром?

Мой вопрос застал ее врасплох. Она не ответила. Я повернулась к ней, чтобы видеть ее лицо — на нем отражалась внутренняя борьба.

— Эдвард не хочет, чтобы я тебе это рассказывала, — твердо произнесла она, но я почувствовала в этих словах ее внутренний протест.

— Это нечестно. Думаю, я имею право знать.

— Пожалуй.

Я выжидающе посмотрела на нее.

Она вздохнула.

— Он будет *дика* зол.

— Это вообще не его дело. Это только между нами. Элис, прошу тебя, как подругу.

Мы действительно непостижимым образом стали подругами — наверное, она с самого начала знала, что так и будет.

Она посмотрела на меня своими прелестными, мудрыми глазами — делая выбор...

— Я расскажу тебе то, что знаю о механике этого дела, — наконец, начала она. — Хотя, как это было со мной, я не помню, сама никогда этого не делала и не видела, чтобы кто-нибудь это делал. Поэтому не забывай: то, что ты сейчас услышишь — это чистая теория.

Я замерла в ожидании.

— Для хищников мы оснащены более чем достаточно — можно сказать, увешаны оружием с ног до головы. Сила, скорость, обостренная восприимчивость, не говоря уже о возможном наличии шестого чувства у счастливых вроде Эдварда, меня и Джаспера. Кроме того, мы, как плотоядные цветы, привлекаем свою жертву физически.

Я сидела не шевелясь и вспоминала, как красочно Эдвард проиллюстрировал эту концепцию на лесной поляне.

Элис зловеще улыбнулась во весь рот.

— Есть и еще одно оружие, которое вообще непонятно зачем. Мы ядовиты, — ее зубы блеснули в полумраке. — Яд не убивает — он только обездвиживает. Он действует медленно, распространяясь с током крови, так что укушенная жертва испытывает страшную физическую боль и не может убежать. Чистое излишество, как я уже сказала. Уж если мы подобралась к кому-то настолько близко, что можем укусить, жертве все равно не спастись. Хотя бывают исключения. Карлайл, например.

— И если дать яду распространиться, — тихо проговорила я.

— Трансформация занимает обычно несколько дней в зависимости от того, сколько яда попало в рану и насколько близко эта рана от сердца. Пока сердце бьется, яд разносится с током крови, меняя и излечивая тело. Наконец, сердце останавливается, и тогда превращение закончено. Но пока процесс идет, жертва каждое мгновение мечтает о смерти.

Меня пробрала дрожь.

— Как видишь, дело не из приятных.

— Эдвард сказал, что это очень трудно сделать... Но я не очень поняла, — сказала я.

— Мы в каком-то смысле как акулы. Если попробуем крови или хотя бы просто почувствуем ее запах, нам очень трудно удержаться и не насытиться. Иногда просто невозможно. Поэтому, укусив кого-то, мы тут же теряем над собой контроль. Так что трудно приходится обоим: одному — из-за жажды крови, другому — из-за невыносимой боли.

— Как думаешь, почему ты ничего не помнишь?

— Не знаю. Для всех остальных боль превращения — самое яркое воспоминание о человеческой части их жизни. Я же из человеческой жизни вообще ничего не помню.

Ее голос был полон тоски.

Мы молча лежали рядом, погруженные каждая в свои думы.

Время шло, и я почти забыла о присутствии Элис, как вдруг она вскочила и через мгновение уже стояла рядом с кроватью. Моя голова резко дернулась от ее движения, и я, вздрогнув, уставилась на нее.

— Что-то изменилось.

Ее голос звучал тревожно, и разговаривала она уже не со мной.

Она двинулась к двери, и почти одновременно с ней там оказался Джаспер — очевидно, он слышал и весь наш разговор, и ее неожиданное восклицание. Он положил руки ей на плечи, подвел обратно к кровати и усадил на край.

— Что ты видишь? — настойчиво спросил он, заглядывая ей в глаза.

Она смотрела в пространство. Я придвинулась ближе и наклонилась, чтобы разобрать ее быструю тихую речь.

— Я вижу комнату. Она длинная, везде зеркала. Деревянный пол. Он в этой комнате, ждет. Там золото... золотая полоска вдоль зеркал.

— Где эта комната?

— Не знаю. Чего-то не хватает — какое-то решение еще не принято.

— Сколько осталось времени?

— Это скоро. Он будет в зеркальной комнате сегодня или завтра. Это зависит от чего-то. Он чего-то ждет. Сейчас он в темноте.

Джаспер спрашивал спокойно и методично — очевидно, он вошел в привычную роль.

— Что он делает?

— Он смотрит телевизор...нет, он смотрит видео, это уже в другом месте.

— Ты видишь это место?

— Нет, слишком темно.

— В зеркальной комнате видно что-нибудь еще?

— Только зеркала и золото. Какая-то лента вокруг комнаты. Еще там черный стол с большой стереоустановкой и телевизор. Там он тоже что-то делает с видео, но не смотрит, как в темной комнате. В этой комнате он ждет.

Она перевела взгляд на Джаспера.

— Что-нибудь еще?

Она покачала головой. Не двигаясь, они смотрели друг на друга.

— Что это значит? — спросила я.

Сначала никто из них не ответил, потом Джаспер перевел взгляд на меня.

— Это значит, что планы ищейки изменились. Он принял какое-то решение, и оно приведет его в темную комнату и в зеркальную комнату.

— Но мы не знаем, что это за комнаты?

— Нет.

— Но зато мы знаем, что кое-кому не удастся поймать его в горах к северу от Вашингтона. Он от них ускользнет, — бесцветным голосом добавила Элис.

— Надо им позвонить? — спросила я. Они обменялись серьезным взглядом, принимая решение.

Тут зазвонил телефон.

Прежде, чем я успела повернуть к нему голову, Элис была уже на том конце комнаты.

Она нажала кнопку ответа и поднесла телефон к уху, но поначалу не говорила ни слова.

— Это Карлайл, — наконец, выдохнула она. Она не выглядела ни удивленной, ни обрадованной, хотя меня охватили именно эти чувства.

— Да, — сказала она, взглянув на меня. Затем снова долго слушала.

— Я его только что видела. — Она повторила свой рассказ. — Что бы ни заставило его принять решение, он окажется в этих комнатах. — Снова пауза. — Да, — сказала Элис своему собеседнику, затем позвала меня:

— Белла!

Она протянула мне телефон. Я быстро подскочила и схватила его.

— Алло! — выдохнула я в трубку.

— Белла! — раздался голос Эдварда.

— Ох, Эдвард! Я так волновалась!

— Белла, — он обессилено вздохнул. — Я же говорил тебе: волнуйся только о себе.

Было так отрадно слышать его голос. Я почувствовала, как наползавшие на меня черные клубы отчаяния рассеиваются и уползают в темноту.

— Вы где?

— В окрестностях Ванкувера. Белла, мне жаль, но мы его потеряли. Он, кажется, что-то подозревал — держался на таком расстоянии, чтобы я не мог читать его мысли. А сейчас он вообще исчез — словно у него наконец появился план. Мы думаем, что он где-то на пути в Форкс — собирается начать поиск заново.

Я услышала, как Элис о чем-то рассказывает Джасперу за моей спиной, ее быстрая речь сливалась

в непрерывный неясный шум.

— Я знаю. Элис сказала, что он ушел.

— И все равно, не беспокойся. Он не найдет ничего, что может привести его к тебе. Сейчас тебе надо просто оставаться на месте и ждать, пока мы снова не выйдем на него.

— Со мной все будет в порядке. Эсме с Чарли?

— Да. Женщина была в городе. Она залезла в ваш дом, пока Чарли был на работе. К твоему отцу она не приближалась, не переживай. Эсме и Розали следят за ним, так что все в порядке.

— Что она делает?

— Наверное, пытается взять след. За ночь она обрыскала весь город. Розали бегала за ней до аэропорта, по всем окрестным дорогам, в школу... она роет землю, Белла, но ничего не найдет.

— Ты уверен, что Чарли в безопасности?

— Да, Эсме не спускает с него глаз. И мы скоро там будем. Если ищейка появится где-нибудь возле Форкса, мы схватим его.

— Я скучаю по тебе, — прошептала я.

— Я знаю, Белла. Поверь мне, знаю. Ты словно забрала с собой половину меня.

— Так приди и возьми ее обратно, — предложила я.

— Скоро. Сразу, как только смогу. *Сначала* избавлю тебя от опасности, — твердо ответил он.

— Я люблю тебя, — напомнила я.

— Поверишь ли ты, что я тоже тебя люблю, после всего того, во что я тебя втравил?

— Поверю.

— Я скоро приеду за тобой.

— Буду ждать.

Телефон замолчал, и черное облако снова поползло на меня.

Я повернулась, чтобы отдать телефон Элис, и обнаружила ее и Джаспера склонившимися над

столом. Элис что-то рисовала на листке бумаги. Я оперлась о спинку кушетки и посмотрела ей через плечо. Она рисовала комнату: прямоугольную, длинную, с более узкой квадратной секцией в конце. Деревянный паркет уложен наискосок. Вертикальные черты на стенах должны были изображать границы между зеркалами. Наконец, вдоль всей стены примерно на метровой высоте тянулась длинная полоса, по словам Элис, золотая.

— Это балетная студия, — сказала я, внезапно распознав знакомые контуры.

Они с удивлением посмотрели на меня.

— Ты знаешь это место? — Голос Джаспера звучал спокойно, но я услышала в нем что-то подспудное, что не смогла определить.

Элис снова склонилась над рисунком, теперь ее рука летала поперек листа. На задней стене появились очертания запасного выхода, в правом переднем углу — низкий столик со стереоустановкой и телевизором.

— Похоже на зал, куда я ходила на уроки танцев, когда мне было лет восемь. По форме — просто один в один. — Я указала на ту часть рисунка, где выпирающая квадратная секция сужала заднюю часть комнаты. — Вот здесь находились душевые, через них можно было попасть в соседний зал. Но стереоустановка стояла тут, — я указала на левый угол, — И она была более старая. И телевизора не было. У нас было окошко в раздевалке, и, если из него смотреть, зал выглядел именно так.

Элис и Джаспер неподвижно смотрели на меня.

— Ты уверена, что это та самая комната? — спросил Джаспер все тем же спокойным голосом.

— Нет, совсем нет. Наверное, все танцевальные студии выглядят одинаково — зеркала, станок. — Я провела пальцем вдоль линии,

изображавшей золотую полоску. — Просто форма показалась похожей.

Я указала на дверь, расположенную ровно там, где была такая же в моей старой студии.

— У тебя есть какая-нибудь причина пойти туда сейчас? — спросила Элис, прерывая мои воспоминания.

— Нет, я там почти десять лет не была. Танцевала я ужасно — на выступлениях меня всегда ставили в задний ряд, — призналась я.

— Так сейчас эта комната никак с тобой не связана? — настойчиво спросила Элис.

— Нет, я даже не думаю, что там до сих пор работает тот же хореограф. Думаю, это просто какая-то другая студия, такая может быть где угодно.

— А где находилась та студия, куда ты ходила? — как бы случайно спросил Джаспер.

— Рядом с нашим домом, за углом. Я занималась там сразу после школы... — мой голос сорвался. Я заметила, как они переглянулись.

— Значит, здесь, в Финиксе? — все так же небрежно спросил он.

— Да, — прошептала я. — На углу Пятьдесят восьмой и Кактус.

Мы замолчали, уставившись на рисунок.

— Элис, этот телефон нельзя отследить?

— Нет, — заверила она. — Определится вашингтонский номер.

— Тогда можно я возьму его, чтобы позвонить маме?

— Я думала, она во Флориде.

— Да, так и есть. Но она скоро приедет домой, а ей туда нельзя, пока... — мой голос задрожал. Я думала о том, что сказал Эдвард: рыжеволосая побывала дома у Чарли и в школе — там, где можно было найти мои данные.

— Как ты до нее дозвонишься?

— У них нет постоянного номера, кроме домашнего, но она регулярно проверяет сообщения.

— Джаспер? — спросила Элис.

Он задумался. — Наверное, ничего плохого не будет. Только не говори, где ты, разумеется.

Я тут же схватила телефон и набрала знакомый номер. После четырех гудков раздался бодрый голос мамы, призывающий оставить сообщение.

— Мам, — сказала я после гудка. — Это я. Слушай, я хочу, чтобы ты кое-что сделала. Это очень важно. Как только прочитаешь сообщение, перезвони мне на этот номер. — Элис уже писала номер на обратной стороне рисунка. Я дважды прочитала его, тщательно выговаривая цифры. — Пожалуйста, ничего не делай, пока не поговоришь со мной. Не волнуйся, все в порядке, просто мне надо поговорить с тобой как можно скорее, неважно, в какое время, хорошо? Я люблю тебя. Пока.

Я закрыла глаза и изо всех сил помолилась, чтобы никакая перемена планов не привела ее домой раньше, чем она получит мое сообщение.

Устроившись на диване, я придвинула к себе тарелку с оставшимися после обеда фруктами, предчувствуя мучительно долгий вечер. Я подумывала о том, чтобы позвонить Чарли, но не понимала, должна ли я уже прибыть домой или еще рано. Я сосредоточилась на новостях, особенно на сюжетах из Флориды: забастовки, ураганы, атаки террористов — что угодно, что могло бы заставить их вернуться раньше времени.

Бессмертие, должно быть, дарует бесконечное терпение. Ни Джасперу, ни Элис не нужно было никаких занятий. Иногда Элис рисовала те или иные детали темной комнаты, какие ей удавалось различить в тусклом свете телеэкрана. Но, покончив с этим, она просто села и уставилась в стену своими

неподвластными времени глазами. И Джаспер тоже, казалось, не испытывал никакой потребности мерить шагами комнату, выглядывать на улицу из-за занавесок или с криками выбегать за двери, как я бы делала на его месте.

Видимо, в ожидании телефонного звонка я уснула прямо на диване. Холодное прикосновение рук Элис, которая переносила меня на кровать, ненадолго разбудило меня, но я снова провалилась в сон еще до того, как моя голова коснулась подушки.

Глава 21. Телефонный звонок

Когда я проснулась, было еще слишком рано — наверное, мои ночи и дни начали постепенно меняться местами. Я лежала в постели и прислушивалась к спокойным голосам Элис и Джаспера в соседней комнате. Они говорили настолько громко, что я смогла их услышать, и это было странно. Я поднялась с кровати и, пошатываясь со сна, пошла к ним.

Часы, стоявшие на телевизоре, показывали третий час ночи. Элис и Джаспер сидели рядом на диване, Элис снова рисовала, а Джаспер смотрел на ее рисунок. Они даже не взглянули на меня, целиком поглощенные процессом.

Я подползла поближе и заглянула Джасперу через плечо.

— Она еще что-то увидела? — тихо спросила я.

— Да, что-то вновь привело его в темную комнату, но теперь там светло.

Я стала следить за тем, как Элис рисует квадратную комнату с темными балками, пересекающими низкий потолок. Стены обшиты деревянными панелями старомодно-коричневого тона. На полу — темный узорчатый ковер. Напротив южной стены — широкое окно, а в западной стене — проем, ведущий в гостиную. Одна его сторона выложена бурым камнем — это часть большого камина, выходящего в обе комнаты. Если смотреть отсюда, то телевизор и видеомаягнитофон, шатко установленные на крохотной деревянной подставке, должны быть в юго-западной части комнаты. Старый диванный уголок огибает телевизор, перед ним — кофейный столик.

— Телефон здесь, — прошептала я, показывая.

Две пары вековечных глаз уставились на меня.

— Это — дом моей матери.

Элис тут же вскочила с дивана, в ее руках оказался телефон. Я, не отрываясь, смотрела на точное изображение нашей с мамой гостиной. Незаметно Джаспер скользнул ближе ко мне. Он слегка прикоснулся к моему плечу, и физический контакт многократно усилил его успокаивающее воздействие. Паника притупилась, ушла на задворки сознания.

Губы Элис трепетали, быстро выговаривая слова, и на этот раз я не смогла расшифровать невнятный гул ее речи. Не удалось сконцентрироваться.

— Белла, — сказала Элис. Я тупо посмотрела на нее.

— Белла, Эдвард приедет за тобой. Он, Эмметт и Карлайл увезут тебя и спрячут на какое-то время.

— Эдвард приедет?

Эта новость, как спасательный жилет, вознесла мою голову над водами всемирного потопа.

— Да, первым же рейсом из Сиэтла. Мы встретим его в аэропорту, и ты уедешь с ним.

— Но мама... Он же пришел за моей мамой, Элис! — Несмотря на Джаспера, в моем голосе клокотала истерика.

— Мы с Джаспером останемся здесь, пока угроза не минует.

— Мне не победить, Элис. Вы не можете вечно защищать всех, кого я знаю. Разве непонятно, что он сделает? Он найдет кого-нибудь, ранит кого-нибудь, кого я люблю... Элис, я не могу...

— Мы его поймем, Белла, — заверила меня она.

— А что, если ты пострадаешь, Элис? Думаешь, мне будет все равно? Думаешь, моя человеческая семья — это все, за кого я переживаю?

Элис со значением посмотрела на Джаспера. Глубокий, тяжелый летаргический туман накатил на меня, и глаза против воли закрылись. Мой разум

отбивался из последних сил, потому что было ясно, что происходит на самом деле. Я заставила себя открыть глаза и встала, отодвинувшись от руки Джаспера.

— Не хочу я больше спать, — резко бросила я.

Вернувшись в спальню, я закрыла дверь — откровенно говоря, с грохотом захлопнула. Теперь можно сколько душе угодно разваливаться на мелкие кусочки в гордом одиночестве. На этот раз Элис за мной не пошла. Три с половиной часа я пялилась в стену, обхватив руками колени и покачиваясь всем телом. Мысли ходили кругами, пытаюсь найти способ выбраться из этого кошмара. Не было ни избавления, ни даже отсрочки. Я видела лишь один возможный исход, мрачно рисовавшийся в моем будущем. Вопрос был только в том, сколько народу пострадает прежде, чем я к нему приду.

Оставалась только одна надежда, одно утешение — скоро Эдвард будет рядом. Может быть, если я просто увижу его лицо, решение придет само собой?

Когда зазвонил телефон, я вернулась в гостиную, слегка смущенная своим поведением. Я надеялась, что никого из них не оскорбила, что они понимают, насколько я благодарна им за жертвы, которые они приносят ради меня.

Элис отвечала по телефону так же быстро, как в прошлый раз. Но я сразу обратила внимание на то, что, впервые с тех пор, как мы оказались здесь, Джаспера не было в комнате. Я посмотрела на часы — половина шестого утра.

— Они садятся в самолет, — сказала Элис. — Приземлятся в девять сорок пять.

Не переставать дышать еще каких-то несколько часов — и он будет здесь.

— А где Джаспер?

— Пошел расплачиваться за номер.

— Вы здесь не останетесь?

— Нет, переберемся поближе к дому твоей матери.

Мне скрутило желудок от ее слов.

Но тут телефон зазвонил опять, и мое внимание переключилось на него. Элис удивилась, а я сразу пошла вперед, с надеждой протягивая руку.

— Алло, — ответила Элис. — Нет, сейчас передам.

Твоя мама, — одними губами произнесла она, протягивая мне трубку.

— Алло?

— Белла? Белла?

Это был мамин голос, со знакомой с детства интонацией — я слышала ее всякий раз, когда подходила слишком близко к краю тротуара или терялась в толпе. Чистая, беспримесная паника.

Я вздохнула. Этого следовало ожидать, хотя я постаралась убрать из своего сообщения все, что могло бы ее встревожить.

— Успокойся, мам, — сказала я своим самым мирным голосом, медленно отходя в сторону от Элис. Я была не уверена, что смогу хорошо сыграть свою роль, когда она смотрит на меня. — Все хорошо! Просто дай мне пару минут, и я все тебе объясню, обещаю.

Я остановилась, удивленная тем, что она до сих пор не перебила меня.

— Мама?

— Будь внимательна и не говори ничего кроме того, что я тебе велю.

Мужской голос, неожиданно вклинившийся в разговор, был мне совершенно не знаком. Приятный, без особенностей тенор — такие голоса обычно используют в качестве звукового фона в рекламе роскошных машин. Мужчина говорил очень быстро.

— Вот что: я не хочу причинять вред твоей матери, поэтому точно выполняй то, что я скажу, и все будет хорошо. — Пока он держал минутную паузу, я в немом

ужасе ждала продолжения. — Ну что ж, отлично, — голос был доволен мной. — А теперь повторяй за мной, и постарайся, чтобы это прозвучало естественно. Скажи: «Нет, мам, оставайся на месте».

— Нет, мам, оставайся на месте, — прошелестела я чуть громче шепота.

— Н-да, кажется, будет трудновато, — голос, по-прежнему спокойный и доброжелательный, выказал ласковое удивление. — Пожалуй, тебе стоит выйти в другую комнату, а то с таким лицом ты все погубишь. Зачем твоей матери зря страдать? Пока идешь, скажи: «Мама, послушай меня, пожалуйста». Давай, говори.

— Мама, послушай меня, пожалуйста, — взмолилась я.

Чувствуя спиной встревоженный взгляд Элис, я прошла в спальню и закрыла дверь. Страх парализовал мой мозг, но я все равно пыталась не потерять ясность мысли.

— Итак, сейчас ты одна? Отвечай «да» или «нет».

— Да.

— Но, я уверен, они все равно слышат тебя?

— Да.

— Ну хорошо, — продолжал вкрадчивый голос. — Скажи: «Мама, поверь мне».

— Мама, поверь мне.

— Знаешь, это сработало даже лучше, чем я ожидал. Я приготовился ждать, но твоя мама приехала раньше времени. Так даже легче, правда? Меньше томительного ожидания и напрасной тревоги?

Я молчала.

— А теперь слушай очень внимательно. Кажется, мне придется попросить тебя сбежать от твоих друзей. Как думаешь, ты сможешь сделать это? Отвечай «да» или «нет».

— Нет.

— Очень жаль. Мне казалось, что ты проявишь чуть больше живости мысли. Так сможешь ли ты уйти от своих друзей, если жизнь твоей матери будет зависеть от этого? Ну же, отвечай: да или нет?

Наверное, должен быть какой-то способ. Я вспомнила, что мы собирались ехать в аэропорт. Международный аэропорт Скай Харбор — многолюдный, запутанный, как лабиринт...

— Да.

— Так-то лучше. Уверен, это будет нелегко, но если мне хоть на минутку покажется, что ты не одна, это весьма повредит твоей матери, — пообещал доброжелательный голос. — Ты, должно быть, уже хорошо нас изучила, так что можешь себе представить, насколько быстро я пойму, что ты не сдержала слово. И насколько быстро я разберусь с твоей мамочкой в этом случае. Ты поняла? Отвечай «да» или «нет».

— Да. — Мой голос сорвался.

— Очень хорошо, Белла. Теперь ты знаешь, что должна сделать. Я хочу, чтобы ты приехала в дом своей матери. Рядом с телефоном ты найдешь записку с номером. Набери его, и я скажу тебе, куда идти дальше.

Я уже знала, куда он направит меня и где закончится эта история. Но все равно я буду следовать его инструкциям.

— Ты сможешь сделать это? Отвечай «да» или «нет».

— Да.

— Приходи до полудня, Белла. У меня есть и другие планы на этот день, — светски добавил он.

— Где Фил? — коротко спросила я.

— А вот теперь будь осторожна Белла. Пожалуйста, подожди, пока я не разрешу тебе говорить.

Я покорно ждала.

— Очень важно, чтобы твои друзья ничего не заподозрили, когда ты сейчас к ним выйдешь. Скажи им, что мама звонила и что ты отговорила ее приезжать сейчас домой. А теперь повторяй за мной: «Спасибо, мама». Говори.

— Спасибо, мама.

Слезы уже готовы были хлынуть, но я старалась загнать их обратно.

— Скажи: «Я люблю тебя, мама. Мы скоро увидимся». Говори.

— Я люблю тебя, мама. Мы скоро увидимся, — хрипло пообещала я.

— До свидания, Белла. Буду с нетерпением ждать встречи.

Он прервал разговор.

Я так и осталась стоять с прижатым к уху телефоном. Все тело онемело от страха — я не могла разжать пальцы, чтобы выпустить его из рук.

Я понимала, что надо подумать, но в голове раздавались только мамины панические вопли. Время шло, а я все пыталась овладеть собой.

Очень-очень медленно мысли начали пробиваться сквозь каменную стену боли. Надо составить план. Потому что теперь у меня уже не было выбора: оставалось только пойти в зеркальную комнату и умереть. У меня не было никаких гарантий, что моя мать останется жива. Приходилось лишь надеяться на то, что Джеймс удовольствуется своим выигрышем, что победы над Эдвардом ему будет достаточно. Отчаяние схватило меня за горло: нельзя было даже поторговаться, потому что мне совершенно нечего было ему предложить, нечем на него повлиять. Выхода не было. Придется хотя бы попробовать.

Я загнала страх глубоко внутрь себя. Решение принято. Не стоило теперь тратить время зря и представлять себе то, что будет в конце. Нужно было

мыслить ясно, потому что Элис и Джаспер ждали меня, и мне предстояло убежать от них, а это было почти невозможно.

Я вдруг порадовалась тому, что Джаспер ушел. Если бы он оставался в комнате, то почувал бы смертную тоску, которую я испытывала последние пять минут, а это выдало бы меня с головой. Я постаралась побороть страх и тревогу, удушить их в зародыше. Сейчас я не могла позволить себе эти чувства, ведь Джаспер мог вернуться с минуты на минуту.

Я стала думать о том, как можно сбежать. Наверное, хорошее знание местности, а именно, аэропорта, перевесит чашу весов в мою пользу. Надо как-то отвлечь Элис...

Я знала, что Элис ждет меня в соседней комнате, бурля от любопытства. Но придется покончить еще с одним делом, прежде чем показаться на глаза Джасперу.

Нужно смириться с мыслью, что я никогда больше не увижу Эдварда. Я не смогу бросить последний взгляд на его лицо, чтобы было что взять с собой в зеркальную комнату. Мне придется нанести ему страшную рану, а я не смогу даже попрощаться. Я на мгновение позволила страданию поглотить меня целиком, без остатка, а затем загнала его глубоко внутрь. Меня ждала Элис.

Все, что я смогла изобразить на своем лице — это выражение мертвенной скуки. Я увидела, что она встревожилась, и не дала ей первой задать вопрос. У меня был наготове только один сценарий, а импровизировать я не умела.

— Мама волнуется, она хотела приехать домой. Но ничего, я уговорила ее пока остаться во Флориде, — сказала я безжизненным голосом.

— Мы бы позаботились о ней, Белла, зря ты беспокоишься.

Я отвернулась — нельзя было позволять ей смотреть мне в лицо.

Мой взгляд упал на листок белой бумаги, какие обычно есть в каждом отеле. Я медленно подошла к нему, в голове начал складываться план. Рядом оказался и конверт — очень кстати.

— Элис, — не поворачиваясь, медленно проговорила я ровным голосом. — Если я напишу маме письмо, ты сможешь передать? Я имею в виду, подсунуть его как-нибудь в дом?

— Конечно, Белла, — осторожно ответила она. Кажется, для нее мое притворство было шито белыми нитками. Нужно было получше держать себя в руках.

Я вернулась в спальню и встала на колени у маленького прикроватного столика.

«Эдвард», — вывела я первое слово. Пальцы тряслись, так что получилось неразборчиво.

«Я люблю тебя. Прости меня. У него моя мама. Мне надо попробовать, хотя я понимаю, что это может быть впустую. Прости, прости, прости.»

Не сердись на Элис и Джаспера. Будет чудо, если мне удастся сбежать от них. Скажи им от меня спасибо. Особенно Элис.

И пожалуйста, умоляю, не преследуй его. Именно этого он и хочет. Так я думаю. Мне невыносима мысль о том, что кто-то пострадает из-за меня, особенно ты. Прошу тебя, это единственное, о чем я тебя сейчас прошу. Пожалуйста, ради меня.

Я люблю тебя. Прости.

Белла».

Я аккуратно свернула письмо, положила в конверт и запечатала. Рано или поздно он прочтет его. Я надеялась лишь на то, что он поймет, что хотя бы раз он послушает меня.

И потом так же тщательно, как конверт, я запечатала свое сердце.

22. ПРЯТКИ

Все это заняло гораздо меньше времени, чем я себе представляла — страх, отчаяние и расправа над собственным сердцем. Казалось, минуты бегут медленнее, чем обычно. Джаспера еще не было, когда я вернулась к Элис. Я боялась оставаться с ней в одной комнате, боялась, что она догадается... и боялась прятаться от нее по той же причине.

Мне казалось, что, измученная, с путаницей в мыслях, я уже ничему не смогу удивиться, но оказалось, что это не так. Я не была готова войти в гостиную и увидеть, как Элис стоит, сгорбившись над столом, вцепившись обеими руками в его крышку.

— Элис?

Она не услышала меня. Ее голова медленно раскачивалась из стороны в сторону, на лице зияли расширившиеся от потрясения пустые глаза. Я сразу подумала о маме. Слишком поздно?

Я рванулась к ней, инстинктивно пытаюсь взять ее за руку.

— Элис! — услышала я резкий вскрик Джаспера, и он в тот же миг оказался позади нее, бережно разжимая ее руки. Где-то за моей спиной щелкнул замок закрывшейся двери.

— Что такое? — спросил он.

Она отвернулась от меня и спрятала лицо у него на груди.

— Белла, — произнесла она.

— Я здесь, — отозвалась я.

Она повернула голову и взглянула мне в глаза, но в лице странным образом не появилось никакого выражения. Я поняла, что она не звала меня, а отвечала на вопрос Джаспера.

— Что ты видела? — в моем вялом, бесцветном голосе не было вопроса.

Джаспер посмотрел на меня пронзительным взглядом. Я постаралась изобразить на лице равнодушное любопытство. Его глаза недоуменно метались между мной и Элис. В его чувствах был полный хаос, потому что только что я догадалась о том, что именно она увидела.

Я ощутила, как в воздухе разливается спокойствие. Я порадовалась ему — оно помогало мне держать чувства в узде.

Элис тоже пришла в себя.

— Нет, ничего, — наконец, убедительно ответила она совершенно спокойным голосом. — Та же комната, что и раньше.

Наконец, она посмотрела на меня, ее лицо было мягким и отстраненным.

— Тебе заказать завтрак?

— Нет, я поем в аэропорту.

Я тоже была очень спокойна.

Я пошла в ванную принять душ. словно позаимствовав способности Джаспера, я почти кожей почувствовала отчаянное — хотя и прекрасно замаскированное — нежелание Элис, чтобы я выходила из комнаты. Она безумно боялась остаться с ним наедине, потому что тогда ей останется только одно — сказать ему, что они делают что-то не так, что их ждет поражение...

Я методично совершала последний туалет, концентрируясь на каждой мелочи. Распущенные волосы рассыпались по плечам, закрыв мне лицо. Благостное настроение, созданное Джаспером, захватило меня целиком, помогая ясно мыслить. Помогая составлять план. Я порылась в сумке и нашла свой носок с деньгами. Все, что там было, я распихала по карманам.

Мне не терпелось поехать наконец в аэропорт, и я была рада, когда в семь часов мы сели в машину.

На этот раз я была на заднем сиденье одна. Элис прислонилась спиной к двери, повернувшись к Джасперу, но поминутно поглядывала на меня из-под своих солнечных очков.

— Элис? — безразлично проговорила я.

— Что? — она была настороже.

— Как это работает? Ну... то, что ты видишь? — Я смотрела в боковое окно и говорила скучающим тоном. — Эдвард говорил, что в твоих видениях есть неопределенность... Что все может меняться?

Произнести его имя оказалось сложнее, чем я предполагала. Наверное, это встревожило Джаспера, потому что свежая волна спокойствия заполнила салон.

— Да, все может измениться, — тихо проговорила она. Как мне показалось, с надеждой. — Что-то бывает более определенным, например, погода... Люди более непредсказуемы. Я вижу только последствия сделанного выбора. Стоит им передумать — принять иное решение, даже самое незначительное — как вся картина меняется.

Я задумчиво кивнула.

— Поэтому ты не видела Джеймса в Финиксе до тех пор, пока он сам не решил приехать сюда.

— Да, — согласилась она, снова насторожившись.

Поэтому она не видела меня в зеркальной комнате с Джеймсом до тех пор, пока я не приняла решение встретиться с ним там. Я постаралась не думать о том, что еще она могла там увидеть. Я не хотела поддаваться страху, который мигом почувствовал бы Джаспер. Они и так удвоят бдительность после видения Элис. Так что мне придется совершить почти невозможное.

Мы приехали в аэропорт. Удача была на моей стороне, а может, просто так легли карты в руках судьбы. Самолет, на котором прилетали Эдвард

и остальные, прибывал к четвертому терминалу. Само по себе это было неудивительно — самый большой терминал, там приземлялось большинство рейсов. Но именно этот терминал и был мне нужен — заблудиться там легче легкого. И еще там была дверь на третий уровень, которая, возможно, могла стать моим единственным шансом.

Мы припарковались на четвертом этаже огромного гаража. Я шла первой, потому что лучше знала дорогу, чем мои спутники. Мы сели в лифт и спустились на третий уровень, предназначенный для пассажиров. Элис и Джаспер долго простояли у табло отбывающих рейсов, обсуждая сравнительные достоинства и недостатки Нью-Йорка, Атланты и Чикаго. Городов, которых я никогда не видела. И уже никогда не увижу.

Я нетерпеливо поджидала свою возможность, нервно постукивая ногой об пол. Мы сидели неподалеку от металлодетекторов на креслах, спаянных в длинный ряд. Джаспер и Элис делали вид, что разглядывают публику, а на самом деле не сводили глаз с меня. Стоило мне лишь чуть-чуть переменить положение, как я замечала их быстрые косые взгляды. Это было безнадежно. Может быть, мне просто вскочить и побежать? Посмеют ли они схватить меня силой в таком оживленном месте? Или будут следовать за мной?

Я вытянула неподписанный конверт из кармана и положила его поверх черной кожаной сумки Элис. Она посмотрела на меня.

— Мое письмо, — сказала я. Она кивнула и засунула его в верхний кармашек. Скоро он найдет его.

Текли минуты, и самолет Эдварда уже вот-вот должен был прилететь. Было удивительно чувствовать, как каждая клеточка моего тела ощущала, что он все ближе и ближе, как стремилась к нему. Это едва можно было терпеть. Я поймала себя на том, что выдумываю

предлоги, чтобы остаться, сначала увидеть его, а потом сбежать. Но я знала, что тогда уйти будет уже совершенно невозможно.

Несколько раз Элис предлагала мне пойти позавтракать, и я каждый раз отвечала: попозже, не сейчас.

Я смотрела на табло прибывающих рейсов — они прилетали каждый раз четко по расписанию. Рейс из Сиэтла полз все ближе к самой верхней строчке.

И вдруг, когда мне оставалось всего полчаса на побег, цифры на табло изменились — самолет должен был приземлиться на десять минут раньше. Времени у меня было в обрез.

— Пожалуй, пора сходить поесть, — быстро сказала я Элис.

Она встала.

— Я пойду с тобой.

— Ты не против, если вместо тебя пойдет Джаспер? — спросила я. — Мне как-то... — я не закончила. Думаю, мой перепуганный вид был и так достаточно красноречив.

Джаспер поднялся. Элис не очень поняла, что к чему, но, к моему облегчению, ни о чем плохом не подумала. Она совсем не ждала от меня предательства и думала, что ее видение связано скорее с какими-то хитрыми действиями ищейки.

Джаспер молча шел рядом со мной, положив руку мне на талию — со стороны можно было подумать, что он куда-то меня ведет. Я сделала вид, что первые попавшиеся на нашем пути кафе мне не понравились, а сама шарила глазами по сторонам в поисках настоящего объекта своего интереса. И вот, стоило нам завернуть за угол, скрывшись от острых глаз Элис, как я заметила его — женский туалет третьего этажа.

— Ты не против? — спросила я Джаспера, когда мы проходили мимо. — Я на минутку.

— Я подожду тут, — ответил он.

Как только за мной закрылась дверь, я кинулась бежать. Я помнила, как когда-то в детстве потерялась здесь, потому что у этого туалета было два выхода.

За второй дверью нужно было сделать короткий бросок к лифтам. Если Джаспер действительно остался на месте, я вскоре окончательно исчезну из его поля зрения. Я не смотрела назад. Это был мой единственный шанс, и, даже если он увидел меня, все равно надо было бежать дальше, не останавливаясь. На меня глазели, но мне было все равно. За углом дожидались лифты. Я ринулась вперед и сунула руку в щель между дверьми заполненного лифта, который шел вниз. Протиснувшись внутрь мимо раздраженных пассажиров, я посмотрела, нажата ли кнопка первого этажа. Она уже горела, двери закрывались.

Как только они открылись снова, я выскочила, оставив за собой шлейф недовольных перешептываний. Притормозила у поста охраны возле выдачи багажа, а потом рванулась вперед с удвоенной скоростью, завидев вдали выход на улицу. У меня не было возможности оглянуться и проверить, не следует ли Джаспер за мной.

Если он уже идет по моему запаху, в моем распоряжении несколько секунд. Я выскочила из автоматических дверей, на ходу чуть не врезавшись в стекло, так как они слишком медленно разъезжались в стороны.

У запруженного людьми тротуара я не заметила ни одного такси. У меня совсем не было времени. Элис и Джаспер, наверное, уже поняли, что я сбежала, или вот-вот поймут это. Не пройдет и секунды, как они найдут меня.

Автобус до Хайятт-отеля в нескольких шагах от меня уже закрывал двери.

— Подождите! — закричала я и побежала к нему, размахивая руками и сигналив водителю.

— Это автобус до отеля Хайятт, — в замешательстве произнес водитель, открывая дверь.

— Отлично, — ответила я, запыхавшись. — Именно туда мне и нужно.

Я взбежала вверх по ступенькам.

Он смерил меня косым взглядом — отсутствие багажа от него не укрылось — и пожал плечами. Очевидно, ему было все равно.

Большая часть мест пустовала. Я села подальше от людей и смотрела, как уходит из виду здание аэропорта. Я не могла не представлять себе, как у края тротуара стоит Эдвард, потерявший мой след. Еще рано плакать, говорила я себе. Еще так далеко ехать.

Везение шло за мной по пятам. Перед отелем Хайятт какая-то пара с усталым видом вытаскивала из такси последний чемодан. Я выпрыгнула из автобуса и побежала к машине, скользнула на заднее сиденье. Усталая пара и водитель автобуса проводили меня недоуменными взглядами.

Я дала таксисту адрес маминого дома.

— Мне надо попасть туда как можно скорее.

— Да это же Скоттсдейл, — пожаловался он.

Я быстро протянула ему четыре «двадцатки».

— Этого достаточно?

— Конечно, детка, без проблем.

Я откинулась на спинку сиденья и обхватила себя руками. За окном мелькал знакомый город, но мне было не до него. Я изо всех сил боролась за самоконтроль. Нельзя было дать себе расклеиться сейчас, когда план успешно удался. Не было смысла допускать в душу страх или тревогу. Мой путь определен. Все, что мне остается — это следовать ему.

Поэтому, вместо того, чтобы предаваться отчаянию, я закрыла глаза и устроила себе свидание с Эдвардом.

Я представила себе, как встречаю его в аэропорту. Вот я стою на цыпочках, чтобы скорее увидеть его лицо. Вот он стремительно, с непостижимой грацией пробирается сквозь разделяющую нас толпу. И когда между нами остается лишь несколько шагов, я не выдерживаю и импульсивно бросаюсь ему навстречу, чтобы через секунду оказаться в его мраморных объятиях — наконец-то, в полной безопасности.

Интересно, куда бы мы поехали? Куда-нибудь на север, чтобы ему не нужно было прятаться днем. Или в какой-нибудь дальний безлюдный уголок, чтобы снова лежать вдвоем на солнцепеке. Я вообразила его на песчаном пляже, где его кожа сверкала бы так же ярко, как морская вода. Неважно, сколько времени нам пришлось бы прятаться. Даже безвылазно торчать вдвоем в комнате отеля было бы раем. Мне хотелось задать ему столько вопросов! Я говорила бы с ним целую вечность, без сна и отдыха, не отрываясь от него ни на минуту.

Вдруг я словно наяву увидела его лицо... и почти услышала его голос. И тогда, несмотря на страх и отчаяние, я на мгновение почувствовала себя счастливой. Я настолько ушла в свои грезы, что потеряла счет времени.

— Эй, какой номер дома?

Вопрос водителя грубо прервал сладкий полет моих фантазий. Радужные краски тут же поблекли и осыпались, и холодный бесцветный ужас заполнил оставленную ими пустоту.

— Пятьдесят восемь двадцать один, — голос прозвучал так, словно мне сжали горло.

Водитель нервно взглянул на меня — наверное, подумал, что у меня сейчас начнется припадок.

— Тогда мы приехали.

Он хотел поскорей избавиться от меня, возможно, надеясь на то, что я не спрошу сдачу.

— Спасибо, — прошептала я.

Нечего бояться, напоминала я самой себе — дом был пуст. Надо было торопиться: меня ждала мама, испуганная, беспомощная.

Я подбежала к двери, привычно потянулась наверх, достала из-под карниза ключ и отперла замок. Внутри было темно и тихо — как всегда бывало в наше отсутствие. Я побежала к телефону, по пути зажигая свет. В кухне на белой пластиковой доске аккуратным мелким почерком был записан десятизначный номер. Я стала нажимать кнопки на телефоне, то и дело не попадая. Пришлось повесить трубку и начать заново. Я сконцентрировалась и начала медленно нажимать кнопки по одной. Наконец, все получилось. Я поднесла трубку к уху, она дрожала в моей руке. Раздался всего один гудок.

— Здравствуй, Белла, — вновь отозвался приятный голос. — Ты справилась на удивление быстро. Я поражен.

— Мама в порядке?

— С ней все просто превосходно. Не волнуйся, Белла, я не собираюсь с ней ссориться. Конечно, если ты придешь одна.

Беспечный тон развлекающегося бездельника.

— Я приду одна.

Еще никогда в жизни я не была столь беспросветно одна.

— Очень хорошо. Ты знаешь балетную студию за углом?

— Да, и я знаю, как туда попасть.

— Что ж, тогда до скорой встречи.

Я повесила трубку и выбежала из комнаты, из дома, обратно под солнечный жар.

У меня не было времени оглядываться, да и не хотелось видеть свой дом таким, каким он был

сейчас — символом страха, а не уюта. Последним, кто побывал в нем, был мой враг.

Где-то в уголке моего глаза почти возникла мама — я увидела, как она стоит в тени большого эвкалипта, рядом с которым я любила играть ребенком. Или как, опустившись на колени, возится с клумбой — небольшим островком грязи вокруг почтового ящика, кладбищем увядших растений, павших жертвой ее садоводческого рвения. Воспоминания были гораздо лучше, чем то, что мне сегодня придется увидеть. Но я бежала прочь от них, завернула за угол, оставив их позади.

Мне казалось, что мои ноги вязнут на ходу, словно я бегу по мокрому песку — никак не удавалось воспользоваться преимуществами бетона. Я несколько раз споткнулась и даже упала, ободрав ладони об асфальт, но тут же поднялась и рванулась вперед. Наконец я добралась до угла. Еще одна улица: я бежала дальше, задыхаясь, пот струился по лицу. Сверху жарило солнце, меня ослепляли его яркие блики, отражающиеся от белого бетона. На открытом пространстве я чувствовала себя очень уязвимой. С неведомой доселе одержимостью я жаждала зеленой защиты лесов Форкса — словно защиты родного дома...

Еще раз свернув за угол, я оказалась на улице Кактус. Вот и студия — она ничуть не изменилась. Парковка перед ней была пуста, все окна закрыты вертикальными жалюзи. Я совсем выбилась из сил и не могла больше бежать, усталость и страх высосали все мои силы. Я думала о маме и медленно переставляла ноги — одну за другой, одну за другой.

Подойдя к двери, я увидела объявление, написанное от руки на ярко-розовой бумаге. В нем говорилось, что студия закрыта на весенние каникулы. Я взялась за ручку и осторожно повернула. Дверь была

не заперта. Я постаралась привести дыхание в порядок и открыла дверь.

В пустом холле было темно и прохладно — урчал кондиционер. Пластиковые кресла были составлены рядами вдоль стен, ковер пахнул шампунем. В маленькое окошко был виден западный зал — в нем было темно. Восточный зал, более просторный, был освещен, но жалюзи были опущены.

Внезапно меня объял такой ужас, что я буквально застыла на месте, не в силах сделать вперед ни шага.

И тут мама снова позвала меня.

— Белла? Белла? — все с той же истерической ноткой в голосе. Я метнулась к двери, из-за которой доносился голос.

— Белла, ты так напугала меня! Никогда больше так не делай! — я вбежала длинную, с высоким потолком комнату и стала оглядываться вокруг, чтобы понять, откуда же слышался ее крик. Тут она засмеялась, и я резко развернулась на звук.

Вот она, на экране телевизора, с облегчением треплет меня по волосам. Это было на День Благодарения, мне было двенадцать. Мы поехали в Калифорнию повидать бабушку — ровно за год до ее смерти. Как-то мы пошли на пляж, я перегнулась слишком низко через ограждение пирса, и она увидела, как я дрыгаю ногами в воздухе, пытаюсь побороть силу земного притяжения, чтобы не свалиться в воду. «Белла! Белла!» — кричала она мне тогда, обмирая от страха.

По экрану телевизора побежала рябь.

Я медленно обернулась. Он неподвижно стоял у второго выхода — настолько неподвижно, что с разбегу я его не заметила. В его руке был пульт управления. Мы обменялись долгим взглядом, и он улыбнулся. Потом прошел мимо меня, довольно

близко, и положил пульт рядом с телевизором. Я, как зачарованная, следила за ним глазами.

— Прости, конечно, Белла, но мне кажется, даже хорошо, что твоей маме не пришлось на самом деле поучаствовать в этой истории, — вежливо проговорил он приятным голосом.

И тут меня осенило. С мамой все в порядке, она по-прежнему во Флориде. Она не получала моего сообщения. Она видеть не видела этих красных глаз на нереально белом лице, которые сейчас смотрели на меня. С ней все хорошо.

— Да, — ответила я с неприкрытым облегчением в голосе.

— Да ты вроде как не сердись на то, что я провел тебя?

— Нет, не сержусь.

Неожиданная радость придала мне сил. Какая теперь разница? Все это скоро кончится. Чарли и мама не пострадают, им никогда не придется бояться. Меня охватил какой-то хмельной кураж. Та часть моего мозга, что ведала аналитическими способностями, тихо шептала, что я вот-вот могу спятить от перенапряжения.

— Как странно. Ты на самом деле говоришь то, что думаешь.

Он взглянул на меня с интересом. Радужки его глаз были почти черными, лишь по краям слабо отсвечивали красным. Голоден.

— Надо отдать должное твоему племени — среди вас иногда встречаются очень занятные экземпляры. Я даже стал находить своеобразное удовольствие в наблюдении за людьми. Просто удивительно — многие из вас бывают самоотверженны до абсурда.

Он стоял в нескольких шагах от меня, сложив руки на груди, и с любопытством меня рассматривал. Ни в его лице, ни в позе не было ничего угрожающего.

Он выглядел настолько обыкновенным, что казалось просто невозможным найти в нем хоть что-нибудь примечательное. Если не считать белой кожи и обведенных темной тенью глаз — но к этим особенностям я совсем привыкла за последнее время. На нем была бледно-голубая рубашка с длинными рукавами и линялые джинсы.

— Полагаю, сейчас ты скажешь мне, что твой парень за тебя отомстит? — спросил он, как мне показалось, с надеждой.

— Нет, это вряд ли. По крайней мере, я попросила его этого не делать.

— И что он тебе ответил?

— Не знаю. — Было до странности легко вести разговор с этим благовоспитанным охотником на людей. — Я оставила ему письмо.

— Как это романтично — последнее письмо. Ты думаешь, он уважит твою волю? — его голос стал чуть жестче: вежливый тон окрасился легким оттенком сарказма.

— Надеюсь.

— Хммм... Тогда наши чаяния не совпадают. Видишь ли, все получилось как-то слишком быстро, слишком легко. Если честно, я разочарован. Я предвкушал работенку потруднее. А оказалось, что понадобилось только немного удачи — и все.

Я молчала.

— Раз Виктория не смогла добраться до твоего отца, я поручил ей разузнать о тебе побольше. Зачем было отслеживать тебя по всему миру, когда можно было спокойно подождать там, где мне захочется. Поэтому, поговорив с Викторией, я решил отправиться в Финикс, чтобы навестить твою маму. Я слышал, как ты сказала, что едешь домой. Поначалу я и не мечтал, чтобы это было правдой. Но, немного поразмыслив, понял: ведь люди иногда так предсказуемы. Они предпочитают

знакомую обстановку, потому что она кажется им более безопасной. Не самая блестящая уловка — спрятаться там, где тебя меньше всего ждут после того, как ты сказала, что будешь там.

— Но, разумеется, я не был уверен, я действовал по наитию. Обычно я чувствую жертву, на которую охочусь — что-то вроде шестого чувства, если тебе угодно. Я прослушал твоё сообщение на автоответчике, когда был в доме у твоей матери, но, разумеется, невозможно было определить, откуда ты звонила. Было очень полезно получить твой номер, но ты могла находиться хоть в Антарктиде. А мой план мог сработать только если бы ты была где-то близко.

— И тут твой бойфренд сел на самолет до Финикса. Виктория следила за ними — когда в игре столько участников, невозможно справиться одному. Таким образом, они недвусмысленно показали мне, что я не ошибся — ты здесь. К тому времени я успел хорошо подготовиться — просмотрел все ваши милые семейные записи. А дальше оставалось лишь грамотно блефовать.

— Слишком легко, даже самому противно. Поэтому я надеюсь, что ты неправа насчет своего друга. Как его там, Эдвард, кажется?

Я не ответила. Мой кураж стремительно таял. Я чувствовала, что он подбирается к концу своего манифеста. В любом случае, его речь явно предназначалась не мне. Не было никакой чести в победе надо мной, слабым человеком.

— Ты не будешь возражать, если я оставлю твоему Эдварду маленькое послание от себя?

Он сделал шаг назад и коснулся маленькой, размером с ладонь, цифровой видеокамеры, аккуратно пристроенной поверх стереоустановки. На ней горел красный огонек — запись уже шла. Он несколько раз переставил ее с места на место, подыскивая лучший ракурс. Я в ужасе наблюдала за ним.

— Прости, но мне кажется, что он вряд ли оставит меня в покое после того, как увидит это. И я не хочу, чтобы он что-нибудь упустил. Весь цирк будет только ради него, разумеется. А ты просто человек, который на свою беду оказался в неподходящем месте в неподходящее время. И, хочу добавить, в совершенно неподходящей компании.

Улыбаясь, он сделал шаг ко мне.

— Прежде чем мы начнем...

Я почувствовала, как на дне желудка червячком шевельнулась тошнота. Это было что-то, к чему я была не готова.

— Еще щепотку соли на раны, так, совсем чуть-чуть. Все это время разгадка была настолько близка, что я боялся, что Эдвард догадается и сломает мне весь кайф. Когда-то давно, сто лет назад, в первый и последний раз я упустил свою жертву.

— Видишь ли, один вампир, который, как последний дурак, обожал эту малышку, сделал то, для чего твой Эдвард оказался слишком слаб. Когда старик узнал, что я нацелился на его любимицу, он выкрал ее из сумасшедшего дома, в котором работал. Мне *никогда* не понять той одержимости, которую иные вампиры питают к вам, людям. Как только он освободил ее, он сделал ее неуязвимой. Она, бедняжка, даже боли не почувствовала — ее же постоянно держали в отключке. Лет сто назад она бы сгорела на костре за свои видения, а в двадцатых годах прошлого века вместо костра ей назначили желтый дом и шоковую терапию. Когда она, юная и сильная, открыла глаза, она словно в первый раз увидела солнце. Старик сделал ее мощным молодым вампиром, и мне уже не было никакого смысла нападать на нее. — Он вздохнул. — Чтобы хоть как-то поквитаться, от обиды я уничтожил старика.

— Элис! — выдохнула я в изумлении.

— Да, речь о ней — о твоей подружке. Я *очень* удивился, увидев ее на поляне. Так что, надеюсь, у вашей стаи будет хоть какое-то утешение — я забрал тебя, а им досталась она. Моя несостоявшаяся жертва — в сущности, это такая честь.

— Как же сладко она пахла... Мне до сих пор жаль, что я так и не попробовал вкуса. Она пахла даже лучше, чем ты. Прости — я не хотел тебя обидеть. У тебя очень милый запах — какой-то цветочный...

Он сделал еще шаг и встал вплотную ко мне. Высвободив прядь моих волос, он деликатно понюхал ее. Затем легким движением убрал ее на место, и я почувствовала прикосновение его холодной ладони к своему горлу. Подняв руку, он быстро, с любопытством погладил меня по щеке одним пальцем. Мне отчаянно хотелось бежать, но я застыла на месте, как оловянный солдатик. Я даже не могла отстраниться от его прикосновения.

— Нет, — тихо проговорил он про себя, уронив руку. — Не понимаю.

Он вздохнул.

— Ну ладно, полагаю, пора наконец покончить с этим. А затем я позвоню твоим друзьям и скажу им, где найти тебя и мое небольшое послание.

Тошнота усилилась. Я видела по его глазам, что мне предстояло вытерпеть много боли. Чтобы победить, ему было мало просто выпить мою кровь и уйти. Никакого быстрого конца, на который я рассчитывала. Мои колени затряслись, и я боялась, что вот-вот упаду.

Он отступил назад и начал непринужденно обходить меня кругом, словно я была статуей в музее, а он — любителем прекрасного. Он решал, с чего начать, а с лица не сходило открытое дружелюбное выражение.

Затем он резко пригнулся и принял знакомую стойку. Приятная улыбка расползлась, становясь все

шире, пока не превратилась в оскал, обнажавший сверкающие зубы.

Я не смогла ничего с собой поделаться и в панике побежала. Понимая полную безнадежность попытки, на ватных подгибающихся ногах я рванулась к запасному выходу.

Миг — и он уже стоял передо мной. Сокрушительный удар в грудь был настолько быстрым, что я не заметила, нанес он его рукой или ногой — я лишь почувствовала, как отлетела назад, и услышала треск, когда ударилась головой о зеркало. Зазвенело стекло, и осколки разлетелись по полу вокруг меня.

От шока я ничего не чувствовала, но тело перестало слушаться — я никак не могла вздохнуть.

Он медленно подошел ко мне.

— Прекрасный эффект, — вновь в тоне дружеской беседы сказал он, оглядывая россыпи битого стекла. — Я подумал, что эта комната придаст моему фильму визуального драматизма. Поэтому я и выбрал ее в качестве места действия. Красиво, правда?

Не обращая на него внимания, я поднялась и на коленях поползла ко второму выходу.

В ту же секунду он нагнал меня, и его нога тяжело придавила к полу мою голень. Я услышала тошнотворный хруст прежде, чем ощутила боль. Она пришла секундой позже, и я не смогла сдержать крика. Я скорчилась, пытаясь дотянуться до раненной ноги, а он стоял надо мной и улыбался.

— Ну как, не хочешь изменить свою последнюю волю? — ласково спросил он и пнул мою сломанную голень. Я услышала душераздирающий вопль и с ужасом узнала свой собственный голос.

— Не хочешь попросить Эдварда заняться мной? — подсказал он.

— Нет! — прохрипела я. — Нет, Эдвард, не...

Тут что-то ударило меня в лицо, и я отлетела назад, к разбитым зеркалам.

Сквозь боль в ноге я почувствовала, как острый осколок стекла прорезал кожу на голове. И сразу что-то теплое и мокрое с ужасающей быстротой заструилось сквозь волосы. Я почувствовала, как моя рубашка насквозь промокла на плече, услышала, как позади меня капли падают на деревянный пол. Запах крови скрутил желудок.

Сквозь тошноту и головокружение я увидела нечто, что подарило мне тень надежды. Его глаза, в которых поначалу тлел лишь умеренный интерес к происходящему, теперь горели от неконтролируемой жажды. Кровь, окрасившая алым мою белую рубашку и быстро собирающаяся в лужицу на полу, сводила его с ума. Каков бы ни был его первоначальный сценарий, долго ему не выдержать.

Пусть все побыстрее закончится — молила я, пока сознание вытекало из головы вместе со струйкой крови. Глаза уже закрывались.

И тогда, словно сквозь толщу воды, я услышала его финальное рычание. Он шел ко мне — я видела его темный силуэт в конце длинных туннелей, которыми стали мои глаза. Из последних сил я инстинктивно подняла руку и заслонила ею лицо. Мои веки опустились, и я впала в забытие.

Глава 23. Ангел

Я словно плыла сквозь темную воду и видела сон.

Там, с изнанки сознания, я услышала самый лучший звук из тех, что могло породить мое воображение — прекрасный, освобождающий и страшный одновременно. Это был ответный рык — более низкий, дикий, звенящий от бешенства. Мою руку, поднятую к лицу, пронзила резкая боль, и эта боль почти вынесла меня назад, к поверхности, но я не смогла открыть глаза.

Тут я поняла, что умерла.

Потому что услышала, как сквозь тяжелую толщу вод меня зовет ангел — зовет в тот единственный рай, куда я стремилась.

— Нет, Белла, нет! — кричал испуганный ангел.

Помимо его тоскующего голоса явились и другие звуки — адская какофония, от которой хотелось убежать и спрятаться. Злобный басовитый рев, рвущий душу треск, жалобный визг, резко оборвавшийся на высокой ноте...

Вместо этого жуткого бедлама я стала слушать ангела.

— Белла, Белла! Ты слышишь меня, Белла? Белла, очнись, ну пожалуйста, Белла! — умолял он.

Да, хотела сказать я. Сказать хоть что-нибудь. Но не могла найти свои губы.

— Карлайл, — позвал ангел, в его прекрасном голосе слышалось страдание. — Белла, нет, нет, ну пожалуйста!

И он зашелся в судорожных сухих рыданиях.

Ангелы не должны плакать, это неправильно. Я попыталась дотянуться до него, сказать, что все

в порядке. Но я погрузилась так глубоко, что вся толща воды давила на меня, и я не могла вздохнуть.

Вдруг какой-то точкой на голове я почувствовала давление. И боль. Как только эта маленькая боль прорвалась ко мне сквозь темноту, за ней явилась и большая. Я вскрикнула и резко втянула в себя воздух, стремительно поднимаясь из темной воды.

— Белла! — плакал ангел.

— Она потеряла много крови, но рана на голове неглубокая, — сообщил мне спокойный голос. — Поосторожнее с ее ногой, она сломана.

С губ ангела сорвался короткий гневный возглас.

Я почувствовала, как что-то резко ткнуло меня в бок. Что-то не похоже это место на рай, для рая слишком много боли.

— Несколько ребер, кажется, тоже, — продолжал невозмутимый голос.

Но резкая боль, атакующая меня со всех сторон, вдруг словно отошла в тень. Моя рука начала пылать, как в огне, и это ощущение заставило меня забыть обо всем прочем.

Кто-то хотел меня сжечь.

— Эдвард, — я попыталась сказать ему, но речь шла так тяжело и медленно, что я не поняла бы себя сама.

— Белла, все будет хорошо. Ты слышишь, Белла? Я люблю тебя.

— Эдвард, — я попыталась снова. Теперь вышло немного яснее.

— Да, я здесь.

— Больно, — проскулила я.

— Знаю, Белла, знаю, — и, словно больно было ему, с тоской спросил кого-то: — Можешь что-нибудь сделать?

— Дайте мою сумку, пожалуйста... Задержи дыхание, Элис, это поможет, — уверенно посоветовал Карлайл.

— Элис, — простонала я.

— Она здесь, она сказала нам, где тебя искать.

— Рука... — я сделала еще попытку.

— Я знаю, Белла. Сейчас Карлайл даст тебе лекарство, и станет легче.

— Моя рука горит! — закричала я, наконец рывком выныривая на поверхность и распахивая глаза.

Я не увидела его лица, что-то темное и влажное затуманивало мне зрение. Почему же они не замечают пламя, почему не могут его потушить?

Он со страхом воскликнул:

— Белла?

— Огонь! Погасите же огонь! — кричала я.

— Карлайл! Ее рука!

— Он укусил ее, — потрясенно проговорил Карлайл.

Я почувствовала, как Эдвард от ужаса перестал дышать.

— Эдвард, ты должен это сделать, — это был голос Элис, он прозвучал почти у моего уха. Холодные пальцы касались моих век, утонувших в чем-то влажном.

— Нет! — взвыл он.

— Элис, — простонала я.

— Возможно, у нас есть шанс, — сказал Карлайл.

— Какой? — взмолился Эдвард.

— Ты можешь попытаться высосать яд из раны. Она довольно чистая, с ровными краями, — Карлайл говорил, а я чувствовала, как давление на мою голову усилилось, что-то втыкалось в кожу и вытягивалось из нее. Боли я не чувствовала — огонь в руке сжигал все.

— Это поможет? — напряженно спросила Элис.

— Не знаю, — ответил Карлайл. — Но надо спешить.

— Карлайл, я... — Эдвард колебался. — Не знаю, справлюсь ли я.

В прекрасном голосе вновь звучало страдание.

— В любом случае, тебе решать. Я не могу помочь тебе. Но мне надо остановить кровотечение, если ты решишься оттягивать кровь из ее руки.

Я корчилась, охваченная агонией, и от моих движений боль в ноге отзывалась тошнотворными толчками.

— Эдвард! — закричала я. Я поняла, что мои глаза опять закрыты, и вновь открыла их в отчаянной попытке отыскать его лицо.

И мне это удалось. Наконец, я увидела его, самое лучшее лицо в мире, застывшее сейчас маской нерешительности и боли.

— Элис, найди что-нибудь, чтобы зафиксировать ногу! — Карлайл склонился надо мной, он обрабатывал рану на голове.

— Эдвард, поторопись, иначе будет поздно.

С лица Эдварда вдруг сошло всякое выражение. Я смотрела в его глаза и увидела, как сомнение разом уступило место отчаянной решимости. Он стиснул зубы. Я почувствовала, как его холодные сильные пальцы крепко сжали мою горящую кисть.

Он склонился над ней и приложил губы к моей коже.

Поначалу боль стала еще сильнее. Я кричала и билась, а холодные руки держали меня. Я слышала голос Элис, которая старалась меня успокоить. Что-то тяжелое придавило мою ногу к полу, а каменные объятия Карлайла словно тисками сжимали голову.

Затем моя рука стала потихоньку неметь, и я билась все слабее и слабее. Огонь превратился в пепел, теперь я чувствовала его в одной крохотной точке.

Как только боль утихла, сознание стало потихоньку уплывать. Я боялась, что вновь окажусь в толще черной воды, что вновь потеряю его в темноте.

— Эдвард, — постаралась я сказать, но даже голоса своего не услышала. Зато они услышали.

— Он здесь, Белла.

— Не уходи, Эдвард, побудь со мной...

— Я не уйду.

В его напряженном голосе слышались ликующие нотки.

Я успокоено вздохнула. Огня больше не было, а другая боль словно растворилась в сонном оцепенении, разливающимся по телу.

— Ничего не осталось? — откуда-то издалека спросил Карлайл.

— Кровь на вкус чистая, — спокойно отозвался Эдвард. — Я даже почувствовал морфий.

— Белла, — позвал Карлайл.

Я попыталась ответить:

— Мммм?

— Больше не жжет?

— Нет, — вздохнула я. — Спасибо, Эдвард.

— Я люблю тебя, — ответил он.

— Я знаю, — выдохнула я сквозь усталость.

Раздался мой любимейший звук — его тихий смех, еле слышный от облегчения.

— Белла? — снова спросил Карлайл.

Я нахмурилась — мне так хотелось спать!

— Что?

— Где твоя мать?

— Во Флориде, — вздохнула я. — Он обманул меня, Эдвард. Он смотрел наши старые записи.

Гнев в моем голосе был не громче мышиного писка.

Но тут я вспомнила.

— Элис, — я постаралась открыть глаза. — Элис, камера — он знал тебя, Элис, и знал, откуда ты.

Мне хотелось говорить настойчиво, но голос был слишком слаб.

— Пахнет бензином, — добавила я, удивленная, несмотря на туман в голове.

— Пора ее уносить отсюда, — сказал Карлайл.

— Не надо, я хочу спать, — жалобно сказала я.

— Ты и будешь спать, милая, а я тебя понесу, — успокоил меня Эдвард.

И он взял меня на руки, прижал к груди. Я плыла по воздуху, и боли больше не было.

— Теперь спи, Белла— после этих слов я уже ничего не слышала.

Глава 24. Тупик

Я открыла глаза, и в них ударил яркий белый свет. Я была в незнакомом месте — в какой-то белой комнате. Стену рядом со мной скрывали высокие вертикальные жалюзи. Над головой ослепительно ярко горела лампа. Я лежала высоко на твердой неровной кровати с железными поручнями. Подушка была плоской и комковатой. Откуда-то доносился назойливый звук: бип, бип, бип. Надеюсь, это значило, что я еще жива. Вряд ли мертвые испытывают столько неудобств.

Мои руки были плотно опутаны прозрачными трубочками, а к лицу, под самым носом, было приклеено еще что-то. Я попыталась содрать это.

— Нет-нет, нельзя.

И прохладные пальцы поймали мою руку.

— Эдвард?

Я слегка повернула голову и тут же увидела его красивое тонкое лицо — он опирался подбородком о край моей подушки. Я вновь осознала, что жива, но на этот раз — с восторгом и благодарностью.

— Ох, Эдвард, прости меня!

— Ш-ш-ш, — успокоил он меня. — Теперь уже все в порядке.

— Что было?

Я ничего толком не помнила — сознание восставало против любой попытки вернуться в прошлое.

— Я чуть не опоздал. Я почти опоздал, — с болью ответил он.

— Я была такой дурой, Эдвард. Думала, что у него моя мама.

— Он провел всех нас.

— Надо позвонить маме и Чарли, — осознала я сквозь туман в голове.

— Элис им уже сообщила. Рене здесь — я имею в виду, в больнице. Она отправилась перекусить.

— Она здесь?

Я попыталась сесть, но у меня закружилась голова, и его рука осторожно толкнула меня обратно на подушку.

— Она скоро вернется, — пообещал он. — А тебе нужно лежать спокойно.

— Но что, что вы ей сказали? — в панике спросила я.

Меньше всего мне хотелось, чтобы меня успокаивали, как ребенка. Мама была здесь, а я выздоравливала после нападения вампира.

— Как вы объяснили ей, что я здесь?

— Ты споткнулась, упала и пересчитала два пролета лестницы, а затем вывалилась в окно, — он сделал паузу. — Признай, что с тобой такое вполне могло случиться.

Я вздохнула и тут же почувствовала боль. Я посмотрела вниз, на свое тело, скрытое простыней. Нога возвышалась бесформенной глыбой.

— И что мы тут имеем? — спросила я.

— Сломана нога и четыре ребра. Несколько трещин в черепе. Все твое тело — один сплошной синяк. Ты потеряла много крови, и тебе сделали несколько переливаний, к моему неудовольствию. Какое-то время ты пахла просто невообразимо.

— Эта перемена должна была тебя порадовать.

— Нет, мне же нравится *твой* запах.

— Как тебе это удалось? — спокойно спросила я. Он сразу понял, что я имела в виду.

— Сам не знаю.

Он не ответил на мой испытующий взгляд и нежно взял мою забинтованную руку в свои, стараясь не нарушить провода, тянувшиеся к одному из мониторов.

Я терпеливо ждала продолжения.

Не поднимая глаз, он вздохнул.

— Остановиться было... просто невозможно, — прошептал он. — Невозможно. Но я остановился. — Он наконец взглянул мне в лицо и слабо улыбнулся. — Я и вправду тебя люблю.

— Неужели мой вкус хуже, чем запах? — я улыбнулась в ответ, но оказалось, что это больно.

— Лучше. Лучше, чем можно было себе представить.

— Прости, — виновато сказала я.

Он возвел глаза к потолку.

— И это именно то, за что стоит извиняться, повзрослому?

— А за что стоит?

— За то, что чуть не отняла себя у меня навеки.

— Прости, — повторила я.

— Я знаю, почему ты это сделала, — примирительно сказал он. — Разумеется, это было совершенно по-дурацки. Надо было дождаться меня или хотя бы рассказать мне все.

— Ты не отпустил бы меня.

— Нет, — мрачно согласился он. — Ни за что.

Отвратительные воспоминания начали возвращаться. Меня передернуло, я поморщилась. Он вдруг встревожился.

— В чем дело, Белла?

— Где Джеймс?

— Как только я оторвал его от тебя, им занялись Эмметт и Джаспер.

В его голосе послышалась свирепая нотка сожаления.

— Я не видела там Эмметта и Джаспера, — недоуменно сказала я.

— Им пришлось выйти из комнаты... Там было очень много крови.

— Но ты остался.

— Да, я остался.

— И Элис, и Карлайл... — я была поражена.

— Им ты тоже дорога, ты же знаешь.

Вспышки болезненных образов, связанных с моей последней встречей с Элис, напомнили мне кое о чем.

— Элис видела запись? — с тревогой спросила я.

— Да.

Новая интонация окрасила его голос — чистая, беспримесная ненависть.

— Она почти не приходила в сознание и поэтому ничего не помнит.

— Я знаю. Теперь она понимает это. — Его голос был ровен, но лицо перекосила ярость.

Я попыталась коснуться его лица свободной рукой, но что-то меня не пускало. Я посмотрела туда и увидела, что к этой руке тянулась капельница.

— Бр-р-р, — поморщилась я.

— Что такое? — с тревогой спросил он. Отвлекся, конечно, но не вполне — взгляд был по-прежнему мрачен.

— Иглы, — объяснила я, стараясь не смотреть на свою руку. Я сосредоточилась на покоробленной плитке на потолке и постаралась дышать глубже, хотя это причиняло боль ребрам.

— Страшные иглы, — пробормотал он себе под нос, покачав головой. — Вампир-маньяк, желающий замучить ее до смерти — это ничто, она бегом бежит ему навстречу. Но капельница...

Я закатила глаза. Приятно было узнать, что хотя бы это движение не причиняет боли. Мне захотелось сменить тему.

— Почему *ты* здесь? — спросила я.

Он воззрился на меня — сперва с недоумением, затем с болью. Его брови сдвинулись на переносице.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Нет! — вскричала я, испугавшись самой мысли об этом. — Я имела в виду, как ты объяснил маме, почему ты здесь? Надо сверить легенду до того, как она здесь появится.

— А-а, — сказал он, и его лоб снова стал гладким, как мрамор. — Я приехал в Финикс, чтобы вложить в твою голову немного здравого смысла, иными словами, убедить вернуться в Форкс. — Взгляд его широко открытых глаз был настолько серьезен и искренен, что я сама почти поверила ему. — Ты согласилась повидаться со мной и приехала в отель, где я остановился с Карлайлом и Элис — разумеется, я прибыл под родительским присмотром, — вставил он с самым добродетельным видом, — Но, споткнувшись на лестнице по пути в мою комнату... остальное ты знаешь. Не нужно вдаваться в подробности, ты имеешь полное право на небольшие провалы в памяти.

Я немного подумала.

— В этой истории есть к чему придраться. Например, к отсутствию разбитых окон.

— А вот и нет, — возразил он. — Элис порезвилась не на шутку, фабрикуя доказательства. Место происшествия выглядит более чем убедительно — если хочешь, можешь как-нибудь навестить этот отель. Беспокоиться не о чем, — добавил он и коснулся моей щеки легчайшим из прикосновений. — Твоя единственная забота сейчас — выздороветь.

Я была не настолько подавлена болью или действием лекарств, чтобы не отреагировать. Писк монитора сбился и заплясал в рваном ритме — теперь не только Эдвард, а вообще кто угодно мог наблюдать шалости моего сердца.

— Ой, кажется, я влипла, — смущенно пробормотала я себе под нос.

Он засмеялся, и в глазах загорелся исследовательский огонек.

— Ну-ка, интересно...

Он медленно наклонился. Едва его губы приблизились ко мне, монитор дико зачастил. Но стоило им коснуться меня (хотя это прикосновение было легче пуха), наступила полная тишина. Он тут же отодвинулся, и тревога на его лице сменилась облегчением только тогда, когда монитор возвестил о возвращении моего сердца к работе.

— Кажется, теперь придется обращаться с тобой еще осторожнее.

Он нахмурился.

— Я только-только начала тебя целовать, — жалобно сказала я. — Не заставляй меня прыгать с кровати.

Он усмехнулся и, наклонившись, легонько прижал свои губы к моим. Монитор словно взбесился.

Но вдруг он застыл и выпрямился.

— Кажется, я слышу шаги твоей мамы, — сказал он, снова усмехаясь.

— Не уходи, — вскрикнула я, и меня охватил необъяснимый приступ паники. Я не могла отпустить его — ведь он снова мог взять и исчезнуть!

За долю секунды он оценил градус страха в моих глазах.

— Я не уйду, — торжественно пообещал он и улыбнулся. — Я лучше вздремну.

Он поднялся и переместился с твердого пластикового кресла рядом со мной на ярко-голубую кушетку из искусственной кожи, стоявшую в ногах кровати. Он откинулся назад, закрыл глаза и неподвижно застыл.

— Не забудь дышать, — саркастическим шепотом напомнила я. Не открывая глаз, он сделал глубокий вдох.

Теперь и я услышала маму. Она говорила с кем-то, должно быть, с медсестрой, ее голос звучал устало и напряженно. Мне хотелось вскочить и побежать к ней, утешить, пообещать, что все будет хорошо. Но, поскольку вскакивать я пока была не в состоянии, пришлось, сгорая от нетерпения, ждать ее лежа.

Дверь со скрипом отворилась, и она заглянула внутрь.

— Мам! — прошептала я голосом, полным любви и облегчения.

Она мельком оглядела неподвижную фигуру Эдварда на кушетке и на цыпочках подошла ко мне.

— Все время тут — как привязанный! — пробормотала она про себя.

— Мама, я так рада тебя видеть!

Она наклонилась, нежно обняла меня, и я почувствовала, как на мои щеки упали ее теплые слезы.

— Белла, я так переволновалась!

— Прости, мам! Сейчас уже все хорошо, правда, — утешала я ее.

— Какое счастье наконец увидеть твои открытые глаза! — она присела на край моей кровати.

Я неожиданно поняла, что даже приблизительно не знаю, какой сегодня день.

— И сколько времени они были закрыты?

— Сейчас пятница, зайка, ты пробыла без сознания какое-то время.

— Пятница!

Я была в шоке. Я постаралась вспомнить, какой был день, когда... но мне не хотелось думать об этом.

— Тебя пришлось поддерживать на лекарствах, потому что было очень много ран...

— Да, я знаю.

Я их чувствовала.

— Тебе так повезло, что там был доктор Каллен. Он такой хороший человек... хотя и очень молод. И больше похож на фотомоделю, чем на доктора...

— Ты познакомилась с Карлайлом?

— И с сестрой Эдварда, Элис. Такая приятная девушка...

— Да, очень, — от всего сердца согласилась я.

Она глянула поверх плеча на Эдварда, лежавшего с закрытыми глазами на кушетке.

— Ты мне не говорила, что у тебя в Форксе есть такие хорошие друзья.

Я вздрогнула и тут же застонала.

— Где болит? — с тревогой спросила она, поворачиваясь ко мне. Эдвард открыл глаза и посмотрел мне в лицо.

— Все в порядке, — заверила я обоих. — Я просто забываю, что мне нельзя двигаться.

Он снова погрузился в сон.

Я воспользовалась тем, что мама отвлеклась, и сменила тему — нельзя было позволять ей углубляться в расспросы по поводу моей скрытности.

— А где Фил? — быстро спросила я.

— Флорида... Ой, Белла! Ты ни за что не догадаешься. Только мы собрались уезжать, как — бах! — отличные новости!

— Фила приняли в команду? — попыталась я.

— Да! И как ты догадалась? Его приняли в «Санз», можешь поверить?

— Здорово, мам, — ответила я бодро, насколько могла, правда, я и понятия не имела, что это значило.

— Тебе так понравится Джексонвиль, — быстро затараторила она, а я уставилась на нее в недоумении. — Я как-то забеспокоилась, когда Фил заговорил об Эйкроне, ведь там снег и все такое, а ты знаешь, как я ненавижу холод, и вдруг Джексонвиль! Там всегда солнечно, а влажность — это

совсем не так плохо! Мы нашли прекрасный домик — желтый с белой отделкой, там есть терраса, как в каком-нибудь старом фильме, и во-от такущий дуб во дворе, а до океана идти всего несколько минут. У тебя будет своя ванная и...

— Погоди, мам, — перебила я. Эдвард не открывал глаз, но был слишком напряжен, чтобы сойти за спящего. — О чем ты говоришь? Я не поеду во Флориду, я останусь в Форксе.

— Но тебе больше не надо жить в Форксе, глупенькая, — засмеялась она. — Фил теперь сможет проводить дома гораздо больше времени! Мы много говорили об этом, и я собираюсь реже бывать на выездных играх: половину времени с тобой, половину — с ним.

— Мам, — я нерешительно остановилась, раздумывая, как бы поаккуратнее ей все объяснить. — Я *хочу* жить в Форксе. Я освоилась в школе, у меня там есть пара хороших подруг, — стоило упомянуть о дружбе, как мама бросила взгляд в сторону Эдварда. Так что пришлось зайти с другой стороны. — И я нужна Чарли. Он там *совсем* один, и он *вообще* не умеет готовить.

— Ты хочешь остаться в Форксе? — спросила она, совершенно сбитая с толку. Эта мысль не укладывалась у нее в голове. И она снова искоса глянула на Эдварда. — Но почему?

— Я же говорю — школа, Чарли... ай, — это я пожала плечами. Не лучшая идея.

Ее руки бестолково запорхали вокруг меня, выбирая место, которое можно было бы успокоительно похлопать. Наконец, она обнаружила мой незабинтованный лоб.

— Белла, солнышко, но ведь ты ненавидишь Форкс, — напомнила она мне.

— Ну, он не так уж плох.

Она нахмурилась и стала переводить взгляд с Эдварда на меня и обратно, на этот раз более решительно.

— Это из-за него? — шепотом спросила она.

Я открыла рот, чтобы соврать, но мама пристально смотрела мне в лицо, и я поняла, что она раскусит мгновенно любую ложь.

— Частично да, — признала я. Не обязательно было признаваться в том, насколько велика эта часть.

— Ты уже говорила с Эдвардом? — спросила я.

— Да. — Она колебалась, глядя на его совершенно неподвижную фигуру. — И я хотела бы обсудить это с тобой.

Ой-ой-ой.

— Что именно? — спросила я.

— Я думаю, что он влюблен в тебя, — тихим голосом обвинила она меня.

— И я так думаю, — я не стала отпираться.

— А что ты к нему чувствуешь?

Она почти не старалась скрыть жадный интерес. Я вздохнула и отвела глаза. Как я ни любила маму, не хотелось говорить с ней об этом.

— Я от него просто без ума.

Пожалуй, так — вполне подходящие для девушки-подростка слова о первом бойфренде.

— Он, *вроде бы*, хороший парень и — мой ты бог! — редкостный красавец, но, Белла, подумай, ты же еще совсем ребенок...

Ее голос звучал неуверенно. Насколько я помню, последний раз мама пыталась изобразить родительский авторитет, когда мне было восемь. Этот разумный-но-принципиальный тон был мне знаком по нашим с ней прошлым беседам о мужчинах.

— Я знаю, мам. Не волнуйся, это просто увлечение, — успокоила я ее.

— Ну хорошо, — легко согласилась она. Ей очень хотелось услышать что-нибудь подобное.

Потом она вздохнула и виновато посмотрела через плечо на большие настенные часы.

— Тебе надо идти?

Она закусил губу.

— Фил должен позвонить с минуты на минуту... Я не думала, что ты сегодня очнешься...

— Ничего, мам. — Я постаралась скрыть свое облегчение, чтобы не ранить ее чувства. — Я буду не одна.

— Я скоро вернусь. Знаешь, я здесь ночи проводила... — объявила она, гордая собой.

— Что ты, мама, зачем это? Ты можешь ночевать дома — я даже не замечу.

Коктейль из болеутоляющих не позволял как следует сконцентрироваться даже сейчас, после того, как я проспала несколько дней.

— Я просто нервничала, — покорно призналась она. — В нашем районе было совершено преступление, и мне не хотелось оставаться одной дома.

— Преступление? — заволновалась я.

— Кто-то взломал танцевальную студию рядом с нашим домом и сжег ее дотла — вообще ничего не осталось! А у ворот нашли украденную машину. Помнишь эту студию, зайка, ты туда ходила когда-то?

— Да, помню. — Я вздрогнула и поморщилась от боли.

— Я могу остаться, доча, если хочешь.

— Не надо, мама. Все будет в порядке. Эдвард побудет со мной.

Кажется, как раз из-за этого она и хотела остаться.

— Вечером я вернусь.

Поскольку она смотрела на Эдварда, эти слова прозвучали не только как обещание, но и как предостережение.

— Я тебя люблю, мам.

— Я тебя тоже люблю, Белла. Будь поосторожнее, когда идешь куда-нибудь, я не хочу потерять тебя.

Эдвард глаз не открыл, но на его лице мелькнула широкая ухмылка.

В палату торопливо вошла медсестра, чтобы проверить мои трубочки и проводки. Мама поцеловала меня в лоб, похлопала по забинтованной руке и ушла.

Медсестра тем временем просматривала ленту записи моего кардиомонитора.

— Тебя что-то беспокоит, детка? Вот здесь что-то очень уж высокий ритм...

— Нет, все в порядке, — заверила я ее.

— Я скажу доктору, что ты проснулась. Она через пару минут придет тебя проведать.

Как только за ней закрылась дверь, Эдвард вернулся на прежнее место у моей кровати.

— Ты украл машину? — спросила я, подняв брови.

Он улыбнулся без тени сожаления.

— Отличная была тачка, очень быстрая.

— Как спалось?

— Видел интересный сон. — Он прищурился.

— Правда?

Он отвел глаза.

— Я такого не ожидал. Я думал, Флорида... и мама рядом.... Мне казалось, это как раз то, что тебе нужно...

Я непонимающе посмотрела на него.

— Но ведь во Флориде тебе пришлось бы сидеть целый день взаперти. Ты выходил бы только по ночам, как настоящий вампир.

Он начал было улыбаться, но вдруг снова посерьезнел.

— Я остался бы в Форксе, Белла. Или в любом другом месте вроде Форкса. Там, где я не мог бы влиять на твою жизнь.

Поначалу я не поняла, что он хочет сказать. Я тупо смотрела на него, пока слова одно за другим не сложились в некий ужасающий паззл. Я не слышала, как все быстрее пищал кардиомонитор, но по резкой боли в протестующих ребрах я поняла, что дышу, как загнанная лошадь. Он ничего не говорил, с тревогой наблюдая за тем, как боль, не имеющая отношения к сломанным костям, боль бесконечно сильнее физической грозила уничтожить меня.

Тут в палату решительным шагом вошла другая медсестра. Эдвард хранил каменную неподвижность. Она наметанным глазом оценила мое состояние, даже не взглянув на мониторы.

— Пора принять обезболивающие, детка? — подоброму спросила она, пощелкивая пальцем по трубке капельницы.

— Нет-нет, — пробормотала я, стараясь не показать своего состояния. — Мне ничего не нужно.

Сейчас я ни в коем случае не могла позволить себе закрыть глаза.

— Не надо храбриться, девочка. Лучше не трать напрасно силы, тебе надо отдохнуть.

Она подождала еще, но я покачала головой.

— Ну ладно, — вздохнула она. — Нажми на кнопку вызова, когда будешь готова.

Она бросила на Эдварда суровый взгляд, затем тревожно посмотрела на мониторы и вышла.

Его холодные руки тут же коснулись моего лица. Я смотрела на него дикими глазами.

— Тише, Белла, успокойся.

— Не уходи, — срывающимся голосом взмолилась я.

— Не уйду, — пообещал он. — Теперь расслабься, а я позову медсестру, и она даст тебе лекарство.

Но мое сердце билось по-прежнему часто.

— Белла, — он взволнованно гладил мое лицо. — Я здесь, я никуда не уйду. Я буду здесь

столько, сколько тебе будет нужно.

— Клянешься, что не оставишь меня? — прошептала я.

Я старалась сдерживать хотя бы свое судорожное дыхание — бока уже болели вовсю.

Он обхватил обеими руками мое лицо и очень близко наклонился ко мне. Его широко раскрытые глаза смотрели очень серьезно.

— Клянусь.

Запах его дыхания сразу успокоил меня, он, казалось, был бальзамом для моих несчастных ребер. Эдвард смотрел мне в глаза, пока мое тело медленно расслаблялось, а сигнал кардиомонитора возвращался к нормальному ритму. Его глаза были темными, ближе скорее к черному, чем к золотому.

Он покачал головой и пробурчал нечто неразборчивое. Кажется, я расслышала что-то вроде «гиперчувствительность».

— Почему ты так говоришь? — прошептала я, стараясь, чтобы голос не задрожал.— Ты что, устал меня все время спасать? Хочешь, чтобы я куда-нибудь исчезла?

— Нет, я совсем не хочу расставаться с тобой, Белла, не глупи. И мне вовсе не в тягость тебя спасать... если забыть о том, что именно я навлекаю на тебя опасности... что именно из-за меня ты здесь...

— Да, из-за тебя, — я нахмурилась. — Из-за тебя я здесь — *живая*.

— Еле живая. — Его голос почти превратился в шепот. — Вся в гипсе и бинтах, едва способная двигаться.

— А я имела в виду вовсе не последний свой опыт почти-гибели, — ответила я, начиная раздражаться. — Я вспомнила обо всех предыдущих — выбирай любой. Если бы не ты, я бы уже гнила в могиле на кладбище Форкса.

При этих словах он поморщился, но затравленное выражение не исчезло из его глаз.

— И это еще не самое худшее, однако, — продолжал он шепотом свою мысль, словно вообще не слышал меня. — Не то, что ты лежала на полу, как сломанная кукла, — он задыхался. — Не мысль о том, что я опоздал. Даже не то, как ты кричала от боли — эти невыносимые воспоминания я унесу с собой в тот остаток вечности, что мне уготован. Нет, самое страшное — думать... нет, знать, что я не смогу остановиться. Понимать, что вот-вот я сам убью тебя.

— Но ты не убил меня.

— Я мог. И очень легко.

Я понимала, что надо сохранять спокойствие. Но он пытался уговорить себя расстаться со мной, и панический страх бился в моих легких, прорываясь наружу.

— Обещай мне, — прошептала я.

— Что?

— Ты знаешь что.

Я уже начинала злиться. Как упрямо он цеплялся за черные мысли!

Он услышал перемену в моем голосе. Его взгляд стал жестче.

— Раз я не настолько силен, чтобы держаться от тебя подальше, придется тебе делать выбор самой. Независимо от того, убьет тебя это или нет, — грубовато добавил он.

— Хорошо.

Он не дал обещания, и это от меня не укрылось. Панику удалось сдержать, но на гнев сил не хватило.

— Ты сказал мне, как остановился...а теперь я хочу знать, почему.

— Почему что? — настороженно повторил он.

— Почему ты сделал это. Почему нельзя было просто позволить яду сделать свое дело? Сейчас я уже была бы

такой же, как ты.

Глаза Эдварда внезапно стали черны, как уголь. Тут я вспомнила, что он всегда старался скрыть от меня то, о чем я завела речь. Элис, должно быть, была погружена в мысли о своем новообретенном прошлом или научилась отлично контролировать себя в его присутствии — так или иначе, Эдвард не знал о том, что она посвятила меня в тайну превращения в вампира. Он изумился и рассвирепел. Его ноздри раздувались, а рот казался вырезанным из камня.

Он не собирался отвечать на мой вопрос — это было яснее ясного.

— У меня, разумеется, мало опыта в отношениях полов, но мне кажется логичным, что мужчина и женщина должны быть равны хотя бы в чем-то. Во всяком случае, один из них не должен постоянно падать ястребом с небес, спасая другого. Надо, что бы они в *равной* степени спасали друг друга.

Он положил скрещенные руки на край моей кровати и опустил на них подбородок. Его лицо смягчилось, гнев ушел. Он, очевидно, решил, что ему нет смысла злиться *на меня*. Я надеялась, что успею предупредить Элис прежде, чем он возьмется за нее.

— Ты *и так* уже спасла меня, — спокойно сказал он.

— Я не могу быть вечной Лоис Лейн, — настаивала я.
— Я тоже хочу быть Суперменом.

— Ты сама не понимаешь, о чем просишь, — мягко ответил он, прожигая взглядом край моей подушки.

— Мне кажется, понимаю.

— Нет, *не* понимаешь. У меня было почти девяносто лет, чтобы подумать, а я до сих пор ни в чем не уверен.

— Ты жалеешь, что Карлайл тогда не дал тебе умереть?

— Нет, не жалею. — Он остановился, прежде чем продолжить. — Но моя жизнь была кончена. Я не оставлял ничего в этом мире.

— Моя жизнь — это *ты*. Ты — это единственное, что мне было бы больно потерять.

Мне стало легче оттого, что я сказала это. Оказалось, очень просто было признаться, как сильно я нуждалась в нем.

Однако, он остался спокоен. Он уже все решил.

— Я не могу сделать это, Белла. Я не сделаю этого с тобой.

— Почему? — горло саднило, и мои слова прозвучали тише, чем мне бы хотелось. — Только не говори, что это слишком трудно! После того, что было вчера... несколько дней назад... ну ладно, после того, что *было*, это просто раз плюнуть!

Он сурово воззрился на меня и спросил:

— А как же боль?

Я растерялась. Ничего не смогла с этим поделать. По крайней мере, я постаралась, чтобы на моем лице не отразилось то, насколько ясно я помню это ощущение — огонь, растекающийся по венам...

— Это моя проблема, — ответила я. — Я справлюсь.

— Очень легко увлечься и перескочить грань, отделяющую бесстрашие от безумия.

— Это не тот случай. Подумаешь, три дня.

Эдвард поморщился — мои слова напомнили ему, что я против его воли добыла запретное знание. Я наблюдала за тем, как его гнев уходит внутрь, а глаза вновь приобретают чуть насмешливое выражение.

— А Чарли? — иронично спросил он. — И Рене?

Шли минуты, а ничего дельного не приходило мне в голову. Я открыла рот, но не смогла издать ни звука, и пришлось снова его закрыть. Эдвард ждал, и на его лице все сильнее проступало чувство превосходства — было понятно, что у меня не нашлось достойного ответа на его выпад.

— Знаешь, это тоже не проблема, — наконец пробормотала я. Неуверенный голос вечно выдавал

меня, когда приходилось врать. — Рене всегда делала то, что было лучше для нее, думаю, она ждет того же от меня. А Чарли привык всегда быть один. Не могу же я до конца своих дней заботиться о них! У меня должна быть и своя жизнь.

— Точно, — подхватил он. — И я не собираюсь в угоду тебе ее прерывать.

— Если ты ждешь, пока я окажусь на смертном одре, то у меня новость: я уже там!

— Вообще-то, ты выздоравливаешь, — напомнил он.

Стараясь не замечать боли в ребрах, я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и пристально посмотрела ему в глаза. Он уверенно встретил мой взгляд — сдаваться он не собирался.

— Вообще-то, нет, — медленно проговорила я.

Его лоб прорезала морщина.

— Разумеется, выздоравливаешь. Ну, может, останется один-два шрама.

— Ты не прав, — настаивала я. — Я умираю.

— Ну что ты, Белла! — он уже встревожился. — Ты выйдешь отсюда через несколько дней. Самое большее — через две недели.

Я яростно смотрела на него.

— Может, сейчас я и не умру, но когда-нибудь — обязательно. Каждый день, каждую минуту я все ближе к этому моменту. И еще — я *постарею*.

Он нахмурился — до него постепенно дошло, что я имею в виду. Он прижал длинные пальцы к вискам и закрыл глаза.

— Да, так всегда бывает. Так должно быть. Так и было бы, если бы не я — а меня *быть не должно*.

Я фыркнула. От удивления он открыл глаза.

— Ну и глупость. Это все равно что прийти к человеку, который выиграл в лотерею, забрать у него деньги и сказать: «Слушай, гони все назад и вернемся

к тому, как должно быть. Так оно лучше». Со мной этот номер не пройдет.

— Едва ли меня можно назвать джекпотом, — огрызнулся он.

— Точно. Ты круче.

Он закатил глаза и сжал губы.

— Белла, больше мы не будем это обсуждать. Я отказываюсь обречь тебя проклятию вечной ночи, и кончено.

— Если ты думаешь, что я на этом успокоюсь, то ты меня плохо знаешь. У меня есть другие знакомые вампиры.

Его глаза снова почернели.

— Элис не посмеет.

И на секунду он стал настолько страшен, что пришлось в это поверить — невозможно было вообразить никого, кто решился бы схлестнуться с ним.

— Элис видела это, ведь так? — догадалась я. — Поэтому тебя выводит из себя то, что она говорит. Она знает, что я стану такой же, как ты... когда-нибудь.

— Она ошибается. Она видела тебя мертвой, а ты жива.

— Я никогда не буду ставить против Элис.

Мы долго смотрели друг на друга. Тишину нарушало только тихое урчание приборов, писк монитора, падение капель и тиканье больших часов на стене. Наконец, его лицо смягчилось.

— Так к чему мы пришли? — спросила я.

Он нерадостно засмеялся.

— Кажется, это называется «тупик».

Я вздохнула и пробормотала:

— Вот как.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, не сводя глаз с кнопки вызова медсестры.

— Нормально, — соврала я.

— Не верю, — мягко сказал он.

— Я не собираюсь спать.

— Тебе надо отдохнуть. Все эти споры тебе ни к чему.

— Тогда признай свое поражение, — предложила я.

— Отличный ход, — он потянулся к кнопке.

— Нет!

Но он не обращал на меня внимания.

— Да? — квакнул динамик на стене.

— Пожалуй, мы готовы принять болеутоляющее, — спокойно сказал он, не глядя на мое разъяренное лицо.

— Я пришлю медсестру, — отозвался скучающий голос.

— Я не буду ничего принимать, — пообещала я.

Он посмотрел на пакеты с жидкостями, закрепленные на стойке капельницы.

— Едва ли тебя попросят что-нибудь проглотить.

Мое сердце забилось быстрее. Он увидел страх в моих глазах и устало вздохнул.

— Белла, у тебя все болит. Тебе нужно расслабиться, чтобы выздороветь. Почему ты так упрямисься? В тебя не будут втыкать дополнительных иглоков.

— Я не боюсь иглоков — проговорила я. — Я боюсь закрыть глаза.

Он улыбнулся одним уголком рта и взял в ладони мое лицо.

— Я же говорил тебе, я никуда не денусь. Не бойся. Пока мое присутствие делает тебя счастливой, я буду здесь.

Я улыбнулась в ответ, хотя от этого заболели щеки.

— Придется остаться со мной навсегда, ты же понимаешь.

— Что ты, все не настолько сурово — я же просто увлечение.

Я недоверчиво покачала головой — комната тут же поплыла перед глазами.

— Поразительно даже то, как легко Рене купилась на эту ложь, но чтобы ты!... Ты-то должен лучше знать меня.

— Это одна из прелестей человеческого бытия — все меняется.

Я прищурилась.

— Не задерживай дыхание.

Когда зашла медсестра со шприцем, он смеялся.

— Прошу прощения, — деловито сказала она Эдварду.

Он поднялся, отошел в противоположный угол маленькой комнаты и оперся о стену. Сложив руки на груди, он стал ждать, а я по-прежнему вопросительно смотрела на него. Он спокойно встретил мой взгляд.

— Ну, вот так, дорогая. — Медсестра улыбнулась мне, вводя лекарство в трубку капельницы. — Теперь тебе станет полегче.

— Спасибо, — без энтузиазма откликнулась я. Лекарство подействовало быстро. Почти сразу я почувствовала, как все тело охватывает сладкая истома.

— Вот и славно, — тихо проговорила она, когда мои веки стали смыкаться.

Она, должно быть, вышла из палаты, потому что я почувствовала, как что-то гладкое и прохладное коснулось моего лица.

— Останься, — неразборчиво пробормотала я.

— Хорошо, — пообещал он.

Его голос звучал мелодично, как колыбельная песня.

— Как я и говорил, пока ты счастлива со мной... Пока это благо для тебя.

Я попыталась покачать головой, но она оказалась слишком тяжелой.

— Этт... не одно и то же, — проямлила я.

Он засмеялся.

— Не напрягайся, Белла. Доспоришь со мной, когда проснешься.

Надеюсь, я улыбнулась.

— Ладн....

Я почувствовала у своего уха его губы.

— Я тебя люблю, — прошептал он.

— И я.

— Знаю, — он тихо засмеялся.

Я слегка повернула голову. Он понял, чего я искала, и легко поцеловал меня.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Всегда пожалуйста.

Я совсем поплыла, но изо всех сил боролась с забытьем. Оставалась еще одна вещь, которую я собиралась сказать ему.

— Эдвард, — я сделала усилие, чтобы ясно произнести его имя.

— Да?

— Я ставлю на Элис, — пробормотала я.

И тут меня накрыла ночь.

Эпилог. Важный повод

Эдвард помог мне забраться в свою машину, стараясь не причинить ущерба легким волнам шелка и шифона, цветам, которые он только что приколот к моим тщательно завитым волосам, и загипсованной ноге. Игнорируя при этом мои сердито поджатые губы.

Устроив меня, он сел за руль и выехал задним ходом из узкого длинного проезда.

— И когда же именно ты собираешься мне объяснить, что происходит? — ворчливо спросила я. Я ненавидела сюрпризы, и он отлично это знал.

— Я поражен: ты все еще не догадалась?

Он бросил в мою сторону насмешливую улыбку, и у меня перехватило горло. Неужели я так никогда и не привыкну к его нереальной красоте?

— Я уже говорила, что ты отлично выглядишь? — проверила я.

— Да, — он снова усмехнулся.

Я еще никогда не видела его одетым в черное, и контраст с бледной кожей придавал его внешности что-то совершенно фантастическое. Это было невозможно отрицать, хотя тот факт, что на нем был фрак, заставлял меня нервничать.

Правда, еще больше я нервничала по поводу своего платья. И туфли. Только одной туфли, потому что моя вторая нога была все еще закована в гипс. Острая шпилька, примотанная к ноге шелковыми ленточками, еще сыграет со мной злую шутку, когда я ступлю на грешную землю.

— Я больше не приду к вам, если Элис собирается и впредь обращаться со мной, как с подопытной куклой Барби, — проворчала я.

Большую часть дня я провела в огромной уборной Элис, изображая беспомощную жертву, пока она забавлялась, играя в косметолога и парикмахера. Стоило мне начать ерзать или жаловаться, как она напоминала, что совсем не помнит себя человеком, и просила не лишать ее невинных радостей. Потом она нарядила меня в какое-то нелепое платье — темно-синее, все в оборках и с открытыми плечами, снабженное нечитаемой этикеткой на французском языке. Такое платье годилось скорее для подиума, чем для Форкса. Ничего хорошего не выйдет из этого маскарада, я была уверена. Если только это не... но я побоялась облечь свои мысли в слова, даже про себя.

Меня отвлек телефонный звонок. Эдвард достал из внутреннего кармана свой мобильник, бегло посмотрев на номер звонившего.

— Здравствуйте, Чарли, — настороженно сказал он.

— Чарли?

Я нахмурилась.

Чарли превратился в постоянную головную боль с тех пор, как я вернулась в Форкс. То, что произошло со мной, вызвало у него две четко разделенные реакции. На Карлайла он был готов молиться. Одновременно он свято верил в то, что вина за случившееся лежит на Эдварде — потому что в первую очередь из-за него я уехала из дома. И Эдвард не мог с ним не соглашаться в этом. Чарли установил множество новых правил: часы посещения, комендантский час...

Чарли сказал что-то, что заставило Эдварда сначала округлить глаза от изумления, а затем расплыться в широкой ухмылке.

— Вы шутите! — засмеялся он.

— Что там? — спросила я.

Он не ответил.

— Может быть, дадите мне его на минутку? — предложил он в явном предвкушении. Прошло несколько секунд.

— Привет, Тайлер, это Эдвард Каллен.

Он говорил вполне дружелюбно, но это было обманчивое впечатление. Я знала его достаточно хорошо, чтобы уловить в голосе легкую тень угрозы. Что Тайлер делал у меня дома? Ужасная правда начала доходить до меня. Я оглядела весьма подозрительное платье, в которое нарядила меня Элис.

— Мне жаль, если имело место некоторое недопонимание, но Белла сегодня не свободна. — Голос Эдварда становился все более грозным по мере того, как он приближался к кульминации. — Если быть совершенно откровенным, теперь она будет занята каждый вечер для любого, кроме меня. Я не хотел никого обидеть. Сожалею за испорченный праздник.

В его тоне не было ни капли сожаления. Он резко захлопнул крышку телефона и самодовольно засиял.

От гнева у меня побагровело не только лицо, но и шея. Я почувствовала, как от злости слезы наворачиваются на глаза.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Заключительная часть была резковата? Я не хотел тебя оскорбить.

Я пропустила это мимо ушей.

— Ты тащишь меня на *выпускной*! - заорала я.

Теперь это было до смешного очевидно. Если бы я была чуть внимательнее, я бы, разумеется, обратила внимание на дату на афишах, которыми была уклеена вся школа. Но мне и во сне не могло присниться, что он захочет подвергнуть меня такому испытанию. Он что, совсем меня не знает?

Он не ожидал от меня настолько бурной реакции, это было ясно. Он поджал губы и прищурился.

— Белла, не впадай в истерику.

Я метнула взгляд за окно — мы были уже на полпути к школе.

— Зачем ты делаешь это со мной? — с ужасом спросила я.

Он указал на свой фрак.

— Если честно, Белла, что, ты думала, мы собирались делать?

Я была сражена наповал. Во-первых, потому, что упустила очевидное. И во-вторых, потому, что смутные подозрения — а если честно, ожидания — которые я вынашивала все то время, пока Элис старалась превратить меня в королеву красоты, оказались настолько далеки от истины. Мои обильно приправленные страхом надежды казались сейчас глупее глупого.

Я знала, что назревал какой-то повод, но чтобы *выпускной!* Это последнее, о чем я могла бы подумать.

Сердитые слезы покатались по моим щекам. Я с тоской вспомнила, что ресницы у меня накрашены, и быстро все вытерла, чтобы тушь не потекла. На руке не осталось черных пятен — может быть, Элис предусмотрительно использовала водостойкий макияж?

— Это просто смешно. Почему ты плачешь? — расстроенный, спросил он.

— Потому что я *в бешенстве!*

— Белла.

Он обрушил на меня всю гипнотическую мощь своих мерцающих золотом глаз.

— Что? — пробормотала я, потеряв концентрацию.

— Порадуй меня, — настаивал он.

От золотистого огня расплавилась вся моя ярость. Мне нечего было противопоставить его нечестным приемам. Приняв хорошую мину при плохой игре, я сдалась.

— Ладно, — бросила я, не в силах поддерживать должный накал своего взгляда. — Я пойду туда.

Но ты сам увидишь. Что-то давненько со мной не случилось ничего плохого. Наверное, мне предстоит сломать и вторую ногу. Только посмотри на эту туфлю! Это же смертельный капкан!

И я вытянула ногу в доказательство своих слов.

— Хм-м-м... — он пялился на мою ногу гораздо дольше, чем следовало. — Напомни мне вечером, чтобы я поблагодарил Элис.

— Элис тоже там будет? — это немного успокаивало.

— Да, с Джаспером. И Розали с Эмметтом, — признал он.

Спокойствия как не бывало. В отношениях с Розали перемен не было, хотя я неплохо ладила с ее время-от-времени мужем. Эмметт наслаждался моим обществом — он находил забавными мои чудные человеческие реакции, а может, просто веселился, глядя, как я все время спотыкаюсь. Розали вела себя так, словно я была пустым местом. Покачав головой ответ на свои мысли, я подумала еще кое о чем.

— Чарли тоже в этом замешан? — спросила я, чтобы подтвердить внезапно возникшее подозрение.

— Разумеется, — он широко ухмыльнулся и хихикнул. — Хотя Тайлер, очевидно, нет.

Я сжала зубы. У меня в голове не укладывалось, как Тайлер мог быть так слеп? В школе, где не было Чарли, мы с Эдвардом были неразлучны (за исключением редких солнечных дней).

Мы подъехали к школе. Ярко-красный кабриолет Розали бросался в глаза на стоянке. Облака сегодня были не слишком плотными — далеко на западе сквозь них пробивались отдельные лучики солнца.

Он вышел из машины, открыл мою дверь и протянул мне руку.

Я упрямо сидела на месте, сложив руки на груди, и втайне радовалась своей маленькой победе:

на парковке толпились нарядно одетые люди — свидетели. Вряд ли он решится при них силой вытащить меня из машины, как, возможно, и сделал бы, будь мы одни.

Он вздохнул.

— Когда тебя хотят убить, ты храбрее льва, а когда приглашают на танцы... — он покачал головой.

Я судорожно сглотнула. Танцы.

— Белла, когда я рядом, никто не причинит тебе вреда — даже ты сама. Я не отойду от тебя ни на шаг, обещаю.

Я подумала об этом, и мне вдруг полегчало на душе. Он заметил это.

— Ну же, давай, — мягко сказал он. — Все будет не так уж плохо.

Он наклонился вперед и одной рукой обвил меня за талию. Я взяла его за вторую руку и позволила извлечь себя из машины.

Он крепко обнимал меня, помогая доковылять до школы.

В Финиксе выпускные балы проводили в бальных залах отелей. Здешний выпускной проходил, разумеется, в школьном спортзале. Наверное, это было единственное помещение в городе, годное для танцев. Когда мы вошли, я нервно захихикала. Зал был украшен арками из воздушных шариков и витыми бумажными гирляндами в нежных тонах, развешанными по стенам.

— Похоже на декорацию к фильму ужасов, — давась от смеха, выдала я.

— Что ж, — тихо проговорил он, когда мы подходили к столу дежурного. — Вампиров здесь предостаточно.

Он почти нес меня, мне оставалось лишь не забывать подволакивать ногу.

Я взглянула на танцпол — в центре постепенно пустеющей площадки изящно кружились две пары. Остальные танцоры жались по углам, освобождая

место — никто не хотел соперничать со столь бесспорным великолепием. Эмметт и Джаспер были безупречны в своих классических фраках. Элис сияла красотой в шелковом черном платье с геометрическими разрезами, тут и там открывающими взгляду треугольники ее белоснежной кожи. А Розали... да, Розали разила наповал. Ее пылающее, как огонь, алое платье с открытой спиной плотно охватывало фигуру почти до самых щиколоток, а внизу разлеталось пышным оборчатый шлейфом. Я пожалела всех девушек в этом зале, включая саму себя.

— Хочешь, я запру двери, чтобы вы могли устроить наивным простакам кровавую баню? — заговорщицки прошептала я.

— И на чьей стороне тогда окажешься ты? — спросил он, сверкнув глазами.

— Среди вампиров, конечно.

Он неохотно улыбнулся.

— Готова на все, лишь бы увильнуть от танцев.

— На все.

Он купил билеты и развернул меня лицом к танцполу. Я повисла на его руке и заскребла ногами по полу.

— У меня весь вечер впереди, — предупредил он.

Постепенно он все-таки подтащил меня к центру, туда, где элегантно кружились в танце его братья и сестры — их стиль совершенно не соответствовал ни духу времени, ни музыке. Я с бессильным ужасом наблюдала за происходящим.

— Эдвард, — мое горло настолько пересохло, что из него вылетел только сиплый шепот. — Я правда не умею танцевать.

Я почувствовала, как в груди забурлила паника.

— Не волнуйся, глупышка, — зашептал он в ответ. — Я-то умею.

Он положил мои руки себе на плечи, а потом, приподняв меня над полом, поставил мои ноги поверх своих.

И мы закружились вместе со всеми.

— Я чувствую себя так, словно мне пять лет, — рассмеялась я после нескольких минут непринужденного вальсирования.

— На пять ты не выглядишь, — тихо ответил он и притянул меня к себе — так, что на мгновение мои ноги оказались в воздухе.

Элис поймала мой взгляд, ободряюще улыбнулась, — и я тоже улыбнулась в ответ. Я с удивлением почувствовала, что на самом деле мне почти хорошо.

— Ладно, твоя взяла — это и вправду неплохо, — признала я.

Но Эдвард сердито смотрел в сторону входной двери.

— Что случилось? — в полный голос спросила я.

Проследив за направлением его взгляда, я сначала ничего не могла понять — голова еще кружилась от танцев. Но потом я заметила Джейкоба Блэка — без фрака, но в белой рубашке с длинным рукавом и при галстукке, он пробирался в нашу сторону. Его гладкие волосы были забраны в привычный хвост.

Когда прошел первый шок узнавания, я почувствовала, что почти жалею Джейка. Он не мог, да и не пытался скрыть мучительной неловкости. Как только он встретился со мной взглядом, в его глазах появилось виноватое выражение.

Эдвард чуть слышно зарычал.

— Веди себя прилично, — прошипела я.

— Он хочет поболтать с тобой, — с презрением отозвался Эдвард.

Джейкоб тем временем уже поравнялся с нами, смущение и замешательство еще ярче проступили

на его лице.

— Привет, Белла, я надеялся, что ты придешь, — судя по тону, надеялся Джейкоб как раз на обратное.

Но его улыбка не стала от этого менее лучезарной.

— Привет, Джейкоб, — я улыбнулась в ответ. — Как жизнь?

— Можно мне? — несмело спросил он, в первый раз взглянув на Эдварда.

Я поразились до глубины души, когда поняла, что ему не пришлось поднимать глаза — с момента нашей первой встречи он вырос, должно быть, сантиметров на пятнадцать.

В лице Эдварда не дрогнул ни единый мускул. Не говоря ни слова, он опустил меня на пол и отступил на шаг назад.

— Спасибо, — любезно поблагодарил Джейк.

Эдвард только кивнул в ответ, затем посмотрел на меня со значением и удалился.

Джейк положил руки на мою талию, а я потянулась вверх, чтобы достать до его плеч.

— Ого, Джейк, сколько же в тебе теперь росту?

— Метр восемьдесят пять, — самодовольно ответил он.

Мы даже не танцевали — просто неловко раскачивались из стороны в сторону на одном месте. И причина была не только во мне — из-за стремительного роста Джейк выглядел неуклюжим, как молодой медведь, и танцевал едва ли намного лучше, чем я.

— Так как же случилось, что ты оказался здесь сегодня вечером? — спросила я без особого любопытства. Учитывая реакцию Эдварда, можно было догадаться.

— Поверишь, если я скажу, что папа заплатил мне двадцать баксов за то, чтобы я явился сюда? — с легким

стыдом признался он.

— Почему бы не поверить, — пробормотала я. — Ну что ж, надеюсь, тебе хотя бы весело. Уже присмотрел кого-нибудь? — съязвила я, кивнув в сторону группы девушек, которые выстроились вдоль стены, как разноцветные карамельки.

— Да, — вздохнул он. — Но она занята.

Он на секунду опустил глаза и встретил мой любопытный взгляд. В тот же миг мы оба в смущении отвернулись друг от друга.

— Кстати, ты здорово выглядишь, — несмело добавил он.

— О, спасибо. Так почему же Билли заплатил тебе за то, чтобы ты пришел сюда? — быстро спросила я, хотя уже знала ответ.

Джейкобу перемена темы вряд ли понравилась — он снова смущенно отвернулся.

— Он сказал, что здесь — безопасное место. Похоже, старик впадает в маразм.

Он засмеялся, и я нехотя присоединилась к нему.

— В общем, если я тебе кое-что передам, он даст мне главный тормозной цилиндр, который я искал все это время, — признался он с покорной улыбкой.

— Тогда давай. Мне хочется, чтобы ты доделал машину, — я улыбнулась в ответ.

Джейкоб хотя бы во все это не верил — это немного упрощало ситуацию. Прислонившись к стене, на меня без всякого выражения на лице смотрел Эдвард. Я заметила, как какая-то девушка в розовом платье в робком раздумье поглядывала на него, но он, кажется, ее даже не замечал.

Джейкоб снова отвернулся, едва не покраснев.

— Только не злись, ладно?

— На тебя — ни в коем случае, — заверила я его. — Я даже на Билли не буду злиться. Просто скажи то, что должен сказать.

— Ну... это такой идиотизм, Белла, прости... в общем, он хочет, чтобы ты рассталась со своим парнем. Он просил, чтобы я сказал «пожалуйста», — он покачал головой от отвращения.

— Он все такой же суеверный, да?

— Да. Он просто... чуть с ума не сошел, когда тебя привезли из Финикса. Он не поверил... — застыдившись, Джейкоб не закончил фразу.

Я сощурилась.

— Я упала.

— Я знаю, — быстро ответил он.

— Твой отец думает, что Эдвард имеет к этому какое-то отношение, — это не прозвучало как вопрос. Несмотря на данное обещание, я все-таки рассердилась.

Джейкоб не смел взглянуть мне в глаза. Мы уже перестали делать вид, что танцуем, хотя его руки по-прежнему лежали на моей талии, а мои — у него на плечах.

— Слушай, Джейкоб, я знаю, что Билли не поверит, но я хочу, чтобы ты знал. — Я заговорила спокойно и серьезно, и Джейкоб, почувствовав мою искренность, посмотрел прямо на меня. — На самом деле, Эдвард спас мне жизнь. Если бы не он и не его отец, сейчас я была бы мертва.

— Я понял, — успокоил меня он, и мне показалось, что мои слова возымели какое-то действие. Может быть, эта частица доверия поможет ему хоть немного склонить Билли на мою сторону.

— Эй, мне жаль, что тебе пришлось этим заниматься, Джейкоб, — извинилась я. — По крайней мере, получишь свои детали, правда?

— Да, точно, — тихо ответил он, но по-прежнему выглядел смущенным и расстроенным.

— Неужели это еще не все? — изумилась я.

— Забудь, — пробормотал он. — Найду работу и сам накоплю.

Я сердито смотрела на него до тех пор, пока он не ответил на мой взгляд.

— Ну же, давай, Джейкоб. Выкладывай, что там у тебя.

— Это такая гадость.

— Неважно. Говори, — настаивала я.

— Ладно... Но, слушай, это и правда ужас какой-то. — Он потряс головой. — Он просил сказать тебе, нет, даже не так — *предупредить* тебя, что...ну, ты же понимаешь, это не мое «мы». В общем, — он оторвал руку от моей талии и изобразил в воздухе кавычки — «Мы наблюдаем за тобой».

И с тревогой взглянул на меня, ожидая моей реакции.

Это настолько походило на сцену из какого-нибудь «Крестного отца», что я в голос расхохоталась.

— Бедный Джейк! Ну и поручение, — выдавила я сквозь смех.

— Да ладно! Еще не самое поганое, — он с облегчением улыбнулся во весь рот, а затем быстрым оценивающим взглядом окинул меня с ног до головы. — Так что, передать ему, чтобы убирался к черту? — с надеждой спросил он.

— Нет, — со вздохом ответила я. — Передай ему от меня «спасибо». Я знаю, что он по-своему заботится обо мне.

Песня закончилась, и я опустила руки.

Он нерешительно продолжал держать меня за талию, а затем посмотрел на мою глыбообразную ногу.

— Хочешь еще потанцевать? Или отвести тебя куда-нибудь?

За меня ответил Эдвард.

— Все в порядке, Джейкоб. Теперь снова моя очередь.

Джейкоб отпрянул и круглыми от изумления глазами посмотрел на Эдварда, который стоял прямо рядом с нами.

— Хм-м, я тебя не заметил, — пробормотал он. — Ладно, надеюсь, еще увидимся, Белла.

Он отступил на шаг назад и неловко помахал мне.

Я улыбнулась.

— Да, еще увидимся.

— Прости, — снова сказал он перед тем, как повернуться к двери.

Как только началась следующая песня, руки Эдварда обвились вокруг меня. Для медленного танца она была слишком бодрой, но Эдварда это ничуть не смущало. Я прислонила голову к его груди, совершенно довольная.

— Тебе полегчало? — с иронией спросила я.

— Не совсем, — скупно ответил он.

— Не сердись на Билли, — вздохнула я. — Он волнуется за меня, потому что Чарли — его друг. Здесь нет ничего личного.

— Я не сержусь на Билли, — сухо поправил он. — А вот сын его меня раздражает.

Я отвела голову назад, чтобы взглянуть ему в лицо. Вид у него был очень серьезный.

— Почему?

— Прежде всего, я из-за него нарушил свое обещание.

Я уставилась на него в полном недоумении.

Он слегка улыбнулся.

— Я же обещал, что не отойду от тебя сегодня, — объяснил он.

— А-а-а... Ладно, я тебя прощаю.

— Спасибо. Но есть еще кое-что.

Он нахмурился и замолчал.

Я терпеливо ждала.

— Он сказал, что ты здорово выглядишь, — наконец, решился он. Складка между бровей залегла еще глубже. — Это почти оскорбление, учитывая то, как ты выглядишь сейчас. У меня не достало бы смелости назвать тебя просто красивой.

Я рассмеялась.

— Боюсь, что ты пристрастен.

— Я так не думаю. Не забывай, у меня превосходное зрение.

Мы снова кружились в тесном объятии, мои ноги покоились на его ногах.

— Так ты объяснишь мне наконец, зачем все это? — поинтересовалась я.

Он ответил недоуменным взглядом. Я со значением покосилась на бумажные гирлянды на стенах.

Он на секунду задумался, а потом повернул в другую сторону, и мы, не прерывая танца, стали потихоньку продвигаться сквозь толпу в сторону запасного выхода из спортзала. Я мельком увидела танцующих Майка и Джессику — оба с любопытством смотрели в нашу сторону. Джессика помахала мне, и я ответила быстрой улыбкой. Анджела тоже была здесь. Она вся сияла от счастья в объятиях маленького, на голову ниже нее, Бена Чейни — они не отрывали глаз друг от друга. Ли и Саманта, сердито глядящая на нас Лорен и Коннор — я могла бы назвать по имени каждого, кто был вместе с нами в этом зале. Но вот мы оказались снаружи, в холодном тусклом свете тающего заката.

Как только мы остались одни, он подхватил меня на руки и понес прямо по траве к скамейке, стоявшей в тени земляничных деревьев. Там он уселся и пристроил меня к себе на колени. Луна уже взошла, она то и дело проглядывала сквозь полупрозрачные облака, и лицо Эдварда посверкивало бледными

искрами в ее белом свете. Его рот был сжат, в глазах затаилась тревога.

— Итак, в чем цель? — мягко напомнила я.

Он не услышал, глядя вверх, на луну.

— Снова сумерки, — тихо проговорил он. — Опять конец. Неважно, насколько прекрасен был день — он обязательно должен закончиться.

— Есть вещи, которые могут не заканчиваться, — моментально насторожившись, сквозь зубы сказала я.

Он вздохнул.

— Я привел тебя на выпускной, — медленно начал он, наконец отвечая на мой вопрос, — Потому что я хочу, чтобы ты ничего не упустила. Не хочу, чтобы из-за меня ты лишилась чего-нибудь, если можно этого избежать. Я хочу, чтобы ты оставалась *человеком*. Чтобы твоя жизнь шла так, словно я умер в тысяча девятьсот восемнадцатом году, как должен был.

Меня передернуло от этих слов, и я сердито покачала головой.

— В каком из неведомых параллельных миров я *вообще* оказалась бы на этом выпускном по собственной воле? Да если бы ты не был в тысячу раз сильнее меня, тебе ни за что не удалось бы повернуть это дело!

Он коротко улыбнулся одними губами.

— Ты же сама сказала — было не так уж плохо.

— Потому, что я была с тобой.

Мы с минуту помолчали: он смотрел на луну, а я — на него. Мне очень хотелось найти способ объяснить ему, насколько мало меня интересует эта «нормальная человеческая жизнь».

— Можно тебя кое о чем спросить? — он посмотрел на меня с легкой улыбкой.

— Спрашивай, о чем хочешь.

— Пообещай ответить, — с усмешкой попросил он.

Я поняла, что очень скоро об этом пожалею, но ответила:

— Обещаю.

— Ты, кажется, искренне удивилась, когда поняла, что мы едем сюда, — начал он.

— *Совершенно* искренне, — вставила я.

— Да, совершенно, — согласился он. — Но были же у тебя какие-то предположения? Интересно, для чего, ты думала, я тебя наряжал?

Ага, вот и они — запоздалые сожаления. Я поджала губы в нерешительности.

— Не хочу говорить.

— Но ты обещала, — возразил он.

— Знаю.

— В чем же дело?

Я понимала: он думает, что я просто стесняюсь.

— Боюсь, что ты либо разозлишься, либо расстроишься.

Он сдвинул брови, обдумывая мои слова.

— И все равно я хочу знать. Пожалуйста!

Я вздохнула. Он ждал.

— Ну... Я подумала, что есть... какой-то важный повод. Но никак не предполагала, что это какая-нибудь банальная человеческая ерунда... вроде *выпускного!* — Я фыркнула.

— Человеческая? — неживым голосом переспросил он. Без сомнения, он правильно уловил ключевое слово.

Я опустила глаза и стала теревать легкую шифоновую оборку. Он молча ждал продолжения.

— Ну ладно, — я стремительно раскрыла карты. — Я надеялась, что, может быть, ты передумал... что ты наконец решил *изменить* меня.

С десяток чувств промелькнули одновременно на его лице. Некоторые из них я смогла определить: гнев... боль... а затем он взял себя в руки, и осталось только насмешливое удивление.

— И ты решила, что черный фрак — самая подходящая одежда для этого случая? — съязвил он, коснувшись своего лацкана.

Чтобы скрыть смущение, я сердито уставилась на него.

— Я не знаю, как это делается. По мне, так это гораздо разумнее, чем выпускной.

Он продолжал улыбаться.

— И это не смешно, — добавила я.

— Ты права, совсем не смешно, — улыбка медленно угасла. — Но лучше я отнесусь к этому как к шутке.

— Я говорю серьезно.

Он глубоко вздохнул.

— Я понимаю. Ты что, действительно так этого хочешь?

В его глазах снова стояла боль. Я закусил губу и кивнула.

— Так будь готова к тому, что придет конец— тихо проговорил он как бы про себя. — К тому, что наступят сумерки твоей жизни, которая едва началась. Приготовься расстаться со всем, что у тебя есть.

— Не конец, а начало, — еле слышно возразила я.

— Я этого не стою, — печально сказал он.

— Помнишь, ты говорил мне, что я не в состоянии увидеть ясно саму себя? — спросила я, подняв брови. — Совершенно очевидно, что ты так же слеп.

— Я знаю, что я такое.

Я вздохнула.

Но его подвижное, как ртуть, настроение вдруг переменялось. Он поджал губы и долго изучал мое лицо испытующим взглядом.

— Так ты готова? — спросил он.

— Угм, — я судорожно сглотнула. — Да.

Он улыбнулся и медленно наклонил голову. Прохладные губы коснулись моей шеи чуть пониже уха.

— Готова прямо сейчас? — прошептал он, и его дыхание холодом овеяло мою кожу. Я невольно вздрогнула.

— Да, — шепотом, чтобы не сорвался голос, ответила я. Если он думал, что это блеф, его ждет разочарование. Я приняла решение и была в нем уверена. И неважно, что мое тело одеревенело как доска, руки сжались в кулаки, а рот судорожно хватал воздух...

Он мрачно засмеялся и отодвинулся от меня. Он и вправду был разочарован.

— Нечего думать, что я так легко сдамся, — проговорил он, но в насмешливом тоне мелькнула горькая нотка.

— Девушкам мечтать не вредно.

Он поднял брови.

— И об этом ты мечтаешь? О том, чтобы стать монстром?

— Ну, не совсем об этом, — ответила я, недовольная выбором определения. Тоже мне, монстр. — В основном я мечтаю о том, чтобы всегда быть с тобой.

Его лицо стало мягче и печальнее — он уловил отголосок боли в моем ответе.

— Белла, — его пальцы легко скользили вдоль контура моих губ. — Я останусь с тобой — разве этого недостаточно?

Я улыбнулась его пальцам.

— Достаточно на этот вечер.

Мое упрямство заставило его нахмуриться. Ни один из нас сегодня не сдастся. Его выдох прозвучал почти рыком.

Я коснулась его лица.

— Послушай. Я люблю тебя больше, чем всех людей в этом мире, вместе взятых. Разве этого недостаточно?

— Достаточно, — ответил он, улыбнувшись. — Достаточно на целую вечность.

И он наклонился, чтобы вновь прижаться холодными губами к моему горлу.

Благодарности

Огромное спасибо:

Моим родителям Стиву и Кэнди, за целую жизнь, полную любви и поддержки;

С. за то, что читал мне великие книги в детстве и до сих пор держит меня за руку, когда мне не по себе;

Моему мужу Панчо и сыновьям Гейбу, Сету и Эли за то, что так часто делили меня с моими воображаемыми друзьями;

Моим друзьям в литературном агентстве «Райтерс Хаус»;

Женевьеве Ганье-Хоус за то, что дала мне первый шанс;

Моему агенту Джоди Ример за то, что сделала реальностью самые невероятные мечты;

Моему редактору Меган Тингли за то, что помогла сделать «Сумерки» еще лучше;

Моим братьям Полу и Джейкобу за бесценные консультации по устройству автомобилей;

Моей виртуальной семье — талантливым авторам и читателям fansofrealitytv.com, особенно Кимберли «Шеззер» и Колину «Мантенне» за поддержку, добрые советы и вдохновение.